

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1 во Франции

ВРЕМЯ- УБИЙЦА

Annotation

Начиная с 2016 года Мишель Бюсси безоговорочно лидирует среди детективных авторов Франции, уверенно потеснив недавних любимцев читательской публики. Новый детектив закрепил успех писателя.

Лето 1989-го, Корсика. Юная Клотильда приезжает с родителями и братом на Корсику, родину отца. Волшебное лето, солнце, море, дельфины, музыка, первая любовь и... фатальная автомобильная авария, в которой гибнут родители и брат. В живых останется лишь Кло. Лето 2016-го. Клотильда стала адвокатом, у нее любимый муж и дочь – того же возраста, что была Кло в год трагедии. И вот через двадцать семь лет Клотильда решает вернуться на Корсику, побывать на месте страшной катастрофы вместе со своей семьей – чтобы изгнать прошлое, которое до сих пор не дает ей покоя. Но, прибыв в знакомую деревушку, Клотильда получает письмо... от своей погибшей матери.

В детективе, полном корсиканского обаяния, шума моря, запахов цветов и слепящего солнца, поразительно запутанный и в то же время стройный сюжет сплетен с драматичной и сложной семейной историей. Мишель Бюсси как никто из детективщиков умеет поддерживать напряжение и ритм в каждом абзаце, действие в его книге развивается стремительно, логично и абсолютно непредсказуемо.

-
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 -
 - [I. Ревеллата](#)
 - [II. День Святой Розы](#)
 - [III. Sempre giovani](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)

- [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
-

Мишель Бюсси

Время – убийца

Michel BUSSI
LE TEMPS EST ASSASSIN

© Michel Bussi et Presses de la Cité, un département de Place des Editeurs, 2016

Отрывки из песни *Mala vida*, Jose-Manuel Chao, PATCHANK A, BMG RIGHTS MANAGEMENT (France), 1988

Диалоги из фильма «Голубая бездна» режиссера Люка Бессона

© 1988, Gaumont Remerciements à M. Luc Besson et Gaumont

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

© Елена Клокова, перевод, 2018

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

* * *

*Друзьям
юности, с
которыми не
расстаешься всю
жизнь*

*Овчарня Арканю,
23 августа 1989*

– Кло! Кло!

Ты делаешь мою жизнь невыносимой, скоро я сбегу от тебя!^[1]

– Кло!

Клотильда нехотя сняла наушники. Голос Ману Чао^[2] и записи *Mano Negra* стрекотали в тишине разогретых горячих камней не громче цикад за стенами овчарни.

– Да, что?

– Пора...

Она вздохнула и осталась сидеть на скамье, сбитой из шершавой половины ствола. Окружающий мир мало ее интересовал, когда она устраивалась в непринужденной, почти провокативной позе, прислонялась спиной к каменной стенке и отбивала ногой ритм под *Мало Negra*. Тетрадь на коленях, ручка в руке, мысли витают где-то далеко, она свободна... И совсем не похожа на чопорных корсиканских родственников.

Клотильда сделала громче. Эти музыканты – боги! Она бы душу заложила, чтобы перенестись на концерт *Mano Negra*! Стоять у самой сцены, в мгновение ока повзрослеть на три года и вырасти на тридцать сантиметров. Дергаться в танце, трясая большой грудью, обтянутой пропотевшей черной футболкой.

Клотильда открыла глаза. Николая все еще стоял перед ней и выглядел раздосадованным.

– Кло, тебя все ждут. Папа не станет...

Он был на три года старше, ему уже исполнилось восемнадцать. Со временем может стать адвокатом. Или профсоюзным деятелем. А может, посредником Группы вмешательства^[3], который ведет переговоры с налетчиками, взявшими заложников в банке. Николай обожал демонстрировать, что ему все нипочем. Это внушало ему иллюзию, что он самый крутой, умный и надежный человек на свете. Такой навык в будущем точно пригодится.

Клотильда перевела взгляд на мыс Ревеллата. Луна, прилепившаяся к темному бархату небес, отражалась в море. Клотильде захотелось снова сомкнуть веки и телепортироваться на другую планету. Сделать это легче легкого.

Скоординироваться.

Раз, два, три... занавес!

Нет, нужно воспользоваться последними свободными минутами и дописать в дневнике, пока мечта не улетучилась. Оставить след из слов на белой странице – неотложная необходимость. Главное в жизни.

Моя мечта творится совсем рядом, на пляже Ошелучча, но в далеком будущем... Я узнала утесы, песок, форму бухты, но не себя. Я стала старухой. Бабушкой!

Сколько времени прошло? Две минуты? Клотильда сочинила десять строк, отзвучала *Rock Island Line*^[4]. У *Mano Negra* все песни недлинные.

Но папа воспринял это как вызов. И зря. На сей раз она никого не провоцировала. Он вцепился ей в руку. Сбил наушники. Правый запутался в черных, склеившихся от геля волосах. Ручка упала в пыль, тетрадь осталась валяться на скамейке. Клотильда не успела сунуть ее в сумку или хоть спрятать.

– Мне больно, папа, черт...

Он даже не поморщился. Остался холодным и невозмутимым, как кусок пакового льда, заплывший в Средиземное море.

– Живей, Клотильда. Мы уезжаем в Придзуну^[5]. Все ждут только тебя.

Волосатая мужская рука потянула за запястье. В голую ногу вонзилась колючка. Оставалось надеяться, что бабуля Лизабетта заберет тетрадь, но читать не станет, ей можно доверять.

Только ей...

Отец протасил Клотильду несколько метров, потом слегка подтолкнул в спину, а сам остался сзади. Так взрослые страхуют малышей, делающих первые шаги. Все святое семейство, сидевшее за столом во дворе овчарни, молча наблюдало за происходящим. Восковые лица, пустые винные бутылки, букеты увядших желтых роз. Дедушка Кассаню, бабушка Лизабетта, клан... Филиал музея Гревен^[6]. Инсталляция «Корсиканцы, неизвестные кузены Наполеона». Клотильда героическим усилием сдержала смех.

Папа, конечно, никогда ее не ударит, но до конца каникул еще пять дней, так что придется вести себя поаккуратней, чтобы плеер, наушники и диски не отправились плавать по морю. Изобразим пай-

девочку, иначе прощай, дневник. Если она хочет снова увидеть Наталя, Орофина, Идриль^[7], их детенышей-дельфинчиков и иметь достаточно свободы, чтобы следить за бандой Николая и Марией-Кьярой, следует притвориться «умницей».

Клотильда поняла предупреждение и шустро дошла до машины. Изменения в программе, мы едем в Придзуну? Ладно, она будет слушать корсиканскую полифонию^[8] в часовне, затерянной в зарослях маккии^[9]. Пожертвовать вечером несложно, а вот самолюбием...

Клотильда увидела, как дедушка Кассаню встал из-за стола и посмотрел на папу, а тот сделал ему знак – мол, все хорошо. Взгляд деда почему-то напугал ее. Сильнее, чем всегда.

«Фуэго» стоял на дороге в сторону мыса Ревеллата, мама и Николая уже сели, он подвинулся, освобождая сестре место на заднем сиденье рядом с собой, и понимающе ухмыльнулся. Посещение концерта в забытой всеми святыми церкви, на котором так настаивал папа, досаждало Николая ничуть не меньше, чем Клотильде.

Даже больше. Намного больше. Но притворялся он отлично. Возможно, когда-нибудь он станет президентом республики, как Миттеран, и будет семь лет^[10] стойко сносить все трудности, чтобы переизбраться на новый срок и следующие семь лет снова наслаждаться властью.

Папа ехал быстро. Так часто бывало с тех пор, как у него появился красный «фуэго». Он всегда превышает скорость, когда нервничает. Безмолвная ярость. Этот чертов концерт мечтал послушать только глава семьи. Сейчас он, должно быть, мысленно ворчал на неблагодарных отпрысков и жену, которая их защищает, и сожалел о забытых островных корнях, о культуре народа, уважении к родовому имени, терпимости и терпению. «В кои веки раз попросил посвятить мне один вечер – и то решили покочевряжиться!»

Мелькали повороты. Клотильда снова надела наушники. Она всегда побаивалась корсиканских дорог, даже днем – особенно днем, когда навстречу летела легковушка или автодом. Горные дороги на этом острове – безумный аттракцион! «Папа гонит, чтобы взбодриться, или не опоздать, или занять места в первом ряду под каштанами, но если на дорогу выскочит коза, кабан или любая другая зверушка, нам конец...»

Никакая четвероногая тварь на дорогу не выскочила. Во всяком случае, Клотильда никого не заметила. Жандармы тоже отбросили эту версию.

Это был узкий поворот за мысом Ревеллата, в конце длинного прямого участка дороги по карнизу над двадцатиметровым провалом Петра Кода.

При свете дня вид отсюда открывался головокружительный.

«Фуэго» на полном ходу врезался в ограждение.

Три доски, отделявшие дорогу от бездны, сделали что смогли: поцарапали буфер, вдребезги разбили фары, треснули.

И разломились.

Машина продолжила двигаться по прямой, как герой рисованных мультиков, который бежит-бежит-бежит в пустоте, останавливается, с изумлением смотрит под ноги, ударяется в панику... и камнем летит вниз.

Клотильда это почувствовала. Поняла, что колеса «Фуэго» не касаются земли. Что реальный мир исчезает, растворяется. Как пробел в мозгу – нечто, что не может случиться, не взаправду, не с ними, не с ней.

Она думала об этом долю секунды, потом мир взорвался и автомобиль дважды ударился о скалы. Голова и грудная клетка папы раскололись от столкновения с рулем, когда машина в вертикальном полете начала биться о камни. Во время второго кульбита «Фуэго» налетел на острый выступ, тот пробил дверцу и мамину грудь. На третьем крыша раскрылась над ними, как стальная челюсть.

Последний удар.

Машина замерла в шатком равновесии в десяти метрах над спокойной морской гладью.

И наступила тишина.

Николя сидел рядом. С прямой спиной. Пристегнутый.

Он никогда не станет не только президентом, но даже профсоюзным лидером на каком-нибудь занюханном предприятии. Убит. Стал жертвой «наковальни». Скорлупа, воробьиный хрящик, схрумканный чудовищем. Искореженная крыша превратила брата в тряпичную куклу.

Он смотрит в вечность закрытыми глазами.

Раз, два, три. Занавес!

Странно, но у Клотильды ничего не болело. Позже жандармы объяснили, что машина перевернулась трижды и три удара о камни убили трех пассажиров. Как киллер, у которого в револьвере оказалось всего три пули.

Она весила килограммов сорок, не больше, и сумела выбраться через разбитое окно, не порезав ни руки, ни ноги, не порвав платье, и, не осознавая, что делает, начала карабкаться наверх.

Она никуда не ушла. Опустилась на землю и уставилась на тела, залитые кровью и бензином, на мозги, вывалившиеся из черепных коробок. Минут через двадцать ее обнаружили жандармы, пожарные и десятки спасателей, прибывшие на место аварии.

У Клотильды было сломано запястье, треснули три ребра, вылетела коленная чашечка... Ерунда.

Чудо.

– Ничего страшного, – сказал старый врач, склонившись над ней в синеватом свете полицейских фар. – Так-то вот!

Ничего?

Ничего – это все, что у нее осталось.

Папу, маму и Николая упаковали в длинные белые мешки для мусора. Люди бродили между красными скалами, вглядываясь в землю, как будто искали разбросанные части тел.

– Нужно жить, мадемуазель, – сказал молодой полицейский, набросив на плечи Клотильде серебристое термоодеяло. – Жить ради них. Чтобы помнить.

Она посмотрела на него, как на придурка или на кюре, вещающего о рае. Между тем он был прав. Забываются даже худшие воспоминания, если нагромоздить сверху много других. Даже те, что обескровили вам сердце и иссушили мозг, даже самые интимные.

Потому что окружающим нет до них дела.

Двадцать семь лет спустя

I. Ревеллата

2

12 августа 2016

– Это здесь.

Клотильда положила веточки лилового чабреца на железное ограждение. Она нарвала его в зарослях дрока, попросив Франка остановиться несколькими поворотами выше скал Петра Кода.

Букетик всем троим. Вполне достаточно.

Франк оставил свое подношение, ни на миг не отводя взгляда от дороги, где был припаркован «пассат» с включенными аварийными огнями.

Валентина завершила ритуал – со столь явной неохотой, как будто наклон для девочки ростом метр восемьдесят был нечеловеческим усилием.

Три человека стояли над двадцатиметровой пропастью. Неугомонное море бурлило между рифами, пытаясь дотянуться до красных скал и окрасить их в фиолетовый цвет. Тончайшие коричневые водоросли, застрявшие в трещинах, напоминали пигментные пятна на старческой коже.

Клотильда повернулась к дочери. В свои пятнадцать Валентина была выше матери на пятнадцать сантиметров. Обрезанные джинсы и футболка «Картонный домик» не слишком подходили для посещения дагобы^[11], возложения венка и минуты молчания.

Клотильда обошлась без замечания, сказала мягко:

– Это здесь, Валентина. Здесь погибли твои дедушка, бабушка и дядя Николая.

Валентина смотрела вдаль, на аквабайк, который подпрыгивал на волнах в открытом море у мыса Ревеллата. Франк опирался на ограждение, косясь то в бездну, то на моргающий «пассат».

Время замедлилось, как расслабленный отпускник. Секунды, растопленные солнцем, текли, никуда не торопясь. Из проезжающей

машины дохнуло жаром, голый по пояс водитель кинул на них удивленный взгляд.

Клотильда ни разу не была здесь с лета 1989 года.

Но тысячи раз думала об этом месте и том моменте. Представляла, что скажет, что почувствует, стоя над бездной. О воспоминаниях, которые нахлынут. О паломничестве, призванном стать данью уважения погибшим и объединить семью.

А муж и дочь все портят.

Клотильда воображала, что Франк и Валу станут деликатно расспрашивать, посочувствуют. Вместо этого они торчат на солнцепеке словно в ожидании машины техпомощи, поглядывают на часы, потом на небо, на горизонт – куда угодно, только не на эти вулканические камни кроваво-красного цвета.

Клотильда предприняла новую попытку:

– Твоего деда звали Поль, а бабушку – Пальма.

– Я знаю, мама...

Очень мило с твоей стороны, Валентина.

«Я зна-а-аю, мама...» – стандартный ответ дочери на привычные замечания матери.

Убери одежду. Выключи мобильник. Шевелись...

Я зна-а-аю, мама...

Ленивая попытка поддержать мир в семье.

«Ладно, Валу, – подумала Клотильда, – это и правда не самый увлекательный эпизод каникул. И я понимаю, что достала вас разговорами об аварии тридцатилетней давности. Но черт возьми, девочка, я ждала пятнадцать лет! Ждала, пока ты вырастешь и сумеешь понять».

Аквабайк исчез из виду, а может, его сбила волна и он утонул.

– Ну что, поехали? – спросила Валентина.

Вопрос был задан естественным тоном, девочка даже не попыталась скрыть скуку под маской меланхоличного сочувствия.

– Нет!

Клотильда повысила голос. Франк так удивился, что наконец отвел взгляд от «пассата», подмигивавшего ему, как невротичная нимфоманка.

«Нет! – мысленно повторила Клотильда. – Я пятнадцать лет держу удар и играю роль буфера, доченька. Двадцать лет изображаю милую подружку, Фрэнки, которая никогда не жалуется, все время улыбается как дура, веселится, ни из чего не делает трагедии, склеивает осколки, обеспечивает тебе покой, стоит у штурвала семейного корабля да еще и напевает, чтобы не скучно было. И что я прошу взамен? Пятнадцать минут! Четверть часа из двухнедельного отпуска! Пятнадцать минут из пятнадцати лет твоей жизни, Валу! Пятнадцать минут – из семнадцати лет совместной жизни, дорогой!»

Пятнадцать минут в обмен на все остальное, четверть часа сострадания моему детству, оборвавшемуся на этом самом месте, на бесчувственных, мгновенно все забывших скалах, которые и через тысячу лет будут стоять как стояли. Пятнадцать минут за всю жизнь – разве это много?

Они дали ей десять...

– Так мы едем, папа? – требовательно повторила Валу.

Франк кивнул, и дочь пошла вдоль ограждения к машине, шлепая вьетнамками по асфальту. Она обшаривала взглядом каждый уголок и закоулок дороги на три поворота вверх, словно искала признаки жизни в каменистой пустыне.

Франк повернулся к Клотильде. Наш «штатный» голос разума. Все как всегда.

– Я понимаю, Кло. Понимаю. Но будь помягче с Валу. Она не знала твоих родителей. Как и я. Они умерли двадцать семь лет назад. Мы с тобой познакомились спустя десять лет. Валу родилась через двенадцать лет после их гибели. Для нашей дочери они... – Он замолчал, вытер ладонью вспотевший лоб. – Они... не часть ее жизни.

Клотильда не стала отвечать. «Лучше бы Франк заткнулся, дал мне прожить последние пять минут наедине с собой и дорогими сердцу покойниками!»

Он все испортил. В голову пришло мелочное сравнение с бабулей Жанной и дедулей Андре, родителями Франка. Раз в месяц все проводили уик-энд в их доме, каждую среду они брали к себе Валу, пока девочке не исполнилось десять, и она до сих пор искала у них убежища, если родители отказывали ей в исполнении очередного каприза.

– Она слишком молода, чтобы понять, Кло.

Слишком молода...

Клотильда кивнула в знак согласия.

Дала понять, что слушает Франка, – как всегда. Часто. Все реже и реже.

Что принимает его решения. Готовые решения на все случаи жизни.

Франк опустил глаза и пошел к «пассату».

Клотильда не двинулась с места. Не сейчас.

Слишком молода...

Она сто раз взвесила все «за» и «против».

Может, стоило промолчать, не вовлекать дочь в давнюю трагедию? Оставить воспоминания при себе? Она привыкла перебирать в уме разочарования.

А что тогда делать с наставлениями психотерапевтов, женскими журналами, подругами-доброхотками? Современная мамаша должна играть честно, не загонять вглубь семейные тайны, уничтожать табу. Не задавать себе глупых вопросов.

Понимаешь, Валу, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе, я попала в страшную аварию. Поставь себя на мое место, хоть на секунду. Вообрази, что мы – все трое – падаем в пропасть, что мы с папой умираем. И ты остаешься одна.

Подумай об этом, милая... Вдруг это поможет тебе понять мать. Понять, почему она с тех пор делает все, чтобы «не замочить ног» жизнью.

Конечно, если тебе это интересно.

Клотильда бросила последний взгляд на мыс Ревеллата, на три лиловых веточки и решила присоединиться к семье.

Франк уже сидел за рулем. Он сделал радио тише. Валентина опустила стекло и обмахивалась дорожным путеводителем. Клотильда легким движением взлохматила волосы дочери, и та недовольно заворчала. Она заставила себя рассмеяться и села рядом с Франком.

Раскаленное сиденье обожгло ноги.

Клотильда удрученно улыбнулась мужу, явив миру маску примирительницы, доставшуюся ей по наследству от Николя. Больше

от брата ничего не осталось. Разве что сердце, вечно попадавшее между молотом и наковальней, и бесконечные несчастные «любви».

Машина тронулась с места. Клотильда положила руку на чуть прикрытое шортами колено Франка.

«Пассат» бесшумно скользил между морем и горами. Цвета под стоявшим в зените солнцем казались слишком яркими и насыщенными, как на пейзаже со старинной почтовой открытки.

Каникулы мечты на панорамном экране.

Все уже забыто. Еще до рассвета ветер сметет с дороги три букетика чабреца.

«Не оборачиваться, – приказала себе Клотильда. – Двигаться только вперед...»

Заставлять себя любить жизнь; заставляя себя любить жизнь.

Она опустила стекло, и ветер ринулся играть с ее длинными черными волосами, а солнце ласкало голые ноги.

Рассуждать по рецептам глянцевого журналов, подружек, продавцов «счастья за десять уроков».

Счастье – это просто, если ты в него веришь!

Каникулы, безоблачное небо, море и солнце, вот витамины счастья.

Верить.

Копить иллюзии на остаток года.

Пальцы Клотильды скользнули по ноге Франка, она опустила голову, открыв шею слишком голубому, почти искусственному небосводу. Экран. Занавес, растянутый Богом-обманщиком.

Франк поежился. Клотильда закрыла глаза. Автоматически. Разъединив пальцы и мысли.

Каникулы служат и для этого тоже.

Загорелые обнаженные тела, жаркие ночи.

Поддерживать иллюзию желания.

*первый день каникул,
синее летнее небо*

Я – Клотильда.

Решила представиться, ведь это простейшее проявление вежливости, пусть даже я не дождусь ответа, потому что не знаю, кто вы, мой читатель.

Это произойдет через много-много лет – если я доживу. Сейчас все написанное имеет гриф «Совершенно секретно». Табу. Вето. Эмбарго. Кто бы вы ни были, я предупредила! Так кто вы такой, человек, нарушивший все запреты?

Мой возлюбленный, мой единственный, кому я после первой ночи любви протяну дрожащей рукой дневник юношеских лет?

Болван, нашедший тетрадь вечной растеряхи?

Один из тысяч поклонников, кинувшихся покупать шедевр новой гениальной крошки-писательницы? (Мой!!!)

Или я сама... Но старая, лет через пятнадцать... Ладно, суперстарая – тридцать лет спустя. Я нашла дневник в глубине ящика и перечитываю его. Как будто попала в машину времени или смотрюсь в «молодильное» зеркало.

Как знать? Меня одолевают сомнения, и я пишу наугад, не представляя, чьи руки будут листать тетрадку, чьи глаза прочтут мои излияния.

Наудачу...

Надеюсь, у вас красивые глаза и руки, доброе сердце? Вы меня не разочаруете? Обещаете?

Что, если я для начала скажу несколько слов о себе? У меня будет время открыть душу, мой читатель из потустороннего мира.

Итак, Клотильда. Три пункта:

1. Возраст. Уже старая... Пятнадцать лет. Ух ты, даже голова кружится!

2. Рост. Пока коротышка... Метр сорок восемь.

3. *a te file le blues*^[12]. – любимая песня.

4. Внешний вид. Мама говорит, это смертельный номер. Ничего сложного, если есть идеал – Лидия Дитц^[13] из «Битлджуса». Не паникуйте, мой читатель с планеты Марс, даже если не можете с ходу представить себе ее готический образ, – я проем вам плешь, через

строчку поминая моего идола. Эта девчонка – самая крутая и клевая в мире, носит черные кружева, у нее длинная редкая челка и большие, в черных полукружьях, как у панды, глаза. А еще она умеет говорить с призраками! Добавлю, прекрасный незнакомец, что в фильме Лидию играет Вайнона Райдер, самая красивая актриса вселенной, которой нет и восемнадцати лет. Я хотела взять с собой все постеры и повесить их в нашем летнем домике, но мама запретила «уродовать» стены кнопками.

Ладно, читатель, возвращаюсь к первому дню каникул... Большое приключение семейства Идрисси из Турни в папином красном «фуэго». Сориентирую вас на предмет географии: Турни находится на территории Вексена, свекольной равнины, зажатой между Нормандией и Парижем. Там протекает смешная речка Эпт^[14], о которой местные болтуны врут, что войн она спровоцировала больше, чем Рейн, и народу из-за нее полегло незнамо сколько. Мы живем выше, в центре трех маленьких долин высотой в три яблока. Претенциозные аборигены прозвали эту местность Вексенским горбом^[15]. Ну и фантазия у людей!

Я не сразу решила, как опишу отъезд на Корсику. Все вещи в багажнике, над Нормандией ночь, дороге не видно конца. Я сижу на заднем сиденье рядом с Нико, он десять часов не отрываясь разглядывает машины, деревья, рекламные щиты, и ему не скучно. Туннель под Монбланом^[16], ритуальный перекус «торт-салат» в Шамони, транзит через Италию – папа утверждает, что Генуя находится не намного дальше Ниццы, Тулона или Марсея, зато итальянцы никогда не бастуют. Да, я могла бы описать вам все это в деталях, но не стану. Таков выбор рассказчика, дорогой межгалактический читатель! Так-то вот...

Сосредоточусь на пароме.

Человек, никогда не всходивший на его борт, чтобы плыть на остров, не знает, что такое Первый День Каникул.

Слово Лидии Дитц!

Клянусь четырьмя элементами^[17].

Сначала вода.

Огромный желто-белый паром под «Головой мавра»^[18] выглядит просто потрясающе, но тем, кто слышит его рев, шутить совсем не

хочется.

Папе уж точно. Когда десять часов сидишь за рулем, а в порту тебя встречает орда гомонящих итальянцев, нелегко сохранить выдержку.

Destra^[19].

Sinistra^[20].

Итальянцы вопят и размахивают руками, как будто папа – тупой водитель-новичок.

Avanti-avanti-avanti^[21].

Папа маневрирует среди десятков других насмерть перепуганных водителей с гидроциклами всех мастей в прицепах, или в минивэнах «рено эспас», набитых спасательными кругами, матрасами, полотенцами, увенчанными доской для серфинга.

Avvicina-avvicina^[22].

Грузовики, легковушки, трейлеры, мотоциклы. Помещаются все! Всегда. Занимают каждый сантиметр пространства. Таково чудо № 1 отпускного сезона.

Stop-stop-stop

Паромщики-итальянцы в детстве наверняка были чемпионами по игре в пятнашки. Запихнуть на корабль три тысячи машин менее чем за час – все равно что собрать гигантское Лего.

Итальянец улыбается, показывает большой палец.

Perfetto^[23].

Папин «фуэго» – одна из трех тысяч деталей пазла. Он открывает дверцу, втягивает живот, стараясь не задеть прижавшийся слева «опель корса», и присоединяется к нам.

Следующая остановка – земля.

Итак, вы в каюте. Раздеваетесь, ложитесь, спите четыре-пять часов, просыпаетесь и натягиваете шмотки, извиваясь в тесном пространстве.

Часто я первой обуваю вьетнамки, надеваю шорты, майку с *Van Halen*^[24], солнечные очки и – фьють! – на воздух.

Земля! Земля!

Все высыпали на палубу, чтобы полюбоваться побережьем от лагуны Бигуля до Корсиканского мыса. Солнце обстреливает лазерными лучами все, что выдвигается из тени, а я бегаю по

закоулкам корабля и принимаюсь к незнакомым запахам. Перешагиваю через высоченного блондина, примостившегося отдохнуть на полу с рюкзаком под головой. Типичный швед! Рядом с ним, запустив ему руку в расстегнутую рубашку, спит девушка, спина у нее голая, густые волосы взлохмачены.

Однажды я стану такой же и буду спать, уткнувшись в плечо заросшего щетиной парня.

Эгей, жизнь, ты ведь меня не разочаруешь, правда?

А пока я довольствуюсь йодистым ароматом Средиземного моря с высоты своего маленького роста – всего-то метр сорок восемь.

Дышу свободой, встав на цыпочки.

И – увы – огонь.

Мадам., мсье, по машинам, пожалуйста.

Адский огонь!

По правде говоря, мой читатель с задворок Галактики, я считаю, что ад напоминает трюм парома. Температура там градусов сто пятьдесят, не меньше, но на лестнице толчея – люди торопятся спуститься. Как будто все, кто умер на Земле в один и тот же день и час, выстроились гуськом и устремились в жерло действующего вулкана. *Subway to Hell!*^[25]

Паромщики вернулись, они полностью одеты, но не потеют – в отличие от взмокших полуголых отпускников. Вокруг царит адский грохот.

Мы целую вечность торчим в этой топке, возможно, по вине хитрого малого, запарковавшегося прямо перед дверью и еще не проснувшегося. Накануне он приехал в последний момент, едва успел. Если это блондинистый швед из коридора, я ему аплодирую и хочу такого же.

Итальянцы похожи на чертей, им только хлыстов не хватает. Нам устроили ловушку, мы все тут подохнем, задохнемся, отравимся углекислым газом из-за того, что один болван запустил двигатель, а все дружно последовали его примеру, но с места никто не тронулся.

Наконец ворота открываются, с жутким грохотом опускается аппарель.

Армия живых мертвецов устремляется в рай.

Свободу мне!

Вот наконец и воздух.

У семейства Идрисси есть традиция: мы всегда завтракаем в кафе на площади Сен-Николя, сидим на террасе под пальмами прямо напротив торгового порта Бастии.

Папа угощает по-королевски: круассаны, свежевыжатый сок, конфитюр из каштанов. Нам всем начинает казаться, что мы действительно семья. В том числе я, этакий ежик-гот. Даже Нико, крутанувший на прощанье глобус и ткнувший пальцем вслепую, чтобы узнать, на каком языке будет говорить девушка, которую он подцепит в кемпинге.

Да, семья, приехавшая на трехнедельную «побывку в рай».

Мама, папа и Николя.

И я.

Предупреждаю: в этом дневнике рассказ пойдет в основном обо мне!

Прошу прощения, нужно надеть купальник.

Вернусь очень скоро, мой звездный читатель.

* * *

Он осторожно закрыл дневник и понял, что озадачен, растерян, даже смущен.

Сколько лет он его не листал?

Почему так тревожно на душе?

Итак, она вернулась...

Через двадцать семь лет.

Зачем?

Это очевидно до противности. Будет ворошить прошлое. Рыться. Копать. Искать то, что оставила здесь. В другой жизни.

Он подготовился. Давным-давно.

Но на один вопрос ответа так и не нашел.

Как далеко она готова зайти? Неужели решила вытащить на свет божий все гнилые тайны семейства Идрисси?

12 августа 2016

22:00

Клотильда сидела на стуле, вытянув ноги, и, сама того не замечая, ковыряла пальцами с ярко-красным педикюром в песке, перемешанном с землей и травинками. Она отложила книгу и сказала:

– Отец даже не попытался повернуть.

Переносная лампа, висевшая на ветке оливы над зеленой пластиковой беседкой, разгоняла густо-чернильную темноту ночи. Их площадка пятнадцать на десять метров находилась чуть поодаль от других, в тенистом месте, что компенсировало «смешные» – для трех взрослых – размеры бунгало. «У нас вся жизнь проходит на улице, мадемуазель Идрисси», – сладким тоном уверял хозяин кемпинга «Эпрокт», когда она позвонила зимой, чтобы забронировать место. Да, Червоне Спинелло совсем не изменился.

– Ты что-то сказала? – спросил Франк, даже не обернувшись. Он разложил на заднем сиденье газету, встал на нее босыми ногами, левой рукой ухватился за штангу багажника на крыше, а правой начал откручивать одну из упрямых гаек.

– Папа не выворачивал руль у скал Петра Кода. Перед провалом был длинный прямой участок дороги, – объяснила Клотильда. – Я точно помню. Потом резкий поворот, и отец врывается в деревянное ограждение.

– К чему ты это говоришь, Кло? – Франк дернул шеей, не глядя на жену. – Что имеешь в виду?

Клотильда смотрела на него и молчала. В первый отпускной вечер он занялся багажником и мог бы привести длинный список разумных доводов в оправдание своего поступка: ветер слишком сильный, скобы оставляют следы на жестянке... Клотильда же видела в этом досадную помеху. Вообще-то она плевать хотела на дурацкий багажник, с которым нужно было все время что-то делать: ставить, закреплять, накрывать чехлом, снимать... Что за бред – раскладывать маленькие винтики по маленьким пакетикам с маленькими циферками!

Валу предпочитала не вмешиваться в разборки родителей. Вот и сейчас она тихо смылась и отправилась исследовать кемпинг, чтобы выяснить средний возраст и национальную принадлежность обитателей.

– Сама не знаю, – усталым голосом ответила Клотильда. Франк сквозь зубы обругал «кретина, который додумался так закрутить гайки!».

То есть себя самого.

Муж самокритичен, и чувство юмора у него есть, что да, то да.

Клотильда потянулась за книгой, начала листать «Холодное время», последний роман Фред Варгас. В голову пришла идиотская мысль: «Название больше подошло бы летнему бестселлеру...»

Шутка *à la* Клотильда.

– Я просто поделилась странным ощущением. Смотрела сейчас на дорогу и вдруг подумала, что даже ночью и на большой скорости мой отец успел бы затормозить. Это ощущение странным образом совпадает с воспоминанием об аварии.

– Тебе было пятнадцать, столько лет прошло...

Клотильда отложила книгу.

Я знаю, Франк.

Знаю, что это было мимолетное впечатление, что все случилось в несколько секунд. Но попробуй услышать меня, если пока не разучился понимать выражение моих глаз.

Я уверена, понимаешь? На все сто!

Папа не пытался свернуть. Он направил машину к обрыву. А ведь мы сидели рядом!

Клотильда задержала взгляд на лампе, окруженной облаком ночных бабочек-самоубийц.

– Есть кое-что еще, Франк. Папа взял маму за руку.

– Перед поворотом?

– Да. За мгновение до удара об ограждение, как будто понял, что падения в пустоту не избежать.

Легкий вздох. Третья гайка поддалась.

– Что ты хочешь сказать, Кло? Что твой отец покончил с собой, захватив на тот свет семью?

– Нет, Франк, конечно нет! – Она ответила слишком быстро. – Мы опаздывали на концерт, и он злился. В тот день у родителей была годовщина знакомства, мы праздновали всей семьей – бабушка с дедушкой, кузены, соседи. Нет, о самоубийстве и речи быть не может...

Франк пожал плечами:

– Значит, все ясно, это была дорожная авария!

Он взял гаечный ключ на 12.

Клотильда перешла на шепот, словно боялась кого-то разбудить. В соседнем бунгало смотрели итальянский сериал.

– А еще был взгляд Николая.

Франк бросил свое занятие.

– Николай не удивился, – пояснила Клотильда.

– То есть?

– За секунду до падения – мы понимали, что все кончено и «фуэго» не остановится, – в глазах брата появилось странное выражение: он как будто знал *нечто, неизвестное мне*, и понял, почему все мы обречены на смерть.

– Ты не умерла, Кло.

– Это как посмотреть...

Она начала раскачиваться на пластиковом стуле. Ей хотелось одного: чтобы Франк обнял ее, прижал к себе и начал шептать на ухо милые глупости. Или пусть утешает молча.

Четвертая гайка поддалась, и Франк подхватил пустой серый багажник на спину.

«Как Обеликс»^[26], – подумала Клотильда и улыбнулась. Юмор всегда был ее верным помощником.

Франк в полотняных штанах с голым торсом и пластиковым багажником-менгиром^[27] на плечах действительно напоминал героя комиксов.

Только без брюха.

В свои сорок четыре ее муж все еще оставался мускулистым красавцем. Семнадцать лет назад он покорила Клотильду не только открытой улыбкой и спокойной уверенностью в себе, но и стáтью, как у пловца кролем. Все эти достоинства помогли ей полюбить Франка, убедить себя, что он лучший мужчина из всех. Ну уж точно не худший.

С течением лет Франк набрал вес, объем талии увеличился (увы, даже красавцам не избежать этой напасти!), но Клотильду не волновали идеальные размеры.

«Обеликс» нежно опустил багажник-менгир на землю.

– Не стоит портить себе отпуск этой древней историей, Кло.

Перевод для непонятливых:

Ты не должна портить нам. отпуск своей замшелой историей, дорогая.

Клотильда усмехнулась. Франк, конечно, прав. Зря, что ли, семья согласилась на паломничество?

Со скучной обязателькой покончено, можно обо всем забыть.

Она позволила себе последний вопрос, зная, что проблемы воспитания детей с Франком можно обсуждать до бесконечности.

– Думаешь, не следовало вовлекать Валентину? Показывать ей место аварии?

– Еще как следовало. Твои родители – ее бабушка и дедушка. Важно, чтобы она... – Франк сдернул с веревки полотенце, чтобы вытереть руки, и подошел к Клотильде. – Я тобой горжусь. Ты очень мужественная женщина. Я знаю, что ты пережила. Всегда об этом помню. Но теперь...

Он обтерся полотенцем и наклонился к жене.

«Поздно... – подумала она. – Поезд ушел, дорогой!»

Муж опоздал с сочувствием всего на несколько секунд, поэтому его жест выглядел именно тем, чем и был по сути, – вождением самца, растревоженного первыми жаркими денечками. Цивилизованного самца, который сначала заботится о машине, а уж потом оказывает знаки внимания женщине.

– Так что теперь, Франк?

Он обнял жену за талию, ладонь скользнула под накинутую на голое тело рубашку.

– Теперь... можно полежать, отдохнуть, да?

Клотильда поднялась и плавно отступила назад. Она не хотела задеть чувства мужа, но и подавать ему надежду не собиралась.

– Нет, Франк. Не так быстро. – Она взяла полотенце, косметичку и пояснила: – Мне нужен душ, немедленно. И вот еще что, милый... Не думаю, что я выжила в той аварии.

Лицо Франка сделалось глупым, как морда льва, впавшего в ступор при виде убегающей от водопоя газели.

Муж Клотильды не понял, к чему была сказана последняя фраза, но выяснять почему-то не захотел.

Кемпинг был едва освещен. Клотильда прошла мимо единственного фонаря на аллее В, где полгода назад поставили пять дорогих финских домиков, и оказалась у последнего участка, отведенного под палатки. Его временно занимала группа байкеров. Они лежали вокруг газовой лампы и угощались пивом. Припаркованные под деревьями мотоциклы напоминали табун гордых чистокровок.

Абсолют свободы.

Густой пряный аромат с ноткой меланхолии.

Двенадцать голов устало повернулись вслед красавице. Рыцари утомились, но не поприветствовать даму не могли: юбка на Клотильде была достаточно короткая, три расстегнутые пуговицы рубахи обещали поделиться тайной женской прелести.

В свои сорок два Клотильда чувствовала себя соблазнительной.

Да, ростом не вышла, но была тоненькой, изящной и «с формами» – где положено. С пятнадцати лет она набрала едва ли четыре килограмма, по одному на каждую грудь и столько же на попку, и считала, что стала красивей, чем в юности, что неустанно подтверждали взгляды окружавших ее мужчин. Для поддержания формы Клотильда не нуждалась ни в фитнес-клубе, ни в бассейне – хватало каждодневных забот. Здоровая мамочка в здоровом теле! Нагруженная под завязку тележка с продуктами, спринтерский забег, чтобы не опоздать к концу уроков, сгибание-разгибание перед посудомоечной машиной, стиральной машиной, сушилкой...

Гениальная зарядка!

Соединение полезного с приятным, Франк, только и всего.

Несколько минут спустя Клотильда вышла из душа, завернутая в банное полотенце. В помещении кроме нее находилась темноволосая девушка, сосредоточенно водившая по ноге трескучей электробритвой. За кафельной стенкой громко бухала музыка в стиле техно, смеялись мальчишки.

Клотильда посмотрелась в большое зеркало, расчесала длинные, спускавшиеся до лопаток черные волосы. Кемпинг вернул ее на двадцать семь лет назад: тогда, в пятнадцать, она вот так же стояла перед зеркалом и разглядывала то же лицо, ту же фигуру.

В те времена Клотильда воспринимала свое тело как обузу – тощая коротышка! – единственным оружием и главным козырем перед мальчишками была ее фантазия. Смешное оружие – вроде водяного пистолета!

5

*Среда, 9 августа 1989,
третий день каникул,
ярко-синее небо*

Простите, мой таинственный межгалактический читатель-путешественник, за то, что бросила вас на целых два дня. У меня даже отмазки нет – я только и делаю, что ничего не делаю. Обещаю стать до чертиков пунктуальной – как только ориентируюсь на местности, огляжусь и определюсь, как маленькая шпионка, или антрополог на задании, или путешественница из 2020 года, которую десантировали в 1989-й.

Инкогнито...

Алло, это моя галактика? Докладывает Лидия Дитц. Запись в бортовом журнале сделана на незнакомой планете, здесь тридцать пять градусов жары и аборигены ходят полуголыми.

Короче говоря, я вас игнорировала, потому что не знала, с чего начать.

И где...

В центре нашего кемпинга, на террасе бунгало С29, куда мы приезжаем каждое лето с момента моего рождения?

У дедули с бабулей, во дворе овчарни Арканю?

В центре пляжа де л'Альга, под зонтиком?

Так-так, подумаем...

Решено, выбираю пляж! Нарисую вам картинку в стиле почтовой открытки из тех, что счастливые отпускники посылают менее удачливым друзьям-товарищам, застрявшим в квартале Бутард в Верноне^[28].

Белый песок. Бирюзовая вода. Тела, покрытые бронзовым загаром.

И ма-а-ленькая черная точка.

Я.

Малышка Лидия-Вайнона в моей полосатой футболке, вьетнамках с черепами и стрижкой ежиком, ну или щеткой, это уж как вам больше нравится. Чокнутая девчонка, не раздеваясь на пляже при сорока градусах жары! Признайтесь, вы именно так и подумали. Совсем как моя мама. Придурочная малышка...

Вам, только вам, мой тайный конфидент, я все объясню.

Вы ведь не станете надо мной смеяться? Не будете ругать?

При росте метр сорок восемь и двух прыщиках вместо сисек я выгляжу десятилеткой, вот и не снимаю любимую майку в стиле «зомби». Так я отгоняю соплюшек, которым пришла охота поиграть со мной в куличики. Никто не дает мне пятнадцать лет, но они в глазах, в сердце, между ног...

Я ношу доспехи.

Сейчас вы прочтете мне нотацию, назовете избалованной, скажете: «Тебе очень повезло, ты оказалась в райском месте, но ведешь себя, как пресыщенная дамочка, презирующая горы, пляж и море!»

А вот и нет! Не угадали!

Попали пальцем в небо!

Я все это обожаю – и пляж, и воду!

В вернонском бассейне я плаваю, что называется, до посинения (выражаясь НЕ фигурально!), наматываю одну стометровку за другой – в стиле Аджани^[29].

*Здесь повсюду хлорка на дне бассейна,
И я выпила чашечку – твое здоровье!
Да, за твое здоровье,
Хотя мне это по барабану!
На самом деле я готова на все,
Наглотаюсь воды.
Что мне за дело,
Если меня найдут полумертвой,
Утонувшей на дне бассейна.*

Удивительные слова. Генсбур – великий человек. Бессмертный. Он прикуривает одну сигарету от другой, меняет женщин и будет писать отпадные песни до скончания времен.

Кстати, о воде... Сделаю одно признание. Уже несколько месяцев со мной происходит нечто странное. Хочется сменить нуар Тима Бёртона на синий. Это началось два месяца назад. Без предупреждения. В кино.

«Голубая бездна»^[30]. Средиземное море, подводные съемки, саундтрек Эрика Серра, белые и бирюзовые фасады греческих домов.

Бац! Меньше чем за два часа я по уши влюбилась в дельфинов, ну и – немножко – в их друга-человека. Не в очкастого сицилийца^[31], а в другого – ныряльщика с бездонными глазами...

Жан-Марк Барр...

Я таю от одной только мысли о том, что, купаясь в море, погружаюсь в одну с ним воду. Кажется, фильм снимали здесь, в открытом море близ мыса Ревеллата.

Черная, как панцирь, чернота, а сердце выкрашено в синий цвет.

Вы ведь никому не расскажете, мой наперсник? Я вам доверяю. Доверяю собственную жизнь.

Я на пляже де л'Альга. Пишу, сидя на песке. Лунный серп словно забыл, что уже рассвело, море-лягушатник флуоресцирует, плещется о берег, хлюпает и потихоньку обкусывает его, а мальки проскальзывают сквозь пальцы рук и ног купающихся.

Из всей семьи Идрисси на пляж со мной пришла только мама. Папа снова куда-то отправился. Это странно, но здесь, на своей родине, он становится непоседой, а в Париже большую часть времени лежит на диване. Нико наверняка где-то гуляет со свитой девчонок, поэтому времени у меня мало, нужно за ним присмотреть, чтобы быть в курсе хитроумных козней старшего брата.

Вокруг нас полно незнакомых людей. Обожаю сидеть на песке с дневником на коленях и наблюдать за жизнью других. Вот вам пример. В трех полотенцах от меня сидит очень красивая женщина с голой грудью. Нет, она не топлес, просто кормит малыша. Это потрясающе, но и очень противно. Странно? Конечно...

Мама тоже смотрит на нее – с завистью.

Она лежит на полотенце метрах в пяти от меня.

Как будто я – не ее дочь.

Как будто она меня стыдится.

Как будто я – единственное слабое место моей идеальной мамочки.

Подождите секунду, мне нужно перевернуться, загородить собой дневник, чтобы мама, не дай бог, не прочла через плечо. Составлю ее словесный портрет в трех пунктах. Упомяну все самое хорошее и самое гадкое.

Пункт 1. Маму зовут Пальма, это венгерское имя. Мои дедушка и бабушка родом из Шопрона, города близ австрийской границы. Иногда я называю свою мать Пальма Мама.

Пункт 2. Мама высокая и красивая. Худая, стройная и породистая... Ее рост без каблуков – метр семьдесят пять, представьте, как она выглядит в вечернем платье и на шпильках! Ноги длинные, как у цапли, лебединая шея, глаза огромные, как у испуганной совы, при это сама – миниатюрная, как колибри.

Говорят, иногда гены перескакивают через поколение.

Подтверждаю!

Врачи, изучавшие мой случай, сошлись во мнении, что я практически перестала расти и вряд ли буду выше метра пятидесяти пяти. «Как миллионы и миллионы других женщин, – сказали они и добавили мне в утешение: – Если у тебя родится дочь, она, вполне вероятно, будет похожа на свою бабушку!» Многообещающее заявление! Предпочитаю о нем не думать и перехожу сразу к третьему пункту.

Держитесь крепче.

Пункт 3. Мама – зануда. Злюка. Надоеда. Она лежит на полотенце, читает «Смех дьявола» Режи́н Дефорж, и мне до судорог хочется выпалить ей в лицо все те слова, что написаны в дневнике. Клянусь всеми корсиканскими предками, упокоившимися на кладбище Марконе, клянусь пляжем де л'Альга и беру вас в свидетели, мой будущий читатель...

Я не желаю стать похожей на нее!

Не хочу быть такой матерью, как она. Такой женщиной. И такой старухой.

Ух ты, ну и далеко же я забралась! Поднимаю голову и вижу, что паниковать не стоило. Мама спит, лежа на животе. Спина у нее голая. Она расстегнула зеленый лифчик, и он валяется на песке, как расплющенная медуза. Меня укоряет за «нелепую» футболку, а сама изображает недотрогу и, как только встает, снова надевает узенький верх от купальника, откладывает книгу и мелкими шажками идет к морю. «Не хочешь искупаться, дорогая?» Я качаю головой. Мама долго плавает, возвращается и сообщает сладким голосом: «Чудесная водичка! Тебе не жарко, милая?» Ложится и делает вид, что ее больше всего на свете интересует чтение. Книгу она будет мусолить весь отпуск. Лифчик, кстати, мамуля снова снимает – пусть спина загорает равномерно... Она скорее поджарится заживо, чем оставит на плечах белые следы от бретелек. А вот я майку не снимаю и предвижу шуточки, которыми меня встретят в лице Арагона: «Эй, Кло, ты что, в “Тур де Франс” участвовала этим летом?»

Ха, ха, ха... На сегодня все, но я чувствую, что вы готовы сделать свой грошовый психологический вывод. Давайте, выкладывайте, пока не лопнули.

Я завидую собственной матери!

Думайте что хотите.

Маленькая смуглая бунтарка хитра, у нее есть план. Ее не провести. Она найдет возлюбленного и будет счастлива с ним всю жизнь! Родит детей и станет смешить их до колик. А профессию выберет опасную – боксерши, укротительницы медведей, канатной плясуньи, экзорцистки.

Такова моя торжественная клятва, данная на пляже де л'Альга!

Вам интересно? Хорошо, в следующий раз расскажу о папе.

Мне пора – мама приближается к МОЕМУ полотенцу. Пока не решила, буду «хорошей девочкой» или врединей. Стану импровизировать.

Пока-пока...

* * *

Он закрыл тетрадь.

Да, Пальма была красивой женщиной. Очень красивой.

И не заслуживала смерти.

Но худшее произошло, Пальма не воскреснет, остается сделать так, чтобы никто никогда не узнал правду.

6

13 августа, 2016

9:00

Клотильда купила багет, три круассана, литр молока, литр апельсинового сока и... потерялась.

Нарочно.

Валу еще спала. Франк отправился на пробежку до семафора Кавалло.

Клотильда помнила, что летом 89-го она каждое утро «дежурила по завтраку» и, отправляясь за свежим хлебом, бродила по аллеям кемпинга в надежде кого-нибудь встретить, но все подростки еще сладко спали. Обратный путь по лабиринту она тоже выбирала запутанный и брела нога за ногу. А сегодня поступила иначе – срезала дорогу и оказалась у бунгало С29. Здесь прошли первые пятнадцать летних сезонов ее жизни.

Она узнавала только размеры домика и площадки. Деревья – оливы со скрученными стволами – образовали верхний ярус над шале. Появились жалюзи с электроприводом, терраса, площадка для барбекю, садовая гостиная. Все модернизировал новый директор «Эпрокта» Червоне Спинелло, сменивший на этом посту своего отца Базиля. Каждое нововведение – водная горка или место, выбранное для строительства бассейна, – подтверждало впечатление Клотильды: от кемпинга ее детства, где были только кровати для спанья, вода для мытья и дарившие тень деревья, ничего не осталось.

Оглядев повнимательней участок С29, Клотильда вдруг поняла, что ни разу не видела его после аварии. На следующий день Базиль Спинелло привез в Кальви^[32], в больничную палату, где она лежала, большую сумку с одеждой, кассетами, книгами, короче, всем, кроме самого важного – дневника. Голубой тетрадки, которой она доверяла чувства и мысли. Эта бесценная вещь оставалась на скамейке во дворе овчарни.

Скорее всего, Базиль забыл тетрадь в Арканю или выронил в суматохе в приемном покое отделения скорой помощи. Спросить Клотильда не решилась, но думала о дневнике, пока летела из Балани в Париж, а потом и в Конфлансе, у Жозефа и Сары, родителей матери, которые воспитывали ее до совершеннолетия. Со временем Клотильда забыла о дневнике, а теперь ей вдруг пришла в голову смешная мысль: наверное, он по-прежнему ждет ее возвращения где-нибудь на полке гардероба, в ящике стола или под стопкой пожелтевших от старости журналов на этажерке.

Клотильда подошла к бунгалу С29, отведя в сторону ветки молодой оливы, посаженной перед террасой. Она помнила, что в 1989-м точно такое же дерево росло под ее окном. Неужели Червоне выкапывает старые и сажает вместо них новые?

– Вы кого-то ищете?

Из бунгало вышел мужчина в бейсболке с логотипом *New York Giants*^[33], надвинутой на седеющие виски. В его улыбке читалось удивление, в ладонях он сжимал чашку кофе.

Клотильде всегда нравилась свойская обстановка в кемпинге. Никаких заборов, колючих изгородей, палисадников с цветочками. Здесь не было понятия *свой угол* – только *наш*.

– Нет-нет...

Чуть дальше, на аллее, двое мальчишек играли в футбол.

– Загнали мяч под террасу? – спросил болельщик *Giants*.

По его ухмылке Клотильда поняла: этот тип был очень даже не против, опустишь она сейчас на четвереньки, выставив на всеобщее обозрение упругую попку в обтягивающих легинсах. Отсутствие барьеров. Смещение нравственных ориентиров. Банальное вожделение. Эта сторона жизни в кемпингах была ей омерзительна.

– Не мяч – воспоминания. Я когда-то жила в этом бунгало, на каникулах.

– Правда? Мы уже восемь лет его снимаем, так что...

– Это было двадцать семь лет назад...

Мужчина ответил Клотильде изумленно-восхищенным взглядом.

Выглядите моложе.

За его спиной появилась женщина в ярком парео. Вьющиеся волосы были подхвачены на затылке деревянной заколкой. Она

улыбнулась и спросила:

– Двадцать семь лет назад? Но тогда... простите, что спрашиваю... Вы – Клотильда Идрисси?

Она не ответила. В голове крутились idiotские мысли. «Надеюсь, им не пришло в голову повесить на бунгало мемориальную табличку: *Здесь обитали Поль и Пальма Идрисси*. Вряд ли рассказ об аварии десятилетиями передавался из поколения в поколение отпускатников?»

Проклятый дом...

Женщина подула на чай, ее рука скользнула под футболку мужа.

Движение подсознательное, но знак очень ясный: «Он мой!»

Универсальный язык тела и жестов, свойственный всем, кто живет летом на свежем воздухе. Люди выставляют себя напоказ, смотрят, испытывают желание, но никогда не соприкасаются.

– Я храню для вас письмо, Клотильда, его передали давным-давно! – Женщине явно нравилась роль нежданной вестницы.

Клотильда едва не лишилась сознания и, чтобы не упасть, ухватилась за самую высокую ветку оливы.

– Оно ждет меня... двадцать семь лет? – Губы едва ее слушались.

– Ну нет, не так долго! – расхохоталась дама в парео. – Пришло вчера. Фред, будь душкой, принеси конверт, он на холодильнике.

Муж исполнил просьбу, и она прочла вслух адрес:

20260, Ревеллата

Кемпинг «Эпрокт», бунгало С29

Клотильде Идрисси

Ее сердце снова чуть не выскочило из груди, и Клотильда крепче сжала пальцы.

– Документы мы у вас спрашивать не станем, – засмеялся хозяин бунгало. – Собирались отнести конверт администратору, но раз уж вы здесь...

Клотильда взяла письмо влажными от липкого пота пальцами.

– Спасибо.

Она шла по аллее, пошатываясь, как конькобежец на льду замерзшего озера, и не могла отвести глаз от надписи на конверте, потому что узнавала почерк. Да, именно так – узнавала, понимая, что это невозможно.

Клотильда на автопилоте пересекла территорию. Открыть письмо следовало без свидетелей, в тайном и священном Тюленьем Гроуте. Попасть туда можно было со стороны моря или по тропинке прямо из лагеря. Девочкой она тысячи раз пряталась в пещерке, чтобы почитать, помечтать, поплакать или пообщаться с дневником. В юности она обожала писать и была наделена талантом, в это верили ее близкие, так же считали преподаватели. А потом слова улетучились. В момент. Не пережили аварии.

Она без труда спустилась к убежищу по бетонной лестнице, заменившей песчано-каменистую дорожку. Стены грота были разрисованы признаниями в любви и похабными граффити, пахло пивом и мочой. Ну и ладно – вид на Средиземное море не изменился, он по-прежнему создавал у сидящего внутри головокружительную иллюзию полета, заставлял почувствовать себя птицей, пикирующей на добычу.

Клотильда поставила сумку с покупками, отодвинулась вглубь грота, села на влажные камни и разорвала конверт, дрожа от возбуждения, как если бы ожидала увидеть любовное послание. Впрочем, она опоздала родиться и письменных признаний никогда не получала. Воздыхатели слали ей эсэмэски и электронные письма. Цифровые признания были тогда последним писком моды и невероятно возбуждали, но... не оставили после себя ни малейшего следа. Ни строчки, ни клочка бумаги между страницами книг.

Клотильда осторожно, двумя пальцами, достала сложенный вчетверо белый листок и развернула его. Написано было от руки, аккуратным «учительским» почерком.

Моя милая Кло!

Не знаю, осталась ли ты такой же упрямой, как в детстве, но все-таки хочу кое о чем тебя попросить.

Когда будешь завтра в Арканю, у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

*Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.
Разве что поднять глаза к небу и любоваться
Бетельгейзе^[34]. Знала бы ты, детка, сколько ночей
я глядела на эту звезду и думала о тебе!
Вся моя жизнь – темная комната.
Целую тебя.*

II.

Волны накатывали на порог пещеры, но брызги не долетали до Клотильды, как будто Всевышний в точности до миллиметра рассчитал высоту. Письмо дрожало у нее в пальцах, как грот-парус катамарана.

Между тем погода стояла безветренная, утро было тихим и жарким – солнце исподтишка заглядывало в пещеру.

Целую тебя.

Почерк матери.

II.

Подпись матери.

Кто, кроме матери, мог назвать ее «моя Кло»? Кому еще известны эти детали? После аварии Клотильда ни разу не надевала свой готский наряд.

Костюм в стиле «Битлджус»^[35] – Бетельгейзе в европейской традиции. В комнате Клотильды висел постер, который мать подарила ей на четырнадцатилетие. Она выписала его из Квебека, и канадский перевод показался им гораздо поэтичнее американской версии.

Клотильда посмотрела на ведущую к морю тропинку, перевела взгляд на дорогу, петлявшую вдоль карниза до пляжей де л'Альга и Ошелучча. На другом конце тропинки нервно топталась девочка-подросток – то ли искала сеть, то ли изучала эсэмэску вдали от чужих глаз.

Клотильда перечитала письмо.

Кто, кроме матери, мог помнить коронную фразу Лидии Дитц? Культовую фразу из культового фильма, ту самую, что Клотильда выкрикнула Пальме в лицо, чтобы та наконец оставила ее в покое. Это

случилось однажды вечером, когда они в очередной раз жестоко поссорились.

Их секрет. Известный лишь матери и дочери. Пальма тогда сказала, что утром они отправятся в город и купят Клотильде «приличную» одежду – удобную, яркую, женственную. Клотильда проорала ей в лицо отчаянную реплику Лидии Дитц и заперлась у себя в комнате. Эта реплика была формулой жизни подростка.

Вся моя жизнь – темная комната. Одна большая... темная комната.

7

***Пятница, 11 августа 1989,
пятый день каникул,
сине-зеленое небо***

Я очень люблю папу.

Не уверена, что многие питают к моему отцу теплые чувства, но я его просто обожаю.

Подружки иногда признаются, что он их пугает. О да, папа очень хорош собой – черные глаза, волосы цвета воронова крыла, квадратный подбородок, короткая бородка! – и так уверен в себе... А еще он всегда держится отстраненно – чтобы не сказать высокомерно.

Понимаете, о чем я?

Мой папа из тех мужчин, которые умеют высказать свое мнение одной веской фразой, одарить дружбой, произнеся всего два слова, и забрать ее назад тремя, отказать в помиловании, расстрелять взглядом. Тип преподавателя или босса, внушающего не только страх, но и уважение. Такой он со всеми... Кроме меня!

Я – его маленькая любимая дочурка, а «дирижирует» он всеми остальными.

Возьмем для примера папину работу. Он говорит, что работает в сфере охраны окружающей среды, в агрономии или экологии, короче – «бережет зеленые легкие планеты»... а на самом деле продает газонное покрытие! Через него проходят 15 % французского рынка, это тысячи рабочих мест на родине и еще в десятке стран мира. Никто не оспаривает папин авторитет: когда Поль Идрисси пришел работать в

«Фаст Грин», компании принадлежало 12 % рынка, а сейчас он обещает довести эту цифру до 17 %. Слова отца о том, что каждую минуту во Франции новым газонем покрывают участок размером с футбольное поле, а за день – размером с лес Фонтенбло^[36], производят сильное впечатление. Господину Идрисси внимают, как гуру, когда он заявляет, что полностью отказался от использования *мятлика лугового*, *овсяницы овечьей* и *костера безостого*, растущих на лужайках перед домами в предместье. Теперь, обслуживая все поля для гольфа Иль-де-Франс, он продает только лучшее – *полевицу побегоносную*.

Ха-ха-ха!

Папочка торгует газонной травой!

Стыд и позор. Я много раз говорила, что он мог бы найти занятие попрестижней, устраивалась у него на коленях, ластилась, шептала: «Понимаю-понимаю, все эти “злаковые” истории ерунда, на самом деле ты – шпион, секретный агент или благородный разбойник!»

My name is Grass.

Ray Grass^[37].

Папы нет – как обычно. Нет никого, кроме меня. Сижу одна под оливой у бунгало С29 и пишу. Николая со своей компанией, мама взяла «фуэго» и поехала в Кальви за покупками, папа в Арканю, общается с родителями, кузенами и друзьями.

Поддерживает в себе корсиканство...

Над папиным корсиканством никто не смеется! Поль Идрисси.

Затерявшийся где-то на «Вексенском горбе», на стыке Нормандии и Иль-де-Франс.

Никто над этим не хихикает... Только я!

Сказать почему?

Да потому, что с сентября по июнь все папино корсиканство ограничивается желтым прямоугольником на заднем стекле автомобиля. Кабалистический знак единения корсиканцев, рассеянных по континенту. У масонов это треугольник. У евреев – звезда Давида.

Корсиканцы, эмигрировавшие на север, выбрали прямоугольник.

Фирменный знак *Corsica Ferries*^[38].

Папина островная особость оживает, когда желтый лейбл начинает отставать от стекла, то есть дни становятся длиннее, а отпуск ближе. Папуля немного похож на детишек, верящих в Рождественского

Деда в декабре, и на стариков, которые обращаются к Господу, узнав, сколько месяцев им осталось жить. Улавливаете?

Ох-ох, подождите, мой неизвестный читатель! Соизвольте взглянуть на дружную компанию, идущую мимо меня на пляж, – Николая и Мария-Кьяра, Червоне и Аурелия, Канди, Тесс, Стеф, Герман, Магнус, Филипп, Людо, Ларс, Эстефан... Не волнуйтесь, в свое время я вам их представлю – скопом и поодиночке.

Я не последую за ними, останусь здесь. Вы не находите, что я очень мила, раз не кинулась догонять «взрослых», а сижу и пишу, как отличница – внеклассные задания? «Большие» ребята меня игнорируют, третируют, гонят, унижают, забывают... Я могу заполнить синонимами три страницы, но пощажу ваши нервы и продолжу о папе.

Острое корсиканство и тоска по маккии возникают у него в начале лета – как сенная лихорадка. Опишу это явление, неизменно сопровождающееся семейными ссорами, в три этапа.

Первый этап начинается на шоссе, сразу после выезда из Парижа. Папа достает из тайника кассеты с корсиканскими песнями, чтобы мы всю дорогу слушали их в «фуэго».

Второй этап. Оказавшись на острове, мы питаемся исключительно местными колбасами, сырами и фруктами, покупаем у мелких торговцев кóппу, лонцу, сыр броччио^[39] и уверяем друг друга, что большую часть года едим одну дрянь и гадость из супермаркета.

Третий этап состоит из бесконечных визитов. Мы всей семьей навешаем бабушку с дедушкой, кузенов и кузин, соседей, слушаем беседы на иностранном языке. Папа жутко напрягается – по-английски с шефами «Фаст Грин» он говорит лучше, чем со старыми приятелями на корсиканском. И все-таки папуля упорствует, из кожи вон лезет, чтобы не ударить в грязь лицом. Мы с Николаем почти ничего не улавливаем из жарких споров о политике, о том, что мир живет на повышенных скоростях, теряя на ходу куски суши, а их остров застыл в неподвижности в сердце циклона и ошалело наблюдает за ужимками человечества. Папа старательно вслушивается, даже пытается подавать реплики – короче, ведет себя, как верующий, считающий, что попадет в рай, если будет зубрить молитвы и читать их раз в год. Но я вижу моего отца – Рэя Газонного – каждый день и могу вас заверить, что корсиканского в нем не больше, чем во мне. Он похож на

«правоверного» мусульманина, пьющего спиртное, или «набожного» католика, славящего Деву Марию в день крещения, свадьбы и похорон.

Папа – корсиканец в шортах.

Он вряд ли захотел бы услышать такое. Даже от меня. Хотя никто другой не осмелился бы.

Я тоже промолчу.

Не хочу его ранить.

Папу я люблю больше мамы. Может, потому, что и он меня сильно любит. Или за то, что не сказал ни одного поносного слова о моем образе *à la* Готическая Лидия. Наверное, ему нравится черный цвет – как напоминание о корсиканках.

На этом сходство заканчивается.

Старые корсиканки носят черное в знак подчинения, покорности, а для меня этот цвет – символ бунта. Интересно, какую именно женщину в черном предпочитает мой отец? Подскажите, мой капитан! Смиренную на людях и неуступчивую наедине с мужем, который бережет сокровище для себя? Как птицу, посаженную в клетку.

В этом все мужчины похожи.

Каждый желает заполучить мать, домохозяйку, кухарку... а когда это происходит, начинает ее ненавидеть.

Так я понимаю супружескую жизнь с высоты моих пятнадцати лет.

На сегодня все. Думаю, теперь вы получили представление о папе. Я еще не решила, пойду ли на пляж или почитаю. Люблю книги. Когда читаешь, выглядишь старше.

Везде – у моря, на скамейке, под навесом.

Вид девушки с книгой интригует.

Лежа на полотенце с открытой книгой, автоматически превращаешься из одинокой-скучающей-дурочки-без-друзей в маленькую-бунтарку-живущую-в-собственном-мире.

Главное – выбрать правильное чтиво.

Мне необходима культовая книга, такая же сильная, как два моих любимых фильма – «Битлджус» и «Голубая бездна». Подобную книгу перечитывают тысячу раз и дают почитать мальчикам, чтобы проверить, «тот ли он самый».

Я положила в чемодан три тома.

«Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры

«Бесконечная история» Михаэля Энде

«Опасные связи» Шодерло де Лакло

Все три уже экранизированы. Ладно, признаюсь: киношки мне понравились, я взяла с собой книги и, когда прочту их, буду говорить, что пошла в кино ПОТОМ и была УЖАСНО РАЗОЧАРОВАНА интерпретацией!

Какую из трех выбрать?

Так-так-так...

Решено: иду на пляж с «Опасными связями» под мышкой.

Идеально!

Де Вальмон и маркиза де Мертей^[40] слишком... скучны, а Джон Малкович и Киану Ривз^[41] просто ужасны, оба напоминают хвастливых петухов.

До скорого, мой потусторонний читатель.

* * *

Он смахнул слезу указательным пальцем и закрыл дневник.

Даже теперь, много лет спустя, он испытал потрясение, прочитав это имя.

Оно было подобно призраку.

Безобидному.

Так они все думали.

8

13 августа 2016

14:00

– Это ее почерк!

Клотильда ждала ответа.

Любого.

Не дождалась.

Губы Франка были заняты пластиковым горлышком литровой бутылки «Орецы»^[42] – ровно столько жара выгнала через кожу. Три

четверти он выпил, одну четверть вылил на себя.

Франк пробежал девять километров, до семафора^[43] Кавалло и обратно. Неплохо для начала в тридцатиградусную жару. Он повесил на веревку влажную футболку и наконец-то соизволил спросить:

– Откуда такая уверенность, Кло?

– Я просто знаю.

Она стояла, прислонившись спиной к корявому стволу оливы, и смотрела на конверт.

*Кемпинг «Эпрокт»
Бунгало С29
Клотильде Идрисси*

Ей совсем не хотелось рассказывать Франку об открытках, которые мать писала ей в детстве. Она хранила всю свою корреспонденцию вместе с фотографиями и время от времени перечитывала слова на обороте, хотя они терзали ей душу, как зловредные призраки.

– Вся моя жизнь – темная комната. Большая... красивая... темная... комната.

Торс Франка блестел от пота, солнце золотило коротко стриженные светлые волосы, он был «сыном света», а не ночи, не тьмы, не тени. Много лет Клотильда любила в своем муже именно эту сторону его натуры – он тянул ее из тени в свет.

Франк сел на пластиковый стул и посмотрел Клотильде в глаза:

– Ладно, Кло... не волнуйся так... Я помню все твои рассказы. В пятнадцать лет ты была фанаткой той актрисы, одевалась на манер ежика-гота и вела себя с родителями как неблагодарная дрянь. Когда мы познакомились, ты показала мне «Битлджус», помнишь? И остановила картинку на кадре, где героиня произносит эту самую фразу про комнату, потом улыбнулась и пообещала: «Мы перекрасим ее во все цвета радуги...»

Неужели Франк и правда помнит?

– Твоя Вайнона Райдер два часа наблюдала с экрана, как мы занимаемся любовью на диванчике.

Это тоже задержалось у него в мозгу?

– Вот что я скажу, Кло: тот или та, кто прислал письмо, мерзко пошутил.

Пошутил? Франк действительно произнес слово «пошутил»?

Клотильда в энный раз перечитала фразу, которая потрясла ее сильнее всего.

Когда будешь завтра в Арканю у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Посещение родителей отца было назначено на вечер следующего дня. Франк упорствовал в попытках объяснить необъяснимое:

– Именно так, Кло. Представить не могу, кто этот грязный шутник и зачем он так поступает, но...

– Но?

Прежде чем продолжить, Франк положил руку жене на колено. Нежный муж исчез – его место снова занял моралист, проповедник, изрекающий веские аргументы, репетитор, вбивающий знания в голову бестолковой ученице. Клотильда чуть не задохнулась от его самодовольства.

– Зайду с другой стороны, Кло. В вечер аварии, 23 августа 1989 года, вы четверо – ты, твой отец, твоя мать и Николя – находились в машине. В этом ты не сомневаешься.

– Именно так.

– Никто не мог выпрыгнуть до того, как «фуэго» свалился в пропасть?

В память Клотильды навечно впечатались страшные картины: «фуэго» летит по прямой, как ракета; узкий поворот; отец не реагирует.

– Исключено.

Франк не юлил, его сила заключалась в прямоте. Он свято верил в два качества – рациональность и эффективность.

– Кло, ты совершенно уверена, что твой отец, твоя мать и твой брат погибли в той аварии? Все трое?

Впервые в жизни Клотильда мысленно поблагодарила мужа за отсутствие такта.

Да, она совершенно уверена.

Растрезанные тела в искореженном «фуэго» почти тридцать лет стоят у нее перед глазами. Тела родителей, перемолотые стальными челюстями, вкус крови, смешанный с запахом бензина. Спасатели отвезли в морг три трупа и разложили по ячейкам, чтобы близкие могли проститься... Расследование несчастного случая... Похороны... Время все разъедает, ничто не возрождается, не зацветает вновь... никогда...

– Да, они погибли все трое, в этом я не сомневаюсь.

Франк положил вторую руку на другое колено Клотильды и наклонился ближе:

– Хорошо, Кло, значит, дело закрыто! Какой-то засранец сыграл с тобой несмешную шутку – бывший возлюбленный или завистливый корсиканец, не имеет значения, не забивай голову ничем другим.

– Чем именно?

Клотильда почувствовала себя лицемерной дрянью, притворщицей, лгуньей.

Случалось, прямота Франка многое упрощала.

– Мыслью о том, что твоя мать может быть жива. Что это она тебе написала.

Бах!

Молочно-белая, намазанная кремом от загара кожа Клотильды вспыхнула до корней волос.

Конечно, Франк.

Ну конечно.

Что ты себе вообразил?

– Конечно, Франк. Я и не думала.

Притворщица! Лицемерка! Лгунья!

Франк решил не настаивать.

Он победил, голос разума услышан, незачем давить.

– Вот и забудь, Кло. Ты захотела вернуться на Корсику. Я согласился. Теперь забудь и наслаждайся отпуском.

Да, Франк.

Конечно, Франк.

*Ты прав, Франк.
Спасибо, Франк.*

Ровно через минуту Франк предложил смотаться в Кальви. До города-крепости всего пять километров – меньше десяти минут езды, если дорогу не перегородит стадо ослов или, к примеру, автофургоны для кемпинга.

Он отправился за чистой рубашкой, Валу захлопала в ладоши, услышав новость: Кальви – это торговая улица, запруженная туристами, шикарные яхты в порту, пляжи. Она вошла в дом, чтобы надеть узкое платье, причесаться, открыв лоб, шею и загорелые плечи, и переобуться в сандалии из плетеной серебристой кожи. Девочку вдохновляла идея возврата к цивилизации, и не абы какой, а сиятельно-богатой. Клотильда спросила себя: «Что между нами не так?»

Пока Валентине не исполнилось десять лет, они были заодно. Маленькая чокнутая принцесса и ее мамаша-психопатка. Клотильда обещала себе, что так будет всегда.

Идиотские игры, безумный смех, общие секреты.

Она клялась, что никогда не станет сварливой, занудной, «черно-белой» матерью, но все вдруг изменилось, а она не заметила. Выбрала неверный угол обзора. Думала, придется иметь дело с бунтаркой переходного возраста, какой сама когда-то была. Она не забыла свои мечты, не дала поблекнуть ценностям. Осталась прежней.

И ошиблась. Во всем.

Валентина, благоразумная современная девочка, считала, что и мать, и ее идеалы давно устарели. Мамочка-чудачка была ей в лучшем случае безразлична, в худшем – заставляла стыдиться.

Валу – вся в изумрудном, даже сумочка с бахромой того же цвета! – стояла перед машиной, Франк сидел за рулем.

– Готова, мама?

Нет ответа.

– Мама, ну поехали! – Голос девочки прозвучал раздраженно – привычно раздраженно.

Клотильда вышла из бунгало:

– Это ты взял мои документы, Франк?

– Я ничего не трогал.

– Их нет в сейфе.

– Говорю же, не брал, – повторил Франк. – Уверена, что не положила их в другое место?

«Ладно, – подумала Клотильда. – Я, конечно, клуша, но не совсем же безмозглая...»

– Да!

Она ясно помнила, как убрала бумажник в маленький стальной сейф, встроенный в шкаф у входной двери, и отправилась принимать душ в гигиенический корпус.

Франк сдвинул темные очки на лоб и нервно забарабанил пальцами по рулю (хорошо хоть на сигнал не жал от злости).

– Раз их там нет, значит, ты...

– Я сунула бумажник в проклятый сейф вчера вечером и больше его не открывала!

Клотильда нервно дернулась, повернулась, поставила чемодан на кровать и вывалила из него все вещи.

Ничего.

Она выдвигала ящики, шарила ладонью на самых высоких полках, заглядывала под кровать, стол и стулья.

Ничего.

Ничего.

Ничего в багажнике, снятом с крыши, ничего в бардачке.

Франк и Валу молча наблюдали за ней.

– Я положила бумажник в эту чертову консервную банку, которую якобы невозможно вскрыть. Кто-то взял документы...

– Послушай, Кло... Есть ключ от сейфа, код, и только мы...

– Я знаю! Знаю! ЗНАЮ!

Клотильде не нравилась улыбка Червоне Спинелло. Никогда не нравилась. Она помнила, что терпеть не могла Червоне-подростка, когда он пытался верховодить в их банде под тем предлогом, что его отец управляет кемпингом.

Лжец. Бахвал. Расчетливый негодяй.

Теперь, обретя власть над восьмьюдесятью гектарами тенистой территории с видом на море, он изменился.

Стал угодливым, претенциозным, хитрым развратником.

Полной противоположностью своего отца Базиля.

– Мне очень жаль, Клотильда, – оправдывался Червоне. – Прости, что не зашел поздороваться. Нужно будет выбрать минутку и...

Она решительно отклонила приглашение на аперитив, пресекла жалкие попытки слезливого сочувствия по поводу давней семейной трагедии и высказалась в том смысле, что пропажа документов, по ее мнению, результат кражи.

Червоне нахмурил широкие черные брови.

Он раздосадован. Может, начнет шевелиться...

Управляющий подхватил связку ключей, вышел из корпуса и сказал – нет, приказал – великану, поливавшему клумбу:

– Пойдешь со мной, Орсю.

Он сопровождал слова жестом, указав пальцем на аллею. Так делает человек, навязывая свою волю послушному, хорошо выдрессированному животному. Жест мелкого начальника. Поливальщик подчинился. Увидев его лицо, Клотильда не совладала с собой и отпрянула.

Орсю был очень высок – метр девяносто, не меньше. Широкая, неровно подстриженная борода и длинные густые вьющиеся волосы, падающие на лоб, не могли замаскировать левую, увечную половину лица: неподвижный невидящий глаз, атрофированную впалую щеку, отвисшую на подбородке и шее кожу. Вывернутое плечо, рука в розовой резиновой перчатке, висящая вдоль тела, как пустой рукав, негнувшаяся нога дополняли картину несчастья.

По непонятной причине Клотильда скорее смутилась, чем испугалась. Сначала она приняла сочувствие к искалеченному великану за жалость (профессиональная деформация?), но ее смущало другое – чувство, которое она никак не могла назвать. Орсю шел метрах в трех впереди, Червоне наклонился и шепнул Клотильде:

– Ты вряд ли его помнишь. В том несчастном августе Орсю было три месяца. Везения в его жизни больше не стало, но у нас даже трехногих коз не выбраковывают, а уж человека... В «Эпрокте» он занимается всем понемногу и откликается на прозвище Хагрид^[44].

Откровения Червоне были неприятны Клотильде, от первого до последнего слова.

Он почему-то «тыкал» ей, хотя они не виделись двадцать семь лет. Говорил об Орсю как о приبلудном псе.

Выглядел как благодушный священник, а она вспоминала мелкого придурка, мучившего ящериц, лягушек и других невинных тварей.

Они вчетвером рассматривали внутренность крошечного сейфа, а Валу надела наушники, устроилась на стуле и принялась красить ногти на ногах. Червоне, не скрываясь, пялился на ее голые ляжки.

Угодливый. Претенциозный. Порочный.

Орсю здоровой рукой вставлял ключи, проверял задвижку, ригель и цилиндры, Червоне наблюдал через его плечо.

– Ты ошиблась, Клотильда, никто не пытался вскрыть сейф. Подумай хорошенько, бумажник действительно лежал внутри?

Они что, сговорились? Франк и Червоне, ее муж и самый мерзкий тип на свете. Клотильда сдержала гнев и молча кивнула. Управляющий задумался.

– Деньги там были?

– Немного...

– Ваша дочь знала код?

Ах ты наш прямолинейный! Франк в сравнении с тобой – карьерный дипломат...

– Да, но...

Валу не дала матери продолжить:

– Если бы я решила украсть деньги у родителей, взяла бы папин бумажник.

Червоне расхохотался.

– Хорошо сказано, мадемуазель! Будем считать, что это снимает с тебя подозрения.

Клотильду передернуло от понимающей улыбочки, которой обменялись ее дочь и корсиканец. Франк выглядел нервным и раздраженным.

– И что же делать? – спросил он. – Лично я в словах жены не сомневаюсь!

Спасибо, Франк!

Червоне пожал плечами:

– Вам в любом случае придется пойти в жандармерию Кальви и заявить о пропаже документов. Потом Клотильда может подать жалобу – если захочет. – Он двусмысленно ухмыльнулся и добавил: – Твой старый друг Чезаре давно вышел в отставку, так что не знаю, на

кого ты попадешь. Дольше чем на три года молодые офицеры у нас не задерживаются.

Хагрид все никак не хотел оторваться от сейфа. Он пытался разобраться, и Клотильда мысленно поблагодарила калеку за то, что не удовольствовался поверхностным осмотром.

В одном она была уверена на сто процентов.

Вчера бумажник лежал в сейфе.

Кто-то его взял.

Зачем? И кто?

Тот, кто знал код или имел ключ.

9

Суббота, 12 августа 1989,

шестой день каникул,

синее ночное небо

Хотите новость?

В моем затерянном уголке Корсики что-то наконец происходит. Я запишу для вас в дневнике кое-что новенькое!

Новенькое и сенсационное... надеюсь, вы оцените манеру изложения.

Готовы, незнакомый читатель?

Все началось с громкого БАБАХ. Рвануло в 2:23 ночи. Я это точно знаю, потому что проснулась и посмотрела на часы, высунулась в окно и посмотрела на море, полуостров Ревеллата, Балань и самую высокую вершину – Капу ди а Вета^[45].

Я ничего не увидела. Ни-че-го! И снова уснула.

С самого раннего утра кемпинг напоминал растревоженный курятник. Жандармы опрашивали туристов – скорее удивленных, чем перепуганных, и нарочито игнорирующих широко лыбящихся аборигенов.

Приморский курортный комплекс «Скала и Море» взлетел ночью на воздух.

Внесу несколько географических уточнений. Мыс Ревеллата – маленький полуостров площадью 300 гектаров, практически дикий,

если не считать маяка на краю света, океанологической станции *Stareso*^[46], двух или трех белых вилл, кемпинга «Эпрокт» в самом центре под оливами, откуда крутая узкая тропинка ведет к двум маленьким пляжам – де л'Альга на юго-востоке и Ошелучча на северо-востоке. С запада нет ничего, кроме скал, но можно спуститься к Тюленьему Гроту и каменистой бухточке Ресиза, облюбованной серфингистами.

Уточню некоторые экономические позиции: почти весь этот райский уголок принадлежит одному человеку. Моему деду! Кассаню Идрисси. Который живет со всей семьей в Арканю, в горах, куда можно добраться по крутой тропе или одной-единственной заасфальтированной дороге. На крыше старого каменного дома установлена большая телевизионная тарелка, в центре двора растет древний дуб, а из-за ограды доносятся ароматы маккии. Никаких вывертов – ни бассейна, ни тенистого корта, единственная роскошь – неземной красоты вид на бухту Ревеллата. Даже кемпинг и то находится во владении дедули Кассаню. Базиль Спинелло, друг деда, управляет «Эпроктом», руководствуясь золотым правилом: никаких стен (или почти никаких), только души и туалеты, пустые места для палаток и несколько деревянных бунгало – ровно столько, чтобы было где разместить летом кузенов с континента, друзей и постоянных туристов. Дедушка Кассаню заботится о своих гектарах, как о женщине, которую ни с кем не намерен делить: ею можно восхищаться, но не обладать. На лице этой земли никогда не появится даже крохотная морщинка или складка, она напоена запахами ладанника и цедрата^[47], украшена дикими орхидеями цвета индиго. Любимыми цветами бабули Лизабетты.

Однако...

Если вы были внимательны, наверняка не пропустили слово «почти». Я сказала «*почти весь* уголок рая принадлежит дедуле Кассаню», потому что небольшой скальный участок – четыре тысячи квадратных метров над пляжем Ошелучча – не входил в его владения, их несколько столетий назад унаследовал один дальний кузен. Этот анклав во владениях деда сразу стал единственной на полуострове зоной, доступной для строительства. Ставки мгновенно взлетели, и один подрядчик начал возводить среди красных скал гостиничный комплекс. По слухам, итальянец из Портофино. Отель был задуман

роскошный, в тон скалам, терраса с видом на Средиземное море, своя пристань, трехзвездочные номера, джакузи и прочие прелести. Работа началась в марте, и корсиканские ассоциации защитников окружающей среды немедленно подали протест, ссылаясь на Закон о побережье^[48]. Признаюсь, что поняла далеко не все, но дед с папой могут говорить об этом часами. Совершенно очевидно, что строить на территории анклава законно, поскольку он находится больше чем в ста метрах от моря, но «зеленые» повели речь о защите естественных пространств, природных пейзажей, процедуре регистрации, праве преимущественной покупки (праве первой руки), принадлежащем Национальной службе охраны прибрежных зон и приозерной полосы... Короче, клубок противоречий.

Можно или нет соорудить комплекс? Никто не знает. Адвокаты, журналисты, чиновники сражаются не на жизнь, а на смерть, крупные суммы денег переходят из рук в руки – законно и не совсем. А итальянские работяги медленно, но упорно возводят кирпичные стены на бетонном фундаменте под носом у дедули Кассаню, не дожидаясь решения суда (хотя оно, вполне вероятно, признает строительство незаконным). А нос у моего деда волосатый и обидчивый.

Так все и шло до двух часов этой ночи. БАБАХ!

Огромная дыра в том, что осталось от бетонной плиты. Придя на смену, рабочие увидели на площадке лишь груды строительного мусора.

Продолжение мне рассказала Аурелия. Она дочь Чезаре Гарсии, аджюдана^[49] жандармерии Кальви. Вообще-то она не сильно мне нравится. Аурелия на два года старше меня и потому слегка задирает нос, изображает осведомленность: мол, закон есть закон, а если что не так, пожалуюсь папе. Можно подумать, что у нее не было детства, что она вытянула двойную шестерку в «Игре в гуся»^[50] и перескочила через первые клетки. Мне жаль ее будущего мужа, если таковой, конечно, заведется. Аурелии не слишком везет, в ее сторону мальчишки смотрят еще реже, чем в мою! В том числе Николая, а я готова поклясться, что она сохнет по моему старшему братцу. Аурелия не уродина, у нее круглые и черные, как маслины, глаза, широкие брови сходятся на переносице и делают ее похожей на строгую птицу. Аурелия – зануда и полная моя противоположность: я выгляжу

слишком молодо, она – много старше своего возраста. Это совсем нас не сплачивает, не подумайте ничего такого, мы скорее состязаемся. Два способа адаптироваться... Не исключено, что через много лет мы встретимся и узнаем, кто победил.

В утро большого БАБАХа я была очень даже довольна, что Аурелия сообщила мне холодно-вежливым тоном:

– Мой отец виделся с твоим дедом Кассаню. Все знают, что стройку взорвал он.

– ????????

– Конечно, никто ничего не скажет. Омерта... Так сказал папа. Все здесь чем-то обязаны твоему дедушке, а Базиль первый, они вместе учились в школе. Уму непостижимо – известно, кто заказал взрыв, и никто не раскрывает рта.

Забавно было представлять, как ее милый папочка (толстяк размером с корсиканского быка) садится в свою ма-а-а-ленькую машинку и едет на беседу к моему дедуле. Он потеет, у него дрожат коленки – храбрый амбарный мышонок вдруг отважился начать переговоры с домашним котом.

Я поставила Аурелию на место:

– Никаких улик против моего дедушки нет. Отец наверняка сказал тебе.

– Ну да, сказал.

Я вбила гвоздь по самую шляпку:

– И вообще, те, кто подложил бомбу, правильно сделали, так ведь? Корсика гораздо красивей без бетона. Пока будет идти процесс, администрация тысячу раз успеет изуродовать мыс Ревеллата и весь остальной остров, согласна?

У Аурелии не бывает собственного мнения, но тут она ответила:

– Да. Мой отец сказал, что Кассаню правильно поступил. Хоть и не по закону.

Тут она меня поддела.

Я думала весь день. Встретила дедушку и Базиля Спинелло у ворот кемпинга, они выглядели как заговорщики, но неопасные. Мимо проехало несколько машин жандармерии. В новостях по радио говорили о взрыве. К вечеру все подтвердилось. Никто ничего не видел и не слышал. Дело закрыто! Бухта Ревеллата возвращается под власть

чаек, коз, ослов, кабанов и обитателей «Эпрокта». Я долго сидела в гроте, глядя на море и заходящее солнце.

Красно-золотой мыс был слишком красив.

А я – слишком горда.

Пока жив мой дед, здесь ничего не изменится. Будет диким, непокорным, оберегаемым как зеница ока!

Как я!

Ревеллата останется таким навсегда, мой читатель из будущего, навсегда, обещайте мне!

* * *

Навсегда...

Вот ведь маленькая дурочка!

Он закрыл тетрадь.

10

13 августа 2016

16:00

Голые по пояс рабочие изнемогали от жары, застыв в неподвижности – кто с лопатой, кто за рулем стоящего на приколе бульдозера. Самые удачливые курили в теньке. Могло показаться, что все они следят за возведением среди скал бетонных стен, затеянным шальным титаном. Или безумным королем, возжелавшим получить сказочный дворец, который невозможно построить – разве что зимой или... в ночную смену, но уж никак не летом.

– Будущий четырехзвездочный! – Валу восторженно захлопала в ладоши. Ребенок, что с нее взять...

Франк вел машину осторожно, напряженно щурясь. На каждом повороте солнце ослепляло его, заставляя нервничать. Клотильда обернулась к дочери:

– О чем это ты?

– Четырехзвездочный отель «Скала и Море». Старый проект. Червоне Спинелло пустил его в работу. Комплекс станет продолжением кемпинга «Эпрокт». Открытие следующим летом. Будет классно! Бассейн, спа, фитнес, номера по триста евро за ночь с отдельной террасой и прямым выходом к морю.

Клотильда бросила взгляд на стройку. Огромный стенд, частично закрывающий площадку, украшала фотография роскошной гостиницы в окружении логотипов европейских и местных компаний. Даже втиснутое между скалами, пяти-шестиэтажное здание будет доминировать над всей округой.

Странное, необъяснимое чувство овладело Клотильдой. Она много лет старалась забыть эти необитаемые камни, опасную дорогу и смертоносную пропасть. И вот ведь какая странность: здесь, на месте драмы, каждый поворот, любая панорама райского острова становились для нее зельем забвения. Она уносилась мыслями во времена до аварии, вспоминала каждое лето на Корсике. Воспоминания были более чем смутными, но Клотильда ни на мгновение не усомнилась в своей любви к этим пейзажам, ароматам и даже предавшей ее природе. Корсика тоже сирота. Прекрасная и одинокая. Двадцать миллионов лет назад ее отняли у семьи, оторвали от континента, Альп, Эстереля и переместили в Средиземное море.

Валу выворачивала шею, разглядывая стройплощадку будущего дворца удовольствий.

– Червоне понял, что я правда интересуюсь, и кое-что шепнул. На будущий год мне исполнится шестнадцать, и он сможет взять меня на работу.

Червоне...

Клотильда дернулась, как от удара током. Ее дочь уже называет эту сволочь по имени! Игрока-волокиту-бабника, старше ее на четверть века.

– Не понимаю, как можно строить подобное уродство!

Валентина сдалась без боя, только перевела взгляд с рекламного щита на каменистые утесы, словно наяву представила себе новый отель.

Самые трудные подростки избегают противостояния.

– Можешь поинтересоваться мнением прадедушки Кассаню на этот счет, – мрачным тоном посоветовала Клотильда. – Завтра вечером

мы ужинаем в Арканю.

– И зачем мне это делать?

– Да просто так.

– Твой дедуля – старый корсиканский сепаратист? Подрывник?

Как в сериале «Мафиоза»? [\[51\]](#)

– Сама увидишь.

– А сколько ему лет, прадедушке-патриарху?

– Одиннадцатого ноября будет восемьдесят девять.

– И он все еще живет в овчарне на краю света? На Корсике что, нет домов престарелых?

Клотильда закрыла глаза.

Они доехали до ущелья Петра Кода, где с карниза вниз рухнул «фуэго».

В салоне установилась тишина, только звучала мелодия диско. Франк хотел было убрать звук, но не стал. Три букетика чабреца исчезли с обочины.

Бригада жандармерии Кальви располагалась на въезде в город. Из окон открывался неповторимый по красоте вид на Средиземное море и мыс Ревеллата. Жены жандармов могли последовать за мужьями на «землю всех опасностей» только за роскошные служебные квартиры у кромки моря и с панорамным видом.

Клотильда пошла одна, сказав Франку, чтобы отвез Валентину в порт, и пообещала позвонить, как только освободится. «Много времени это не займет, я только подам заявление...»

Дежурный был молод, спортивен и гладко выбрит – от черепа до подбородка. На его столе красовались флажки и вымпелы регбийных клубов.

Ош. Альби. Кастр...

Ни одного корсиканского клуба.

– Капитан Кадна, – представился офицер, протягивая Клотильде руку.

Выслушав ее, он достал бланк заявления о пропаже документов и сокрушенно пожал плечами: бюрократия, черт бы ее побрал... В его искренней улыбке не было ничего... строевого, он скорее напоминал солдата, мечтающего о самоволке.

Клотильда сообщила обстоятельства кражи: закрытый сейф, исчезнувший бумажник, отсутствие каких бы то ни было следов.

Жандарм встал и посмотрел в окно на маяк. Тело у него было поджарое и сильное, как у игрока нападения.

– Червоне Спинелло не понравится визит на его территорию. Он предпочитает сам улаживать все дела в кемпинге. Но если вы настаиваете...

Клотильда кивнула: да, она настаивает. Хотя бы для того, чтобы насолить Червоне.

«Нападающий» поправил висевший на стене вымпел клуба «Брив».

– Скажу вам честно, мадемуазель, я здесь три года, но еще не до конца разобрался, как все функционирует. Хотя сам родился на Юге... Кадна – странная фамилия для легавого, но не для уроженца Битерруа^[52]. До войны мой прадедушка Жюль Кадна был лучшим игроком второй линии во Франции. Заметьте, я не жалею о назначении в Кальви и владею теперь четырьмя языками – французским, английским, окситанским^[53] и корсиканским! Красивый остров, милые люди, но в регби ни черта не смыслят!

Он рассмеялся и начал проверять заполненный Клотильдой бланк.

Фамилия

Барон

Девичья фамилия

Идрисси

Имя

Клотильда

Профессия

Адвокат. Семейное право

Следующий вопрос капитан задал почти машинально:

– Вы корсиканка?

– Да. Сердцем.

– Из семьи Кассаню Идрисси?

– Я его внучка.

– Вот как...

Пауза.

Бабочка села на кактус! Офицер Кадна перестал дышать – совсем как нью-йоркский коп, услышавший имя Вито Корлеоне^[54]. Мгновение спустя он «отмер», принялся энергично штемпелевать документы и вдруг участливо посмотрел на посетительницу. Бабочка перелетела на розу.

– Черт, какой же я идиот!

Что, простите?

– Вы... – Он пытался подобрать верное слово, и Клотильда догадалась.

Выжившая.

Чудом спасшаяся.

Сирота.

– Вы – дочь Поля Идрисси, – наконец нашелся жандарм. – Он погиб в аварии на дороге к мысу Ревеллата вместе с вашей матерью и братом.

Клотильда удивилась. Этот уроженец Окситании служит на острове три года. Авария произошла двадцать семь лет назад. С тех пор на коварном серпантине наверняка произошло несколько десятков несчастных случаев – все со смертельным исходом, так почему молодой человек так хорошо помнит именно...

Капитан прервал ход ее мыслей:

– Сержант знает, что вы здесь?

Сержант?

Чезаре?

Чезаре Гарсия?

Клотильда отлично помнила человека, который расследовал трагедию, случившуюся с ее семьей. Чезаре Гарсия был спокойным, добродушным и очень деликатным человеком. Он задавал ей вопросы в больнице, и в его голосе звучало искреннее сочувствие. Их разговор в отделении скорой помощи в Балани продлился три часа, Гарсия сидел на стуле и то и дело промокал лоб и шею бумажной салфеткой.

Не забыла Клотильда и его дочь Аурелию, она входила в их маленькую «банду» и все время ныла или брюзжала.

– Нет, – ответила она. – Вряд ли. Червоне Спинелло обмолвился, что Гарсия вышел в отставку.

– Верно... Несколько лет назад. Полагаю, вы его помните. Людей такого телосложения не забывают. Он мог бы стать гениальным

нападающим, незаменимым в схватке, если бы эти тупицы-корсиканцы знали, что бывают мячи овальной формы!^[55] Теперь он толстеет на десять кило в год.

Жандарм подошел вплотную к Клотильде.

Крылья бабочки трепетали, словно она опасалась красивого, но плотоядного растения.

– Вы должны повидать его, мадемуазель Идрисси.

В ее глазах отразилось непонимание.

– Он живет в Каленцане. Это важно, мадемуазель Идрисси. Он много чего рассказал мне о той давней аварии, прежде чем покинул бригаду, потому что еще много лет назад искал концы. Он намного хитрее, чем о нем думают, и у него, как бы это выразиться... есть...

– Да говорите же! – Клотильда впервые повысила голос.

Бабочка улетела.

– У него есть теория.

11

Он открыл тетрадь.

Поморщился – читать будет неприятно.

Но придется.

Чтобы подогреть ненависть.

* * *

Воскресенье, 13 августа 1989,

седьмой день каникул,

темно-синее небо

Сегодня бал.

Предупреждаю – я его королева!

Сажу на пляже, чуть на отшибе, в тени, с книгой на коленях.

Итак...

Балом я называю танцульки в кемпинге: три гирлянды плюс большой магнитофон отца Германа на пластиковом стуле. Николая

привез из Парижа кассеты со шлягерами 50-х, записанными прямо с радио (в перерывах слышны реклама и отбивки).

И вот еще что, мой читатель из будущего: надеюсь, вы никогда не услышите один шлягер того лета, он исчезнет из памяти людей так же быстро, как завоевал их мозги.

Я имею в виду безумную мелодию – ламбаду.

Не просто песню, но еще и танец, во время которого партнер сует бедро между ног своей дамы. Касается ее... ну, вы понимаете.

Именно так, я не вру!

Если кто-нибудь попробует так со мной...

Честно говоря, риска никакого. Ни один мой ровесник не соблазнится... карлицей. Вот я и сижу на песочке в наряде колдуньи и читаю «Опасные связи».

Версия для кемпинга.

Мимо прошел Базиль Спинелло и велел сделать музыку потише.

– Сейчас, папа, – ответил его сынок-подхалим Червоне.

Я согласна с Базилем.

Музыка загрязняет окружающую среду. Она вылетает в мир и пачкает его, как жирные обертки, окурки или куски гипса на стройплощадке комплекса «Скала и Море». Нужно пользоваться плеером и наушниками, иначе оскорбляешь красоту мира, а это недопустимо.

Красоту нужно ценить.

В одиночку.

Красота есть тайна, недопустимо осквернять ее болтовней.

Для меня Корсика олицетворяет красоту...

Ее следует любить и... оставить в покое.

Базиль это понял.

Дедуля Кассаню тоже.

А может, и папа.

Не успел Базиль уйти, как его сынуля прибавил звук.

Ты ламбадишь, мы ламбадим, вы ламбадите...

В одном ритме.

Пятнадцать подростков.

Которые слыхом не слыхивали ни о Мано, ни о «Нирване», и меня бесит, что через год или два они скажут: «Это гениально!» – потому

что все будут считать их музыку гениальной!

Мой дневник лежит поверх «Опасных связей», но этого никто не видит, так можно писать без помех. Я решила, что сегодня представлю вам всю кодлу. Сделать это непросто, поэтому будет правильно обозначить каждого одной буквой.

Начну с моего брата Николая, сидящего на корточках возле стула с магнитофоном. Он красавчик в стиле Вальмона, очень милый и дружелюбный, поэтому пользуется бешеным успехом у девчонок. У меня есть теория: если любишь всех – не любишь никого. Мой старший брат влюбляется во всех девушек планеты с искренностью несчастного ангела, не способного любить одну.

Николя – это Н.

Рядом с ним девчонка, балдеет от *Billie Jean*^[56]. Это Мария-Кьяра. Детально я опишу ее позже – маленькая кокетка заслуживает отдельной главы. Сейчас скажу одно: она похожа на маркизу де Мертей, куртизанку, которая всеми манипулирует. Я терпеть не могу Марию-Кьяру, понадобилась бы целая ночь без сна, чтобы объяснить насколько.

Мария-Кьяра будет М.

Та, что танцует не в такт, сама с собой, – одинокая, как я, но не умеющая это скрыть, наш унылый дятел Аурелия Гарсия. Дочь жандарма, ух ты, музыка гремит, ох ты, я позвоню папе, о-ля-ля ламбада, божебоже, уй-я, мальчишки, о нет, о нет, о нет... Она чешет брови и глупо скалится – должно быть, мечтает о прекрасном принце, который увидит звездочки в отблеске ее брекетов... Удачи, старушка!

Аурелия – это А.

Других девчонок зовут Вера, Канди, Катя, Патрисия, Тесс, Стеф, но они не важны, так что перейду к парням – во всяком случае, к тем, кто вдохновляет меня на злобные высказывания. Другие – Филипп, Людо, Магнус, Ларс, Тино, Эстефан – нормальные, то есть славные, любят пиво и грязные шуточки, ухлестывают за девчонками. Нормальными девчонками.

Из этого следует, что меня они в упор не видят.

Блондинчик Эстефан носит хвостик, у него южный акцент, он мечтает выучиться на врача и завербоваться в Эфиопию. Магнус хочет снять четвертый эпизод «Звездных войн». Филипп твердо намерен взойти на борт «Колумбии»^[57] и стартовать в космос с мыса Канаверал. Описывать правильных скучно, так что перейдем к плохишам.

Червоне Спинелло убеждает моего брата сделать музыку еще громче. «Не бери в голову, Николая, отец ничего не скажет!» Я вам уже рассказывала об этом кретине, он уверен, что однажды будет управлять кемпингом, вот и ведет себя как дофин. Внимание: дофин, а не дельфин, старший сын короля, наследник престола. Неумеха, педант и придурок.

Все эти качества часто присущи тем, кто наделен властью. Червоне такой. Будет таким.

Червоне обозначу буквой Ч.

И наконец, Циклоп. Называю его так не по аналогии со свирепым персонажем античного мифа (ха-ха-ха), просто, сколько бы вы на него ни смотрели, всегда будете видеть один глаз. Взгляд Германа, он же Циклоп, всегда устремлен на Марию-Кьяру.

Где она, там и его профиль. Будь эта девчонка солнцем, Герман всегда загорал бы одной половиной лица. Он немец, но неплохо болтает на французском и английском. Кажется, природа наделила его сверхспособностями, у него не мозг, а компьютер, запрограммированный на прилежную учебу в лицее в течение десяти месяцев учебного года, а вот с летними месяцами он не справляется.

Герман – это Г.

Вы следите за моей мыслью?

Подведу итог геометрической любовной схемой «Опасные связи для чайников». Есть круг – нет, два круга, их центры – Н. (Нико) и М. (Мария-Кьяра). Нормальные подростки – я назвала вам только их имена – распределяются по кругам: девочки – к Н., мальчики – к М.

А. (Аурелия) и Ч. (Червоне) желали бы войти в круг Н. (Николя). Г. (Герман) хотел бы проложить прямую линию к М. (Марии-Кьяре).

Главный вопрос звучит так: пересекаются ли эти круги, могут ли они объединиться, наложиться друг на друга?

Н. М.?

Н. М.?

Н. = М.?

Ответ скоро будет, не разъединяйтесь, а сейчас ламбаду сменил медленный фокстрот. Гитары *Scorpions* плачут и клянутся, что любовь все еще жива^[58]. Я слушаю и восхищаюсь. Нико умеет компоновать записи! Этот фокстрот действует просто убийственно после *Wake me up*^[59] и *Wham Rap*^[60] звучавших в полную силу! Девчонки вспотели, блузки облепили тела, аж соски просвечивают. Ну и хитрец мой братец!

Я бесшумно отодвигаюсь в тень: чтобы писать, мне свет не нужен. Составляются пары.

Стеф с Магнусом, Вера с Людо, Канди с Фредом, Патрисия колеблется между Эстефаном и Филиппом, Катя ждет, пока выберет подруга, одним словом – большой летний супермаркет. Спешите отовариться, распродажа заканчивается в августе.

Если меня пригласят потанцевать, я пошлю куда подальше. И буду плакать до утра.

Никакой опасности!

Прекрасный Джордж Майкл вернулся с *Careless Whisper*^[61]. А я веселюсь, веселюсь, веселюсь в своем укромном уголке. Вы слышите, мой конфидент? Я ВЕСЕЛЮСЬ! Как мышка в норке.

Первый круг только разошелся, Нико оставил шведку Тесс, не удостоив даже взглядом Аурелию, протянувшую к нему руки. Мария-Кьяра оставила красавчика Эстефано. Король и королева бала готовы встретиться.

Дело пошло, маркиза де Мертей направляется к Вальмону.

Шаг, другой, третий под светом фонариков.

Кругов больше нет, пары танцуют, плачет саксофон.

Сошлись всего две точки.

Белое платье Марии-Кьяры меняет цвет, когда она рассчитанно медленно проплывает под очередным фонариком.

*Синий желтый красный синий желтый красный синий желтый
красный*

Николя стоит под последним – красным – фонариком гирлянды, растянутой на ветвях оливы.

Синий желтый красный синий желтый

В десяти метрах от Николая Мария-Кьяра вдруг останавливается.

Желтый

Возможно, почувствовала взгляд.

Она отступает в сторону, ее платье теперь освещает только лунный свет.

Белый

Я ждала чего угодно, только не этого. Мария-Кьяра поворачивается спиной к моему брату, ее обнаженные руки, влажные от пота груди, взмокшая талия тянутся к... Герману.

Циклоп не верит своим глазам.

12

14 августа 2016

18:00

Когда будешь завтра в Арканю, у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Несколько слов, написанных почерком, как две капли воды похожим на почерк ее матери, крутились в голове Клотильды.

Все быстрее и быстрее.

Завтра... я увижу тебя...

Она боролась с двумя противоречивыми чувствами, нетерпением и страхом, – тем страхом, что электризует и одновременно парализует накануне первого любовного свидания.

Завтра... говорилось в послании.

Осталось меньше двух часов. Этим вечером они приглашены на ужин в овчарню Арканю, в дом дедушки и бабушки. Кто будет ждать там? Кто ее увидит?

Клотильда замерла перед зеркалом в душевой. Оставить длинные волосы распущенными или сделать строгий пучок? Третий вариант – взлохматить волосы, чтобы торчали во все стороны, как делала в пятнадцать лет, – она домыслить не решалась. Клотильда попыталась сосредоточиться и вспомнить, как выглядит овчарня. Большой, залитый солнцем пыльный двор, море за каждым глинобитным домом, прилепившимся к скале... Следующие строчки письма вытесняли обрывки воспоминаний.

...и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

Клотильда попросила Валу сделать над собой усилие – надеть длинную юбку и закрытую майку, заколоть волосы, обойтись без жвачки и темных очков «Рей-Бан». Девочка согласилась – с недовольным видом, но даже не пытаясь выяснить, с чего вдруг она должна так наряжаться ради визита к прадедушке почти девяноста лет от роду и прабабушке, которой исполнилось восемьдесят шесть.

В туалете было пусто, только Орсю медленно мыл пол и кабины, перенося тяжелое ведро здоровой рукой. Он делал это каждые три часа, в том же ритме, что и другую свою работу: поливал, сгребал мусор, корчевал, полыл, включал подсветку... Рабство чистой воды!

Клотильда улыбнулась великану, но он не ответил, она пожала плечами и принялась подводить глаза черным, решив придать им восточную глубину. А может, вспомнила любимую готскую моду? Дверь за ее спиной открылась, впуская двух подростков.

Грязные кеды, в руках наушники, на коленях и локтях флуоресцирующие защитные щитки. Они направились прямо в кабинки, очень быстро вышли и с отвращением посмотрели на собственные грязные следы на мокром кафеле. Тот, что повыше, замер, как перед смертоносными зыбучими песками, и повернулся к Орсю:

– Чертов свинарник!

Второй осторожно, чтобы не поскользнуться, обогнул грязное место, шагнул в другой угол и начал там топтаться.

– Ты нам осточертел, Хагрид! Неужели нельзя мыть сортир рано утром или поздно вечером, когда никому сюда не надо?

Первый, лет тринадцати, не больше, – из-под велосипедных шортов выглядывают фирменные трусы – решил перещеголять

приятеля:

– Вот именно, Хагрид, так делают везде – в школе, в офисе моего отца, даже в уличных туалетах. Мусор вывозят и дерьмо убирают, когда люди еще спят в своих постелях или уже разошлись по домам.

Коротышка – на вид максимум двенадцать лет – в длиннющей футболке *Waikiki XXL*^[62] подал следующую реплику:

– Это работа, а не развлечение, Хагрид. Обслуживание пользователей, уважение к клиентам, понимание сути туристического бизнеса. Унитазы должны блестеть, дерьмо – исчезать как по волшебству, а тебе лучше оставаться невидимкой.

Орсю бросал на малолетних мучителей затравленные взгляды, ненависти в его глазах не было – только страх. Его пугали их слова, то, что они могли сделать. Возможно, даже их разочарование.

Клотильда колебалась. Будь она помоложе, уже кинулась бы в бой, а сейчас дала себе три секунды и только после этого резко повернулась к подростку постарше. Три секунды... Не так уж ты и постарела, дорогая...

– Как твоя фамилия?

– Зачем это?

– Назови свое имя!

– Седрик.

– Седрик... А дальше?

– Седрик Фурнье.

Она кивнула второму парню:

– Твоя очередь.

– Максим. Максим Шантрель.

– Ладно, я с этим разберусь.

– С чем, мадам?

– Решу, буду ли подавать жалобу.

Мальчишки переглянулись. Они не понимали. Жалобу на этого типа – за то, что плохо убирается? Вряд ли. До такого они доводить не хотели...

– Да-да, жалобу – за оскорбление работника при исполнении, замечания дискриминационного характера (она демонстративно бросила взгляд на негнущуюся руку Орсю), злоупотребление властью в отношении третьего лица.

– Вы издеваетесь, мадам?

– Мэтр – не мадам. Мэтр Барон. Адвокат по семейному праву, «IENA и Компаньоны» в Верноне.

Они снова переглянулись, совершенно подавленные.

– Пошли вон!

Ребята испарились.

Орсю не ответил на ее улыбку. Ну и ладно. Клотильда повернулась к зеркалу, гордясь в душе взбучкой, которую устроила маленьким негодьям, уголком правого, уже подведенного глаза она косилась на бородатого великана. Он еще мгновение постоял неподвижно, потом кинул тряпку в ведро и достал чистую.

Внезапно у Клотильды так сильно закружилась голова, что она выронила кисточку и обеими руками ухватилась за раковину.

Черная струйка туши потекла по белоснежной эмали.

Она пыталась успокоиться и точно восстановить в памяти безобидный жест Орсю. Бросить грязную тряпку в ведро и вытащить из него другую, чистую.

Невозможно, невозможно, невозможно.

Полоска черной туши медленно подбиралась к сливному отверстию – совсем как змея, ползущая в свое убежище.

Безобидный жест.

Орсю, повернувшись к ней спиной, убирал щеткой следы, оставленные юными придурками.

Ирреальный жест... потусторонний.

Она теряет рассудок.

– Потрясающе выглядишь, Валентина...

Червоне Спинелло стоял в дверях административного корпуса, приветствуя входящих и выходящих, как опытный лицейский надзиратель, взирающий на покидающих здание учеников. Его жена Аника на превосходном английском беседовала со скандинавскими туристами, взгромоздившими на стойку огромный тяжеленный рюкзак. Высокая, элегантная, утонченная, внимательная и деловая, она была сердцем и легкими кемпинга «Эпрокт», его душой и святой покровительницей. Червоне отводилась роль кюре.

Валентина обернулась, поблагодарила за комплимент и, указав пальчиком на собранные в хвостик волосы, потом на длинную юбку, сообщила заговорщицким тоном:

– Я при исполнении. Через два часа мы ужинаем у предков.

– У Кассаню и Лизабетты? В овчарне Арканю?

Валентина многозначительно улыбнулась, заправила непокорную прядь под розовый шелк повязки и перевела взгляд на щит с планом будущего комплекса «Скала и Море».

– Между прочим, мама считает, что при дедушке лучше вашу стройку не поминать.

Аника повела шведок смотреть свободные места. Червоне убрал телефон в карман, приобнял Валентину за плечико, развернул ее лицом к большой карте Корсики и ткнул пальцем в центр Средиземного моря:

– Можешь назвать третий по величине аэропорт Испании после мадридского и барселонского?

Девочка покачала головой, не понимая, куда клонит директор.

– Пальма! Пальма-де-Майорка. Столица Балеарских островов. Площадь Балеар – пять тысяч квадратных километров, население – один миллион и... десять миллионов туристов в год! Вдвое меньше Корсики – и в четыре раза больше приезжающих... А ведь на островах нет и четвертой части достопримечательностей нашей Корсики, так, два пляжа, три грота да гора – не выше полутора тысяч метров. (Палец продолжил движение по синеве карты.) А теперь ответь, почему один средиземноморский остров привлекает туристов, создает рабочие места и богатеет, а другой ничего подобного не делает и, соответственно, не имеет?

– Я... я не знаю.

– Поймешь сегодня вечером. Даже вопросы задавать не понадобится, просто слушай деда.

– Прадеда.

– Ну да, конечно... Тебе известно, что Кассаню был одним из лучших друзей моего отца? – Он указал рукой на горизонт: – Посмотри туда.

Валентина обвела взглядом полуостров Ревеллата, похожий на огромный голый палец.

– Что видишь?

– Ничего.

– Вот именно – ни-че-го! – воскликнул Червоне. – Корсика – это рай, один из красивейших островов планеты, дар небес, и что же они с ним сделали? Ничего! Разве что конфисковали в свою пользу, как

старики, прячущие деньги под матрасом. Из-за них мы потеряли полвека. Назовешь самое крупное корсиканское предприятие?

– Ну... Нет.

– Супермаркет! Молодежь бежит с острова, но у части населения все равно нет работы. По вине так называемых защитников Корсики. Добровольным изгнанникам приходится искать счастье в Марселе или Парижском регионе. Они становятся экономическими беженцами, живут весь год в унынии, приезжают на месяц в отпуск, общаются с родственниками и улетают, заливаясь горючими слезами. И это помощь Корсике? Так они любят родину, наши корсиканцы?

Взбурдаженный директор кемпинга схватил Валентину за руку и перевел взгляд на плакат, прикреплённый к стене в холле.

– Комплекс «Скала и Море». Старый проект из пожелтевшей от времени папки. Я годы положил на то, чтобы купить этот участок. Когда строительство закончится, появится тридцать постоянных рабочих мест. Летом их будет втрое больше. Одно я придержу для тебя, и это не пустое обещание. Ты тоже изгнанница, значит, заслужила. Кроме того, ты – наследница. – Червоне коснулся щеки Валентины, наклонился и прошептал ей на ухо: – И на этот раз твой предок слова не скажет поперек.

Девочка попыталась высвободиться, но он удержал ее.

– Все здесь боятся Кассаню. Даже сегодня. Он здесь хозяин.

Червоне наконец отпустил Валентину, подул на ладони, пошевелил пальцами, как будто стряхивал волшебный порошок, и заключил:

– Да, все – кроме меня. Скажу по секрету, я околдовал Кассаню Идрисси и он теперь исполняет все мои желания.

Тушь наконец стекла в слив, оставив за собой серый улиточный след. Клотильда пыталась взять себя в руки, наблюдая в зеркале за Орсю. Он закончил убирать дальнюю кабинку и начал ритуал заново.

Бросить грязную тряпку в мыльную воду, достать чистую, отжать одной рукой, держа между коленями, намотать на швабру.

Клотильда закрыла глаза.

Картинка никуда не делась. Ведро, швабра, мокрый пол.

Так выглядела кухня в доме Турни в Нормандии, где прошли первые пятнадцать лет ее жизни.

Но там со шваброй управлялась мама.

Пальма научила их своей технике – сына Николая, мужа, у которого было не много обязанностей по дому, и дочь Клотильду. Ее. Так в других семьях из поколения в поколение передают секреты ремесла.

Делать уборку двумя тряпками, все время оставляя одну отмокать, менять их местами – для экономии времени, вот и весь ритуал.

И Орсю знал его и практиковал.

Клотильда открыла глаза и попыталась успокоить нервы, рассуждая логически.

Орсю использует их «семейный» прием, как сотни тысяч других мужчин и женщин. Нельзя терять голову, становясь жертвой нелепых обстоятельств. Она должна контролировать себя, не поддаваться эмоциям – короче, обратиться к своему адвокатскому опыту. Именно выдержка помогает ей добиваться успеха, защищая интересы женщин, которые остались одни с детьми после развода. Клотильде чаще всего удавалось договориться о разделе имущества и совместной опеке на хороших условиях, даже если бывшим мужьям ужас как не хотелось продавать дом, построенный собственными руками.

Она должна собраться.

Справиться с волнением на ужине в Арканю, задать бабке с дедом правильные вопросы.

Держать себя в руках на встрече с Чезаре Гарсией. Несколько часов назад Клотильда позвонила отставному жандарму, но он не захотел объясняться по телефону: «Все завтра, Кло, приезжай в любое время ко мне в Каленцану. Я всегда дома».

Орсю уходил, прихрамывая, в здоровой руке ведро и швабра. А она все никак не могла совладать с нервами. И дело было не только в диком совпадении двух методик (любая из ее подруг умерла бы со смеху!), маминой и Орсю, но и в тех гадостях, что подростки наговорили несчастному великану. Клотильду бесило, что они зовут инвалида Хагридом, что Червоне внаглую эксплуатирует его – здесь, на этом острове, среди людей, которых она идеализировала.

Клотильда посмотрела на часы.

Через час нужно быть в Арканю.

Кто-то ждет ее там. Ждет и надеется узнать.

Она скорчила капризную гримаску и мысленно повторила текст записки. Как молитву. Как шпионскую инструкцию, которую следует выучить наизусть, потому что хранить ее смертельно опасно.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Разве что поднять глаза к небу и любоваться на Бетельгейзе. Знала бы ты, моя Кло, сколько ночей я глядела на эту звезду и думала о тебе!

Свет погас, и помещение погрузилось в полумрак.

Вся моя жизнь – темная комната.

В дверях появился Франк:

– Поехали, Кло?

Целую тебя.

П.

13

Понедельник, 14 августа 1989,

восьмой день каникул,

небо цвета голубой розы

Привет, привет!

На днях я оставила вас с моими знакомыми подростками, танцующими ламбаду.

Вы не сердитесь?

Я говорю «мои», потому что причисляю себя к племени, хотя формально в него пока не вхожу...

М, Н, Э, К, Г, Мария-Кьяра и Николая, Червоне, остальные... Великие любовные истории. Уверяю, вы ничего не пропустили, все только начинается, сделаны лишь первые робкие шаги. Буду держать вас в курсе.

А может, моя подборка флиртов кажется вам несерьезной? Неужели вы считаете их интрижками, о которых действующие лица забудут, как только повзрослеют?

Если так, я расскажу вам запутанную историю любви, несчастной, трудной – все, как вы любите.

Взрослую историю.

О мужчине и женщине.

С самого начала каникул все между ними было хорошо. Не подумайте, что обычно они то и дело ссорятся, но особого лада тоже нет. Папа поздно возвращается, мама его ждет, они говорят о домашних делах – съездить за покупками, выбросить мусор, то да се, – иногда куда-нибудь ходят, ну и любовью занимаются. Как только мы отправились в путь, родители повеселели, стали нежничать: поцелуйчики в шею, «ты очень хороша, дорогая», кокетливый смешок... На мой взгляд, папа прилагает больше усилий, чтобы подзарядить батареи супружеского либидо. Но тут... Трах! Бах!

Катастрофа...

Сейчас все объясню. Папа с мамой встретились на Корсике тысячу лет назад, мама тогда с подругами путешествовала по острову на мотоциклах, а папа жил с родителями в овчарне Арканю. Детали романа неизвестны, но познакомились они 23 августа 1968 года, в День святой Розы, на Ревеллате.

23 августа, в годовщину встречи, папа обязательно преподносит маме букет роз: красные символизируют страстную любовь, белые – чистую любовь, оранжевые – желание... По семейному преданию, самым красивым был букет шиповника, который он срезал для любимой в первое лето. Мама очень любит эти дикие, вольные цветы. *Rosa canina*^[63].

Сколько себя помню, 23 августа мои родители устраивают себе передых и проводят вечер в *Casa di Stella*, лучшем табльдоте^[64] между Кальви и Порто, – романтическая терраса под оливами, еда, приготовленная на открытом огне, тушенная говядина по-корсикански, жареный групер^[65], игристый мускат «Казанова». В ресторан можно попасть прямо из Арканю, поднявшись по крутой тропинке. На ночь отец заказывает «номер для новобрачных» с огромной деревянной кроватью в деревенском стиле, мраморной раковиной, старинной ванной на ножках посреди комнаты и огромным окном с видом на Большую Медведицу. Так я себе это представляю. У меня есть заветная мечта: хочу, чтобы в один прекрасный день возлюбленный

пригласил меня в *Casa di Stella*, Дом Звезд... Умоляю, скажите, так и будет, ведь правда?

Скобки закрываются?

Брачные утехи моих родителей на балконе Млечного Пути остались в прошлом.

В этом году все пошло не так.

Началось с афиш, расклеенных в кемпинге и окрестностях. Концерт корсиканской полифонии. 23 августа. Начало в 21:00. Исполняет группа «А Филетта»^[66] – кажется, суперзнаменитая. Она гастролирует по всему миру, а теперь вот решила выступить в церкви Санта-Лючии, в заброшенной деревне Придзуна, что в Галэрии.

Папа решил провести «артподготовку» – по правде говоря, довольно неуклюжую.

Первое: я «натыкаюсь» на афишу.

Второе: рассказываю (с восторгом), что это лучшая группа планеты Земля, и заставляю всех день и ночь слушать кассеты с записями.

Третье: аккуратно, впроброс, намекаю Пальме Маме, что годовщину встречи можно перенести на день накануне Святой Розы.

Результат вышел просто ужасный.

Мама не сказала «нет». Ответила: «Как хочешь...»

Жуткие слова! Теперь она ведет себя и выглядит как Роза Маленького принца. Прямая, гордая, оскорбленная. Ощетинившаяся всеми шипами.

Моя мать – самый горделивый цветок в мире.

Сегодня пошел восьмой день каникул, и мы пребываем в подвешенном состоянии.

Лично я вижу два возможных выхода.

Первый – вполне вероятный. Пальма Мама делает все, чтобы папа почувствовал себя виноватым и отказался от идеи пойти на концерт. Никогда в этом не признаюсь, даже под пыткой, но я поддерживаю маму! Женская солидарность обязывает!

Выход номер два: папа не сдастся, начинается холодная война, длится до посадки на паром, а возможно, продолжается и в Париже.

Есть третий выход, хуже двух предыдущих. Родители втянут в свою ссору нас с Николя. Папа всерьез оскорбится и не захочет

уступить, заявит, что мы не уважаем свои корни, не хотим впитать островную культуру, познав ее через песни «А Филетты»...

Его одержимость может показаться вам комичной, и вы решите, что все это выеденного яйца не стоит, но...

Не смейтесь, мой читатель из будущего.

Идрисси очень упрямы.

Вечером 23 августа на карту будет поставлена судьба нашей семьи. Из-за глупого пустяка!

* * *

Из-за глупого пустяка, повторил он.

Четыре смерти.

Трое мужчин и женщина.

По глупости.

14

14 августа 2016

19:00

Франк вел машину на небольшой скорости. Он не боялся заблудиться – к овчарне Арканю вела одна дорога, но после каждого поворота пропасть, подступавшая к асфальту, становилась все глубже.

Клотильда сидела рядом, прислонившись виском к стеклу, и не видела ни асфальта, ни парапета – только пустоту. Машина казалась ей кабиной, плывущей по небу и привязанной невидимым канатом к вершинам гор, а дверца – окном в небытие. Канат мог порваться в любой момент.

Овчарня Арканю находилась чуть выше. Туда можно было добраться напрямик, по тропинке длиной в пятьсот метров, дорога же растянулась на три километра.

– Все время прямо, – тихо произнесла Клотильда. – Ты не пропустишь, других домов здесь нет.

Франк проехал мимо единственного указателя *Casa di Stella*, 800 метров. Деревянный щит стоял в центре небольшой земляной стоянки, откуда ответвлялись прогулочные тропы. Валентина опустила стекло, и машину заполнил аромат сосен, смешанный с переменчивыми запахами маккии. Тмин, розмарин, дикая мята...

Образы сами собой возникали в мозгу Клотильды, за каждым поворотом открывался новый, но такой знакомый пейзаж: огромная корсиканская сосна, на два метра выше других деревьев, над каменистым руслом реки развалины старинной мельницы, где когда-то мололи каштаны^[67], одинокий ослик, щиплющий траву на бесхозном лугу. За тридцать лет ничего не изменилось, как будто люди намеренно старались сохранить родные места нетронутыми. А может, просто навсегда покинули этот уголок острова.

Остались только Идрисси.

Тремя поворотами выше они встретили первое человеческое существо. Старая женщина шла по обочине, со стороны горы. Сгорбленная, вся в черном, она будто носила траур по деревне, которая канула в бездну, оставив ее доживать свой век в одиночестве. Франк снизил скорость и не без опаски съехал еще ближе к пропасти. Старуха бросила на них недобрый взгляд, удивляясь, откуда взялась незнакомая машина. Клотильда оглянулась и увидела, что она гневно потрясает им вслед рукой и бормочет какие-то ругательства. Ей стало ясно, что ведьма вовсе не приняла их за туристов, заблудившихся на «ее» земле, потому что знала их – вернее, узнала, вот и произнесла зловерные заклинания.

И адресовала их ей, Клотильде.

Машина повернула, и корсиканка исчезла из виду.

Через несколько сотен метров они миновали пологое место, выехали на ведущую влево гравийную аллею и оказались на просторном дворе овчарни. Старый альбом воспоминаний послал Клотильде новые образы. Ферма в Арканю, все называли ее просто овчарней, это лишь три строения из сухого серого камня – жилой дом, рига и большой загон для животных, – которые образовывали на склонах Балани букву «U». Все окна выходили на северную сторону, открывая людям, козам и овцам панорамный вид на мыс Ревеллата и Средиземное море. В центре фермы – глинобитный двор,

окаймленный живой изгородью из кустов шиповника и украшенный клумбой с дикими орхидеями, любимыми цветами хозяйки. Казалось, что только они и могли расцвести в тени зеленого трехсотлетнего дуба, патриарха владений Идрисси.

Клотильда перевела взгляд на ригу. Скамейка – треснувший посередине ствол, на котором она слушала музыку вечером 23 августа 1989-го, – на прежнем месте. *Mano Negra* надрывался в наушниках, на коленях у нее лежал раскрытый дневник, потом подошел Николая.

Кло, мы тебя ждем. Папа не...

Странно, но из всех пузырей с воспоминаниями последним лопнул тот, где хранилась тетрадка, забытая на скамье. Кто ее подобрал? Кто открыл? Она практически не помнила слов и фраз, которые тогда писала, не забылся только замысел – злой, циничный, часто жестокий. Так было до встречи с Наталем. Тот, кто нашел дневник, наверняка счел ее настоящей дрянью! Ох, как славно было бы перечитать его сегодня. Летом 89-го Клотильда больше всего боялась, как бы на него не наткнулись отец или мать. Слава богу, этого позора удалось избежать... Кто угодно мог вторгнуться в личное пространство Клотильды после аварии или возвращения на континент. Кто угодно – кроме родителей!

Кассаню и Лизабетта ждали на пороге дома. Клотильда не видела дедушку с бабушкой двадцать семь лет, но ей не показалось, что они так уж сильно постарели. Она регулярно писала им поздравительные открытки, сообщила о рождении правнучки, посылала фотографии. Этим общение и ограничивалось. Родители отца давным-давно отказались приезжать на континент, а Клотильде понадобились долгие годы, чтобы собраться с силами и вернуться на место трагедии.

Кассаню пожал руку Франку, похлопал по плечу Клотильду, потом Валу. Лизабетта расцеловала гостей, обняла, прижала к груди, пригласила войти и чувствовать себя как дома. Она не умолкала ни на секунду, а вот Кассаню очень быстро утомился.

Они прошли по анфиладе комнат со стенами из сухого камня. Жилые помещения соединялись между собой огромными балками, в которых было нечто первозданное. Кассаню ждал, сидя за столом, накрытым во дворе, под перголой^[68].

Картинки прошлого колыхались в тумане памяти Клотильды. Шкафы под деревянной лестницей, где они с Николя каждое лето играли в прятки. Огромный очаг – она ни разу не видела его горящим, но считала, что в нем можно зажарить целую акулу. Вид на море из окон всех этажей. Мама кричит, чтобы она не перегибалась через подоконник. Чердак, высокий, как собор, где они с кузенами и соседскими мальчишками устраивали то замок с привидениями, то будуар.

Фотографии в рамках развесили по стенам не двадцать семь лет назад. Клотильда узнала Кассаню, Лизабетту, отца – иногда портрет, иногда на фоне гор или моря. Были здесь и их с Николя снимки: она – в крестильном платье, он – в парадной одежде для первого причастия. На другой фотографии они шли по генуэзскому мосту над бурной рекой. Клотильда не пыталась вспомнить, когда, где и кто их снимал, – важен не факт, а захлестнувшее душу чувство.

Маминой карточки не было.

Ни одной.

Зато на многих снимках позади Лизабетты и Кассаню стояла колдунья со скрюченными пальцами – та самая, которую они встретили на дороге. Во втором, нижнем ряду Клотильда узнала фотографии, которые сама посылала на Корсику. Вот они с Франком на мосту Риальто в Венеции, Валентина на трехколесном велосипеде, вся семья в вязаных колпаках позирует на фоне заснеженной Мон-Сен-Мишель^[69]. Клотильда как загипнотизированная брела вдоль стены, где пересекались поколения.

Лизабетта вдруг всполошилась: «Боже, как поздно!» – и начала подгонять их: «За стол, за стол!» Они вышли во двор и увидели дедулю Кассаню. Он дремал, но, стоило всем рассестись, уверенно повел беседу, позволив жене сновать между кухней и террасой. Кто-то ведь должен нарезать хлеб, открыть корсиканское вино, принести блюдо с колбасами и разлить свежую воду.

Клотильде казалось, что застолье никогда не закончится. Общие темы для разговора быстро истощились, и она все время отвлекалась – следила за солнцем, скользившим по небу к воде. Оно напоминало огромные часы, стоявшие на краю длинного обеденного стола.

...задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

До наступления темноты...

Пламенеющее небо было бледнее румянца на щеках Клотильды, когда она решила наконец выйти из-за стола. Лизабетта подавала десерт.

– Извините, я на минутку, – прошептала Клотильда, беря за руку дочь. – Ни о чем не спрашивай, Валу, просто пойдём со мной. Ненадолго.

Франк и Кассаню остались одни.

Лизабетта с невероятной скоростью убрала тарелки и приборы, оставив мужчин перед двумя стопками и бутылкой водки, настоящей на цедрате, а сама незаметно исчезла – как испарилась. Кассаню посмотрел на часы и улыбнулся:

– Она вернется через двадцать минут. Моя жена – великолепная хозяйка, сами видели, но готова нарушить все традиции корсиканского гостеприимства, лишь бы не пропустить очередную серию «Жизнь прекрасна»^[70]...

Сцена показалась Франку ирреальной. На высоте пятисот метров, за три километра от любого другого человеческого жилья, в самом сердце Корсики...

Жизнь еще невероятней.

У Кассаню был на редкость живой ум, да и на физическую форму он не мог пожаловаться. Франк подумал, что хотел бы остаться таким же в старости. Прямым, решительным, при необходимости – несгибаемым, с крепкими руками, чтобы строить семью, квадратным лицом, ясно выражающим убеждения человека, и упрямой башкой.

Франк глотнул водки и бросил взгляд на Клотильду и Валу. Они стояли метрах в пятидесяти от террасы, под зеленым дубом.

– Понятия не имею, что она там делает, – смущенным, почти извиняющимся тоном признался он.

Старика это как будто позабавило.

– Растворится, возвращается в детство. Даже дальше – к корням. С последнего раза Клотильда очень изменилась.

Франк представил себе сюрреалистические фотографии жены в юности. Ежик волос и полный арсенал гробовщика. Когда-то готической бунтарке было явно непросто «раствориться» в местном пейзаже.

– Полагаю, что так.

Кассаню поднял стопку, предлагая выпить, как будто приобщал парижанина к клану Идрисси.

– Чем вы занимаетесь, Франк?

– Работаю в Эвре. Это городок в часе езды от Парижа. Координирую обслуживание зеленых пространств.

– Начинали садовником?

– Да... Поднимался постепенно. Цеплялся, как глициния, плющ или омела... Некоторые коллеги наверняка именно так обо мне и думают.

Кассаню задумчиво посмотрел на Клотильду и Валу – возможно, вспомнил сына, который тоже учился на агронома, а потом стал торговать газонным покрытием.

– Знаете, почему пятьдесят лет назад я назвал этот кемпинг – первый в северо-западной части острова – «Эпрокт»? – спросил старый корсиканец.

– Даже не догадываюсь.

– Вам будет интересно. *Эпрокт* – это маленькая саламандра, живет у воды, под камнями. Она любит покой и тишину, в светлое время суток всегда спит. Сегодня ящерка занесена в Красную книгу. Ее присутствие свидетельствует о качестве воды и о том, что на острове царят покой и равновесие, что здесь нет чужаков. На территории между Арканю и кемпингом, до самой бухты Ревеллата, раньше жили сотни саламандр.

– А сейчас?

– Сейчас они бегут... как все.

Франк немного поколебался, сделал большой глоток водки и решил испытать старика на прочность.

– Ну, не все. Мне показалось, что на острове полным ходом идет строительство кемпинга, комплекса «Скала и Море».

Кассаню в ответ только улыбнулся.

– За семьдесят лет, Франк, цена земли на этом каменистом острове выросла в восемь раз. Когда новость о строительстве

распространилась, она еще удвоилась. Почти три тысячи евро за метр квадратный. Да, Франк, все бегут. И это не прекратится, пока корсиканцы не добьются введения статуса «резидент Корсики»^[71]. Чужак заплатит целое состояние за апартаменты в приморском отеле и будет проводить здесь два месяца, а тридцать молодых корсиканцев не найдут жилья, потому что оно слишком дорого! Их вряд ли утешит предложение десять раз за год понырять в бассейне комплекса.

Он слегка повысил голос. Франк не мог согласиться с доводами патриарха. Землей спекулируют не только на Корсике. Он и сам мечтал о красивых домах, дорогих машинах, яхтах и реактивных самолетах, хотя знал, что они ему не по карману.

Ссориться с дедом жены не следовало: по слухам, он был самым могущественным гражданином острова.

Франк окликнул Клотильду:

– Ты идешь?

– Да, сейчас.

Огненный шар на горизонте нырнул в Средиземное море.

Валу издала стон.

– Что теперь, мама?

– Побудем еще немного у дедушки с бабушкой.

– Сколько?

– Пока не стемнеет.

Клотильда подчеркнуто проигнорировала недовольную гримаску дочери и обвела взглядом окрестности. С холмика, на котором рос дуб, открывался потрясающий вид.

Задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Наблюдает ли за ней автор записки? За ней и Валу?

Кто он?

Где он?

Ее можно было увидеть из миллиона разных мест, с любой точки в горах, тянувшихся амфитеатром с востока на юг. Наблюдатель с биноклем, засев в зарослях маккии, сумел бы разглядеть мельчайшие детали. Не исключено, что он гораздо ближе, за окном овчарни, в

стоящей справа риге или в сарае, что слева, в одной из пастушеских хижин, рассыпавшихся по лугам Балани.

Наблюдателем может быть кто угодно.

Она его вычислит.

– Пошли, мама?

Солнце скрылось. Автор записки не появится, но продолжит следить – если у него есть инфракрасный бинокль.

Черт-черт-черт! Она сходит с ума. Кассаню и Лизабетта, должно быть, недоумевают: с чего это их внучка застряла под дубом? А Франк не простит ей, что она бросила его в пасть старому льву.

– Можешь идти, Валу.

В горах и бухте Кальви начали зажигаться огни. Клотильда чувствовала себя муравьем на огромном поле, которого насмерть перепугали светлячки. У ворот овчарни появилась тень, остановилась, посмотрела в ее сторону и исчезла за ригой. Клотильда узнала ведьму, обругавшую их на дороге.

В небе над скалами заблестели первые звезды, похожие на окошки хижин, воспаривших над землей и поднявшихся в небо.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Разве что поднять глаза к небу и любоваться Бетельгейзе.

Знала бы ты, детка, сколько ночей я глядела на эту звезду и думала о тебе!

Клотильда понятия не имела, которая из этих звезд – Бетельгейзе.

Неужели кто-то где-то действительно наблюдает за небесным телом одновременно с ней? Вместе с ней. Как Экзюпери, который искал глазами астероид своего Маленького Принца.

Ее мать?

Бессмыслица.

«Отомри! – приказала себе Клотильда. – Подойди к Франку, извинись, поговори с дедом и Лизабеттой, уезжай и забудь!»

Собака забежала во двор в тот самый момент, когда Клотильда уже решила спуститься вниз с холма. В сумерках она не разглядела масть пса, но он напоминал крупного лабрадора. Клотильда любила

собак, да и всех других животных тоже. Любила и совсем не боялась. В другой жизни она хотела бы работать ветеринаром. С какой стати человеку пугаться бегущего к нему пса? Кассаню позовет мохнатого великана, и он не успеет ткнуться ей в колени и облизнуть юбку. Воля деда распространяется на всех корсиканцев на тридцать километров вокруг, и не четырехлапой животине ее нарушать.

Кассаню Идрисси не произнес ни единого слова и не шевельнулся.

В тот момент, когда лабрадор оказался совсем рядом с протянутой рукой Клотильды, в воротах появилась массивная тень и, отдавая ясный приказ, подняла руку.

Орсю!

В следующую секунду она услышала его голос:

– Стоп, Паша́. Ко мне.

Пес замер на месте, не успев коснуться носом пальцев женщины. Он выглядел совершенно мирным, а его насмешливый взгляд мог запросто даже козу довести до иступления. Клотильда прислонилась к стволу дуба и очень медленно сползла вниз, на траву.

Удивленный Паша́ не мог решить, стоит ли вылизать руку или щеку странной женщины, и Орсю повторил:

– Ко мне, Паша́.

Паша́.

Так звали не лабрадора, а ее маленькую дворняжку – подарок матери на первое Рождество.

Паша́.

ЕЕ собаку.

До семи лет Клотильда носила песика на руках, возила в коляске, закармливала шоколадом и сахаром. Паша́ был с ней повсюду, как живая плюшевая игрушка, он спал в ее постели днем и ночью, лежал рядом, свернувшись клубочком на сиденье «фуэго». И вдруг исчез. Сбежал, перепрыгнув через забор или найдя дыру. Когда Клотильда и Пальма вернулись из школы, его не было. Мохнатый дружок не вернулся, девочка никогда больше его не видела, но не забыла.

Орсю свистнул, и на сей раз пес послушался.

Совпадение... Клотильда пыталась урезонить перепуганный мозг – получалось плохо. Еще одно совпадение? Тысячи французских

собак носят кличку Паша́...

Лабрадору Орсю на вид лет десять, не больше. Значит, он родился лет через двадцать после аварии. Так зачем называть его именем нормандской дворняги, сбежавшей в 1981 году? Лапы того песика никогда не ступали на землю Корсики, его каждое лето оставляли на попечение родителей Пальмы. Кассаню, Лизабетта и Орсю, скорее всего, понятия не имели о существовании Паш́и I.

Клотильда увидела, что Франк встал, а Валу села на скамью и надела наушники.

– Едем, Кло?

Что мать, что дочь, одного поля ягода, должно быть, подумали старики. Бабушка Клотильды вышла за ограду и по-матерински обняла Орсю.

– Едем...

Нелегко сказать «нет». Невозможно задержаться. Стоя в одиночестве под дубом, Клотильда продемонстрировала свою «неродственность».

Вся моя жизнь – темная комната.

В «Битлджусе» юная Лидия Дитц умеет говорить с призраками. Что, если у Клотильды был такой же дар?

Раньше. В пятнадцать лет.

Она его утратила, и сегодня вечером ни одно привидение не вступило с ней в контакт.

Разве что призрак ее пса.

Дворняжки, чья душа переселилась в лабрадора.

15

***Понедельник, 14 августа 1989,
восьмой день каникул,
небо голубое, как цветущий лен***

Признаю, что редко пишу вам два раза на дню. Как правило, я беру ручку, когда все еще спят, или вечером, укрывшись в моем

Тюленьем Гроте, и пишу при свете фонарика – вам, мой читатель со звезд.

Сегодня утром, как вы, конечно же, помните, я открыла дневник, чтобы просветить вас насчет важного дела, рассказать, как папа пытается сторговаться с мамой насчет концерта вместо романтического ужина в *Casa di Stella*. Мама упорно молчит. Рта не раскрывает. Мы с Нико пытаемся оценить побочные потери.

Бум! Первые бомбы сброшены на остров Красоты.

Мне продолжать?

Вот и отлично! Во второй половине дня все святое семейство Идрисси оказалось в Кальви на улице Клемансо, главной торговой улице, чтобы... Как бы это назвать? Сыграть партию в покер? Думаю, супружеская жизнь сильно смахивает на эту карточную игру.

Партия игры во вранье.

Вообразите узкую, идущую вверх улицу, где народу больше, чем в пасхальные дни на дороге к аббатству Мон-Сен-Мишель.

Перед вами Кальви в разгар дня.

Мама сегодня молчаливей обычного. Она идет медленно, разглядывает витрины, останавливается, прибавляет шаг и все время оказывается чуть впереди или позади нас. Папа и Николя жарятся на солнцепеке у подножия лестницы, ведущей к цитадели. Они фотографируют порт, любуются яхтами и итальянками. Маму как магнитом тянет к обувному магазинчику. Потом она застревает у бутика корсиканской фирмы «Беноа», классной и супероригинальной. Всего лишь кусочки тканей на пластиковых манекенах стоят чертову прорву денег, но с мамиными шмотками сравниться не могут.

Я – наблюдатель. Шагаю по тротуару, гоняю по кругу в наушниках песни *The Cure*^[72] – «Парни не плачут», «Шарлотта порой» и «Влюбленные коты» – и в ус не дую. Моя цель там, наверху.

Мы целый час поднимались к укреплениям, а мама так и не промолвила ни слова. Она открыла рот у подъемного моста при входе в Цитадель, перед стелой, утверждающей, что здесь родился Христофор Колумб (иногда корсиканцы смешат меня до колик!)^[73].

– Где твой фотоаппарат?

Браво, мамочка, у тебя зоркий глаз! Сумка, висящая на папином плече, открыта, «Кодака» на шее нет, он что-то бормочет, как дурак смотрит вниз.

– Черт...

Я обожаю своего отца, но сегодня он с самого утра то и дело попадает впросак. Мама пожимает плечами, а он несется на всех парах, глядя на туристов: вдруг кто-то нагнется и поднимет небольшой черный предмет. Мама не намерена ждать, она делает шаг под каменный свод, поворачивается ко мне и говорит:

– Ты хотела пойти к Тао, Кло, так давай, вперед!

Ничего себе предложенье...

На этом месте, мой недоумевающий читатель, я сделаю короткое отступление и кое-что объясню. «У Тао» – ресторан-бар-клуб в верхней точке цитадели Кальви^[74]. Предвижу вопрос: с какого перепугу мне хочется выпить гренадину или мятной воды именно «У Тао»?

Ответ А: все самые клевые молодые фрики, приехавшие отдохнуть на Корсику, встречаются именно там.

Ответ Б: величайший на свете певец, актер и композитор Жак Ижлен написал здесь для друзей лучшую из всех песен, «Балладу, сочиненную у Тао»^[75].

Угадайте, какой из них верный.

Отправляемся к Тао!

Мы уже сидим за круглым столиком на стульях, обитых искусственной красной кожей, когда возвращается папа. Он запыхался и взмок.

– Нашел? – интересуется мама.

Она заказала пинаколаду.

– Исчез без следа...

На этом месте мама должна была бы уточнить марку фотоаппарата, назвать месяц и год, когда он был подарен папе, а также цену – в денежном и эмоциональном выражении... У мамы не мозг, а штрих-код!

В разговор вступает Нико:

– Пап, ты уверен, что не положил «Кодак» в рюкзак?

Папа отодвигает стаканы и вываливает на стол содержимое рюкзака: ключи, ручки, книга, дорожный атлас, сигареты, пластиковый пакет и... фотоаппарат. На самом дне!

Мама изумлена, но извиняться не собирается.

– Ничего удивительного, у тебя вечно бардак в сумке...

Папа не спорит, а она машинально перебирает вещи и вдруг замечает пластиковый пакет под тюбиком крема от загара и темными очками.

Пакет с логотипом «Беноа».

Пальма Идрисси осторожно открывает его и изумленно ахает: внутри лежит короткое платье с V-образным вырезом и открытой спиной, черное в красных розах. Именно им она любовалась в витрине! А еще в пакете нашлись браслет и кольцо в рубиновых тонах.

– Ты купил его для меня?

Конечно, для тебя, мамусечка! Папа здорово сыграл, притворился растяпой и сбежал в магазин за платьем.

Мама вскакивает, бежит в туалет, переодевается и выходит. Красота! Тонкие черные бретельки почти не выделяются на ее медно-загорелых плечах, невесомая ткань красиво подчеркивает грудь и бедра. Кажется, это креп-жоржет (название смешное, но сексапильную женщину очень даже украшает!). На маму оборачиваются даже официанты, хотя уж они-то повидали немало секс-бомб в мини-мини-мини-платьях. Я беззвучно напеваю себе под нос мантру Тао, ставшую гимном благодаря волшебной мелодии Ижлена:

*Живите счастливо сегодня,
Завтра может стать слишком поздно.*

Сядься, мама шепчет: «Спасибо!» Не целует папу в щеку. Не говорит: «Какой ты милый...» Не улыбается: «Я купилась!»

Черт возьми, Пальма Мама!

Она производит впечатление.

Потрясающее самообладание...

Случись такое со мной, я бы сразу кинулась парню на шею и простила ему все гадости. А мама смотрит на афиши «А Филетты» – семь певцов в черных рубашках с ладонью возле уха.

Идеальная выдержка! Снизойти до мужчины, позволить ему желать себя.

Дать надежду. Показать коленку, начало ложбинки между грудей, ладони должны быть горячими, а голова – холодной. Всегда. Подморозить чувства. Никогда не отдаваться полностью. Не откровенничать. Заставить партнера все время повышать ставки.

Супружеская жизнь напоминает партию в покер.

О, мой читатель из будущего, я никогда не научусь таким играм! Меня облапошит первый же красавчик. Другие девчонки уверены, что будут дергать мужиков за ниточки, как марионеток, а я точно не сумею.

Я не такая, как Пальма Мама или Мария-Кьяра, о которой придется рассказать вам кое-что новенькое... Позже.

Я люблю папу, а трюк с платьем от «Беноа» считаю потрясающим.

А мамой восхищаюсь... Вы ведь никому не скажете, правда?

Мне будет очень стыдно, если она случайно прочтет эти строчки.

Поделюсь прогнозом насчет вечера 23 августа, Дня святой Розы.

Концерт или романтический ужин в *Casa di Stella*?

Ставлю на Пальму Маму!

* * *

Он поднял глаза к небу и посмотрел на звезды.

Конечно. Конечно, все было бы иначе, одержи Пальма Идрисси победу.

16

15 августа 2016

15:00

Кальви не изменился. Такой была первая мысль Клотильды. Та же гранитная цитадель, венчающая бухту, те же деревеньки на склонах Балани, тот же поезд от пляжа до Л'Иль-Рус.

Туристов стало гораздо больше, чем во времена ее юности. Разительным был контраст между затерявшимся посреди макки кемпингом «Эпрокт», овчарней Арканю в сердце гор и толпой, собравшейся у моря. Люди бросали машины на раскаленных стоянках и живой лавой растекались по улочкам и набережным, садились выпить на террасах, загорали на пляжах. Миллионы пришлых никак не нарушали покой острова и не тревожили Кассаню и других влюбленных в первозданную Корсику людей. Отдыхающих хоть и становилось все больше, кучковались они в одних и тех же местах.

Клотильда не любила толпу, но сейчас скопление народа успокаивало: количество обеспечивало анонимность, немолчный гул отбивал охоту говорить.

Со вчерашнего вечера она слишком много говорила. О себе. О родных. Сначала с Франком – на обратном пути в кемпинг, и ей не понравилось, что он улыбался как победитель. «Признай, Кло, вы с Валу зря потратили время, стоя под дубом и оставив меня один на один с твоим дедом. Никто не пришел. Таинственный автор записки тебя разыграл!»

«Да, Франк, конечно, ты прав, продолжай... Летающая тарелка не села во дворе овчарни, призрак не вылетел из склепа, только мы с дочкой стояли и смотрели на безмолвные горы...»

Клотильда не решалась заговорить с мужем о новом поразительном совпадении, которому не находила никакого логического объяснения.

Паша́.

Кличка собаки Орсю.

Имя ее пса. Того, из детства.

Имя, которое – если ей не помешают додумать осточертевшую мысль надоевшей фразой «Это невозможно, старушка!» – дали этому щенку лет десять назад. Так назвал его человек, знавший Пашу́ I. Любивший пса и оплакавший его пропажу. Не Клотильда. Остается только...

Только ее мать.

И сделала она это... после своей смерти.

Невозможно, старушка!

Франк поставил машину перед опущенным шлагбаумом кемпинга и поцеловал Клотильду в щеку, на мгновение задержав ее в объятиях.

«Никакой сердечности, – подумала она. – Так обнимаются после матча теннисисты на корте. Неужели мы тоже соревнуемся? Тогда Франк всухую выиграл сет».

Клотильду раздражала снисходительность мужа. Так нарочито вежливо ведет себя «хороший» шеф с не слишком умным подчиненным. Еще меньше ей понравилась улыбка Червоне Спинелло – утром, в административном корпусе. Когда она подошла, он как раз вешал афишу, приглашающую на вечеринку «в стиле 80-х» на пляже Ошелучча.

– Угостить тебя кофе, Клотильда?

Нет уж, спасибо.

– Твоя дочка просто великолепна!

Кретин!

– Похожа на твою мать, в ней есть класс, ее...

Еще одно слово – и...

Клотильда успокоилась. Профессия адвоката постепенно научила ее владеть собой, выдерживать худшие минуты самых тяжелых процессов, когда злонамеренная неискренность клиента переходит допустимые рамки, но защищать его все равно нужно. Клотильда обратилась к Червоне, чтобы получить достоверные сведения, и он их дал с профессиональной точностью.

Насчет Орсю...

Тот был сиротой. Его мать умерла от одиночества и стыда, исчерпав запас терпения и жизненных сил. Растила его бабушка Сперанца – та самая ведьма в черном, которую они вчера встретили на дороге. В Арканю на ней были хозяйство и кухня, она доила животных и собирала каштаны. Фактически Сперанца входила в семью Идрисси, и Орсю жил при ней.

Заглянув в далекое прошлое, Клотильда припомнила, что когда они с Николя проводили день у бабушки с дедушкой, то некая «тень» подавала еду, подметала, подбирала за ними игрушки. Не забыла она и совсем маленького ребенка, который всегда неподвижно лежал в коляске под тенистым дубом, в окружении старых плюшевых и грязных, выцветших пластмассовых игрушек. Немой малыш. Худой. Станный.

Орсю?

Хилый новорожденный превратился в великана, людоеда из сказки, медведя?

Шестнадцатилетнего Орсю Базиль Червоне нанял для работы в кемпинге, когда от того отказались все, в том числе школа. Поступил он так по доброте душевной, ради дружбы с Кассаню, ну и из жалости – да, именно так, если уж быть до конца откровенным.

Из жалости.

Придурок!

Клотильда устала сдерживать ярость, ее мозг был начинен удивительно точными воспоминаниями, всплывавшими на каждом выраже, при каждой встрече, в любом разговоре и приходившими в столкновение со всем тем, что она переживала со вчерашнего дня. Казалось, за ними скрывается постыдная правда, та самая, которую она не сумела разглядеть в 1989-м.

Двадцать семь лет спустя Клотильда медленно брела по улице Клемансо. Толпа успокаивала ее. Она скользила взглядом по витрине обувного магазина фирмы «Лунатик», любовалась украшениями ювелирного бутика «Мариотти» и платьями от «Беноа». На поверхность сознания всплыло смутное воспоминание, показалось, что все это уже было, потом пелена рассеялась и она словно увидела... Вот Пальма Идрисси идет по Кальви – совсем как она сегодня... Они сидят на террасе, за столиком... Отец преподносит матери черное платье в розах и рубиновые украшения, поразившие ее воображение...

Она надела их в день аварии.

Клотильда только теперь смогла оценить жест отца: он подарил жене наряд для перехода на ту сторону, самый соблазнительный, прекрасный, незабываемый. Не это ли лучшее доказательство любви? Выбрать вместе погребальный костюм – как свадебное платье?

Валу присоединилась к матери у магазина «Беноа». Клотильда нечасто развлекала себя шопингом, а уж вдвоем с дочерью и того реже. Но время на каникулах течет особенным образом, и вот они с Валу, как две подружки, любят платье антрацитового цвета, исключив из игры мужчину. Глава семьи ждал их на паперти церкви Святой Марии, десятью метрами выше. Это разделение – папаша играет с сыном в футбол, мамаша делает покупки с дочерью – было для них

нехарактерно. «Преимущество семьи с одним ребенком, – рассеянно подумала Клотильда. – Не возникает пагубного равенства по гендерному признаку!»

Взмокшие туристы, упорно карабкавшиеся наверх, к цитадели, тщетно пытались найти любое подобие тени. С 89-го никому не пришло в голову сжалиться над любителями старины и установить лифт. Миновав подъемный мост, Клотильда решила было предложить Франку и Валентине выпить прохладительного в баре «У Тао», но сразу передумала: паломничество по следам собственной юности имеет границы, а Валу наверняка не слышала ни одной песни Ижлена. Лучше уж заплутать в лабиринтах цитадели и «потерять» Франка.

Он появился девять минут и семь эсэмэсок спустя, на террасе кафе «А Канделла», маленькой тенистой площадке с панорамным видом на порт. Когда он возник перед Соляной башней^[76], неловко пряча за спиной пакет из «Беноа», она на мгновение забыла обо всех загадках и тайнах, закруживших ее в дьявольской сальсе^[77]. Франк бегом спустился к бутику и на рысях вернулся назад, чтобы порадовать жену. В точности как Поль Идрисси!

Много лет назад девочка Клотильда гордилась изысканной предупредительностью отца, восхищалась тонкой игрой матери, соблазнявшей мужа, но и завидовала. Ей ужасно хотелось исполнить в один прекрасный день такую же роль! Изобразить уступчивую жертву мужчины – весельчака и балагура. Получалось неплохо, раз Франк сохранил вкус к сюрпризам.

«Умение удивить партнера – ключ к успеху в семейной жизни!» – подумала Клотильда.

По сравнению с отцом Франк выказал меньше ловкости и фантазии, да и «сюрприз» прятал неумело, но...

Ключ номер два – не привередничать.

Франк отодвинул стаканы с гренадином и поставил пакет на стол:

– Это тебе, дорогая.

«Дорогой» оказалась... Валу.

– Уверен, оно идеально тебе подойдет, красавица.

Полное затмение. Гроза над бастионами, цунами уносит в открытое море все яхты, порыв ветра срывает зонты и флаги...

Негодяй. Сволочь, мерзавец, ублюдок!

Клотильда продолжала безмолвно костерить мужа, а Валу уже вернулась из туалета в новом платье, надетом поверх купальника. Сексуальное, обтягивающее, идеальное.

– Спасибо, папуля, обожаю тебя!

Валу звонко чмокнула отца в щеку. Клотильда стерпела. Нужно было заводить двух детей. Один ребенок в семье – жуткая глупость и ловушка для родителей. Да, именно так, по малышу на каждого.

Собственная дочь крадет у нее мужа – верх унижения.

Чертова жизнь! Всех бы поубивала!

Валу встала на фоне бухты Кальви, чтобы сделать селфи и насмерть сразить подружек. «Смотрите, что мне предок подарил!»

Сюр какой-то! Я сейчас лопну от злости, а хам Франк улыбается, пожирая глазами дочь, потом зачем-то сует руку под стол... Он что, яйца решил почесать?

Еще один пакет из «Беноа»!

Мерзавец. Очаровательный негодяй!

До Поля Идрисси Франку не дотянуться, но игра «в два хода» очень неплоха.

Ну почему она такая ранимая?

Не привередничать.

Стать томной, чувственной, раскрыться, поцеловать «своего мужчину» на глазах у всех.

Не привередничать...

Заткнуть писклявый внутренний голосок, который без устали твердит, что все происходит в точности как двадцать семь лет назад. То же место, та же история, та же семейная сцена. Платье – подарок Франка... Возможно, в нем она и умрет.

Несколько часов спустя, вернувшись в кемпинг, Клотильда отправилась в душ. На сей раз там было пусто, даже Орсю не навел порядок. Она надела подаренное мужем платье и посмотрелась в зеркало. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит: если она встретит последний час жизни в этом наряде, то покойница из нее выйдет совсем не такая сексуальная, как из Пальмы Идрисси! Слишком маленькая грудь, бедра узковаты, ноги недостаточно длинные.

Да, до матери ей далеко.
Как и Франку до ее отца.
Родители слишком рано погибли и не успели воспитать дочь
равной себе.
Почему?
Почему так случилось?
Возможно, завтра она это узнает.
Отставной жандарм Чезаре Гарсия не пожелал ничего объяснять
по телефону и назначил встречу на утро. «Ты ждала двадцать семь лет,
Клотильда, потерпишь еще несколько часов», – сказал он и повесил
трубку.

17

**Вторник, 15 августа 1989,
девятый день каникул,
небо цвета голубоватой,
выброшенной на песок медузы**

Алло, алло, на связи пляж де л'Альга!
У каждого свое полотенце.

У меня – оранжево-черное с рядами красивых белых крестиков. Должна вам сказать, что отыскать полотенце с надписью *Master of Puppets*^[78] равносильно подвигу! Нико лежит на ярко-красном полотенце с желтой эмблемой «Феррари». Оно почти такое же нелепое, как у Марии-Кьяры: пламенеющий оранжевый закат за тенистой пальмой и двое обнаженных любовников, слившихся в страстном объятии. Герман бросил полотенце между Нико и Кьярой, оно черно-белое, с огромной буквой «Б» и непроизносимым именем немецкого футбольного клуба поперек. «*Боруссия-Мёнхенгладбах*». Верх гламурности! Циклоп конечно очень шустрый, но не он один мечтает лежать рядом с прекрасной итальянкой. «Игра в полотенца» на пляже сродни выбору мест за партой в классе: приходится поработать локтями, чтобы сесть рядом с тем, кто тебе понравился.

А мне плевать. Я, как обычно, держусь на отшибе, на границе тени, которую отбрасывают на песок приморские сосны. Сижу, спрятав колени под широченной футболкой. Я нахожусь на

господствующей высоте и различаю все нюансы морской синевы. Когдаходишь в воду, она становится глупо прозрачной, а сейчас я различаю капли невероятного бирюзового цвета (это колонии посидоний^[79]), не упускаю из виду и экосистему человеческих особей.

Если повернуть голову к мысу Ревеллата, можно увидеть руины комплекса «Скала и Море», три дня назад взлетевшего на воздух. Я с пристрастием допросила Аурелию – как-никак, дочь жандарма! – но ничего нового о расследовании не узнала. Терпеть не могу эту девчонку, гуляет по пляжу, задрал нос, и не раздевается – как и я. Меня коробит от мысли, что кто-нибудь сочтет, будто у нас есть нечто общее. Да я просто не выношу эту дуру, воображающую, что берег моря принадлежит ей. Вечно следит, чтобы полотенца вовремя убирали с песка, а дети закапывали вырытые ямки. Аурелия шпионит за всеми, как ловчий сокол, и обо всем докладывает отцу.

Не волнуйтесь, я на нее не похожа! Мы антиподы, согласны?

Я не сужу.

Не выношу приговор.

Просто анализирую. Учусь. Описываю в дневнике запрещенные до поры удовольствия.

Мотаю на ус, коплю теоретические данные на потом. Для взрослой жизни.

Мария-Кьяра перевернулась на оранжевом полотенце и не глядя протянула тюбик крема Герману, словно не знала, кто ее сосед, и ей было все равно. Потом молча расстегнула лифчик и вдавила пышные сиськи в махровую ткань. В точности как моя мать, лежащая чуть дальше, в компании приятельниц по кемпингу. Родители отдельно, подростки отдельно – таков непреложный закон пляжа.

Пальма Мама всегда берет с собой большую сумку с бутылкой «Контрекса» и толстой книгой (она уже неделю не может сдвинуться со страницы 12, я проверяю по закладке).

Папа ненавидит пляж. Сейчас он, должно быть, в Арканю с отцом, кузенами, друзьями-корсиканцами, а в прежние годы делал над собой усилие, шел с нами, играл с Нико в мяч, строил со мной замки из песка (я была совсем маленькой), мог подремать часок, держа маму за руку.

Этим летом все изменилось. Родители ссорятся из-за концерта в День святой Розы. Не хочу кончить как они, если однажды у меня появится возлюбленный.

Я поворачиваю голову. Пляж – это театр, сцена размером в десять тысяч квадратных метров с сотнями актеров разного возраста и всех цветов...

Мое внимание привлекает молодая пара. У них одно полотенце на двоих.

Хочу быть как они!

Эти люди похожи на многих других. Не так уж и трудно чувствовать себя счастливым в двадцать лет (а это с каждым случается, согласны?), особенно если природа наделила тебя красивым телом. Девушка и парень глядят друг другу в глаза, как в зеркало, держатся за руки, ласкаются. Он смотрит ей вслед, когда она бежит к морю, – отличная попка! – она улыбается. Ребята внимательны и предупредительны, потому что знают: лучшие моменты жизни никогда не вернутся, значит, нужно просто любить.

Я скольжу взглядом по пляжу, как по временному континууму.

Нахожу то, что искала. Тридцатилетнюю пару.

Он вполне ничего, спортивный, стоит на четвереньках, рядом двое детишек – двух и четырех лет. Они роют огромный бассейн в песке. Вид у мужика ужасно довольный. Его жена читает и время от времени смотрит в их сторону. Поправляет панамку золотоволосому малышу, дает попить воды из бутылочки с соской, отгоняет муху. И выглядит счастливой.

Она караулит. Бдит.

Эта сексапильная женщина находится именно там, где хотела быть. Она добилась желаемого. Достигла апогея. Вершины.

Она наблюдает.

Понятно зачем – хочет сохранить все, что имеет: преданного мужа, хорошо воспитанных детей, отличную фигуру.

Думает, все это вечно.

Опомнись, старушка!

Объектов для наблюдения у меня много – выбирай не хочу.

Вот этим лет под сорок. А может, пятьдесят.

Она читает. На самом деле. Очень вдумчиво. Последние страницы толстенного романа. Мужчина рядом с ней еще очень даже неплох – высокий, сидящий, с властным взглядом. Глядит в сторону. У моря есть кем полюбоваться.

Еще одна пара. Возраст тот же, позиции прямо противоположные. Он лежит на боку, спиной к солнцу, под зонтом, жирный живот похож на сдувшийся мяч. Жена скучает. Она просто великолепна – стройная, элегантная, ухоженная, умело покрашенная. Наблюдает за играющими неподалеку детьми. Ей наверняка хочется внуков, и она готова ждать всю оставшуюся жизнь.

Путь с ярмарки будет долгим, дорогая...

Время течет медленно. Я не сразу обнаруживаю тех, кто мне нужен.

Им лет по семьдесят или восемьдесят. Я не слышу, о чем они говорят. Он, наверное, спрашивает, не слишком ли ей жарко, она интересуется, не дать ли ему книгу, очки, кепку. Внезапно оба встают.

Мне неприятен вид обнаженных тел. Морщинистая кожа, выступающие ребра, двойной подбородок, тощая шея, дряблые ляжки и живот. Я бы такое прятала.

Сцепляю пальцы под футболкой.

Старики меня завораживают. Они входят в воду, держась за руки, и плывут вдаль безупречным кролем.

– Ты теперь следишь за старичьем?

Поднимаю глаза. Червоне. Червоне Спинелло. Он в бермудах, рубашке в цветочек и кедах. Его я никогда не видела в плавках. «Пляж принадлежит мне круглый год! – хвастается он. – Летом я оставляю его барсукам».

Давно он наблюдает за мной? За мной, моей матерью, другими матерями и другими подростками? Я чувствую себя злоумышленницей, застигнутой на месте преступления, и мой взгляд совершает путешествие в обратном направлении, как будто хочет отмотать пленку назад и вернуться в исходную точку.

Три уродливых полотенца.

Николя в очках, но без головного убора, кремом от загара он не пользуется, как будто не боится сгореть. Мария-Кьяра и Герман лежат рядом, она смотрит на парней, играющих в волейбол, он намазывает

пятый слой крема на спину красавицы-итальянки и жаждет забраться под резинку трусиков или коснуться груди.

Бедный маленький циклоп...

Эстефан мечтает о карьере доктора, Магнус – об «Оскаре», Филипп – о звездах.

Думаю, пора рассказать, кто такая Мария-Кьяра.

Вам понравится, обещаю!

* * *

Он закрыл дневник, зачерпнул горсть песка, пропустил через пальцы. Вполне логично, что он читает его на месте преступления. Все началось здесь, в тот самый день.

Клотильда бесспорно талантлива – так описывать чувства... Всех удивляла зрелость пятнадцатилетней девчонки. Можно подумать, текст сочинен много лет спустя или его переписали, как ретушируют старую фотографию, но на страницах нет ни подчистки, ни помарки и чернила давно высохли.

18

16 августа 2016

11:00

«Улица де ла Конфрери, 19, – уточнил по телефону Чезаре Гарсия. – За церковью в Каленцане, не заблудишься».

Странно. Дом № 19 по улице де ла Конфрери оказался обветшалым строением. Штукатурка на фасаде облупилась, обнажив серую кирпичную кладку, закопченные ставни не могли замаскировать растрескавшихся от времени оконных рам.

«Не стучи в дверь, я все равно не услышу, – предупредил отставной жандарм. – Заходи, на беспорядок внимания не обращай – я старый одинокий медведь, живу как хочу. Буду ждать тебя в саду. В бассейне».

Бассейн.

Клотильда представляла себе роскошную виллу чуть выше над деревней, залитую солнцем веранду, зонт и шезлонг. Именно такой дом украшал расклеенные вдоль дороги афиши концерта «в стиле 80-х», назначенного на вечер понедельника, дискотека в «Тропи-Каллисте» на пляже Ошелучча.

Она толкнула скрипучую створку двери, миновала две крошечные, загроможденные вещами комнаты, кухню, пропитавшуюся запахом жареных колбасок фигателлу, и гостиную, где главенствовал продавленный диван (его вряд ли собирали на день и раскладывали на ночь). Брезгливым жестом отвела в сторону рваную кружевную занавеску, прикрывавшую дверь в сад, – не штора, а липкая паутина!

– Входи, Клотильда.

Ей показалось, что голос доносится из водостока.

Сад оказался садиком, обнесенным с трех сторон зеленой изгородью. Несколько ступенек вели к бетонной плите с дырой метрового диаметра в центре. В этом колодце и сидел Чезаре, из воды торчали только бычьи плечи, мощная шея и голова в бейсболке с надписью «Тур де Корс – 97».

Бассейн?

Гарсия напоминал бегемота, застрявшего в пересохшем болоте.

– Бери стул, Клотильда, садись поближе. Я вылезаю только после того, как чертово светило убирается из моего сада.

Она устроилась в пластмассовом креслице.

– Чувствую себя кашалотом, – продолжил хозяин дома. – Выброшенным на берег китом. Когда температура поднимается до плюс двадцати пяти, приходится нырять в воду и как можно меньше двигаться, иначе сдохну!

Клотильда слушала и не верила своим ушам. Чезаре ткнул пальцем в бетонное сооружение:

– Изготовлено на заказ, красавица... По размерам моей талии. Да, девочка, сержант Гарсия набрал вес после нашей последней встречи.

Она улыбнулась, вспомнив, что все звали Чезаре «сержантом». А кстати, в каком звании он тогда был? Капитан Гарсия? Лейтенант? Аджюдан?

– Рад, что ты пришла.

– Не уверена, что поступила правильно.

– Я, вообще-то, тоже.

Хорошенькое начало...

Больше Чезаре не произнес ни слова и как будто задремал – если, конечно, это не была привычная хитрость морского слона. Пусть гостя первой разобьет ледок отчуждения.

Ладно...

– Как поживает ваша дочь, Чезаре? Будет странно увидеться после стольких лет. Я помню Аурелию семнадцатилетней, а сейчас ей уже сорок четыре. Она ведь на два года старше меня.

– Аурелия поживает хорошо. Ты ведь знаешь, что она замужем? Много лет.

Замужем?

Кто решился разделить жизнь с этой занудой?

Много лет?

Жаль мужика!

– И дети есть?

Кашалот плеснул водой на багровое лицо.

– Нет.

– Сочувствую.

– Принимается. Я очень хотел стать дедом.

Чезаре выпрямился, вода схлынула, и Клотильда решила, что он пересел на верхнюю ступеньку приставной лесенки.

– Ну что, поговорим о вашем большом секрете?

Гарсия долго смотрел на свой карманный садик, изгородь, открытую дверь за летучей занавеской, словно опасался, что DST^[80] насовала повсюду жучков.

– Ты чертовски хороша, Клотильда, думаю, я не первый говорю это после твоего возвращения на остров. Всегда была такой, только не осознавала своей красоты. Понимаешь, милая, девичье очарование – все равно что счастье, чудеса, амулеты и другие глупости: если веришь, они работают. Но верить нужно по-настоящему, не задумываясь, как факиры, которые ходят по углям, понимаешь?

Клотильда даже не попыталась скрыть досаду. Она махнула рукой, словно отгоняла назойливую муху, вскочила, обошла бассейн и остановилась за спиной сержанта.

– Зачем вы меня позвали?

Жандарм слышал голос Клотильды и видел ее тень, заслонившую солнечные блики на воде. Он попытался было повернуться, но передумал.

– Ты, наверное, помнишь, что расследование тогда поручили мне. Я вел дело один, и на меня давили. Со всех сторон, можешь поверить. Корсиканцы водят как придурки, но три смерти в разгар лета – это слишком. И случается подобное редко. Крайне редко. К тому же твой отец был не абы кто. Сын Кассаню Идрисси. Не знаю, отдаешь ли ты себе отчет в том, что это значит. В то время Кассаню принадлежала половина коммуны, а корсиканские коммуны намного больше кантонов на континенте, они тянутся от горного хребта к линии горизонта, зимой там можно кататься на альпийских лыжах, а летом – на водных.

– Это была случайная авария, так? – неласково перебила старика Клотильда.

– Конечно. Авария – и все довольны.

Сержант поднялся на ноги. Пока он карабкался по лестнице, с его тучного тела ручьями стекала вода, а сам бассейн-колодец вроде как пересох. Узкие красные плавки терялись в складках живота и выглядели как надетые задом наперед стринги. Гарсия вошел в дом, что-то недовольно бурча себе под нос, и начал... двигать мебель? «Куда Аурелия сунула проклятую папку?» Через несколько секунд толстяк вернулся в накинутом на плечи халате и с картонной папкой в руке, протянул ее Клотильде, а сам сел в тени изгороди.

– Открой.

Она послушалась, перевернула первую страницу.

«Фуэго». Модель GTS. 1233 CD27. Дата выпуска – 03/11/1984.

Фотографии автомобиля.

Цветные.

Развороченная крыша. Сгоревшие шины. Крупным планом – осколки стекла.

Клотильда с трудом сдержала рвотный позыв.

– Читай дальше, Клотильда, я все объясню потом.

Она листала страницу за страницей.

Красные скалы. Три мертвых тела. Кровь. Повсюду кровь.

Фамилия и имя – Поль Идрисси, родился 17 октября 1945 г., скончался 23 августа 1989 г.

Дюжина снимков, увеличенные детали: опухшее лицо, вывернутая под неестественным углом рука, асимметричный торс, сердце, зажатое в тиски.

Следующая страница: Николя Идрисси, родился 8 апреля 1971 г., скончался 23 августа...

У Клотильды не было сил читать дальше. Она сглотнула горькую слюну, рванулась к бассейну, рухнула на камни, и ее вырвало.

Чезаре протянул ей бумажный носовой платок.

– Извините... – хриплым голосом произнесла Клотильда.

– Не за что. Сегодня обещали тридцать семь градусов, а служба очистки в отпуске до 21 августа.

Взгляд Клотильды упал на стоявший у забора сачок, она потянулась за ним, но сержант остановил ее:

– Перестань, детка, плевать я хотел на эту дыру в бетоне. Сам виноват – хотел, чтобы ты дошла до конца... До...

– Маминих фотографий?

Чезаре покачал головой. Клотильда, не вставая с колен, посмотрела на него, как Мария Магдалина на воскресшего Христа.

– Мама не умерла, да?

Она догадалась. Это было так очевидно. Все совпадает. Фраза о темной комнате в записке, манера Орсю мыть пол, лабрадор Паша. Все это объяснялось только присутствием на острове матери. Живой. Чезаре Гарсия владел ключом к загадке. Но как Пальма Идрисси могла выжить в аварии?

– Моя мать не погибла? – повторила она.

У сержанта стало такое лицо, словно Клотильда произнесла страшное богохульство.

– Что ты несешь?! Даже думать о таком не смей, бедняжка! Твоя мать погибла вместе с мужем и сыном. Они умирали у тебя на глазах. Я видел их тела, как и десятки других свидетелей. Это был худший день в моей жизни... Конечно, я позвал тебя не затем, чтобы сообщить: «Твоя мать вернулась с того света...»

Клотильда сцепила зубы. Только не плакать! Говори четко!

– А за... зачем?

– Прочти текст на следующей странице. Под фотографиями.

Она вернулась к документам. Перевернула страницу о Николя, но заставила себя взглянуть на шесть снимков изуродованного тела

матери. Следом шли фотографии «фуэго»: кузов, двигатель, салон. Крупные планы приводного ремня, распределительного вала, рулевой тяги, треугольного рычага колеса подвески, тормозного шланга. Во всяком случае, так ей показалось. Она открывала капот раз в жизни, зимой, чтобы почистить свечи, и удивилась, что инстинктивно нашла их в огромной стальной головоломке.

Клотильда подняла глаза и уперлась взглядом точнехонько в живот сержанту. Ей почудилось, что его тело тает. Видимо, слова о том, что без сидения в воде он превратится в вязкую желеобразную субстанцию, были сказаны на полном серьезе.

Мерзость. К горлу снова подступила тошнота.

– Черт возьми, Чезаре, к чему вы ведете?! – Она сорвалась на крик.

– Последняя страница, Клотильда, как и последние фотографии – неофициальные документы. Посмотри на дату – они сделаны через несколько недель после аварии. К тому моменту дело было закрыто. Я дождался, когда все утихло, и попросил товарища осмотреть останки машины твоего отца. Скрытно. У Ибрагима гараж в Каленцане. Мы знакомы с детства, он честный человек... и чистый, хотя ни следователь, ни судья справки ему не выдавали.

– Почему вы так долго ждали?

Старый служака криво ухмыльнулся:

– Повторяю, на меня сильно давили, Клотильда. Сын, внук, невестка Кассаню Идрисси... ты правда не понимаешь? Вмешались депутат Паскини и президент Ассамблеи Корсики Жан Поль де Рокка-Серра. Дело не случайно поручили жалкому типу, сельскому жандарму, – хотели, чтобы он его закрыл. Мне. Сержанту Гарсии. Вердикт вынесли заранее. **НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.**

Клотильда пыталась выбросить из головы воспоминания о летящем в пропасть «фуэго», трех кульбитах в воздухе и трех ударах, убивших трех членов ее семьи.

Ну конечно, несчастный случай! К чему ведет этот жирный легавый?

– Посмотри на третью фотографию, девочка. Это рулевая рейка, продольная рулевая тяга и гайки шаровых пальцев рулевых тяг.

Она видела только железный штырь, металлический предмет конической формы и большую гайку.

– Сорвалась одна из гаек. Мгновенно. В тот самый момент, когда твой отец решил повернуть прямо у скал Петра Кода.

Ее отец не повернул.

«Фуэго» летел как пуля. Самоубийства не было. Подвела техника.

– Значит, все-таки авария? – чуть мягче спросила она.

– Так написано в официальном рапорте, непосредственно перед словом КОНЕЦ. Единственный виновник – машина. Но мой дружок Ибрагим... – На животе Гарсии блестели капли пота. – Так вот, мой приятель был уверен, что деталь полетела... не совсем естественным образом.

– Неестественным?

Он наклонился ближе, живот, фартуком лежавший у него на коленях, опасно колыхнулся.

– Сейчас уточню. Я думал об этом сотни раз, вместе с Ибрагимом смотрел фотографии и вещественные доказательства и укрепился в суждении.

– Да говорите же, наконец!

– Это было вредительство, Клотильда! Гайку ослабили, чтобы она наверняка соскочила после нескольких поворотов и водитель оказался один на один с неуправляемой машиной.

Клотильда молча поднялась, но ноги стали ватными, и она тут же опустилась на мокрый бетон, сжалась в комок, обняла колени руками и замерла.

– Я должен был рассказать.

Клотильда дрожала от холода. Ее тянуло к колодцу. Хорошо бы он оказался бездонным... Она нырнет и останется там навечно.

– Спасибо, Цезаре.

Она выдержала долгую паузу, потом спросила:

– Кто еще в курсе?

– Всего один человек... Он должен был узнать. Твой дед, Клотильда. Кассаню Идрисси получил от меня полную копию дела.

Она до крови закусил губу.

– И что он сделал?

– Ничего. Совсем ничего. Никак не отреагировал. Словно всегда знал – так я сначала подумал. Всегда.

Больше сержант ничего не добавил. Он бесконечно долго завязывал пояс халата, бросил взгляд на грязную воду в бассейне,

пошел за сачком, обернулся и сказал:

– Повидайся с Аурелией, ей будет приятно.

Встречаться с этой дрянью? Что за дикая идея!

– Она недалеко, живет в Пунта Росса, под маяком де ла Ревеллата.

Слова крутились в голове, как овощи в кипятке.

Эта дрянь Аурелия.

Пунта Росса.

Маяк.

Чезаре сдвинул бейсболку на затылок, как будто хотел лучше видеть глаза Клотильды.

– Я ждал, что ты удивишься, красавица. Услышь я то же самое двадцать семь лет назад, не поверил бы. Да, Аурелия живет именно там. Ты понимаешь, что это значит, милая. (Он дал Клотильде время вспомнить.) Аурелия живет с Наталем.

Она рухнула в бездонный колодец второй раз за несколько минут, что оказалось намного мучительнее.

Трудно выразить насколько.

19

***Среда, 16 августа 1989,
десятый день каникул,
небо цвета голубой феи***

Жила-была...

Жила-была маленькая калабрийская принцесса.

Мария-Кьяра Джордано.

Все начинается как сказка, потому что Мария-Кьяра – настоящая принцесса. Она родилась на три года раньше меня, в 1971-м (как и мой брат), в итальянской коммуне Пьянополи близ Катандзаро. Ее отец управлял самым крупным предприятием по сбору капусты брокколи в регионе Калабрия. Кажется, брокколи с зелеными побегами – *специалитет* тех краев. Джордано исполнилось шестьдесят лет, когда родилась Мария-Кьяра, а сумма на банковском счете составляла шестьдесят миллионов лир. Он был хорош собой, о таких говорят «старый красавец», имея в виду, что хороши только карие глаза да вьющиеся седые волосы. Мать Марии-Кьяры была на девятнадцать лет

моложе и на девятнадцать сантиметров выше мужа – без каблучков. Манекенщица Унгаро и актриса, она снималась в слабеньких фильмах категории В (во Франции ни один не шел, я проверяла).

Мария-Кьяра росла в идеальных условиях – куда лучших, чем капуста брокколи ее папаша, – и быстро формировалась. Быстрее меня, это уж точно. В пятнадцать лет росту в ней было метр семьдесят. Потом она слегка притормозила и стала выше всего на пять сантиметров. Формы тела Марии-Кьяры были маленьким чудом гармонии – бедра, спина, лодыжки, грудь и попа, – она напоминала героиню итальянских комиксов вроде тех, что папа прячет между книжками о Тинтине и Астериксе. Девушка, как будто созданная Манарой^[81].

Такая вот красotka...

Папе Джордано хотелось забыть запах брокколи и насладиться своей дылдой-старлеткой, вот он и купил виллу на холмах Ревеллаты, чтобы отдыхать там каждое лето. Маленькая калабрийская принцесса, единственная наследница, скучала в одиночестве, и отец привозил ее в своем джипе «сузуки» на пляж де л'Альга или к кемпингу «Эпрокт», где она все чаще подолгу развлекалась с подружками-ровесницами. С подружками и друзьями.

Летом 1989-го супруги Джордано отправились на своей яхте в круиз вокруг Сардинии (весь год она стояла на приколе в бухте Кальви). Без дочери. Та ясно дала понять, что не запрет себя на месяц в плавучей тюрьме размером тридцать на десять метров и прекрасно справится одна.

Папочка подумал и... отдал ей ключи от каменного палаццо.

Кьяра сказала чистую правду – у нее все получалось.

Она танцевала ламбаду лучше «Каомы»^[82]. Пела «Важное событие» лучше Эроса Рамазотти^[83]. Лучше Аньезе Нано^[84] подавала реплики из фильма «Новый кинотеатр “Парадизо”», а уж как целовалась...

Будущая звезда вселенского масштаба! Она затмит всех!

Покорить или погибнуть!

Мария-Кьяра. История одной принцессы...

Я все еще сижу в тенечке на моем конце пляжа, под соснами, иголки впиваются в тело, на коленях – «Опасные связи». Мария-Кьяра

рывком поднимается с полотенца в китайском стиле, и Циклопу остается ласкать жирными руками пустоту.

Нужно быть пошустрее, друг Герман... Ха-ха-ха!

Итак, Мария-Кьяра вскочила, лифчик надевать не стала и пошла на другой конец пляжа выпить кока-колы, провожаемая взглядами отдыхающих. С моего наблюдательного пункта выглядело это захватывающе и напоминало поле подсолнухов, которые поворачивают тяжелые головы вслед за солнцем, это колокольчики, васильки и пшеничные колосья изо всех сил тянутся вверх, к светилу, а...

А я упрямо смотрю в книгу.

Я ошиблась: Вальмон – это не мой брат, Вальмон – Мария-Кьяра!

В романе XVIII века роль распутного соблазнителя не могла достаться женщине, а сегодня – запросто! Уважение и восхищение достаются уверенным в себе, властным девушкам, которые делают со своими телами и сердцами что хотят и так же поступают с парнями.

Увы, я совсем не такая...

Мария-Кьяра – девственница. Так говорят. В палатках, на пляже, под душем, в мужском и женском сортире. Она только что не заявила об этом по громкой связи, не прикрепила к доске объявление в кемпинге.

Я девственница... и намерена это изменить.

Мария-Кьяра дала обет НЕцеломудрия.

Она объявила об этом, как о соревновании по петанку^[85], турнире по пинг-понгу или бинго-вечеринке. «Я отдамся парню. Впервые. Один раз! До конца лета».

Теперь она ходит в стрингах и без лифчика – за стаканчиком фисташкового сорбета, багетом, номером журнала для женщин *Jeune & Jolie*^[86]. Короче, вылитая Валери Каприски^[87] в «Годе медуз».

Мария-Кьяра возвращается с банкой кока-колы.

Сделать три шага, притормозить, откинуть голову, глотнуть, выгнув спину, вильнуть бедрами, смахнуть капли с живота тыльной стороной ладони.

Продолжить победное шествие.

Все мужчины лежат у ее ног – папаши, строящие с малышами замки, перестают копать, бутылки ледяного пива приклеиваются к

губам, никто не бежит за волейбольным мячом. Эстефан, Магнус, Филипп потрясены!

Фу!

Не могу не восхищаться ею...

Завидую...

Терпеть не могу...

Ненавижу мужиков, пялящихся на сиськи Марии-Кьяры, нарушающие законы всемирного тяготения.

У меня есть теория. Поделиться? Ваше мнение не в счет, я все равно облегчу душу! Хороводиться с плоскогрудой девицей вроде меня – если имеешь далеко идущие планы совместной жизни – все равно что сделать долгосрочную инвестицию. С гарантией на тридцать лет. О таком решении не пожалеешь даже в старости, а большие сиськи обвиснут и... разонравятся. По-моему, это очевидно, так? Математическая, физическая очевидность! Следовательно, я догоню маленькую секс-бомбочку Марию-Кьяру, но в собственном ритме, неспешной рысцой.

Всего-то и нужно – проявить терпение.

Держитесь горделиво, маленькие сердца, попки и грудки!

Пройдет очень много времени, Мария-Кьяра, и мы вернемся к этому разговору, хотя ты сейчас до предела взвинтила ставки.

Красавица-итальянка трижды обошла вокруг своего полотенца, ну чисто пугливая кошка, и наконец улеглась. Червоне как приклеенный стоит у сосны и наблюдает. Циклоп замер в благоговейном экстазе, точно древний египтянин перед небожительницей (богиней-кошкой Бастет^[88], невежественный читатель!), и даже мой Нико, равнодушный красавец в очках «Рей-Бан», слегка повернул голову.

Он тоже пропал.

Жила-была...

Жила-была богатая принцессочка...

Сами знаете где.

* * *

Он взглянул на афишу и засомневался, стоит ли ее рвать.

Бессмысленно, вдоль дороги расклеено множество таких же.
Сегодня вечером. В 22:00. На пляже Ошелучча. Дискотека в «Тропи-Каллисте».

Он пойдет.

Но не будет слушать Марию-Кьяру, а заткнет ее. Заставит замолчать.

20

16 августа 2016

15:00

Афиши расклеили повсюду – даже на дверях душевых, шлагбаумах и ширмах, маскирующих помойки. Валентина остановилась у столба напротив их бунгало. Она была в парео и вьетнамках, которые щелкали по пяткам, как каблучки-шпильки по паркету бального зала. Зажатый под мышкой багет делал ее похожей на мажоретку. Клотильда стояла рядом с дочерью, с трудом сдерживая нетерпение: она несла грейпфруты, апельсины, дыни, пол-арбуза, весившие целую тонну.

Валентина прочла вслух:

*Вечеринка «В стиле восьмидесятых»
22:00. Дискотека в «Тропи-Каллисте»
Пляж Ошелучча*

На афишке был изображен огромный, установленный на пляже бассейн, истекающий разноцветной пеной. Девушка в купальнике являла себя миру под дождем золотых пайеток.

– Она вроде как бывшая звезда кемпинга, – задумчиво произнесла Валу. – Все только о ней и говорят. Проводила здесь лето, а потом прославилась в Италии.

Клотильда изумилась. Узнать загримированное лицо сирены она не могла, идеальное тело походило на тысячи других, доступных в

интернете по тэгам *старлетка* или *бикини*, но сценическое имя сработало как спусковой крючок.

Мария-Кьяра.

Ручки пакетов с фруктами больно врезались в пальцы Клотильды.

– А Червоне даже не упомянул, что ты ее знаешь, мама! Что вы пять или шесть лет подряд проводили вместе каникулы, и дядя Нико был с ней знаком.

Надо же, дорогая, ты вспомнила, что у тебя есть семья?

С августа 1989 года Клотильда всего несколько раз слышала о Марии-Кьяре. Лет этак двадцать назад она узнала ее во второстепенной роли в итальянском телефильме: девушка в юбке катила на велосипеде по улицам Лукки, города в итальянской Тоскане. Шестнадцать лет назад, до рождения Валентины, Клотильда и Франк поехали в Венецию. Гуляя по городу, она увидела на лотке уцененный диск за четыре евро – яркая обложка, посредственные песни. Известность Марии-Кьяры была явно более чем относительна, даже в Италии.

– Знаешь, Валу, ей тогда было всего семнадцать-восемнадцать, так что теперь она, наверное... вышла из моды.

Валентину доводы матери не интересовали, важен был предлог.

– Не хочешь с ней повидаться?

Пляж Ошелучча находился прямо под кемпингом «Эпрокт», попасть туда можно было по крутой тропинке, спускавшейся к морю. Афиша, пена, бассейн и бикини возбуждали Клотильду не больше корриды.

– Надеюсь, это шутка?

– Взяла бы меня с собой... Я потусуюсь среди знаменитостей, ты поболтаешь с бывшей подружкой.

Маленькая хитрюга...

Клотильда собралась ответить: «Мы обсудим это позже, дорогая, сначала я занесу треклятые пакеты, иначе у меня руки оторвутся», но тут за ее спиной появился Франк. Он забрал у нее покупки – молча, не задумываясь, привычным жестом.

Галантный и энергичный. Идеальный мужчина. На что жалуешься, старушка?

– Что стряслось, мои птички?

Валентина пустилась в объяснения: праздник на песке, звезда на мысе Ревеллата, мамина подруга детства...

Франк повернулся к жене:

– Ты пойдешь? Будет здорово поговорить с ней, разве не так?

А и правда, почему нет? Почему, черт возьми?!

Франк обнял дочь за плечи:

– Одну я тебя не отпущу, малышка. Вот если мама согласится...

– Спасибо, папа.

Неблагодарная девчонка кинулась на шею своему герою и ни слова не сказала матери, хотя именно ей придется пережить кошмарную ночь «в стиле восьмидесятых». Вот ведь ужас! Она целую вечность не была в клубе.

До конца дня Клотильда и думать забыла о Марии-Кьяре. Пляж, бунгало, шезлонг, Средиземное море, душ... В голове крутились три вопроса, на которые следовало ответить до вечера.

Да или нет.

Отправиться первым делом к Кассаню Идрисси, собрать семью, даже ведьму Сперанцу, ее внука Орсю и лабрадора Пашу. Усадить их во дворе Арканю и выложить все без недомолвок и экивоков. Родители не погибли в автомобильной аварии – их убили: рулевое управление «фуэго» повредили намеренно.

Ответ: ДА, хотя форму созыва «круглого стола» нужно тщательно продумать.

Сразу после этого – поговорить с Франком. Рассказать об откровениях старого жандарма. Показать фотографии рулевых тяг и сорвавшейся гайки, попросить совета – он отлично разбирается в автомобильных внутренностях.

Ответ: НЕТ! Она не вынесет его сарказма и досадливой жалости, он в лучшем случае предложит два решения на выбор: заявить в полицию или плюнуть и растереть!

Отправиться по «тропе таможенников» в Пунта Росса – без всякой цели, догулять до маяка, поглазеть на туристов и – чем черт не шутит? – увидеть Наталя. Он будет сидеть на террасе, чинить сети, курить и смотреть, как крутится планета.

Ответ: НЕТ. Решительно НЕТ!

Колонки ревели «Жизнь есть жизнь»^[89], и толпа дружно отвечала:

На на на на на

Клотильда и Валу пробирались сквозь толпу танцующих на маленьком пляже. Зажатая между скалами бухточка была еще одним райским уголком, который прибрал к рукам Червоне Спинелло. Камни и щебенку тропинки топтали ноги тысяч туристов, жаждущих свидания с соленой водой, так что с годами булыжники превратились в крупнозернистый песок.

Стены будущего гостиничного комплекса «Скала и Море» с пляжа были не видны – в отличие от «Тропи-Каллисте», павильона с террасой и баром.

Демонтировать строение в случае урагана или приезда нового, слишком шустрого префекта можно было в момент. Игра слов, придуманная Червоне, символизировала ночную тропическую жару, взбудораженную децибелами, и античное название Корсики – Каллиста... Прекраснейшая!

Решив устроить дискотеку, директор кемпинга расставил вокруг павильона прожектора и лазеры, достававшие лучами до луны. Временно огороженная площадка вмещала от силы четвертую часть публики. Ярче всего была освещена сцена двухметровой высоты, напоминавшая подиум для дефиле или широкий трамплин. Под эстрадой установили огромный надувной бассейн, подсветили голубыми флуоресцентными лампами и поставили трех чернокожих охранников. Они не выглядели ценителями хорового пения группы *Opus*.

Жизнь есть жизнь

На на на на на

В кои веки Червоне раскошелился, хотя входной билет за семь евро, стакан мохито за девять и кувшин каштанового пива «Пьетра» за пятнадцать должны были компенсировать расходы.

«Расслабляйтесь», – советовали беснующейся толпе парни из группы «Фрэнки едет в Голливуд»^[90]. На взгляд Клотильды, на пляже

собралось две-три сотни человек. Всех возрастов. Странно, но старомодные песни знали наизусть и истеричные подростки, и парочки (многие были явно под мухой), и старичье.

Условное старичье.

Ее ровесники.

– Я пошла, мама!

Клотильда ответила дочери недоумевающим взглядом.

– Там Клара, Жюстен, Нильс и Тахир. Телефон при мне. Набери, когда пора будет уходить.

Она растворилась в толпе.

«Если произойдет хоть что-нибудь, и Франк узнает, он меня уничтожит!»

Клотильда мысленно махнула на все рукой.

Пусть Валу повеселится как следует! Да и что с ней может случиться?

Она пошла к морю, аккуратно огибая лежавшие на песке тела. Их что, приливом вынесло? В нескольких метрах от пляжа, у скалы, колыхался на воде баркас. Клотильда посветила фонариком и прочла название.

«Арион».

Вторая и четвертая буквы были едва различимы, так что никто, кроме Клотильды, не угадал бы слово. Корпус выглядел прогнившим. Якорная цепь изнасилась, киль растрескался. Ни весел, ни паруса, ни мотора. Лодка напоминала хищное животное, которое посадили на цепь и забыли. Клотильда едва сдерживала слезы, глядя на обломок прошлого, встретившийся ей во время путешествия вглубь ностальгии.

Внезапно музыка смолкла. На мгновение пляж погрузился в чернильную темень, потом зеленый луч вспорол темноту, а стробоскоп обратил посетителей в зомби-эпилептиков.

На эстраде появилась Мария-Кьяра в длинном обтягивающем платье со смелым декольте.

Синтезатор задал ритм первым танцевальным па.

О-хо, о-хо, о-хо, о-хо, о-хо

Певица почти касалась микрофона губами. Зазвучали первые ноты *Future Brain*, планетарного хита Дэна Хэрроу, итальянского короля диско 80-х... Всеми забытого короля.

Так думала Клотильда – и ошибалась!

О-хо – скандировала толпа.

Старые шлягеры вечны.

После возвращения на остров Клотильда не бывала на пляже Ошелучча, слишком уж много вопросов требовало ответов. Это райское место по-прежнему принадлежит ее деду Кассаню Идрисси – так почему он позволил Червоне устроить здесь жалкий ночной клуб? Почему проржавевший баркас стоит у скал? Зачем терпеть шум, подобный грязному наркотику, толпу и гипнотические огни? Как случилось, что победила не тишина? И где она возьмет верх, если уступила даже на пляже?

О-хо о-хо о-хо о-хо

Почему большой злой волк не занялся павильоном? Злому волку, который дружит с ее дедом, не понадобились бы ни маска, ни бомба, ни канистра с бензином, ни зажигалка, достаточно было дунуть посильнее^[91]. Хватило бы порыва ветра, который сейчас несет децибелы в сторону Кальви.

Определить возраст Марии-Кьяры не представлялось возможным – мешали прожектора, тень, свет и густой слой грима, – но Клотильда знала.

Сорок пять лет. Ни днем больше, ни днем меньше.

Мария-Кьяра производила впечатление. Была на высоте. Пела на итальянском, английском, французском и испанском.

Валу все время мелькала в толпе.

Клотильда скучала.

После «Мальчика Тарзана»^[92], способного разбудить всех млекопитающих на территории китового заповедника Пелагос^[93], свет стал мягче, и Мария-Кьяра прошептала в микрофон с сильным итальянским акцентом:

– Сейчас я исполню песню а капелла. Вы наверняка ее знаете, это «Вечно молодой»^[94], но я прошу вас слушать молча. – Она послала толпе улыбку, похожую на поцелуй. – Я буду петь на корсиканском. Для вас.

Sempre giovani^[95].

Белый луч высветил лицо Марии-Кьяры. Она закрыла глаза, и ее одинокий голос полетел к волнам, взмыл в небо и заставил плакать луну.

Sempre giovani

Сопрано фантастической чистоты превратило мелодию в гимн, людей охватила дрожь, никто не издал ни звука. Случилось чудо: каждый понял, что певица согласилась выступить на дискотеке ради этих четырех минут, она хотела исполнить молитву, символ веры.

Sempre giovani

Скобка.

Она закрылась.

Драм-машина взорвалась барабанным грохотом прежде, чем Мария-Кьяра открыла глаза и выдохнула последнюю ноту, за которой последовала пошлая синтезированная кода. Люди на пляже узнали ее с первого аккорда.

За дрожью последовал транс.

Платье Марии-Кьяры упало к ногам. Она осталась в купальнике.

Снежно-белом, похожем на вторую кожу.

Boys boys boys^[96], завопила толпа, опередив первые ноты мелодии.

Мария-Кьяра улыбнулась, шагнула вперед, отступила, разбежалась и...

Boys boys boys

...нырнула.

Она появилась на поверхности бассейна – с мокрыми, прилипшими к голове волосами и растекшимся гримом, – но это не имело значения. Всех волновал и возбуждал только верх купальника, ставший прозрачным, как в «первоисточнике».

Boys boys boys, без усталости повторяла Мария-Кьяра в другой микрофон – большой, всех цветов радуги пластиковый шар. Воздушные пушки вздували облака пены. Певица прошептала:

– *Come with me*^[97].

Три телохранителя дружно отодвинулись, и на песок (в тысячный раз) обрушился ворох одежды. Через несколько минут в бассейне бултыхались сто человек, горланя *Boys boys boys*.

Summertime Love

Самые смелые девушки сняли лифчики.

Но не Мария-Кьяра.

Женщина без возраста.

Не стареют только старомодные шлагеры.

– Я подруга детства Марии-Кьяры.

Темнокожий великан-телохранитель не поверил.

Толпа танцевала на другом конце пляжа под музыку в стиле техно, мало похожую на «мелодии восьмидесятых».

Побудем еще, мама?

Немного, ответила Клотильда на просительную эсэмэску дочери. Валу написала, как только отзвучала последняя песня итальянки, то есть двадцать минут назад. Клотильда ждала на грунтовой стоянке, рядом с караваном автобусов. Других поклонников поблизости не было, но дверь оставалась закрытой, а секьюрити и слушать ничего не желал.

– Может, вы все-таки постучите? Скажете, что фанатка хочет поговорить, ей будет приятно.

Мускулистый гигант снизошел до улыбки – наверное, пожалел «пожилую тетку», – но просьбу выполнил.

– Мадам Джордано, это к вам.

Мария-Кьяра отреагировала мгновенно. Она была в пеньюаре и полотенце-тюрабане на голове, с умытым лицом.

– Ну?

Клотильда не ожидала, что она окажется такой красивой. Подтяжки, липосакция, силикон сделали свое дело, и пластический хирург поработал на славу. «Напоминает машину, переделанную на индивидуальный лад, – подумала Клотильда. – Слегка вульгарная, но оригинальная, гордится своей особостью и привлекательностью. Ей плевать на восторг и замешательство. Какая разница, кем быть – монстром или иконой?»

– Дашь сигаретку?

Телохранитель – он был лет на двадцать пять моложе дивы – нервным движением достал из пачки сигарету, прикурил с видом перепуганного Джона Уэйна^[98] и поднес ее к губам Марии-Кьяры, не зная, куда девать глаза.

Сейчас он больше всего напоминал пажа у ног королевы.

– Значит, ты и есть моя последняя поклонница? – спросила Мария-Кьяра. – Надеешься войти? Даже не думай, красавица, я не из тех, кто меняет окрас, когда мужики отворачиваются!

Она расхохоталась.

Пластика и удлиненные к вискам глаза делали ее похожей на кошку. Клотильда почему-то очень не любила слово «пума», но сейчас оно было вполне уместно.

Нет, все-таки тигрица...

– Я Клотильда. Сестра Николая. Помнишь Николая Идрисси?

Мария-Кьяра прищурилась, как будто пыталась вспомнить, хотя Клотильда готова была поклясться, что ее узнали с первого взгляда – выдали побелевшие от напряжения пальцы, вцепившиеся в облупленную дверцу вагончика.

Мария-Кьяра покачала головой:

– Не помню. Кто-то из бывших?

Вид у нее был искренний. Можно подумать, Берлускони нанимает танцорок в кордебалет за актерский талант. Клотильда пожалела, что не захватила с собой фотографии Николая.

– Лето восемьдесят девятого. И пять предыдущих – начиная с восемьдесят четвертого.

Певица выдохнула дым в лицо телохранителю и заправила выбившуюся мокрую прядь под полотенце. Рукав пеньюара соскользнул к плечу, обнажив татуировку в виде розы в черных шипах.

– Восемьдесят девятого! – изумилась звезда. – Увы, куколка, мы не молодеем. Я тогда была бомбой-сладкоежкой, выбирала парней, как лакричные палочки из пакетика «Харибо», и твой братишка...

Ты не могла забыть год, когда потеряла девственность, киска, так что не морочь мне голову!

– Высокий блондин. Милый. Год ламбады. Он танцевал почти так же хорошо, как ты.

Мария-Кьяра выплюнула окуроч, нервно ковырнула краску.

– Прости, дорогуша. У меня пять тысяч фанов на «Друзьях детства», а тех, кто меня тискал, вообще не перечесать.

Наглое вранье! У Клотильды не осталось выбора. Она решилась.

– Я говорю о том, кого нет на свете, Мария. Он погиб на дороге к мысу Ревеллата. В тот вечер, когда вы с ним должны были впервые заняться любовью.

Красный ноготь сломался.

Улыбка осталась холодной.

Браво! Гран-при Венецианского кинофестиваля за лучшую женскую роль!

– Прости, не помню. Я очень устала. Заглядывай как-нибудь. Пока.

21

*Четверг, 17 августа 1989,
одиннадцатый день каникул,
грандиозно голубое небо*

Порт *Stareso* – это бетонный причал и три дома под маяком де ла Ревеллата. Довольно долго он был закрыт для публики. Здесь находится научная база океанологов, но этим летом они начали пускать посетителей – ныряльщиков, рыбаков и – раз в неделю – дюжину бродячих торговцев, которые продают на молу товары местного производства.

Мама не могла этого пропустить. Она об-б-бож-а-а-ает рынки.

Ей нравится разыгрывать «даму в панаме». Она слоняется, смотрит, щупает, восторгается, приценивается, торгуется, ругается, уходит и возвращается, покупает и тут же об этом жалеет. Когда мне было двенадцать, мы провели неделю в Марракеше. Я чуть не умерла со стыда на базаре, куда опрометчиво согласилась пойти вместе с мамой.

Сегодня утром, за завтраком, я совершила роковую ошибку, снова поддавшись на мамины уговоры сопровождать ее. Это заняло все утро. Устав от толкотни и едва не попав под детскую коляску (!), я устроилась отдохнуть на одинокой скамейке. На самом солнцепеке. Маскировка – наушники (без Ману Чао я никуда) и (для разнообразия)

«Корс-Матен» на коленях. Меня заинтриговал набранный крупным шрифтом заголовок на первой полосе.

УПАЛ ЗА БОРТ?

Некий Драго Бьянчи, подрядчик из Ниццы, объявлен пропавшим без вести. Нашли яхту, удочку, но не его. Этот тип сделал состояние в секторе строительства и общественных работ – видимо, он из тех, кто умеет превращать бетон в золото. Не исключено, что золото в карманах превратилось в бетон и утопило его. Другие островные новости меня не заинтересовали, и я предпочла наслаждаться окружающим пейзажем.

Хотите опишу? Постараюсь найти верные слова.

Итак, напротив меня стоит маленькая, синяя с белым рыбацкая шхуна – скорее большая лодка, чем траулер. Никаких парусов, только мотор, железные вериги валяются где попало, в сетях цвета зеленой воды, как в огромном коконе, расположилась гигантская гусеница, составленная из желтых буйков. Когда сети распутают, из них вылетит самая большая бабочка в мире.

Рыбак вполне способен совершить чудо.

Я уже час наблюдаю за ним через темные очки *à la* Лолита.

Описать и его? Я уже упоминала фильм «Голубая бездна»? Представьте себе Жан-Марка Барра, человека-дельфина с глазами всех оттенков синевы – от морской бездны до звездного неба, в них, как в двух стеклянных шариках, заключена вселенная. Так вот, передо мной его двойник. Магнетически привлекательный рыбак три дня назад обрился наголо – как Жан-Марк, и взгляд у него такой же мечтательный. Уж вы мне поверьте! Правда, он не сидит дни напролет под водой, задерживая дыхание, а занимает руки распутыванием сетей.

Я жду.

Сколько ему примерно? Максимум на десять лет больше, чем мне.

Я жду, как маленькая плутовка, жду, когда он окончательно ужарится на солнце, снимет через голову промокшую от пота майку и на бронзовых от загара руках напрягутся мускулы...

– Иди сюда.

Это он мне. Черт... Я спалилась!

– Ну же, – повторил он. – Давай. Хочу посоветоваться.

Что бы вы делали на моем месте?

Не изображайте главного хитреца на свете, мой читатель из будущего! Вы уж точно не хитрее меня. Я положила книгу и плеер на лавку, сдвинула очки на лоб и ступила на его какой-то игрушечный кораблик.

– Что думаешь?

И тут – хотите верьте, хотите нет, мне плевать – человек-дельфин понял, что я знаю. Прочла его мысли – так, на расстоянии, общаются киты. Неплохо для начала... Мы потренируемся и научимся слышать друг друга через океан.

– Будешь смотреть или нет?

Он показал маленькую голубую афишку, нарисованную на клееной фанере, – три темных дельфиньих силуэта на переливающемся перламутром море.

*Морское сафари – плавай с дельфинами!
Каждый день до конца августа «Арион»
Порт Stareso
04 95 15 65 42*

– Ну как тебе?

– Нормально.

Короче говоря, он не заморачивался и стибрил свою афишу у Бессона, тот мог бы подать на него в суд за плагиат.

– Если не считать того, что все это пустая болтовня, – добавила я.

Люблю провокации! Человек-дельфин застывает, уткнувшись взглядом в череп на моей футболке. Он напоминает странствующего поэта, вдруг упершегося в стеклянную стену.

– Думаешь?

– Угу...

Он начинает мять лицо ладонями, словно хочет сплющить его до состояния блина, но оно остается красивым, как круглое яблоко. Так бы и съела... Обожаю его улыбку!

– Дерьмово... Я хочу завлечь сирен вроде тебя. (Глаза как две ягоды личи, губы как ломтики арбуза.) Сирен, мечтающих поплавать с дельфинами! В открытом море.

Ушам не верю. Какая жирная наживка!

– Смееетесь?

Он кивает. Хохочет во все горло. (Я предугадываю его реакцию телепатически.)

– Вовсе нет. В Средиземном море тысячи дельфинов и сотни – в акватории Корсики. «Крузизники» во время морского перехода Каржез – залив Порто – мыс Жиролата обещают встречу с ними у побережья естественного заповедника Скандола, но посудин слишком много, так что шансы нулевые. Дельфины предпочитают рыболовецкие шхуны – они разрывают сети и воруют рыбу.

– Вы их уже встречали?

Он кивает: конечно!

– Да и все рыбаки на Средиземном море тоже. Видеть-то они видели, но не дружат, как я.

Я делаю большие глаза – как мама, когда торгуется на рынке, – и прошу:

– Расскажите, как удалось их приручить.

– Легко. Дельфины умные, они отличают шум мотора одного судна от другого, узнают человека по голосу. Чтобы завоевать доверие, нужно проявить терпение, только и всего.

– И вы сумели?

– Да...

– Не верю!

Он снова улыбается. Похоже, ему нравится мое упрямство. И, кажется, он говорит правду. Мой рыбак – одинокий маленький мальчик, который всю жизнь мечтал о дельфинах, нашел их, сумел сблизиться и полюбить. Думаю...

– Ты права, Клотильда. Доверять с первого взгляда нельзя никому.

Ух ты, он знает, как меня зовут!

– Разве дед тебе не объяснил?

– Мой дедушка?

– Ты ведь внучка Кассаню Идрисси, верно? На острове все знают эту фамилию, тебя тоже ни с кем не спутаешь... благодаря карнавальному прикиду.

Карнавальному?! За неимением волос и бороды я могла бы вырвать нахалу ресницы, но уж больно красивые у него глаза. Деревенщина! Он точно не смотрел «Битлджус». Не был в кино, не прочел ни одной книги, его страсть – рыбы... Боже, неужели бывают такие мужики?

Я кидаюсь в бой:

– Что не так с моим прикидом?

– Все так. Но дельфинов может напугать череп.

– А вы бы что предпочли? Анилиновое солнышко? Розовую тучку? Позолоченных ангелочков?

– Неужели все это имеется *под* футболкой?

Вот гад! Разоблачил меня в три хода. Как девчонку, лишенную полдника за то, что тайком наелась «Нутеллы».

Я готовлю достойный ответ, но суденышко вдруг начинает раскачиваться.

– Она вам надоедает?

Мамин голос. Невероятно! Она поднялась на борт, как к себе домой, и вмешалась в разговор.

Все мгновенно изменилось.

Во-первых, он.

Такое впечатление, что на палубе нет никого, кроме Пальмы Мама. Она похожа на трепетную лань, невесть как попавшую на плот. Каблуки застревают в сетях, подол платья цепляется за корзину, голос робкий, как у перепуганного мышонка.

Обо мне рыбак забыл.

Даже хуже – меня пригласили, чтобы завлечь маму. Я клюнула на аппетитную наживку, но не поняла расклад. Я сама приманка!

Дождевой червяк!

Червячок для мамочки.

– Не рассказывайте ей историй о ваших дельфинах, – мурлычет Пальма Мама, глядя на афишу. – С виду она бунтарка, но с сердцем нежным, как зефир.

Ну вот, теперь зефир! Ничего остроумней мама придумать не могла.

Ненавижу ее.

– Я не шучу, мадам Идрисси, – отвечает рыбак моей мечты. – Как бы странно это ни выглядело, дельфины – мой бизнес. В заливе Ревеллата обосновалась супружеская пара с потомством. Они мне доверяют. Если ваша дочка захочет, я их познакомлю.

Мама садится, скрестив голые ноги, и «Путешествующий среди звезд» прожигает их взглядом.

– Спросите у нее сами.

Я с недовольным видом складываю руки на груди. Дура несчастная. Ничтожество.

– Как-нибудь в другой раз, – решает мама. – Идем, дорогая?

И мы пошли.

Он ничего не сказал, да это и не требовалось. Помог маме спуститься на причал, поддерживая ее за талию. Она одной рукой опиралась на его голое загорелое плечо, а другой приподнимала юбку! Выглядело все как отрепетированный танец.

– Я могу позвонить вам, если Клотильда передумает?

– Буду рад, мадам Идрисси.

– Пальма. Зовите меня Пальма. «Мадам Идрисси» на острове звучит как имя королевы-матери.

– Скорее уж принцессы.

«Принцесса» хихикает, как индюшка, и все-таки возражает:

– Принцессы почти никогда не садятся на трон. Королями становятся дофины... не так ли, мсье... мсье?

– Анжели. Наталь Анжели.

На обратном пути я обдумываю вывод, к которому пришла.

Да, моя мать способна изменить отцу.

С этим мужчиной.

С Наталем. Наталем Анжели. Он Король-Рыбак^[99] и правит сиренами, принцессами и дельфинами.

А ведь... черт, как же трудно это написать!

Плевать, никто не прочтет мой дневник. Я прекрасно знаю, что вы не существуете, мой читатель из будущего.

А ведь он любит меня. И я его люблю.

Не смейтесь, умоляю! Не издевайтесь, все серьезно – так серьезно, что хочется все глаза выплакать над дневником.

Я люблю Наталя.

Влюбилась впервые в жизни.
И ни один другой мужчина ничего с этим не поделает.

* * *

Он перевернул покоробившуюся страницу и несколько минут сидел неподвижно.

С пляжа Ошеллуча доносились мелодии техно.

Он прошелся по аллее, чтобы было лучше слышно.

22

17 августа 2016

02:30

Франк посмотрел на часы.

Что они себе думают?!

Ветер с моря разносил звуки электронной музыки, глухо, монотонно и навязчиво бахали ударные, как будто кто-то поставил огромный барабан у кромки прибоя и каждая волна била в него, била и била.

Бум. бум. бум. бум...

В кемпинге все спали. При закрытых окнах и дверях шум не проникал ни в бунгало, ни в финские шале, ни в дома на колесах. Чего не скажешь о палатках. Ну что же, тем хуже для туристов! Не исключено, что диско Червоне выбрал не случайно, а как способ выжить их, чтобы поставить новые – капитальные – дома и удешевить стоимость участка под застройку.

Черт, где они? Вряд ли Клотильда пляшет под техно-ассорти.

Франк еще полчаса бродил по кемпингу, встретив несколько страдающих бессонницей теней – обеспокоенных родителей, владельцев собак с питомцами на поводке и несчастных с аллергией на Давида Гетта^[100].

Луч фонаря Кло осветил дорогу, было 3 часа 04 секунды. Франк мог бы поклясться в этом под присягой, потому что не сводил глаз с

экрана мобильного, контролируя время.

– Где Валу?

Он сразу пожалел, что не задал вопрос в иной форме: «Ну как вечеринка?», «Так что там твоя итальянка?», «Понравился ночной клуб на берегу моря?».

Кло вернулась одна.

Она так устала, что даже лицо осунулось. Франку на мгновение показалось, что жена рухнет на кровать не раздеваясь со словами: «Завтра, все завтра, умоляю, я должна поспать!» Ему не понравилась беспечность, высокомерная беззаботность Клотильды, которая не только выкинула его из игры, но и заставила оправдываться.

– Где Валу? – повторил он.

Клотильда тяжело опустилась на стул. Франк надоел ей своими вопросами, но она все-таки ответила:

– Осталась с подружками. С девчонками из кемпинга. Они вернутся все вместе.

– Ты издеваешься? – Слова выскочили сами собой, произвольно. – Ты что, не в себе? Ей пятнадцать!

Расстрельная команда взяла на изготовку.

– Ладно, я пошел. Приведу нашу дочь, – бросил Франк и исчез в ночи.

Клотильда спала, когда он вернулся.

Во всяком случае, лежала под простыней в маечке «Чарли и шоколадная фабрика».

С закрытыми глазами.

Она оставила окно открытым, Франк подумал: «Начхать», быстро разделся, не зажигая света, прижался к жене и шепнул:

– Все в порядке. Валу легла.

Она не разомкнула губ.

Франк положил голову на обнаженное плечо Клотильды, прихватил ладонью левую грудь.

Сердце на замке.

Он чувствовал дыхание жены, ее сердце стучало в миллион раз громче, в унисон музыке, доносившейся с пляжа.

– Мне очень жаль, Кло. Прости, что нагрубил. Я вдруг испугался за Валентину. И оказался прав – внизу было полно пьяных парней. И

обкуренных тоже. Пляж, море, скалы.

Сердечный ритм замедлился.

Губы наконец приоткрылись...

– Что она сказала?

– Валу? Ничего. Наверное, была удивлена, что ей позволили так долго развлекаться.

Бум бум бум бум

С улицы.

Взмах ресниц.

Клотильда осторожно повернулась и посмотрела мужу в глаза:

– Проехали. Страх за ребенка сводит с ума. Ты потрясающий отец.

– И дрянной муж?

Она не ответила, но не воспротивилась, когда он начал ласкать ее, ощутила, как подступает желание, и шепнула:

– Заткнись, идиот!

Они любили друг друга молча, как подростки, чтобы не услышали Валу и люди в соседнем бунгало.

Без слов и слишком быстро.

Потом Клотильда закрылась. Легла на бок. Свернулась калачиком на смятой простыне.

Франк расслабился, «отпустил себя».

Клотильда ускользнула.

Неужели все было предначертано с самого начала?

Он вспомнил, как они впервые встретились двадцать лет назад, на костюмированном вечере у общего друга. Оба только-только поставили точку в любовных отношениях и были свободны. Клотильда нарядилась Мортишей Аддамс^[101], Франк – Дракулой. Она вряд ли обратила бы на него внимание, выбери он другой образ. На чем держится жизнь? На маске, которую носишь или отвергаешь? Накануне памятной вечеринки Франк искал костюм Питера Пэна. Не нашел. Судьба...

«Встречи – результат совпадений, – размышлял он. – Игры случая. Раз люди не расходятся, вступив в брак по воле судьбы, значит, она могла бы подобрать другой вариант и все любовные истории одинаковы. Их тысячи тысяч, одни лучше, другие хуже. – Франк вздохнул, посмотрел в окно на квадрат беззвездного неба. – По

большому счету, настоящие романы те, в которых один из партнеров с самого начала мухлюет, извлекает выгоду из случая, маскируется, надевает хороший костюм, много лет носит маску и сбрасывает ее, только заманив другого в ловушку, приручив его».

– Как там твоя прекрасная итальянка? – вполголоса спросил Франк в спину жене.

– Хороша. Все еще хороша...

Он бредит. Напридумывал бог знает что, а Клотильда просто переволновалась. Жизнь наладится, он должен перетерпеть. Его палец медленно заскользил вверх по позвоночнику жены.

– Она красивая, но странная, – продолжила Клотильда. – И не помнит Николя.

Палец отклонился влево, потом вправо.

– Двадцать семь лет спустя? Считаешь, это странно? А ты помнишь друзей юности?

Она задумалась.

– Ты прав, не помню.

Франк убрал руку.

Он был разочарован. Знал, что жена сказала неправду.

23

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета синих чернил,
как твои глаза*

Дорогой читатель из будущего!

Пишу вам открытку с Корсики – коротенькую, потому что сейчас у меня есть дело поважнее.

Я слишком занята.

Ничего неделанием. Мечтами.

Я два дня не давала о себе знать и теперь – раз уж взялась – сообщаю новости (такое в моей жизни было всего раз, когда меня отправили в летний лагерь в Веркоре и мама положила в чемодан конверты с марками, чтобы я писала тетушкам, дядюшкам и кузенам)...

Итак...

*Дорогие все!
Я по-прежнему на Корсике.
Здесь все в порядке, у меня полно друзей.
А позавчера появился возлюбленный.
Ловец дельфинов. Я все время о нем думаю.
Он ничего не знает. И никогда не узнает.
И не полюбит меня.
А вот маму может полюбить.
Моя жизнь – сплошное недоразумение.
В остальном все хорошо.
Обнимаю.*

Кло

Знаю, знаю, такой стиль называется телеграфным... Ну извините!

В последние два дня – с тех пор как мне на голову свалился Наталь и мое сердце раскачивается в такт его шхуне – я слегка отдалилась от нашей банды и ее приключений. Мимо проходит Мария-Кьяра, она нарисовала на теле синие джинсовые шорты с карманом, шириной и бахромой. Вышло очень похоже, хотя даже ее попка не влезла бы в такие мини-мини-шорты, обтягивающие, как вторая кожа. Парни плетутся за ней, точно бродячие псы, и приносятся... к запаху свежей краски. Мария-Кьяра наблюдает за ними в маленькое зеркальце и играет в Девочку-с-Пальчик, которая роняет на тропу то лифчик, то трусики. С десятков мелких оголодавших людоедов уже взяли след.

Мария-Кьяра все еще не рассталась с невинностью, но во всеуслышание заявила, что улетает в Бари 25 августа и сделает, что обещала, прежде чем сядет в самолет. Через шесть дней. Жар, охвативший маленьких пубертатных самцов, усилился до невозможности.

Хотите знать мое мнение? Я считаю фаворитом самого неспешного. Он ждет, когда другие выбьются из сил. Таков мой брат

Николя. Держу пари, Мария-Кьяра выберет его. Когда придет время. Она это знает. Он тоже. Братишка слегка загордился, стал похож на поучающего всех придурка.

Впрочем, я необъективна.

Потому что влюблена.

Хочу снова увидеть Наталя. Мечтаю, чтобы он заметил меня. И взял на борт.

Я не знала, что так бывает: смотришь на мужчину пятнадцать минут, перекидываешься парой фраз и... начинаешь думать о нем день и ночь.

Это и есть любовь?

Любить – значит страдать из-за человека, которому нет до вас дела? Он давно обо мне забыл, а заговорил только потому, что хотел подкатиться к маме.

Я права, скажите мне?

У мамы, кстати, фора перед папой: вчера они спорили о вечере 23-го, и он сдался. Мы отправимся на аперитив в Арканю, к бабушке с дедушкой, а потом родители отпразднуют годовщину в *Casa de Stella*.

Все кузены будут слушать концерт «А Филетты»... Кроме нас.

Мама победила и получит свой букет шиповника на День святой Розы. Она даже слегка возгордилась – и поглупела. Ладно, зато мы избежали песнопений.

Я все вам расскажу, но сначала опишу, как прошел сегодняшний день.

19 августа 1989 года...

Далеко, очень далеко отсюда.

Совсем рядом с маминым сердцем.

Безумный трюк.

* * *

«19 августа 1989-го...» – повторил он про себя.

После этого дня все в мире изменится, хотя никто не оценил всей его важности. Величайшие революции, меняющие судьбы человечества, приходят неузнанными.

19 августа 1989-го. Заря нового мира.

Всем было начхать – мир ушел в отпуск.
Всем – кроме Пальмы.

24

17 августа 2016

10:00

– Я ждал тебя раньше, Клотильда. Думал, стану первым, с кем ты встретишься.

Клотильда смотрела на море через панорамное окно виллы Пунта Росса. Вид был головокружительный. Казалось, что дом висит на скале, откроешь балконную дверь – и ныряй в Средиземное море. Окна на другой стороне смотрели на хребты Балани: часовня Нотр-Дам де ла Серра на первом плане, холм Капу ди а Вета – на втором, а вдалеке Монте-Чинто – самая высокая гора на Корсике.

Чудо, неподвластное времени.

Постарел только Наталь.

Сильно постарел.

Она сделала несколько шагов по эстакаде над скалами Пунта Росса, стараясь, чтобы ее не заметили собравшиеся у маяка туристы. Франку она сказала, что хочет навестить капитана Кадна и узнать, нет ли новостей насчет бумажника. Сказала полуправду, здесь действительно жила дочь полицейского... Аурелия Гарсия стала медсестрой, работала в филиале клиники скорой помощи Балани, уходила из дома рано и возвращалась после полудня.

Наталь предложил ей кофе. Она ответила: «С удовольствием...»

Он явно тянул время.

Сразу разбить лед не получится.

Ветерок ерошил ей волосы. На террасе было так хорошо, что в комнату идти не хотелось. Как правило, все дома похожи, как близнецы, типовые строения на типовых же участках. Даже в буржуазных, богатых кварталах люди живут в одинаковых квартирах. И все-таки за хмурыми фасадами скрывается множество тайн, личные драмы происходят в интерьерах, где все вещи, каждая рамка с

фотографией на стене, книги на полках отражают личный вкус и душу человека.

На вилле Пунта Росса все наоборот!

Наталь построил на красных скалах странное шале из дерева и стекла своими руками, когда ему было двадцать лет. Любители пеших походов, открывающие для себя дом Наталь с самой высокой точки «тропы таможенников», считали, что в этих стенах обитает особенный человек. Каждая деталь дышала оригинальностью, балки с лепными дельфинами были инкрустированы ракушками. Виллу Пунта Росса тысячу раз фотографировали, гуглили и фейсбучили. Клотильда регулярно набирала *Пунта Росса*, смотрела на чудо архитектуры и мечтала о его создателе. Никому бы и в голову не пришло, что внутри обстановка самая что ни на есть банальная: икейские шкафчики, книжный стеллаж, тумба под телевизор, буфет, табуретки, журнальный столик, на белых стенах несколько постеров. Поцелуи Климта, уроки игры на рояле Ренуара, лилии Моне.

– Держи... – Наталь поставил чашку на столик.

Он сказал, что времени у него немного, к одиннадцати нужно быть на работе. «Я возглавляю рыбный отдел в гипермаркете *Super U* в Люмио».

– И не смотри на меня так, Клотильда.

– Как – так?

– Как будто ты разочарована... Всем этим. И мною.

– С чего бы мне разочаровываться?

– Не усугубляй.

Наталь вышел и сразу вернулся с бутылкой в руке и крошечной рюмкой-наперстком, до краев наполненной розовой жидкостью.

Ликер или лекарство?

Ему чуть за пятьдесят, но он еще красивей, чем двадцать семь лет назад. Разочарованный. Меланхоличный. Немного циничный. Она шагнула в комнату и увидела фотографию Аурелии, висящую над полированной горкой, где за стеклом красовались коллекции подставок для яиц, колец для салфеток и чайных банок. Хозяйка дома была в белом халате с логотипом больницы на нагрудном кармане, она улыбалась.

– Я вовсе не разочарована, Наталь, просто не могу поверить.

– Я тоже.

Он снова налил себе миртовой водки. 40 градусов. Из погребов Дамиани. Не лекарство.

После стольких лет разлуки Клотильда не могла отступить.

– Наталь... – Она отвела взгляд от портрета хозяйки дома. – Теперь я могу сказать, Наталья. Все эти годы я не писала и не звонила, но не расставалась с тобой. Ты сопровождал меня по жизни. Я говорю не о лете восемьдесят девятого, когда мы катались на «Арионе» по заливу Ревеллата, а о том, что началось потом. Ты был живым доказательством, что нет ничего невозможного. Как объяснить... Я воспринимала тебя как компас, который укажет мне главный пятый элемент где-то рядом со звездами.

Ответ причинил ей боль.

– Ты не должна была, Клотильда... я этого не заслуживал... Такова уж наша жизнь – смотреть, как идола юности старятся. Разочаровывают нас. И умирают первыми.

«Я все равно облегчу душу, – подумала она. – Терять мне нечего».

– Все это неважно. Я была влюблена в тебя...

Наталь выпил очередную стопку.

– Знаю... Но тебе только-только исполнилось пятнадцать.

– Угу. И я коллекционировала черепа. Одевалась как зомби. Любила призраков.

Наталь молча покачал головой, и Клотильда продолжила:

– Ты любил мою мать, и это меня бесило. Не только из-за отца.

Он подошел, коснулся ее плеча, не осмелившись на более интимный жест.

– Ты слишком сильно злилась на мать. И очень любила отца. По логике вещей, должно было быть наоборот, но в пятнадцать лет не все понимаешь правильно.

Клотильда отступила к эстакаде. Ее насторожили слова Наталь.

Не все понимаешь правильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, Клотильда. Ничего. Знаешь поговорку: «Не будите спящую собаку...» Не тревожь покой родителей.

Наталь перевел взгляд на горы.

– Я не ненавидела маму, просто ревновала. Смешно. Особенно на фоне случившегося.

На мгновение глаза Наталя зажглись, Клотильде показалось, что ей снова пятнадцать, но он тут же отвернулся.

– Ты была дурочкой. Мне нравились твои черные одежды, бунтарский вид, дневник и книги под мышкой. Непокорная – вроде меня, хоть и другая.

В мозгу Клотильды звучали слова, произнесенные Наталем на пляже Ошеллуча в другой жизни. Она их не забыла.

Мы с тобой одной крови, Клотильда. Ловцы снов и мечтаний против всего мира.

Он снова налил себе водки, сел в кресло с бархатной обивкой жуткого темно-фиолетового цвета.

– Я посмотрел «Битлджус»... А еще – «Эдвард Руки-ножницы». И каждый раз думал о тебе. Чокнутая Лидия Дитц разговаривала с призраками. Ты все так же сходишь с ума по Вайноне Райдер?

А ты как думаешь, любимый?

– Конечно. Пять лет назад мы с моей дочерью Валентиной пошли на «Черного лебедя». Ей не понравились ни фильм, ни актрисы, а я была в восторге.

Очередная порция водки. Явный перебор, хотя уровень жидкости в бутылке существенно не понизился.

– Между прочим, Вайноне Райдер было восемнадцать, когда она влюбилась в тридцатилетнего Джонни Деппа, – продолжила Клотильда. – Они жили вместе четыре года. Обручились. Джонни с ума сходил от страсти и даже сделал татуировку на предплечье *Winona Forever*^[102], представляешь?

Наталь промолчал. Собственно, это была своеобразная форма ответа, учитывая продолжение истории. Романтические любовники расстались, совсем убрать татуировку Депп не смог и укоротил ее до *Wino Forever*^[103].

Юношеские мифы.

В них веришь, потом разочаровываешься и отвергаешь.

Топишь мифы в миртовой водке.

Наталю нечего было сказать.

В отличие от Клотильды. Она так легко не сдастся. Наталь прочно угнездился в разлапистом кресле, казалось, что в ближайшее время он

не сумеет встать на ноги и отправиться в свой отдел мороженой рыбы торговать моллюсками и треской.

– Вчера вечером я встречалась с Марией-Кьярой. После концерта на пляже Ошелучча.

– Знаю. Видел афиши.

– Кстати, поет она хорошо. А еще я любовалась «Арионом»...

– Да, старичок стоит на прежнем месте, цепляется за жизнь.

Наталь крутил в пальцах пустую рюмку, словно вдруг так обессилел, что даже не мог налить себе.

– Червоне я вижу каждый день – мы живем в кемпинге «Эпрокт», – как и Орсю. Представляешь, я его не узнала! Мы ездили к дедушке Кассаню и бабушке Лизабетте, там была Сперанца, но...

– Чего ты добиваешься, Кло?

Хочу тебя спровоцировать. Растормошить. Разбить бутылку об стену и спихнуть тебя в море, чтобы протрезвел. Мне нужно рассказать тебе о странностях и загадках, от которых внутри все болит, и попросить о помощи. Потому что я доверяю только тебе.

– Я ищу правду, Наталь! Понимаешь? Правду. Могу прямо сейчас перечислить все, что пошло не так после возвращения на Ревеллату. Твой тесть сержант Гарсия рассказал, что рулевое управление «фуэго» испортили намеренно. Из сейфа в бунгало украли мои документы. Без взлома. Невозможно? И тем не менее... Но это цветочки по сравнению с остальным. С письмами. Ты решишь, что я свихнулась, но мне плевать! Я получаю послания с того света. От Пальмы.

Наталя била дрожь. Он не глядя поставил рюмку на ближайший столик, будто она жгла ему пальцы.

– Повтори.

– Письмо ждало меня в бунгало С29. Неделю. Его могла написать только моя мать. – Клотильда издала натужный смешок. – Поневоле согласишься в призраков, как думаешь? Не хватает только дара Лидии...

Наталь встал. Сделал несколько твердых шагов по комнате, как будто внезапно протрезвел.

– Они существуют, Лидия...

– Лидия?

– Клотильда, конечно, Клотильда. Они существуют.

– Кто?

– Призраки.

Нет, он все еще пьян.

– погоди, сейчас ты узнаешь то, что я никому не рассказывал. Даже Аурелии и ее отцу... Я живу в этом доме, как в тюрьме, живу с Аурелией, отказался от всех своих планов – из-за призраков. По вине *одного* призрака. Ты была права, Клотильда или Лидия, называй себя как угодно. Призраки – не сказка, не страшилка, и они портят нам жизнь. Ты тоже примешь меня за чокнутого, ну и ладно, а теперь уходи. Аурелия скоро вернется, не думаю, что она обрадуется, застав тебя здесь.

Он издевается?

– Какого черта ты с ней живешь, отвечай! И не вали все на призраков.

Наталь посмотрел на крест на холме Капу ди а Вета.

– Забавно, Клотильда, душой ты постарела больше меня. Перестала верить в странные, иррациональные вещи. Игнорируешь знаки. Раз ты ничего не желаешь слышать о моем призраке, скажу просто: у меня были причины уступить Аурелии. Настоящие, веские причины. – Его глаза потухли. – Пары, поженившиеся по расчету и не питавшие иллюзий, часто живут вместе до конца своих дней. По очень простой причине, Клотильда. Она неприглядна, но истинна: их не ждет разочарование. Все получается лучше, чем можно было вообразить. Об идеальной истории любви и об африканской страсти никто не скажет, что финал лучше начала.

В голове Клотильды завывала тревожная сирена. На помощь! Только не ты, Наталь, только не ты. Любой болван имеет право лепетать подобные благоглупости, но не ты!

Она годами вспоминала о нем, когда что-то шло наперекосяк. О Натале Анжели, ловце сирен, человеку, приручившем дельфинов и мечтавшем о звездах. Он сумел передать свою веру пятнадцатилетней девчонке, убедил, что надежда есть.

Наталь Анжели.

Он отставляет наперсток, в котором утопил свои иллюзии, и собирается на работу в супермаркет. Боязливый взгляд мечется от одного окна к другому, как ящерица в виварии, между *таге* и *monti*^[104], словно он не знает, откуда появятся призраки и утащат его с собой.

– Ты счастлива с мужем, Клотильда?

Бац! А на что она рассчитывала?
Собиралась изображать придурочную училку-зазнайку.
Девочка-бунтарка, черепа, волосы цвета воронова крыла.
На что она рассчитывала?
Увидеть человека, не разочаровавшегося в жизни?

25

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета берлинской лазури*

Странно. Вторая половина дня, а люди сидят перед телевизорами.
Во всяком случае, некоторые.

Приклеились к экранам, как будто стряслось что-то очень серьезное. Я попыталась выяснить, что именно, и прошла мимо автодачи итальянцев, которые завели огромную плазму, пристроили к двери бетонную лестницу, замостили плиткой аллею и посадили по периметру участка анютины глазки и герань.

Ничего. Я не заметила на экране ничего особенного.

Ни покушения, ни войны – так, банальные картинки. Вы не поверите: люди приехали на пикник, расстелили на лугу среди холмов льняные салфетки, сидят и едят. А обитатели нашего кемпинга тоже сидят и смотрят, как они поглощают пиццу!

Но вот слово берет журналист. Я не слышу слов, но могу прочесть подбрюшник.

«Прямая трансляция из Шопрона».

Шопрон?

Услышав это слово, вы, естественно, не вздрагиваете, потому что оно вам ничего не говорит. А ведь Шопрон – это название маленького венгерского городка на границе с Австрией с населением шестьдесят тысяч человек. Не подумайте, что я знаток географии, а о Шопроне знаю, потому что оттуда родом мамина семья.

Чудно, да? Я вас предупредила.

Что все операторы планеты Земля забыли в Шопроне?

Я мчусь домой, в бунгало С29.

Все в кемпере^[105] у наших соседей Якоба и Анке Шрайбер, родителей Германа. У них есть телевизор, а у нас нет.

– Мама, что произошло?

Пальма Мама прикладывает палец к губам. Никто не оборачивается, все прилипли к пластиковым стульям и уставились в экран, где семьи в спортивных костюмах поедают куриные ножки и пьют пиво. Что за бред? Что там происходит, в этой самой Венгрии?

Воскрешение Сисси?^[106]

Конец света?

Летающая тарелка приземлилась прямо на скатерть для пикника, и оттуда появились инопланетяне размером с муравьев?

Только через несколько долгих минут я поняла, что публика не сводит глаз с немцев, которые проводят отпуск в Венгрии. Уточняю: это восточные немцы. А холмы вдалеке – австрийские.

Ну, уловили?

Не совсем? Ладно, прочту вам лекцию.

19 августа 1989 года венгерские и австрийские власти договорились на три часа открыть границу. Железный занавес падает. Венгры-то давно ходят туда-сюда, а теперь это смогут делать граждане любой страны. Операция «Калитка нараспашку»! С 15:00 до 18:00 устроили «Европейский пикник» (так они это назвали). Военные вмешиваться не захотели.

Слух разлетелся очень быстро, и восточные немцы не заставили себя долго просить. Человек шестьсот, случайно оказавшихся в Венгрии в отпуске, перешли границу, не дожидаясь, когда «калитка» захлопнется. Журналисты держат пари, что ни один не вернется.

Писаки уверяют: «Это исторический момент, первая брешь в стене между Востоком и Западом, пробный шар, чтобы выяснить реакцию русских»^[107].

Выяснили.

Реакции – ноль.

Горбачеву плевать.

Нервничает только восточноевропейское начальство, вождь Эрих Хонеккер в ярости. В прямом эфире из Восточного Берлина он орет,

прижав руку к сердцу, а за его спиной стоят люди из Штази и согласно кивают.

Берлинская стена простоит еще сто лет!

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!^[108]

Он повторяет эту фразу.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

Как будто хочет вбить историческую истину в головы согражданам.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

Впишем эту максимум золотыми буквами в исторический альманах нелепиц и анекдотов.

* * *

Смешно...

Он мысленно повторил немецкие слова.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

26

19 августа 2016

09:00

Когда над оливами поднималось солнце, в бунгало становилось невыносимо душно, совсем как в забытой на жаре консервной банке. Клотильде нравилось париться на манер каннеллони в пароварке. Она обожала лежать в постели, чувствуя, как температура ползет вверх, а тело становится мокрым от пота. Для полного счастья недоставало собственного душа, а еще лучше – бассейна, чтобы прыгать в воду, едва открыв глаза, и плавать, плавать, плавать...

Франк уже отправился на пробежку. Валу спала – заботливый папочка поселил ее в комнате, куда солнце приходит после полудня. Любимая малышка...

А между тем взбудораженной девчонкой чувствовала себя именно Клотильда. Она коснулась мобильного и вновь прочитала послание,

полученное в 04:05 утра.

Рад был тебя повидать. Ты стала очень красивой женщиной, Клотильда, хотя мне больше нравилась Лидия Дитц. Наверное, потому, что я научился уживаться с призраками.

Наталь

Обдумывая ответ, она перечитывала три строчки в мессенджере.

Я тоже рада. Ты все так же хороша, Наталь, хотя мне больше нравился ловец дельфинов. Но теперь я умею жить без призраков.

Кло

Она погрузилась в сладостную эйфорию. Сегодняшний Наталь мало чем напоминает мужчину, которого она не забывала ни на один день, но, как это ни странно, разочарование таяло. Как будто кумир ее юности, певец с идеальной фигурой, сошел с глянцевого постера, и оказалось, что каждое несовершенство делает его еще более соблазнительным. Человечным. Милым.

Клотильда помнила Наталью, по которому сходила с ума в пятнадцать лет. Тогда он был для нее недостижимой мечтой, а двадцать семь лет спустя стал хрупким разочарованным фантазером. Непонятым. Недолюбленным. Несчастливо женатым.

Иными словами, все еще свободным!

Все еще свободным! Парадоксальное определение... Наталь все еще свободен... потому что женщина украли его свободу. Клотильда засмеялась. По большому счету, все влюбленные женщины – воровки, они мечтают о встрече с прекрасным принцем... чтобы заточить его в подвале.

Клотильда положила телефон на тумбочку и погрузилась в дрему, закопавшись в горячие влажные простыни, как в полотенце в турецкой бане.

Ее разбудил Франк:

– Спасибо за завтрак, дорогая.

Черт, она выпала из жизни на целых полчаса!

Клотильда открыла глаза и не отклонилась, когда Франк поцеловал ее в лоб, хоть и не поняла, с чего вдруг муж расщедрился на ласку.

Спасибо за завтрак?

Она резко повернула голову и увидела накрытый стол.

Свежий хлеб, круассаны; кофе, чай, мед и пиалы. Фруктовый сок и джемы.

Неужто Франка так сильно вдохновил пробег до Нотр-Дам де ла Серра, что он решил поразить ее воображение, приготовив еду? А фраза «спасибо за завтрак» – не что иное, как ироничное приглашение к столу. Мужественный спортсмен тормозит вялую бездельницу...

Клотильда бросила виноватый взгляд на телефон.

Нельзя все испортить...

Она чмокнула мужа в шею:

– Спасибо.

– За что? – удивился Франк.

– За королевский пир. Не хватает только вазочки с розой.

– Хочешь сказать, это не ты? – изумился он.

– Конечно, нет, я спала.

– А я только что вернулся.

Оба изумленно-недоверчиво посмотрели на дверь, за которой спала их дочь.

Валу?

Поверить в то, что она проявила внимание к родителям, было еще труднее, чем в тайное вмешательство эльфов. Девочка недовольно заворчала, когда отец отодвинул штору и луч солнца попал ей на лицо.

Не Валентина, не Франк, не она сама...

Так кто же?

Клотильда накинула рубашку, подошла к столу и обратила внимание на детали, которые не заметила сразу. Стол накрыли на четверых, что было сущей ерундой по сравнению с другими совпадениями.

Франк вышел из комнаты дочери, Клотильда взяла его за руку и кивнула на стакан с розовато-оранжевым соком и белую пиалу:

– Николя всегда сидел на этом самом месте, на краю стола. И каждое утро пил грейпфрутовый сок и молоко.

Он промолчал, и Клотильда продолжила, ткнув пальцем в чашку и еще теплый кофейник:

– Папа садился напротив и пил черный кофе.

Чайник, два пакетика.

– Мы с мамой больше любили чай. Она покупала варенье на портовом рынке – из инжира и плодов арбутуса^[109].

Клотильда повернула баночки этикетками к Франку, отодвинув хлебную корзину.

Инжир и арбутус.

Она оперлась о стол, не доверяя ногам.

– Все здесь, Франк. Все, как...

Он закатил глаза:

– Как двадцать семь лет назад, Кло? Как ты можешь помнить, что за варенье вы ели за завтраком двадцать семь лет назад? Марку чая?

Она бросила на мужа недобрый взгляд:

– Как? Да очень просто! Это были последние моменты, прожитые с моей семьей! Последний совместный завтрак. С тех пор я тысячи ночей и дней провела с призраками мамы, папы и Нико. Они подсаживались рядом каждое утро, когда ты уезжал на работу и я оставалась одна. Да, я помню, Франк. Каждую деталь.

Он тут же сдал назад, сменив угол атаки:

– Ладно, Кло, ты права... Но признай, что речь идет о простом совпадении. Чай, кофе, фруктовый сок, местное варенье. Так завтракают девять семей из десяти.

– А стол? Кто накрыл на стол?

– Понятия не имею. Может, Валу нас дурит? Или ты. Или я? Не исключено, что это чья-то глупая шутка. Что, если это твой друг Червоне или его верный Хагрид решили проявить внимание? Кажется, оба тебя обожают.

Клотильда вздрогнула, услышав прозвище Орсю, и с трудом справилась с желанием ударить ногой по шаткому столику, чтобы остывший кофе и подтаявшее масло оказались на полу.

Спокойствие Франка выводило ее из себя.

– Кто-то хочет навести тебя на мысли о прошлом, Кло. Не втягивайся в эту игру. Не пытайся узнать, кто...

Она не дослушала – заметила на стуле сложенную пополам газету. «Монд». Свежий номер.

Клотильда смотрела на нее с таким ужасом, как будто боялась, что страницы вот-вот загорятся.

– А... газета?

– Аналогично. Инсценировка. Думаю, твои родители, как все отпускники, каждое утро читали газету.

– Ни-ко-гда! – отрезала Клотильда. – Мои родители никогда не читали газет на отдыхе. Это случилось всего раз. Один-единственный. Папа отправился в Кальви, принес «Монд» до того, как проснулась мама, и положил ее на стул. В то утро мы последний раз завтракали вместе. На следующий день папа отправился с кузенами в трехдневное плавание на яхте к Кровавым островам^[110], а вернулся 23-го, в день аварии.

У Франка было такое выражение лица, словно он внезапно перестал понимать человеческий язык.

– 19 августа 1989 года венгры впервые «взорвали» Железный занавес^[111]. В Шопроне, на границе с Австрией, в родном городе моей матери. И она впервые в жизни прочла статью в газете, которую принес отец. Номер за 19 августа. Сегодня тоже 19-е. Это не может быть совпадением! И все же...

– Что – все же?

На секунду Клотильде показалось, что Франк ломает комедию, что никто другой не мог накрыть стол, не разбудив ее, но она прогнала нелепую мысль и продолжила:

– И все же никто другой не был в курсе. Только Николя, мама, папа и я. Это семейная история, пустяк, не более того. Папа просто купил «Монд», мама за пять минут прочла полстраницы, положила газету под мангал, а в полдень ее сожгли. Никто не мог знать – кроме нас четверых. Понимаешь, Франк? Сегодняшний номер мог принести один из нас... выживший.

– Это не стул твоей матери, Кло...

«Ошибаешься! – хотелось крикнуть Клотильде. – Очень даже ее!»

Помешала Валентина:

– Вы закончили ругаться?

Она была в халате *Betty Boop*^[112] непричесанная и почему-то осунувшаяся. Девочка села за стол – на место призрака Николя, протянула руку за газетой, поднесла к губам чашку с кофе, скорчила недовольную гримасу:

– Фу, холодный!

Клотильда удрученно наблюдала за дочерью.

– Нужно снять отпечатки, Франк.

Он вздохнул. Посмотрел на жену как на безумную, перевел взгляд на дочь. Одна как будто заняла место другой, отняла ее молодость, красоту, радость жизни... рассудок.

Валентина открыла варенье, намазала на тост, с аппетитом откусила. Она наслаждалась жизнью, вкусной едой, солнцем, долгим сном. Чудесными каникулами. А Клотильда не могла отделаться от мысли, что дочь оскверняет все, к чему прикасается. Каждый ее жест разрушал тайный священный порядок.

Франк прав: она сходит с ума.

– Ваш муж дома?

– Нет. Он ныряет в заливе Галерия.

Капитан Кадна появился только через три часа. Франк выдержал час ожидания и смылся. По телефону жандарм сказал, что ничего не понял, но все-таки приедет – в первую очередь, чтобы окончательно закрыть историю с украденным бумажником. Он провел свое небольшое расследование. Ничего не нашел.

Капитан уже две минуты ходил вокруг бунгало.

– А ваша дочь?

– Отправилась с друзьями в поход. В каньон.

Стоявший рядом Червоне Спинелло кивнул, подтверждая. Многие подростки, отдохавшие в кемпинге, сели в минивэн и поехали в ущелье Зоикю.

– Не знаю, что еще можно сделать, мадам Барон.

«Снять отпечатки, кретин! А потом сравнить их с отпечатками туристов из кемпинга, ведь “пошутил” наверняка один из них. Нужно допросить свидетелей, всех, кто сегодня утром проходил мимо моего бунгало. Но главное – перестань считать меня умственно отсталой».

Игрок нападения, сосланный на остров Красоты, смотрел на нее, бессильно опустив руки. Червоне наверняка его проинформировал. Об аварии, случившейся двадцать семь лет назад, и о том, что выжившая потихоньку сходит с ума.

Директор кемпинга положил руку на плечо Кадна. Мужская солидарность. Сговор третьего тайма между измотанным игроком и

тем, кто платит.

– Выпьем по стаканчику на посошок? – спросил Спинелло капитана.

Жандарм-регбист не отказался. Клотильда понимала, что ей не поможет ни полиция, ни кто-то другой. Придется выпутываться самой. В одиночестве планировать срочные встречи со свидетелями, расспрашивать, пытаться разговорить.

Мерзавку Марию-Кьяру, которая отреагировала на нее так, как будто увидела привидение, даже дверь перед носом захлопнула.

Дедулю Кассаню, с самого начала знавшего о подстроенной аварии.

Наталя. Да, именно так, ведь у него есть собственный призрак.

Чем больше становилось тайн, тем яснее Клотильда понимала, что разгадку нужно искать в воспоминаниях о лете 1989 года, но в голове сохранились только обрывки, впечатления, вспышки, пропущенные через фильтр ночных кошмаров. Разве можно доверять этим рваным воспоминаниям? Нужны существенные факты и надежные свидетели. Она отдала бы все на свете, чтобы иметь сейчас дневник, в котором тогда делала записи.

Почему никто так его и не вернул?

Нужна отправная точка, ниточка, за которую можно потянуть и размотать весь клубок, первые кадры фильма о собственной жизни – они потянут за собой остальное. И она знает, где искать!

Клотильда снова посмотрела на столик, перевела взгляд на аллею, где стоял Орсю с граблями и лопатой в здоровой руке. Он как будто знал. Все видел, но ничего не мог сказать.

Это подождет. Ни Орсю, ни Мария-Кьяра, ни Кассаню не располагают нужными ей доказательствами.

Они тоже подождут.

Клотильда мысленно чертыхнулась. В ста шагах от нее, через две аллеи и три кемпера, находилась вся заархивированная память кемпинга «Эпрокт». Все факты и жесты. Все лица и взгляды.

Пятьдесят лет истории.

Остается убедить хранителя музея показать ей книги.

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета голубой лихорадки*

Потихоньку-полегоньку, мой невидимый собеседник, я пишу вам огрызком карандаша в третий раз за сегодняшний день. Волнение вокруг Шопрона вроде бы поутихло, решетки железного занавеса захлопнулись – поздравляю тех, кто остался на правильной стороне. Пальма Мама отправилась загорать, как только с экрана телевизора исчезли австро-венгерские холмы и в студии собрались геополитики. Я пошла в любимый грот ждать захода солнца. Я забыла рассказать, что морские тюлени – мерзляки, они любят лежать на раскаленных скалах и греться, а еще – плавать в теплой воде, не ниже двадцати пяти градусов. Люди давно всех тюленей истребили, и я стала сквоттершей, квартирую в их гроте. Тут пахнет мочой, пеплом и солеными водорослями, зато море заходит в гости. Сидишь внутри, наблюдаешь, а тебя видят только рыбаки, вынимающие из ловушек лангустов, раков-медведок и морских ежей.

Мы похожи. С ежами.

У меня больше нет сил составлять из слов фразы, пусть этим занимаются те, кому есть что сказать, например журналисты «Монд», вещающие о «прорыве» занавеса на другом конце света. Или корреспонденты «Корс-Матен» – они раскручивают историю Драго Бьянчи, подрядчика из Ниццы, чье тело в изодранной одежде выловили из моря. Он якобы упал с парома в бухте Аяччо. А я буду просто любоваться словами... в произвольном порядке.

– У тебя что-то случилось, Клотильда?

Сначала я вижу удочку и только потом – Базиля Спинелло. Директора кемпинга. Приятеля дедули.

На худой конец, можно пообщаться и с ним. Я вам потом расскажу.

– Что не так, Клотильда?

– ...

– Откуда эта меланхолия? На тебя не похоже... Обычно ты своего настроения не показываешь.

Наверное, Базиль произнес волшебную фразу, и я вдруг заговорила о своей жизни:

– Я влюбилась.

- Ну, в твоём возрасте это естественно, детка.
- А вот и нет. Я полюбила не придурка-ровесника.
- Это ты о ком так выражаешься?
- ...
- О моем сыне? О Червоне?
- Не только!

Базиль хохочет как мамонт. От этих громоподобных звуков падают с потолка сталактиты в моей пещере.

– Знаешь, красотка, – подмигивает Спинелло-старший, – у корсиканцев всего один недостаток: они любят свои семьи. Это незыблемый принцип...

Старик умолкает, но я прекрасно понимаю, что он не решается сказать.

Корсиканцы любят свои семьи, и это незыблемый принцип. Значит, если у тебя сын придурок, люби придурка!

Базиль меняет тему:

- Кто твой избранник?
- Наталь Анжели... – Ответ вылетает практически против моей воли.

– Ну и дела!

– Ты его знаешь?

– Да... Могло быть хуже. Наталья не бездельник, не идиот и не урод. Он из хорошей семьи. Его отец Панкраций долго возглавлял клинику в Кальви, потом развелся, переехал и открыл другую, на Ривьере. Говорят, твой прадед Антонио Идрисси подарил ему тысячу квадратных метров на мысе Пунта Росса – за аортокоронарное шунтирование, благодаря которому он прожил лишних пять лет. Когда родители разошлись, Наталья разругался с отцом, но семья есть семья, и Панкраций, перед тем как уехать в Италию, отдал участок сыну. Местные считают Наталью безвредным мечтателем из-за виллы под маяком и историй о дельфинах. Его называют болтуном-идеалистом, но, если хочешь знать мое мнение, Наталья – хитрец, придуривается, чтобы никого не напугать своими демонами. Его план насчет дельфиньего заповедника, морских прогулок и «свидания с китообразными» может получиться. Да, именно так, не смейся. Люди чувствуют его искренность и готовы дорого за это платить. За открытость. Правдивость. Подлинность. Твой Наталья, милая, похож на

золотоискателя, нашедшего богатую жилу. Он делает вид, что ничего не случилось, не хочет, чтобы набежали другие старатели. Одно плохо, Кло, Наталь – старый холостяк, слишком старый для тебя.

Базиль произносит последнюю фразу удрученно-участливым тоном, как нежнейший дядюшка.

– Я знаю... знаю. Но хочу именно такого мужчину.

– И ты его найдешь. Если научишься терпеть, ждать и умеришь пыл.

– Наталь предложил сплавить завтра утром в открытое море у мыса Ревеллата и посмотреть на дельфинов.

– Соглашайся! Не исключено, что ты нужна ему.

– Зачем?

– Пораскинь мозгами, девочка, ты же не идиотка. Зачем Наталью ты и, конечно же, твоя мама?

Итак, Базиль в курсе насчет Наталя и мамы. Все всё знают, а я ничего не вижу. Здорово...

– Думай, Клотильда. У Наталя грандиозный план – построить Храм дельфинов, чтобы изучать их и охранять. Морской дом-музей китообразных. Экоздание, встроенное в окружающую среду. Ты не забыла профессию своей матери?

– Она архитектор.

– Кому принадлежит участок?

– Дедушке...

– Точно! Моему другу Кассаню. Я хорошо знаю старого безумца. Проект Наталя Анжели вполне жизнеспособен, но Кассаню осторожен и недоверчив. Убедить старика будет непросто, он не любит перемен.

Значит, Наталь решил воспользоваться нами, чтобы подольститься к дедуле?

Или Базиль бредит...

– Дед прав, что сомневается. Согласен, Базиль? Я приезжаю раз в год, но обожаю остров, «Эпрокт», пляж Ошелучча, мыс Ревеллата и хочу, чтобы все оставалось как есть. Никто не смеет ничего менять в течение тех одиннадцати месяцев, что меня тут нет. А потом я взмахну волшебной палочкой, как фея в «Спящей красавице», и разбужу всех – в июле!

– Перемены неизбежны, Клотильда. Ты тоже изменишься. Быстрее корсиканского пейзажа.

– Необязательно. Ты вот остался прежним, Базиль.

Директор кемпинга кивнул:

– Твоя правда! Увы, это скорее недостаток, чем достоинство. Корсиканцы не умеют меняться, мы с твоим дедом в том числе. Уважение, честь, традиции... Жизнь станет другой вопреки нашему желанию. Мы не вечны, а после нас все пойдет кувырком. – Он посмотрел вдаль, на горы и кемпинг. – Честно говоря, я предпочту не дожить, так-то вот, девочка.

К счастью (тьфу-тьфу-тьфу!), Базиль Спинелло был в добром здравии и *уже* видел перемены.

По тропинке над гротом спускалась к морю компания подростков. Возглавляла процессию Мария-Кьяра, вся в белом кружеве, за ней шел Герман. Циклоп нес на плече транзистор, орущий «Ты мое сердце, ты душа моя»^[113] группы *Modern Talking*. Приемник кочевал с плеча на плечо, следуя за зигзагами Марии. Червоне и Эстефан тащили тележку с пивом. Николя шагал чуть в стороне. Аурелия держалась в нескольких метрах позади него, за ней плелись Тесс, Стеф, Ларс, Филипп, Канди, Людо...

Стадо перебирается на пляж де л'Альга.

* * *

Он захлопнул тетрадь и приложил ладонь к холодной каменной стене пещеры.

Базиль поступил правильно, сдавшись на милость раку ободочной кишки.

И тупицы завоевали рай.

19 августа 2016
15:00

Все хорошо. Валу

К сообщению прилагалась фотография Валентины в шлеме и страховочной упряжи. Группа подростков позировала над величественным водопадом. У Клотильды не было причин волноваться: Валентина – спортивная девочка, ребятами руководят опытные тренеры, но ее мучило предчувствие. Наверное, все дело в загадках и тайнах, их становится все больше, вот нервы и сдают. Франк прав в одном: хватит думать, пора действовать.

Клотильда дошла по дорожке из розового гравия до кемпера А31, считавшегося образцовым. Хозяин поставил на крыше солнечные батареи, завел регенератор воды и маленький ветряной двигатель на мачте рядом с немецким флагом.

Якоб Шрайбер был старейшим постояльцем кемпинга «Эпрокт». Впервые они с женой приехали на Корсику в начале 60-х, на мотоцикле, с рюкзаками за спиной. В 70-х они вернулись – на «ауди 100» – с трехместной палаткой и малышом Германом. Тому едва исполнилось три месяца. Семья стала приезжать каждый год. В 1977-м они сняли кемпер А31, а в 1981-м купили его. Те годы стали лучшими в их жизни – Якоб окультурил свой участок, развел садик и пристроил веранду, – а в 90-х история потекла вспять. Герману исполнилось девятнадцать, летом он остался дома, в Леверкузене, и два месяца работал в «Байере», так что Якоб и Анке отдыхали вдвоем. В 1993-м Анке совершила свое последнее и бесповоротное путешествие, и с тех пор Якоб по три месяца в году жил в «Эпрокте» один.

В каждой деревне живет свой абориген-эрудит, хранящий ее историю, на любом предприятии есть архивариус, а в кемпинге эту работу делал турист-первопоселенец.

Почти шестьдесят сезонов подряд начиная с 1961 года.

Лучшие фотографии Якоб подарил хозяевам, и они развесили их в административном корпусе, в баре и под перголой. Черно-белые снимки запечатлели женщин в бикини самых первых моделей, танцы на пляже в шароварах, франко-немецкие футбольные сражения 1962-2014 годов, улыбки детей, гигантские барбекю... Якоб Шрайбер был страстным фотографом, а еще чертовски дотошным и аккуратным. Со временем немец превратился в немного свидетеля. Почти немного.

Он пригласил Клотильду в дом со старомодной учтивостью. На стенах без какого-то видимого порядка висели сотни фотографий.

Первым, инстинктивным побуждением Клотильды было найти интересовавший ее год, но она сдержалась – из вежливости.

– Мне очень нужны снимки, сделанные летом 1989 года, господин Шрайбер.

– Снимки аварии, в которой погибли ваши родители и брат? – У него был сильный акцент, говорил он громко, перекрикивая радио. Немецкая станция передавала не музыку – что-то монотонно вещал диктор. – Понимаю, конечно... Я все понимаю.

Он схватил свой мобильник и принялся жать на кнопки. Это длилось секунд тридцать, и у Клотильды возникло желание ответить на эту странную невоспитанность и самостоятельно отыскать нужные карточки.

– Прошу меня извинить, мадемуазель Идрисси, – сказал Якоб. – Я вдовец на пенсии с причудами маленького мальчика. Знаете такую передачу – «Кто хочет стать миллионером, не выходя из собственной гостиной»?

Клотильда покачала головой.

– Это телевикторина, адаптированная для радио. Чтобы играть, нужно установить на телефон специальное приложение. Ведущий задает вопрос, ответ нужно дать в течение трех секунд – за это время подсказку в интернете не найдешь. Выбираешь вариант, печатаешь А, В, С или D и, если не ошибся, играешь дальше. Вариантов не дают только к трем последним вопросам.

– И выигрываешь миллион?

– Кажется, так. За все платят рекламодатели. В Германии к игре подключились сотни тысяч человек. Я, как и большинство немцев, ни разу не дошел до второго вопроса.

– А сейчас?

– Я на девятом. Второй уровень начинается на двенадцатом. У меня есть время до следующего вопроса – пятнадцать минут. Реклама – великое дело! Значит, лето 89-го, я правильно понял?

Якоб встал – легко для семидесятилетнего – и направился в соседнюю комнату.

– Здесь жил Герман, – объяснил он, не оборачиваясь. – В девяностых я переоборудовал помещение в фотостудию.

На стеллажах стояли подписанные и пронумерованные архивные коробки.

Лето 61-го.

Лето 62-го.

И так далее – вплоть до 2015-го. Материалы последних лет Шрайбер заархивировал во множестве папок.

– Я делаю сотни фотографий в год. До появления цифровых фотоаппаратов каждое лето тратил десятки катушек пленки. Так, восемьдесят девятый...

Он влез на табурет, снял с полки коробку и повернулся к Клотильде:

– Если ваших родителей убили, есть все шансы найти лицо исполнителя на одном из снимков.

Он это серьезно?! Нет, улыбнулся.

– А я стану свидетелем, которого необходимо устранить... Не думаю, что вас привела ко мне ностальгия, как туристов со стажем, они иногда просят стародавние фотографии.

Старик снова посмотрел на экран своего телефона. «Это просто мания какая-то, – подумала Клотильда. – По радио звучат отбивки, а не очередной вопрос!»

Немец открыл коробку.

На мгновение Клотильде показалось, что у Якоба сию секунду случится сердечный приступ.

Валентина ждала своей очереди, чтобы прыгнуть в пустоту. Ничего мудреного. Первые семь метров спускаться по веревке, ближе к середине водопада зависнуть на маленькой площадке, сделать глубокий вдох, зажать нос и прыгнуть. Водоем внизу – самый широкий естественный бассейн в ущельях Зоикю. Глубина – три метра, если верить инструкторам.

Нильс и Клара уже спустились, сейчас прыгнет Тахир, потом она.

Валентина не могла знать – возможно, к лучшему.

Она не могла знать, что карабин, к которому крепилась обвязка, вот-вот откажет. Что при первом же слишком резком движении страховочный фал не выдержит.

Девочка чувствовала только возбуждение, никак не страх. Тахир прыгнул, издав дикий вопль. Когда он вынырнул, его встретили громким смехом.

Чистое счастье. Выброс адреналина.

Валентина не могла знать, что за несколько минут до выхода снаряжение намеренно испортили.

Ее очередь.

Инструктор Жером положил руку ей на запястье, закрепил веревку и подвел к краю.

Папка была пуста.

Лето 89-го.

Ни фотографий, ни негатива.

– Я... я не понимаю, – пролепетал Якоб.

Он шарил в коробке, как будто искал второе дно, что выглядело почти комично, потом заглянул за соседние коробки, но ничего не обнаружил и начал открывать другие, бормоча то *Scheisse*^[114], то *Verdammt*^[115]. Пропажа фотографий потрясла его душу до основания, ведь остальной архив тоже может улетучиться, как падают, толкая друг друга, костяшки домино. Клотильда не решалась сказать старику: «Остановитесь! Вы не совершали ошибки, архивы забрали. Здесь побывал призрак. Он же украл бумажник из сейфа, принес записку от моей матери и накрыл стол к завтраку...»

– Не понимаю... – продолжал бубнить Якоб.

Из навязчивого состояния его вывела прозвучавшая по радио отбивка: ведущий викторины готовился задать следующий вопрос.

Старик замер, вслушиваясь. Последовала непонятная фраза и варианты ответов: А – Гете; В – Манн; С – Кафка; D – Музиль.

Ein, Zwei, Drei...^[116]

– *Ja, Antwort B*^[117], только Томас Манн бывал в санатории в Давосе^[118], сомнений быть не может! – возликовал Якоб.

Радостное возбуждение растаяло через несколько секунд, пустая коробка вернула беднягу к печальной действительности.

– Немудрено потерять самообладание, мадемуазель Идрисси. Неделями перебираю эти папки, а в тот день, когда меня просят показать одну из них, выходит вот такая чертовщина...

– Ничего страшного, господин Шрайбер. Как вы сами сказали, это просто ностальгия.

– Сожалею, что не сумел помочь, фрау Барон, я тренирую мою проклятую память и продолжу это делать, обещаю.

Ведущий назвал верный вариант: В – Томас Манн. Последовал очередной нескончаемый блок рекламы.

Клотильда встала.

Снова тупик. Теперь на очереди Мария-Кьяра и Кассаню. Потом придется вернуться к отставному жандарму и поговорить с ним, а еще лучше – с его дочерью Аурелией.

Блямкнул телефон Клотильды.

Наталь.

Она залилась краской, как девчонка, которую застали за разговором с возлюбленным, и выключила мобильник. Не сейчас. Она прочтет сообщение позже. Пойдет в любимый грот и прочтет.

– Успокойтесь, господин Шрайбер, очень вас прошу!

Немец почесал лысину, прикрытую редкими седыми волосами.

– Если вы не очень торопитесь, я попробую найти все, что вам нужно, на облаке.

– На чем?

– На *облаке*. Это своего рода спасательное пространство в сети. Я потратил много лет и отсканировал все фотографии начиная с 1961 года и припрятал их в виртуальном бункере. Если моя дача сгорит или ее унесет торнадо, дело всей жизни не пропадет: на *облаке* архив будет храниться вечно, как на кладбище. Мне нужно надежное подключение к Wi-Fi, флешка – и я все найду.

Клотильда плохо разбиралась во всех этих компьютерных премудростях, но ей казалось маловероятным, чтобы рыскающий по кемпингу призрак мог проникнуть «на облако» и украсть файлы, которые стерегут ангелы.

К ней вернулась надежда.

– Возьму ноутбук и пойду в административный корпус, – пообещал Якоб, – там самая надежная связь. Я попрошу Червоне Спинелло разрешить мне поработать там, а потом распечатаю все на принтере. Надеюсь, завтра утром вы получите снимки. Договорились?

Клотильде очень хотелось кинуться ему на шею, но она удержалась. Хорошо бы прозвучал новый вопрос радиоведущего, тогда можно будет смыться.

Она включит телефон и побежит в грот читать послание.

Реклама закончилась. Зазвучала песня.

– Хотите чаю, мадемуазель Идрисси?

Жером страховал Валентину. Он понемногу стравливал веревку, сантиметров по десять за раз.

Рутинная работа. А девчонка молодец. Храбрая и горячая.

Еще пять метров – и она окажется на площадке, отвяжет страховку и прыгнет, как учили, «солдатиком», чтобы не повредить спину и шею.

Жером отвлекся на одно короткое мгновение, но даже будь он предельно сосредоточен, это ничего бы не изменило.

Инструктор почувствовал, что веревка ослабла, как будто на другом конце не было никакого груза. В ту же секунду она повисла в пустоте, как длинная змея, а Валентина полетела вниз. Свернувшись в клубок и прижав голову к коленям.

29

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
голубое небо Schtroumpf farceur^[119].*

Время: полночь.

Место: кемпинг «Эпрокт», пляж де л'Альга, далеко от родителей.

Повестка дня: заговор 23 августа 1989.

Присутствующие: все, кого пригласил главный смутьян.

Предупреждаю, мой невидимый читатель, речь пойдет о секретном плане. О нем никто не должен знать. Я вам доверяю, но поклянитесь держать язык за зубами.

Крест на пузе?

Договорились. Не исключено, что вы откроете этот дневник после 23 августа 1989 года, но, может, прочтете и после 2000-го, когда будет изобретена машина времени. Вдруг вам взбредет в голову переместиться в прошлое и вмешаться?

Успокойтесь, план не смертоубийственный.

Мозг банды – Николя. Да, именно так, мой брат! Скрытный малыш Нико, такой милый с родителями, взрослыми и девушками. Все проделки замышляет он. Вдохновитель, разработчик, режиссер.

Короче: у Николя есть план на вечер Святой Розы.
Все подготовлено. Гениальное представление, отрепетированное по минутам, как налет на самое большое казино Лас-Вегаса.

После 19:00...

Аперитив у дедули Кассаню и бабули Лизабетты, в овчарне Арканю, с мамой, папой, кузенами и соседями.

Между 20:00 и 21:00...

Родители едут ужинать в *Casa di Stella*. Ночуют там. Просыпаются поздно утром, влюбленные друг в друга.

После 21:00...

Практически все корсиканцы, живущие в бухте Ревеллата, в том числе те, кто пьет и ест в Арканю, отправляются на концерт в церковь Санта-Лючии, что в самом сердце маккии. Учитывая размеры часовни, лучше не опаздывать, иначе музыкантов «А Филетты» придется слушать стоя.

Следовательно, после 21:00:

Freedom!

Freiheit!

Libertad!

Libertà!

Нико предупредил с акцентом мафиози: «Это единственное за все каникулы окно без предков, нельзя его упускать!» Как только взрослые отбудут, состоится вылазка в «Камарг». Самый большой ночной клуб на острове, находящийся за сосновым бором. Нико комбинирует, планирует, прикидывает, ему осталось только набрать команду, как в фильме «Миссия невыполнима», решить, кого он посадит в «фуэго».

Бедные дебилы и идиоты!

Они не знают, что в любом боевике у главаря всегда есть второй – тайный – план, а подельников он просто использует. Николя вовсе не собирается везти четырех прыщавых подростков на танцульки, его не интересуют ни ламбада, ни вечер с пеной. Единственное сокровище, которое он жаждет украсть, единственный бриллиант, которого он вождедеет, спрятан в стрингах Марии-Кьяры.

23 августа, великий вечер перехода к действию, розыгрыш главного лота вещевой лотереи.

Он это знает.
Она это знает.
Они это знают.
Вот он каков, их секретный план.
Тайна Святой Розы. Николая всегда любил поступать, как папа.

А я?

Спасибо за заботу, мой читатель из будущего... Остальным до меня дела нет.

А я? А я а я а я?

Как обычно, довольствуюсь ролью немого свидетеля. Я – та, что молчит. Размышляет всю ночь, встает на заре и следует за фантазером, сказавшим: «Ты будешь плавать с дельфинами!» Я – свидетель, все знаю, но ничего не говорю.

Я слишком любопытна и упряма – для своих пятнадцати лет.

Я знаю, что слишком мала и не могу поехать с остальными, Николая ясно дал мне понять.

Он меня достал!

Желаю всей этой компашке попасться до 23-го.

* * *

Он захлопнул тетрадь и встал.

Не время отвлекаться. Клотильда медленно, но верно приближается к правде.

Надо действовать.

Заткнуть рты.

30

19 августа 2016

18:00

Клотильда в пятый раз набрала номер больницы.

– Ответьте, прошу вас, да ответьте же!

Она стояла под оливой, прислонясь спиной к корявому стволу, из глаз текли слезы, сердце готово было разорваться.

Десять минут ушло на перебранку с коммутатором. Набрать 1, потом 2, решетку, звездочку, попасть не туда, обругать медсестру, которая «не в силах помочь, ничего не знает, попытается переключить мадам на справочную».

Бип... бип... бип...

– Дайте мне поговорить с дочерью, черт бы вас всех побрал!

Телефонистка поставила ее на ожидание, и тут пришел вызов по второй линии.

Франк. Наконец-то...

– Где ты?

– В больнице Кальви! С Валентиной. – Муж ответил еще высокомерней, чем звездный хирург, которого оторвали от дела из-за банального прыщика.

– Как она?

Не тяни, мерзавец, отвечай!

– Тут Червоне Спинелло. Он привез Валу на джипе в приемный покой скорой помощи, час пытался до тебя дозвониться, но попадал на голосовую почту. Зачем ты отключила телефон? Это безответственно, Кло! Я оставил Валентину на тебя, а ты... Где ты была?

Она провела час с Якобом Шрайбером и совсем забыла о телефоне. Старый немец говорил только о себе, своем сыне Германе, который очень преуспел в жизни – стал инженером в *HealthCare AG*, филиале компании «Байер», и женился на оперной певице. У них трое прелестных детишек, белокурых, как все поколения Шрайберов со времен Вильгельма II. Якоб всучил ей номер любимого сыночка, участника и свидетеля лета 89-го.

– Где ты была? – повторил Франк.

Нужно собраться. Она не может сейчас дать слаbinу. В конце концов, Франк ведь тоже был «недоступен», никто не знал, где он, потому-то Червоне и повез Валу в больницу. Клотильда спросила, повысив голос:

– Как Валентина?

Франк как будто не услышал... но прочел ее мысли.

– Хорошо, что Червоне удалось меня предупредить! Дозвонился до кого-то в клубе ныряльщиков, тот связался с инструктором на яхте.

Нас немедленно вернули в Галерию – пятнадцать человек, оплативших свое место. Я был на глубине десяти метров под водой, когда Валу упала, Кло, а ты – в кемпинге, но...

– Как Валу, черт бы тебя побрал?! – взорвалась Клотильда.

– Теперь ты за нее переживаешь?

Ирония в голосе Франка подействовала, как капля смертоносной серной кислоты.

Идиот! Ответь, как там моя дочь?!

– Умоляю, Франк!

Ты получил, что хотел, услышал, как я рыдаю! Говори же...

– С ней все в порядке, – снизошел Франк. – Несколько ушибов на локтях и подошвах. Инструктор уж так хвалил нашу дочь, так хвалил... Не запаниковала, собралась в считанные секунды. Валу очень способная. Мало кто из девчонок сумел бы, да и мальчишек тоже. У тебя потрясающая дочь. Исключительная. Красивая. Храбрая. Хладнокровная.

Хватит, Франк, я все поняла. Твоя малышка идеальна. И ее мать должна соответствовать.

– Когда вы вернетесь?

– Не сию минуту. Врачи хотят понаблюдать за ней. Придется заполнить кучу бумаг. Все могло быть очень серьезно, Кло, мы избежали чудовищной драмы... ты не представляешь...

Еще как представляю... сволочь!

Вернувшись из душа, Клотильда увидела припаркованный рядом с бунгало «пассат». Было около восьми вечера. Она прибавила шагу, а Валентина остановилась. Мать обняла дочь, уткнулась носом в шею своей драгоценной дылде и все повторяла и повторяла: «Крошка моя, бедная моя девочка, слава богу, ты цела...»

Валентина ежилась – ей было неловко.

– Ты же вся мокрая, мама.

Клотильда отстранилась. Полотенце, в которое она завернулась, действительно намочило адидасовскую майку девочки. Не нарочно.

– Пойду переоденусь...

Две минуты спустя Валентина облачилась в анилиново-зеленый топ и короткую юбку, собрала волосы в стильно растрепанный пучок, накрашила губы и глаза.

– Меня ждут ребята.

Девчонка избежала смерти – и ей плевать. Она воспринимала смерть как старую даму, с которой при встрече следует вежливо поздороваться и... разойтись. В пятнадцать лет все чувствуют себя бессмертными.

– Кто именно?

– Тахир, Нильс, Жюстен. Хочешь взглянуть на их документы?

Клотильда промолчала, но снова едва справилась с дурным предчувствием, ощущением грозящей им всем опасности.

Франк налил себе пива. Часы, проведенные в больнице, утомили его, но Клотильда не испытывала сочувствия. Она не простила мужу его тона в телефонном разговоре. У него нет монополии на страх, у нее тоже оборвалось сердце, когда она узнала о несчастном случае.

Франк кликал по зеленым, красным и синим конфеткам в *Candy Crush*^[120] и отвечал на вопросы жены тем безразличным тоном, каким мужчины всегда разговаривают после тяжелого рабочего дня.

Да, карабин не выдержал, нет, причина неизвестна, наверное износился, да, они проверяли перед выходом, но ничего не заметили, нет, инструктор ни при чем, все очень удручены, но такое случается, нет, он не намерен устраивать скандал и не будет подавать жалобу, да, все хорошо закончилось, ночь сна – и Валу забудет.

В голове Клотильды звучали слова Франка.

Безответственная... Ты осознаешь, насколько безответственно ведешь себя?! Где ты была?

На этот раз муж оставил отравленные кинжалы в ее груди: успокоившись, он не стал извиняться. Клотильда сдержала слезы. Она вспомнила фразу из какой-то книги: «Женщина, плачущая перед любовником, получает от него все, что хочет; та, что плачет в присутствии мужчины, который ее не любит, шансов не имеет».

И пошла в наступление:

– Есть уверенность, что это был несчастный случай?

Франк дождался, пока три конфетки не взорвались, выстроившись в ряд, слегка повернул голову и мгновенно перешел от усталой расслабленности к агрессии:

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего... Просто... Слишком много совпадений. Падение Валу, дефектный карабин. Шесть дней назад украли мои документы...

Сегодня утром кто-то накрыл стол к завтраку.

– Прекрати! – Франк так стукнул телефоном по столику, что в воздух поднялось облачко пыли. – Прекрати! Твоя дочь чудом спаслась, Кло, спустись на землю, забудь весь этот бред с потерянными и вновь обретенными друзьями. Дьявольщина, я больше не вынесу!

Франк резко поднялся, пластмассовый стул опрокинулся. Он потерял самообладание, чего с ним никогда не случалось. Он был на грани срыва – думал, что его дочь погибла или останется парализованной до конца дней.

Значит, Клотильда тоже должна быть в куриной истерике?

Раз это не так, она – дурная мать?

Франк сунул телефон в карман, повернулся, чтобы уйти, и бросил напоследок:

– И еще одно. Когда ходишь в душ, не оставляй мобильник на кровати.

Черт, черт, черт...

Клотильда вспомнила о сообщениях Наталя. Убедившись, что с дочерью все в порядке, она минут десять переписывалась с ним, и они договорились встретиться на следующий день. Наталь пригласил на чай привидение (его слова) – Лидию Дитц, именно и только с ней он хотел общаться. Ничего компрометирующего в посланиях вроде не было, но в каждом предложении был подтекст, Франк – не идиот, мог догадаться.

Клотильда тоже могла укусить.

– Ты залез в мой телефон?

– А тебе есть что скрывать?

Неужели он посмел?

Франк шагнул в темноту:

– В баре собираются покеристы. Червоне меня пригласил. Я решил сходить. – Прежде чем исчезнуть в ночи, он обернулся и произнес, медленно роняя слова: – Прощу последний раз, Кло, забудь! Займись дочерью. Мужем. Сегодняшней жизнью. А все остальное выбрось из головы!

**Воскресенье, 20 августа 1989,
четырнадцатый день каникул,
небо цвета морской бездны**

Он врун. Все мужчины вруны.

Это обман, шутка, хитрый план.

Чтобы заманить меня в ловушку.

«Арион» качается на волнах, а Наталья все говорит и говорит – о дельфинах, белугах, нарвалах, морских свиньях и всех китообразных Средиземного моря. Он описывает естественную среду их обитания, ум – «Это вовсе не легенда!» – и обучаемость. Объясняет, как их найти, употребляя сложное слово *апвеллинг!*^[121] На французском это означает следующее: находишь уголок океана с большой глубиной и сильным течением, которое выталкивает на поверхность... питательные вещества. Течения на месте не стоят (ха-ха, каламбур!), но дельфины – большие хитрюги и умеют их находить. Наталья тоже умеет! Самое главное из течений – лигурийско-провансальское, которое, на нашу удачу, проходит в десяти километрах от акватории Ревеллаты.

Кто купится на эти сказки?

Точно не я. Наверняка найдутся девицы, одетые в стиле *Hello Kitty*^[122], в бикини «Барби» и бейсболки «Минни Маус», которые будут визжать от восторга при мысли об объятиях с дельфинами. Меня мускулистый улыбчивый морской разбойник не проведет. Он сказал: «Лучше переоденься, не то напугаешь моих прирученных друзей», но я не из тех, кто по первому слову мужчины меняет униформу. Я надела черные джинсы, футболку и бейсболку с логотипами фильма «Челюсти» Стивена Спилберга. Клевый образ, хотя понравится скорее зубастым хищницам, чем интеллектуалам Мирового океана.

Мы прибыли в сердце его заповедника. Ничего особенного я не почувствовала, разве что ветер и качка усилились. Маяк де ла Ревеллата за нашими спинами стал похож на зубочистку, воткнутую в канапе. Наталья заглушил мотор и начал молиться. Вроде как.

Я знала слова наизусть.

*Оказавшись в безмолвии, ты тут останешься.
Если ты решаешь, что хочешь умереть за них,*

*Остаться с ними навечно,
Они приближаются и взвешивают твою любовь.*

Я замолчала. Наталь был впечатлен.

*Если она искренняя,
Если чистая
И если ты им нравишься...*

Я позволила ему закончить.

Тогда они унесут тебя с собой навсегда^[123].

Согласитесь, довольно чудно цитировать диалог из фильма в открытом море.

Наталь закурил, даже не подумав предложить мне сигарету. Ну конечно, он ведь считает меня сопливой девчонкой!

– Долго ждать не придется, – сказал он между двумя затяжками. – Помнишь историю Маленького принца? Как он себя вел, когда приручал Лиса? Что считал самым важным?

– ...

– Приходить каждый день в одно и то же время. Увидишь, принцесса, прирученные дельфины похожи на рыжего хитрюгу. Они привязываются к человеку и приплывают точно в назначенный час. Гляди...

Он плавно взмахнул рукой, приглашая меня повернуть голову налево.

Я ничего не вижу. Наталь снова вешает мне лапшу на уши:

– Там... замри...

Господи, они правда здесь... Я их видела.

Клянусь, я ВИДЕЛА их, как ручку, которую держу в руке, и тетрадь, в которой пишу!

Четыре дельфина – два больших и два поменьше – плыли к нам, выпрыгивали из воды, ныряли, снова появлялись и тут же погружались.

Я заплакала. И лила слезы, пока Наталья разговаривал с ними и кормил рыбой. Я терла глаза, и пальцы становились черными от расплывшейся туши.

– Проголодался, Орофин? Не жадничай, пусть твоя семья тоже поест! Лови, Идриль! Галдор, Татиэ^[124], ну-ка посторонитесь!

Клянусь, четыре дельфина находились метрах в трех от нас, вокруг был не дурацкий океанариум, а море, мы явились в гости, значит, должны что-нибудь подарить, вот и нечего экономить на мороженой рыбе!

– Хочешь к ним?

– А можно?

– Конечно, если ты умеешь плавать...

Еще бы я не умела.

Я мгновенно разоблачилась, и Наталья не удержался от улыбки, увидев на мне бикини. В этой улыбке не было ничего порочного – так улыбается отец, обнаружив, что его маленькая девочка надела бальное платье прямо на пижаму.

Я нырнула, не дав Наталью насладиться сапфировыми пайетками на сизо-синем фоне и цветочками с жемчужинами-росинками.

Я касалась их, клянусь, гладила малышей Галдора и Татиэ.

Не верите? Ну и ладно! Моя ладонь скользила по плавникам и гладкой шкуре, ощущала мельчайшие неровности. Я смотрела под воду и видела, как одним движением хвоста они уходили на десятиметровую глубину, а потом в два приема снова поднимались на поверхность. Это не сон, не греза, мой будущий читатель, а нечто большее... За гранью земного опыта.

Я плавала с дельфинами!

– Вылезай, – сказал Наталья, заводя двигатель. – Хочу тебе кое-что показать.

* * *

Солнце зашло за бунгало аллеи С.

Он закрыл тетрадь и посмотрел на фотографию, сделанную летом 1961-го. Пора заканчивать. Нужно заткнуть глотку прошлому, развести большой костер, все сжечь и развеять золу.

Как будто ничего не было.

19 августа 2016

20:00

– Ваше пиво, герр Шрайбер.

Марко, молоденький официант из бара «Эпрокт», убедился, что бутылка «Битбургера» хорошо охладилась, и только после этого подал ее Якобу. Каждое лето патрон заказывал восемь ящиков этой марки для старейшего постояльца кемпинга – этакая имперская привилегия, восходящая к эпохе Бисмарка.

– *Danke*^[125].

Немец даже глаз от компьютера не поднял. Марко терпеть не мог Шрайбера. Он был из тех клиентов, которые много о себе понимают: снисходительно улыбаются, поучают, объясняют отчего и почему – в частности, почему раньше «все было лучше» – обслуживание, кофе, мотоциклы и Средиземное море... В одном нельзя было упрекнуть Якоба Шрайбера: в свои семьдесят с гаком он был энергичен, любознателен и не гнушался объяснять, чем карбоновые шары для петанка лучше шаров из нержавеющей стали, в чем превосходство фотопленки над цифровой записью и насколько пиво, сваренное вручную, вкуснее заводского.

Его дни в кемпинге проходили строго по тактической схеме 4-4-2^[126]. Партия в петанк утром, от десяти до двадцати фотографий сразу после полудня и бутылка пива вечером. И так изо дня в день. Казалось, этот человек собирается прожить еще как минимум лет двадцать.

Такие не играют в покер с соседями-туристами в общей гостиной.

Якоб нервничал. В его возрасте неожиданности противопоказаны. Скопировано 67 % – указывала серая полоска, медленно окрашивавшаяся в бледно-зеленый. Файлы на экране компьютера мелькали со скоростью титров в новых полицейских сериалах – на вкус Якоба, недостаточно быстро. Ему нужно было скачать с облака порядка восьми сотен фотографий, сделанных летом 89-го. Они

хранились в высоком разрешении (300 dpi), его старичок-ноутбук напрягался и тормозил, а может, Wi-Fi в баре был плоховат.

До конца копирования осталось 11 минут. Сообщение напоминало лживую рекламу, ожидание в очереди или пробке. Секундная стрелка на часах Якоба без устали наматывала круги по циферблату.

21:12

Следующий, последний за день вопрос викторины прозвучит через полчаса.

Скопировано 73 %

Он терпеливо ждал, разглядывая висящие на стенах бара пять постеров и шесть фотографий, которые сам же и подарил Базилю и Червоне Спинелло, попросив взамен одну-единственную привилегию: пиво, бретцели и кнакеры^[127] прямо из Рейнской области.

Лето 1961-го, 71-го, 81-го, 91-го и 2001-го.

Якоб с гордостью творца смотрел на снимки, запечатлевшие быстрое время, – от первых канадских палаток до «самораскрывающихся» иглу; от спальных мешков на пляже до «самонадувающихся» матрасов; от костров до навороченных барбекюшниц. Совершенно неожиданно – он даже свой «Битбургер» не успел допить – загрузка завершилась!

Schei e!^[128]

Старик сделал последний глоток, зачерпнул горсть бретцелей, сунул под мышку ноутбук и подхватил чехол с шарами для петанка. Он никогда не расставался со своими *Prestige Carbone 125 Demi-dure*, ценя их на вес золота. Злые языки утверждали, что на ночь герр Шрайбер прячет свое сокровище под матрас и спит на нем, как Принцесса на горошине.

Вечер плавно перетекал в ночь. Цикады, прятаясь от жары в оливах, возвестили конец дня, как хор муэдзинов с тысячи минаретов. Якоб Шрайбер не обратил внимания на звуки у себя за спиной. Он шел быстрым уверенным шагом, ноги в носках и кожаных сандалетах сами несли его к бунгалю. Так уже было – 8 июля 1990-го, когда Германия выиграла чемпионат мира по футболу и он выпил восемь банок пива с туристами разных национальностей. Герман и Анке еще были с ним, он до конца лета пил местное пиво, а потом дал себе слово никогда

больше не быть таким транжирой. Два года назад Якоб в одиночку наблюдал за новой победой своей страны и даже не стал открывать бутылку, чтобы отпраздновать гол Марио Гётце во втором дополнительном тайме^[129].

Германа и Анке с ним уже не было.

Он открыл дверь кемпера, положил чехол с шарами на пол у стола и включил транзистор. Время есть, двенадцатый вопрос прозвучит после рекламы, через девять минут. Якоб устроился в гостиной, включил ноутбук и кликнул на папку «Лето 89-го». Его мысли были заняты вопросами № 9,10 и 11. Он удивительно легко на них ответил, что странно: за семь лет ему ни разу не удалось перешагнуть за десятый... Неужели малышка Клотильда Идрисси приносит удачу? Ответив на десятый вопрос, он выиграл энциклопедию Брокгауза в двадцати четырех томах. Теперь у него стало аж три экземпляра, семьдесят два толстенных тома, и он всерьез подумывал перевезти один комплект на Корсику.

Двенадцатый вопрос соответствовал третьему уровню, до которого добирался один игрок из миллиона – если верить статистике, выложенной на сайте. Денежные выигрыши не предусматривались, зато можно было получить VIP-пропуск в пинакотеки, монументальный комплекс мюнхенских музеев, с правом посещения закрытых для публики галерей и реставрационных мастерских^[130]. Прилагался дополнительный бонус: перед уходом скульптор лепил бюст посетителя, потом его выставляли в специальном зале. Всего семнадцать «яйцеголовых» немцев вошли таким образом в историю.

Якоб находился в одном вопросе от того, чтобы стать восемнадцатым.

Он рассеянно просматривал фотографии лета 89-го. Удивительно, как ясно сохранились в памяти лица: малышка Клотильда, Николя Идрисси, Мария-Кьяра Джордано, Аурелия Гарсия, Червоне Спинелло. Тех, кто приезжал всего раз, он помнил хуже, но несколько имен всплыло – Эстефан, Магнус, Филипп. Шрайбер быстро пролистал пейзажные и жанровые снимки и сосредоточился на подростках.

Итак, фотографии пропали, что, безусловно, выглядит тревожно. И пропажа явно связана с возвращением на остров Клотильды

Идрисси. «Будем последовательны – сначала игра, а к снимкам вернемся позже...»

Никогда прежде Якоб не чувствовал себя таким собранным.
Потому и не услышал скрипа гравия под окнами.

Диктор сообщил, что задаст пресловутый двенадцатый вопрос ровно через минуту. В правой руке Якоб сжимал телефон, левой – она нервно подрагивала – продолжал двигать мышку.

Лето-89 проплывало по экрану. Пляж де л'Альга на закате, Тюлений Грот на восходе, партия в петанк, подростки танцуют, административный корпус, стоянка.

Noch 30 Sekunden^[131], предупредил радиоголос.

Якоб потер глаза – что-то беспокоило его на очередном снимке.

Дверь бунгало медленно отворилась.

Noch 15 Sekunden.

Якоб как загипнотизированный смотрел на машины, стоявшие в кемпинге «Эпрокт», узнавая, среди прочих, красный «фуэго» Идрисси. Ту самую машину, которая через двадцать четыре часа разобьется на скалах Петра Кода. Подпись гласила: «23 августа 1989», но внимание старого немца привлекла не датировка, а подросток, смотревший на автомобиль взглядом человека...

Noch 05 Sekunden.

...знающего, что произойдет.

Noch 01 Sekunde.

Якоб закрыл глаза, чуть выставил вперед большой палец и сконцентрировался. Диктор выпалил вопрос со скоростью пулемета MG 08^[132]. На ответ было три секунды.

Варианты: А – Менхенгладбах; В – Кайзерслаутерн; С – Гамбург; D – Кельн.

Ein.

Он знал ответ!

Zwei.

Он не сомневался, хотя был осторожен от природы. Перед его мысленным взором встала картина: палец касается верного ответа на экране, с ним связываются журналисты, его фамилия крупными буквами напечатана в местной газете.

В Большой галерее Новой пинакотеки выставляют его голову из бронзы.

Drei.

Это было последнее, что зафиксировал мозг.

Якоб никогда не перейдет на третий уровень.

Палец замер в нескольких миллиметрах от сенсорного экрана телефона, и в этот самый момент кто-то ударил его в правый висок. Якоб рухнул на пол, потянув за собой стол, ноутбук и телефон.

В узком коридорчике кемпера А31 лежал человек в крови, с пробитой головой.

В последний момент он увидел изображение на экране компьютера, валявшегося в нескольких сантиметрах от его лица.

Та же фотография – «фуэго» на стоянке и человек, *знающий, что будет*. Нынешним вечером они поздоровались за руку, и тот спросил, не случилось ли чего, зачем в столь поздний час понадобился интернет.

Червоне Спинелло.

Он колебался много долгих минут, слишком долгих.

Ликвидировать фотографии – плевое дело, достаточно выбросить ноутбук в мусорный контейнер, и он исчезнет без следа. Туда же пойдут и шары для петанка, так что орудия преступления никто никогда не найдет.

Но что делать с телом старого немца? Воспользоваться ночной темнотой и тишиной? Слишком поздно, уже слишком поздно.

По аллее А шла шумная компания, наверняка покеристы доиграли партию и теперь обсуждают, насколько успешно блефовал каждый, исключительные удачи и безнадежные ставки. Следом за этими появятся остальные картежники, значит, нужен другой выход.

Теперь, когда все кончено, он нуждается в покое.

33

Он вытер кровь с рук и шаров, вымыл пол, покинул кемпер, дошел до самого дальнего фонаря и открыл дневник.

Все было красным.

Все, кроме этой тетради со словами глубокого синего цвета.

* * *

***Воскресенье, 20 августа 1989,
четырнадцатый день каникул,
небо цвета дельфинидина***

Дельфинидин, мой читатель из будущего, это научное название голубого пигмента, который содержится в лепестках цветов. Правда, невероятно? Этого пигмента не хватает розам, поэтому на свете никогда не будет ни одной голубой розы!

Я – не роза.

Я сохну на камнях пляжа Ошелучча. Пусть Наталь пялится сколько хочет на мой купальник наивной наяды в синих тонах – без черепа, скелета, черного цвета.

«Арион» стоит на приколе у скал. Пляж Ошелучча – не секретная бухта, куда можно попасть только с моря. Существует узкая тропинка, которая ведет от моря прямо в кемпинг «Эпрокт», но она слишком крутая, чтобы спускаться по ней во вьетнамках с солнечным зонтом под мышкой. Вот почему на пляже Ошелучча всегда меньше народу, чем на пляже де л'Альга.

Сейчас мы тут одни.

Наталь Анжели говорит, я на этот раз внимательно слушаю.

– Сама видишь, Клотильда, это идеальное место для моего заповедника. Для начала будет достаточно построить причал для швартовки, кассу и бар. За образец я возьму бухту Тамарин на Маврикии [\[133\]](#), возможно, ты о ней слышала?

Я качаю головой, закрываю глаза. Хочу слушать его голос, пусть говорит что хочет.

– В той бухте обитают десятки дельфинов. От желающих выйти в море нет отбоя, приходится ограничивать число кораблей. На Маврикии это превращается в индустрию, но здесь все будет иначе. Выход в море станет привилегией избранных, а дальше посмотрим, как пойдет. Если все получится, построим настоящее здание, бассейн с морской водой, медицинский центр, пригласим небольшую команду исследователей...

Я чувствую, что он поворачивается ко мне, подходит ближе. У него холодная тень.

– Ты поговоришь с дедом? Сделаешь это для меня?

Я открываю глаза.

Вот он стоит, красивый и загорелый, как неуловимый пират, в бандане на бритом черепе и босой. Черт, этот тип просит меня о помощи, а сам умеет разговаривать с дельфинами! Он словно вышел из книги или фильма, взял меня за руку и отвел туда.

– Конечно... С чего бы деду отказывать?

– Да ему плевать на китообразных, на туристов и на меня. Но если попросит внука, влюбленная в дельфинов...

Наверное, в этот момент мне бы следовало начать ломаться, торговаться, ставить условия, но я не могу и просто хлопаю в ладоши.

– Я все сделаю! Каким представляешь музей?

Наталь открывает рот и начинает «петь», используя незнакомые слова: экологические нормы, семейство стандартов ISO^[134], по которым проходит сертификация, композитные материалы, очистные сооружения, бюджет... Я упускаю нить, но тут пират произносит слово, выбивающееся из общего ряда. *Мама*. Я вздрагиваю.

Кажется, я впервые ему тыкаю.

– Ты говорил об этом с мамой?

– Конечно. Она архитектор, специализируется на экоданиях, у нее есть практическая жилка. Пальма сказала, что достаточно будет поставить солнечные батареи тут и там – и мы сможем обеспечить себя энергией.

Наталь указывает пальцем на самые плоские скалы.

Невероятно!

– Ты приводил ее сюда?

Он очень похоже изображает мероу или какую-то другую рыбу с круглыми глазами.

– Да. Твоя мать – компетентный, блестящий специалист. Если дело с моим проектом выгорит, думаю, никто лучше нее не нарисует...

Я прерываю его излияния:

– Если она такая умная, почему ты ее не попросишь поговорить с дедушкой?

Он садится рядом, мой Робинзон Крузо, обхватывает руками колени. Чудесная поза – этот сильный, уверенный в себе мужчина

сейчас похож на маленького мальчика.

Такой человек на свете один, и я его нашла, но, к несчастью, опоздала родиться на десять лет.

– Скажем так: твоя мать – не самая любимая из невесток... Как бы это объяснить попонятней? Один тот факт, что она не корсиканка, уже минус, неблагоприятное обстоятельство. Преодолимое, согласен. Но Пальма усугубила свою вину, когда увезла твоего отца на континент, причем не в Экс или Марсель, а на север, под Париж... Для Идрисси этот поступок равносителен краже.

– Я тоже живу на севере.

– Да, но в тебе течет корсиканская кровь. Ты – Идрисси по прямой линии и, возможно, однажды унаследуешь восемьдесят гектаров островной земли! Будем надеяться, этого достаточно, чтобы убедить твоего деда...

Если вы еще не поняли, я успела по-настоящему влюбиться, то есть чувствовала желание отдать мужчине все, пожертвовать убеждениями, честью и узнать, что данные клятвы нарушены, хуже того, они были ложными. Я поняла это инстинктивно и напряглась: в результате естественного отбора выжили самые недоверчивые женщины, а импульсивные и наивные вымерли. Осторожность стала второй натурой лучшей половины человечества.

– С чего бы я стала помогать тебе, Наталья? Ты обожаешь мою мать и наверняка разыграл для нее номер с дельфинами. Выплыли, качались на волнах, ныряли в открытом море, а потом вернулись сюда, на этот пляж. Ты предпочитаешь ее, а помощь просишь меня. Странно получается...

Я не сумела расшифровать взгляд Наталя, хотя сразу подумала: «Пусть любимый человек всегда *так* на меня смотрит!» Удивленно, заинтригованно, с тревогой, но и с восхищением. Такие глаза бывают у покеристов, когда они пытаются просчитать карты партнеров и повышают ставки. Ловят на живца...

Наталь собрался с духом и заговорил:

– Сыграем в открытую, Клотильда. Тебе пятнадцать лет, ты оригиналка, бунтарка, фантазерка – именно такие девушки мне и нравятся. Но... тебе пятнадцать. Предлагаю сотрудничество. Привилегированное. Разделим мечту спасти дельфинов, планету,

вселенную. Имей в виду, я мало кому в жизни делал подобные предложения.

Он протягивает мне ладонь, как воспитатель в колонии для малолеток, забивший гол, и я с удовольствием хлопаю по ней.

Мечтая, чтобы он задержал мои пальцы в своих.

Поцеловал бы меня в губы.

Крепко обнял.

– Мы с тобой одной крови, так ведь, Клотильда? Ловцы грез против остального мира.

Он приводил сюда маму.

Возможно, целовал ее.

Возможно, раздевал и они занимались любовью.

Возможно, мамино тело возбуждает его – как всех мужчин, но, лаская ее, он думает обо мне.

Возможно, ей он шепчет на ухо: «Обожаю...» – а любит меня.

– Я хочу подписать договор, Наталь. Сроком на тридцать лет. Я хочу тридцать процентов от прибыли, корабль, названный моим именем, кабинет со стеклянными стенами и видом на море, собственную пару дельфинов. Я хочу одеваться как хочу. И если получу все это, то сяду к дедуле на колени и поторгуюсь с ним насчет твоей безумной затеи.

Он расхохотался:

– И все?

– Да... Плюс поцелуй в щеку.

20 августа 2016

08:00

Течение уносило прочь пустые бутылки, обрывки серпантина и конфетти, как мечты усталых танцоров и отчаявшихся гуляк, а поутру море возвращало их на мелководье. Вылинявшими. Почти бесцветными. На заре.

«Арион» покачивался на воде среди мусора. Наталь как будто не замечал этого, он давно перестал надеяться, что однажды выловит из воды запечатанную бутылку с запиской, брошенную в море тысячу лет назад.

Клотильда опаздывала, но все-таки остановилась перед спуском на пляж Ошелучча и на несколько мгновений перенеслась в прошлое. Песок остался прежним, и галька, и пена, и водяная пыль, напитанная острыми перечными запахами цветов, растущих у подножия скал. Никаких перемен – если не смотреть в сторону павильона «Тропи-Каллисте» или строительной площадки комплекса «Скала и Море». Что-то снова всколыхнулось у нее в сердце, совсем как вон тот баркас на волнах.

Господи, до чего же хорош Наталь!

Сидит, мерзавец, смотрит вдаль переливчато-синими глазами, считает взглядом все барьерные коралловые рифы, и плывут к горизонту спинороги и рыбы-клоуны, расцветивая и вздымая океанскую гладь.

Наталь был в фуфайке светло-розового цвета с капюшоном, чуть великоватых ему джинсах и кожаных сандалиях. Клотильда поняла, что он часто вот так останавливается, замирает, потому что научился довольствоваться малым, сохранил волшебную власть над несбывшимися мечтами и умеет мысленно превращать реальность в нечто прекрасное. Сделать из рыбного отдела супермаркета морской заповедник. Отправиться из аэропорта Аяччо «Наполеон Бонапарт» в одиночный трансатлантический перелет на драндулете из драндулетов. Мимолетное объятие с женщиной, которая засыпает рядом с ним, превратить в звездную ночь любви с одной из прежних пассий, пассажирок «Ариона».

Красивый. Надежный. И хрупкий.

Опасный.

«Нет никого опасней мужчин с переливчато-синими глазами, – подумала Клотильда. – Разрушив коралловый риф, запускаешь морских чудищ на безопасное место, туда, где барахтаются взрослые с детьми».

Они остановились в метре друг от друга.

– Ты играла с огнем, назначая мне свидание на этом пляже, – сказал Наталь. – Я пообещал себе, что ноги моей здесь не будет.

– Ты много чего обещал...

Он не ответил, только перевел взгляд на «Арион».

– Между прочим, тебе повезло. Я сегодня свободен – выхожу на работу завтра утром.

Клотильда прикусила губу.

– Зато у меня времени немного. Муж отправился на пробежку к Нотр-Дам де ла Серра на полчаса-час, не больше. Я должна вернуться в «Эпрокт» одновременно с ним. Все... довольно сложно... Я сказала, что потеряла здесь серьгу. Большое серебряное кольцо. Это правда. Я ее действительно потеряла, во время концерта.

Все крошечные морщинки Наталя пришли в движение хором, как будто все эти годы репетировали сложный танец, призванный сделать его улыбку неотразимой.

– Тебе помочь найти серьгу?

Он взял ее за руку простым, естественным жестом. Они шли медленно, глядя на песок.

– Ты помнишь? – спросила Клотильда.

– Конечно. Думаешь, я часто приводил девушек в мое святилище?

О да, мой прекрасный ловец сирен, я уверена, что ты себе ни в чем не отказывал!

Она посмотрела на море:

– Дельфины все еще здесь?

Наталя не поднял глаз. Не ответил. Клотильда продолжила – его она выслушает потом, даст объясниться, не станет перебивать.

– Галдор и Татиэ наверняка живы, впрочем, как и Орофин и Идриль, ведь говорят же, что дельфины могут иногда прожить больше полувека. И память у них, как у слонов! Даже лучше. Ни у одного млекопитающего на Земле нет такой памяти. Я читала, что они способны узнать партнершу по голосу через двадцать лет после расставания. Ты знаешь хоть одного человека, способного на такое?

Глаза по-прежнему опущены.

Зачем она сказала ему об этой дурацкой серьге?

Клотильда обвела взглядом закрытый павильон «Тропи-Каллисте» и ряд мусорных контейнеров серого цвета. Судя по афишам, Мария-Кьяра гастролирует в западной части острова, вчера она была в Сартене, сегодня вечером поет в Проприано, но через два дня вернется в Кальви.

Она еще крепче сжала руку Наталя, словно предупреждая, что собирается сказать нечто важное:

– Что это за бред? Жалкий ночной клуб, грязные бараки. Здесь должен был находиться твой заповедник и музей. Объясни, в чем дело, Наталья! Объясни, как вышло, что план Червоне Спинелло победил твой проект?

По воздуху летали целлофановые пакеты, катались по песку пустые бутылки. Команде «зеленых» потребуется много часов, чтобы вычистить пляж, а через день «хлев» опять вернется. Как ее дедушка Кассаню дал разрешение на подобное святотатство, выбрал не святилище Наталя Анжели, а помойный пляж?

– Это старая история, Клотильда. Прошрое. Давай не будем, прошу тебя.

«Ладно, ладно, успокойся! Нельзя слишком на него давить...» – подумала Клотильда.

– Ты приводил сюда мою мать.

«Идиотка! Безумная дура! И это ты называешь “не давить”?»

На этот раз Наталья среагировал:

– Да... А ты была готова пустить в ход когти, клыки и иголки, мой маленький, обезумевший от ревности ежик.

– Было из-за чего сходить с ума?

– Нет.

Они остановились, повернулись лицом к «Ариону».

– Я была пятнадцатилетней девчонкой, но не идиоткой, Наталья. Ты раздевал мою мать взглядом. Она смотрела на тебя и... воделела! Ни один мужчина, даже папа, не вызывал у мамы таких чувств.

Большой палец Наталя погладил ладонь Клотильды, и эти легкие касания сработали как крылья бабочки, вызывающие цунами на другом конце света.

Буря эмоций, шквал желаний.

Ураганная любовь? Такая бывает?

– Хорошо, Клотильда, давай сбросим маски! Они потрескались, а наши лица покрылись морщинами. Летом восемьдесят девятого мне было двадцать пять, а твоей матери – сорок. Да, нас тянуло друг к другу. Физически. Но Пальма хранила верность мужу, и между нами ничего не случилось, поверь мне, хотя искушение было.

– Какие благоразумные ангелочки! – съязвила Клотильда.

Наталь продолжил как ни в чем не бывало:

– Пальма хотела изменить твоему отцу, но вовсе не потому, что влюбилась в меня или разлюбила его. – Он печально улыбнулся. – Все в точности до наоборот.

– Я ничего не понимаю, Наталья.

– Твоя мама сблизилась со мной, она кокетничала, мы прогуливались у всех на виду, чтобы на острове об этом судачили... но любила Пальма своего мужа Поля Идрисси! Теперь понимаешь?

– Прости, все еще нет...

– Она хотела заставить твоего отца ревновать! Все просто, Клотильда. Ей не было дела до моего заповедника и дельфинов. Пальму интересовало одно – реакция твоего отца.

Клотильда отпустила руку Наталя. Ветер ласкал лицо и ноги, как не умеет ни один мужчина.

– У твоих родителей не все было гладко, Клотильда.

Она больше ничего не хотела слышать. Не здесь. Не сейчас.

– Все старо как мир, дорогая. Помнишь, ты сидела на скамейке в порту Stareso, напротив «Ариона», и читала «Опасные связи»? Твоя мать играла со мной, использовала одного, потому что любила другого, а я поддался и попал в ловушку как последний идиот. Пальма была прелестной, обаятельной, породистой, она проявила интерес к моему проекту и поделилась конкретными идеями как профессиональный архитектор. Я почти поверил, что мы сможем осуществить их вместе. Мне казалось, что между нами рождается настоящее – взаимное – чувство. А на самом деле...

Клотильда смотрела под ноги, но видела только окурки и пивные банки, а если раскопать песок, наверняка найдутся презервативы. И никаких сережек...

– На самом деле близость зарождалась между мной и... тобой. Это сыграло свою роль.

Клотильда поймала ладонь Наталя и развернула его лицом к себе. Ну что ж, раз маскараду конец...

– Предаваться мечтам о матери, позволяя дочери фантазировать о тебе, – не слишком ли коварный план?

– Нет, Клотильда... Нет... Ты в пятнадцать лет выглядела на тринадцать, но мне все было ясно. Я догадался.

– О чем?

Наталя смутился и очаровательно покраснел.

– Какой ты станешь... со временем. Умницей, фантазеркой, жадной до жизни, забавной девушкой, которая, даже постарев, останется моей единомышленницей.

Далекий голос эхом откликнулся в мозгу Клотильды. Мы с тобой одной крови. Ловцы грез против остального мира.

– Я был на десять лет старше – всего на десять, кривые наших жизней пересекались, но твоя готовилась взлететь на самый верх соблазнительности, а моя уже бежала вниз.

– Прекрати!

Он вдруг нагнулся, как будто хотел вырваться, отдалиться.

– Хватит изображать все в черном цвете и разрушать себя. Ты прекрасно знаешь, что...

Он поднялся, не дав ей закончить. Между большим и указательным пальцем блестела серебряная серьга.

– Твоя?

Невероятно!

Магия. Колдовство.

– Спасибо.

«Никогда не борись с магией, – сказала себе Клотильда. – Это приносит несчастье!» Внезапно ей стало ясно, что делать. Нужно его поцеловать.

Всего один поцелуй – в честь договора, заключенного двадцать семь лет назад.

Один поцелуй, и все.

Чтобы не умереть идиоткой и не жалеть всю оставшуюся жизнь, после того как «поедешь с ярмарки».

Почувствовать вкус его губ.

Клотильда нежно коснулась губами губ Наталя.

На миг, всего на миг.

Так и было задумано, следуя приличиям.

Один миг, всего один.

Потом их пальцы переплелись вокруг серебряного колесика, рука Клотильды легла на затылок Наталя, его рука – на ее талию, рты притянулись, языки кинулись наверстывать упущенное время, тела слились воедино, как будто им на роду было написано стать парой.

Словно кроме них в мире ничего больше не существовало.

Они долго целовались и обнимались, не зная, как замедлить время. Клотильда положила голову на плечо Наталью и устремила взгляд на «Арион». Пальцы рыбака, неутомимые, жадные, неловкие, гладили ее по спине, как пятеро близняшек, только-только вставших на ножки.

– Спусти его на воду, Наталь. Давай поднимемся на борт и вернемся к дельфинам, снимем продолжение фильма. Если есть «Челюсти-5», то почему не может быть «Голубой бездны-2»...

Он сокрушенно улыбнулся:

– Это невозможно, Клотильда.

– Почему?

Она снова поцеловала его и почувствовала себя волшебной живой.

– Невозможно... невозможно сказать тебе.

– Почему? Зачем ты посадил «Арион» на цепь? С какой стати женился на Аурелии? И с чего вдруг стал бояться призраков?

– Все очень просто – я их видел.

– Брось, Наталь, призраков не существует! Я в них не верила даже в пятнадцать лет, хоть и одевалась под Лидию Дитц. Это была игра. Призраки – полная противоположность вампиров. Один поцелуй – и они исчезают.

Клотильда поцеловала Наталью.

– Я ее видел.

– Кого? Кого ты видел?

Он уклонился от поцелуя, только крепче прижал ее к себе.

– Ты решишь, что я сбрендил.

– Уже...

– Мне не до шуток, Клотильда. Я никому не рассказывал, даже Аурелии, но это преследовало меня всю жизнь... с тех самых пор.

– С каких именно?

– С 23 августа 1989 года.

Она скользнула ему под руку.

– Расскажи мне, Наталь. Пожалуйста.

– Я был на вилле Пунта Росса, у себя дома. Один. Я пил. Меньше, чем сегодня, но пил. Во всяком случае, в тот вечер. Я знал, что не увижу Пальму, – как ты помнишь, был День святой Розы, годовщина

знакомства твоих родителей. Вот я и топил свою жалкую ревность в миртовой водке и смотрел на вершину Капу ди а Вета. Призрак появился в 21:02. Время точное – у меня работал телевизор, началась «Таласса»^[135], и на экране высветились эти цифры. 21:02.

Призрак находился в ста метрах от дома, на Тропе Таможенников. Он не двигался.

21:02... 23 августа 1989 года.

Клотильда вздрогнула, потерлась щекой о горячую шею Наталя. Ей захотелось спрятать лицо под его капюшоном. «Фуэго» нырнул в пропасть ровно в 21:02, так было написано в отчетах, составленных жандармами и службой спасения.

– Я знаю, в это невозможно поверить, Клотильда, знаю, что ты сочтешь меня полным психом, но в ту секунду, когда машина твоих родителей разбилась о скалы Петра Кода, в то мгновение, когда твой брат, твой отец и твоя мать расставались с жизнью, я видел в окно Пальму – так же ясно, как тебя сейчас. Она смотрела на меня, словно хотела проститься, и долго стояла, не решаясь преодолеть последние разделявшие нас метры. Я понял, что она не сдвинется с места, поставил стакан на стол, открыл дверь и побежал к ней. Но она уже исчезла.

Наталя мертвой хваткой вцепился в спину Клотильды, как будто пальцы у него свело судорогой.

– Я узнал об аварии несколько часов спустя, – продолжил он. – И только тогда понял. В тот момент, когда я увидел твою мать, она выпускала последний вздох в четырех километрах от Капу ди а Вета. Значит, это был призрак... Кто в такое поверит?

– Я. Я тебе верю! Еще бы мне не верить. Призрак написал мне. Смотрел, как я стою под дубом в Арканю. А вчера завтракал и читал газету. Этот призрак завел собаку, чтобы не скучать.

Клотильда поцеловала Наталя в шею долгим поцелуем и разомкнула объятия.

С сожалением.

– Мне пора... Франк скоро вернется. Все... все будет очень непросто... Увидеться снова. По-настоящему. – Она заставила себя улыбнуться и продолжила: – Правило номер один любого учебника неверности для начинающих должно гласить: «Никогда не заводите любовника, если проводите отпуск с семьей – мужем и дочерью».

– Завтра утром я работаю. – Уверенность, прозвучавшая в голосе Наталя, привела Клотильду в замешательство. – А вот сегодня, во второй половине дня, свободен. Можем встретиться.

– Исключено. Я не сумею придумать правдоподобный предлог, ведь сережка уже нашлась. Франк недоверчив и...

– Бельведер^[136] Марконе, – перебил ее Наталь. – В час дня. Думаю, муж отпустит тебя туда одну.

Бельведер Марконе.

А ведь верно.

Франку никогда не придет в голову, что она собирается встретиться там с любовником.

Это последнее место, где ей захотелось бы изменить мужу.

Бельведер у мемориального кладбища Марконе, знаменитого мавзолеями богатейших корсиканских династий Балани и самым величественным из них, где покоятся члены клана Идрисси.

Там лежат ее родители.

35

*Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
голубое небо цвета бездымного огня*

Сегодня утром я ничего не буду сочинять. Просто перепишу!

Слово в слово.

Из сегодняшней «Корс-Матен». Дело подрядчика из Ниццы, который утонул с карманами, полными бетона, а может, золота, уж и не знаю. Эта история, по мнению журналистов, пришлась очень кстати. Собственного мнения на сей счет у меня нет, потому я и решила процитировать статью. В ней приводятся данные Национальной службы охраны прибрежных зон и приозерной полосы о бесконечных процедурах вокруг их использования, а также размерах и границах зон биоразнообразия. Я прочла утреннюю газету и уже не знаю, могу ли все так же любить дедулю... или пора начинать опасаться его. Сами решайте.

Выдержка из «Корс-Матен»

Счастливая звезда Пастуха.
Кто такой Кассаню Идрисси?

Автор – Александр Палаццо

«Кассаню» – самое древнее слово кельтского, окситанского, старокорсиканского происхождения. Означает оно «дуб». В 1926 году покойный Панкраций Идрисси назвал так единственного сына в честь трехсотлетнего дуба, растущего в центре овчарни Арканю. Он хотел, чтобы мальчик обрел силу дерева, его корни и долголетие.

Шестьдесят три года спустя желания патриарха династии Идрисси исполнились и даже перевыполнились. Кассаню Идрисси превратился в одну из самых харизматичных и влиятельных фигур Балани, оставаясь при этом личностью оригинальной и нетипичной. Пастух из Арканю – не мэр деревни, среди членов его семьи нет ни регионального советника, ни депутата, ни председателя какой-никакой ассоциации. Кассаню представляется простым овчаром и... хозяином восьмидесяти гектаров земли – «пустыни» у ворот Кальви, где стоят кемпинг и три виллы. Кассаню Идрисси – одиночка.

Мирный пенсионер атлетического телосложения принимает вас в своей овчарне в Арканю с утонченным гостеприимством. Пока его сдержанная супруга Лизабетта готовит обильный полдник, он показывает вам свои владения, объясняя, что все, насколько хватает глаз, принадлежит ему.

А в следующую секунду говорит, что это «все» равносильно «ничему»... что в действительности он ни над чем не хозяин, ведь пустыня не принадлежит туарегам, а степь – монголам. Кассаню Идрисси считает себя хранителем. Он не унаследовал эту землю: унаследовать – значит стать владельцем и иметь право уступить, продать, разделить ее на части. Кассаню Идрисси указывает концом палки на вершину Капу ди а Вета и заявляет, что несет ответственность за доверенное ему наследие. Лизабетта приносит чай, сладкие каштаны, фиадоне и канистрелли^[137] с миндалем и изюмом. Кассаню разворачивает на столе старые карты и планы владений –

некоторые восходят к временам Паскаля Паоли, Сампьеро Корсо^[138] и Наполеона Бонапарта – и бросает, этак между делом, что «все это неважно». По его мнению, «свежие» документы, которыми располагает мэрия, имеют не больше законной силы. Речь идет о границах, установленных людьми, о линиях на бумаге. Как будто люди, эти «транзитные пассажиры», могут владеть хоть одной травинкой и унести ее в мир иной. Как будто в рай – если чудо возможно и он существует – можно попасть с чемоданами. Как будто после нас Земля перестанет существовать. Вода и огонь, корни деревьев и крылья ветра способны разрушить самые высокие стены, генуэзские башни и каменные мосты, так что им чернильные каракули на бумаге? Природе плевать на наследие, которое защищают «во имя Ее...».

Овчар распаляется, машет руками, и его жена отодвигает подальше стаканы и чашки. «Расчерчивайте зоны, периметры и границы сколько душе угодно, делите океаны и паковый лед, небо и звезды, горы и реки, решайте, кому принадлежит каждый камень, оливка, лепесток аквилегии, если это вас позабавит, придаст значимости, придаст смысл вашей жизни... Земля поручена нам, и этого не изменить. Мне поручено заботиться о моей земле. Никакой закон, придуманный людьми, не заставит меня забыть, что я должен передать ее следующим поколениям в том же виде, в каком получил от отца».

«Корс-Матен»: Раз уж вы сами заговорили о людских законах, господин Идрисси, давайте обсудим убийство Драго Бьянчи. Этот подрядчик из Ниццы собирался построить роскошный отель у мыса Ревеллата. Меньше месяца назад он похвалялся на страницах нашей газеты, что получил поддержку префекта и регионального комитета по туризму. Что вы думаете об этом преступлении?

– То же, что большинство здешних корсиканцев. Я не заплакал, когда узнал о его смерти, не послал венок на похороны. Не припомню, чтобы так называемые друзья сделали нечто подобное. Не стоит доверять газетам и вранью о высоких покровителях. Вы получили ответ на свой вопрос или в нем был подтекст, которого я не разгадал? В таком случае вы плохо его сформулировали. И он лишен смысла. *(Улыбается.)* Вы же не думали, что за этим столом, угощая вас канистрелли, я признаюсь в убийстве Драго Бьянчи?

«Корс-Матен»: Конечно нет, мсье Идрисси, конечно нет. Оставим эту тему и вернемся к идеям, принципам и ценностям. Как далеко вы готовы зайти, чтобы защитить эту землю? Сможете... убить человека? Не сочтите меня грубым.

– С чего бы? Вы просто пытаетесь задать тот же самый вопрос, разве нет? *(Снова улыбается.)* Не обижайтесь, но он по-прежнему плохо сформулирован. Поверьте, я никому не желаю смерти. Как можно хотеть, чтобы человека раздавил в море паром весом пятьсот тонн? Чтобы его застрелил киллер на террасе кафе на глазах у невесты? Чтобы бомба взорвалась под днищем его машины, едва он отъедет от ворот школы своих детей? Кто мог бы пожелать, оправдать, заказать подобные несчастья? Уж конечно не старик, чья единственная мечта – спокойно дожить свой век! Не ищите зло во мне, вы найдете его в людях, жаждущих власти, денег, женщин. На Корсике все это часто зависит от того, как много у вас недвижимости, то есть земли, камня. Я бессилен, если люди не довольствуются тем, что получили от жизни, и продолжают вожделеть, спекулировать, захватывать... Я ничего не могу поделать с тем, что они не мыслят себе жизни без опасности, как безумные спортсмены-экстремалы, и бросают вызов устоявшемуся порядку вещей. Вы же не обвиняете волну, утопившую серфера, или скользкий камень, с которого сорвался неосторожный альпинист, или крутой поворот, угробивший нетерпеливого водителя.

«Корс-Матен»: Спасибо, мсье Идрисси, я тоже умею читать между строк. Вас не пугает людская алчность? Вы владеете огромным богатством – да-да, я помню, что это миссия! – не бойтесь, что кто-нибудь на него посягнет? Скажу проще – что вас убьют, чтобы отнять землю?

– Нет, мсье Палаццо. Нет. *(Короткая пауза.)* Я бы, без сомнения, испытывал страх, владея чем-нибудь, что можно потерять. Но я всего лишь хранитель. Не станет меня, придет другой или другая, мужчина или женщина, разделяющие мои идеалы и так же понимающие слово «честь». Члены семьи – не все они мои кровные родственники – знают, что делать в случае несчастья. *(Долгая пауза.)* Как и я.

«Корс-Матен»: Вендетта? Я могу считать это ответом?

– Вендетта? Боже, кто говорит о вендетте? *(Тяжелый вздох.)* Только вы, журналисты. Убийства, которым ваши колумнисты делают рекламу, совершают бандиты, мерзавцы, мафиози – за деньги,

несколько граммов порошка, угнанную машину. Ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Я пенсионер, живу в овчарне и не знаю, как выглядит косячок, югославская проститутка или коробка с «минителями»^[139], выпавшая из контейнера в порту Аяччо. Вендетта – это для туристов, читающих «Коломбу»^[140]. *(Лицо снова освещает улыбка.)* Все гораздо проще. Не посягайте на мою землю. Не трогайте мою семью. И я буду самым мирным и безобидным пастухом на свете.

«Корс-Матен»: А если кто-то нарушит эти правила?

– Вы опять плохо формулируете вопрос, мсье Палаццо. *(Смеется.)* Это все равно что спросить штабного генерала, нажмет ли он на красную кнопку в случае нападения на нашу страну, чтобы взорвать ядерную бомбу и уничтожить ракету. Он не ответит, потому что этого не будет. Я не верю, что хоть один человек захочет покуситься на мою собственность или обидеть мою семью, и ваша газета может напомнить об этом читателям. Угощайтесь канистрелли, жена готовила специально для вас.

«Корс-Матен» *(с набитым ртом)*: Шпашибо, мсье Идриши...

Конец предпоследней реплики и последнюю добавила я. Было бы забавно, решился журналист написать такое, но, думаю, ему больше всего на свете хотелось поскорее смыться.

* * *

Он закрыл тетрадь.
Безобидный пенсионер...
Есть над чем посмеяться!

20 августа 2016

11:00

Франк ничего не сказал, когда Клотильда вошла в бунгало. Она не знала, как давно муж вернулся с пробежки, но он успел принять душ, переодеться и выпить кофе.

– Нашла... – Клотильда показала сережку, Франк в ответ насмешливо улыбнулся.

Она выбрала универсальную тактику: когда мужчина прячется в своей скорлупе, отказывается общаться, замыкается, как заслуженный кухонный агрегат, нуждающийся в отдыхе, женщина заполняет тишину. Клотильда болтала без умолку – ни о чем, словно все было нормально и даже хорошо, спросила, что приготовить на ланч.

– Как насчет стуфато?^[141] Годится? Я схожу на рынок и успею к полудню, а то картошка фри уже порядком надоела.

Франку, по большому счету, только того и надо было. Он хотел, чтобы все вернулось «в норму». Чтобы Клотильда была «нормальной» женой. Чтобы они жили «нормальной жизнью» – как все. Пусть хотя бы сегодня хорошо сыграет свою роль.

– Вы со мной? Валу? Франк?

Ответом ее не удостоили. Ладно, придется все делать самой. Ничего страшного, зато цель достигнута. «Нормальная» жизнь продолжается.

Сумка с продуктами весила тонну и оттягивала руку, но Клотильда гордилась своими находками – перчиками и оливковым маслом для яичницы с помидорами и луком, говяжьими ребрышками, замаринованными для стуфато, манго и ананасами для фруктового салата. Она попросит Франка разжечь барбекюшницу – пусть каждый до конца сыграет свою роль в пьесе солнечного театра под названием «Семья Барон на каникулах». Клотильда стояла в очереди к кассе интермаркета «Кальви» (80 % оборота магазин делал за два летних месяца, чем и объяснялся столь длинный хвост) и набрасывала на обороте продуктового списка перечень вопросов. Без ответов.

Кто написал письмо с буквой П. в конце?

Кто украл бумажник?

Кто в Арканю дал псу имя Паши́а?

Кто вчера накрыл стол к завтраку?

Кто научил Орсю так мыть пол?

Кто ослабил гайки, вывел из строя рулевое управление?

Кто повредил карабин на страховке Валентины?

Кто тот призрак, которого видел Наталь в Пунта Росса 23 августа 1989 года в 21:02?

Одному человеку такое не под силу. Это не может быть ее мать.

Но ответ как минимум на половину вопросов: это может быть *только* ее мать...

Франк безусловно прав: хочешь быть счастливой – читай списки покупок, сконцентрируйся на перечислении мелких ингредиентов и забудь о вопросах.

Читать только лицевую сторону жизни.

При случае – положить в продуктовую корзину любовника.

Взвесив возможные последствия своих решений. Клотильда не устояла перед небольшим отклонением от благоразумия. На обратном пути она сделала крюк в тридцать метров и выбрала аллею С, чтобы пройти мимо кемпера А31 и узнать у Якоба Шрайбера, удалось ему скачать с пресловутого облака фотографии лета 89-го или нет.

Рассматривать она их не будет, только спросит.

Никого.

– Якоб?

Может, старик глуховат? Или слушает свое дурацкое радио? Семьдесят второй вопрос, приз – полет на Луну и обратно.

– Якоб?

Не похоже на немца, он аккуратист и вряд ли мог уйти, не заперев свой дом. Но спрятаться на двадцати восьми квадратных метрах было негде. Странно... Входить Клотильда не стала. Если герр Шрайбер с шарами для петанка под мышкой и фотоаппаратом на шее застучает ее, ему вряд ли понравится, что гостья не спросила разрешения. Тем более если он потратил вечер, чтобы оказать ей услугу.

«Вали отсюда, дурында, отправляйся чистить перцы. Вернешься ближе к вечеру или завтра...»

Она была в дверях, когда ее взгляд зацепился за фотографию на стенке.

Ее брат. Николая.

Клотильда подошла ближе. Среди сотен снимков нетрудно было найти те, что относились к годам с 1976-го по 1985-й. Неизменные загорелые тела и декорации: море, песок, волны, цитадель Кальви на первом плане, Корсиканский мыс на дальнем, и только мода указывает, в каком десятилетии сфотографированы купальники, шорты и сарафаны. «Поразительно! – подумала она. – А мне всегда казалось,

что я из лета в лето ношу на острове вещи, которые убрала на верхнюю полку в предыдущем сентябре...»

Убирайся отсюда, кретинка!

Клотильда поставила сумку. По аллее А шла шумная компания.

Николя на снимке лет пять, значит, ей нет и года. Воспоминание пришло как озарение: она у матери на руках, щеки яблочно-красные, на голове – ненавистная морская шапочка (резинка больно натирала шею)... Хочется одного – пройтись пухлыми ножками по горячему песку или холодной воде. Папы на этом снимке нет. Она нашла его на другом, от 15 августа. Николя одиннадцать, ей восемь, весь кемпинг высыпал на пляж Ошелучча смотреть фейерверк. Никакого павильона в пейзаже. Среди множества лиц она узнала Наталя, невероятно красивого восемнадцатилетнего, он держит за руку роскошную блондинку с волосами аж до... пояса. Лицо незнакомое, кто она? А вот Базиль Спинелло, сержант Чезаре Гарсия, Лизабетта, рядом с ней Сперанца.

Кто-то прошел мимо домика, но Клотильда даже не вздрогнула. Отдыхая в кемпинге, привыкаешь, что соседи фактически живут у тебя дома. Она нашла на стенке другие фотографии лета 89-го. Узнала мамино черное платье в красных розах от «Беноа» – то самое, папин подарок. Снимок сделали за несколько дней до трагедии.

– Твоя мать была красивой женщиной.

Клотильда резко обернулась.

Ей на плечо легла ледяная ладонь.

– Тихо, Клотильда, тихо. Ты согласна, что она невероятно хороша? Червоне Спинелло! Директор кемпинга собственной персоной.

Проскользнул, как змея. Бесшумно. Что ему нужно? Почему он ни о чем не спрашивает? Ему бы следовало удивиться, застав ее здесь, а он шарит глазами по углам домика Шрайбера.

– Якоб здесь?

Клотильда покачала головой.

– Чертов пруссак! – выругался Червоне. – Серж, Кристиан и Морис ждут его на площадке для петанка. Он не опоздал ни разу за тридцать лет!

Он пожал плечами и опустил глаза, как будто решил проверить чистоту пола.

– Герр Шрайбер не в том возрасте, чтобы уединиться с какой-нибудь туристочкой в маккии, но мы немного подождем, а уж потом вызовем на помощь кавалерию. – Он взглянул на стену с фотографиями: – Может, ему просто надоело все время снимать один и тот же угол, он повесил фотоаппарат на шею и отправился на охоту.

Клотильда не откликнулась, но директор кемпинга не успокоился:

– Этот бош – самый нудный из всех постояльцев, но портреты он делает что надо, ничего не скажешь. Очень выразительные, лучше, чем в кино. Взгляни...

Червоне кивнул на фото группы подростков у костра. Клотильда помнила, когда и где была сделана фотография, – поздно вечером, на пляже де л'Альга, накануне аварии. Николая пытается брэнчать на гитаре, голова Марии-Кьяры лежит у него на плече, Эстефан держит джембе^[142], в руках у Германа скрипка, Аурелия пожирает глазами музыкантов. Точнее, одного из них – Николая.

– Это было наше время! – Он рассмеялся как ребенок, но увидел замкнутое лицо Клотильды и сник. – Прости. Иногда я бываю королем идиотов.

Иногда...

– Проехали, Червоне. Раз я вернулась в «Эпрокт», должна быть готова к встрече с прошлым.

– Ты хотела узнать правду.

– Ты-то что знаешь о правде? – Клотильда взглянула на него в упор.

Директор толкнул дверь, и она захлопнулась. В руке он держал чехол с тремя шарами для петанка. «С этим оружием (если это оружие) моей кошелке не справиться!» – подумала Клотильда. Она пыталась шутить сама с собой, потому что опасалась Спинелло. Какого черта он тут делает? Следил за ней? В этом домике тонкие стены, в случае чего ее крик услышат. Франк услышит, не Наталь. Он ближе. Тьфу, что за глупости лезут в голову!

– Взгляни. – Червоне указал пальцем на одну из фотографий.

Мужчины играют в петанк перед стоянкой, Клотильда не узнала лиц, но за их спинами припаркован красный «фуэго». Целый и невредимый. У нее закружилась голова.

– Ты ездила к сержанту Гарсии? Полагаю, он поделился с тобой выводами, к которым пришел.

Этот тип в курсе? Он знает о вредительстве? Чезаре Гарсия утверждал, что его расследование было конфиденциальным, что проинформировал он только Кассаню Идрисси. Даже дочери ничего не сказал. Какова роль Червоне Спинелло во всей этой истории?

Нужно сдать назад, выиграть время.

– О чем ты говоришь? – Клотильда изобразила удивление.

Ее собеседник улыбнулся, не сводя глаз с «фуэго».

– О том, что машину твоего отца намеренно испортили. Авария не была несчастным случаем.

Бах!

– Но старик не все знает, – добавил Червоне. – Вот твой отец, а за ним... Его плохо видно...

Мерзавец прав! Отец собирает шары, а среди игроков, спиной к фотографу, стоит ее брат.

Николя.

Игра его не интересовала, зато машина...

Червоне ликовал.

– Невероятные снимки, согласна? Если рассматривать их очень внимательно – передний план, задний план, взгляды, позы, – понимаешь, что они рассказывают историю. Практически в каждой есть секрет.

– К чему ты ведешь, Червоне?

Он снова положил руку ей на плечо, как будто хотел поправить бретельку сарафана, поторговаться. Да нет, глупость!

– Ни к чему, Клотильда, ни к чему. Я прекрасно знаю, что ты обо мне невысокого мнения. Терпеть меня не можешь, а вот моего отца любила. В твоих глазах я – олицетворение обманутых надежд, обещаний молодости, которые не сбываются одно за другим, а тем временем к власти в этом дерьмовом мире приходят кретины. Я не стану извиняться, Клотильда. За то, что лучше приспособился. Я не терял иллюзий, у меня их не было – как и сожалений. – Он перевел взгляд со снимка с костром на тот, где играли в петанк. – Я сегодня счастливее, чем прежде, время научило меня доверять людям, сделало богаче и даже красивей. Я не прошу прощения, потому что вкалывал как раб на плантации. Кстати, твое чувство не взаимно. Я не испытываю ненависти, мне весь мир симпатичен, ты в том числе.

Он положил чехол с шарами и протянул ладонь к другому плечу Клотильды. Она сделала шаг назад. Дать ему по морде пакетом с перчиками не такая уж плохая идея.

– Хватит, Цезаре, избавь меня от проповеди и выкладывай!

– Не злись, Клотильда. Ответь на один вопрос. Ты хочешь узнать правду?

– О... Об аварии, в которой погибли мои родители? О гребаной гайке? Хочу ли я узнать, кто ее открутил?

– Да...

– Ты можешь рассказать мне?

– Да... Но тебе не понравится. Совсем не понравится.

– Все эти годы ложь тоже меня не радовала. Червоне ухмыльнулся:

– Тогда садись, Клотильда. Садись и слушай.

II. День Святой Розы

37

*Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо цвета голубого лотоса и... ни гугу*

Около полудня я блаженствовала в холодке Тюленьего Грота, читала «Бесконечную историю», сидя на «Опасных связях». Потом за мной пришел Николя – появился, как большой медведь, заслонил солнце, напугал.

Слава богу, я успела заменить стриженного под горшок Бастиана^[143] на Вальмона и его маркизу, но читать мне братец не дал.

– Мне нужно с тобой поговорить, Кло.

– Валяй, только стой смирно. Ты шатаешься туда-сюда, и солнце то гаснет, то бьет мне в глаза, как лампа на допросе в полиции!

Николя сделал серьезное лицо, и я мгновенно поняла, что он снова задумал какую-то космическую глупость.

– Я знаю, как ты любишь шпионить, вынюхивать, совать нос в чужие дела и все записывать в свой знаменитый дневник. Но на этот раз держись в сторонке. Не пытайся ничего узнать.

– Чего – ничего?

Я обожаю бесить моего старшего брата.

– Я серьезно, Кло.

Он слегка горбится – то ли боится стукнуться башкой о свод пещеры, то ли груз признания давит на плечи. Да какая разница, результат один и тот же. И тут мой «инспектор-разиня»^[144] наконец раскалывается:

– Я влюблен!

Ни больше ни меньше.

– В кого? В Кьяру?

Николя не понравилось, как я ее назвала. Сам он, наверное, говорит только Мария, Мэри или Эм Си^[145], на английский манер.

Мой взгляд его тоже взбесил. Так могли бы посмотреть родители, скажи он, что бросает лицей и будет профессиональным футболистом. Я мгновенно завелась и помахала у него перед носом книгой:

– Не путай любовь с похотью, братишка. Мальчишки соревнуются и входят в раж. Кто победит, тому достанется приз – буфера Мариин-Кьяры.

Обожаю шокировать братца.

– Ну, за твои прыщики уж точно никто биться не станет...

Придурок! Цитирую его слова, чтобы вы поняли: он действительно это сказал! Надеюсь, вы оцените мою искренность, читатель из звездных далей.

Впрочем, мириться со старшим братом я тоже люблю.

– Ладно, Казанова, чего ты хочешь?

– Ничего особенного... Просто не наступай мне на пятки, держись на расстоянии, не привлекай ко мне внимание родителей, а если понадобится, наплети им с три короба, скажи, что я играю на гитаре на пляже Ошелучча или строю хижину на мысе Беллони с Филиппом и Эстефаном. Короче, прикрывай меня два дня – до вечера двадцать третьего.

– День святой Розы? Какая программа? Нарвешь букет шиповника, как папа? Букет победителя? Счастливчика, выигравшего главный приз вещевой лотереи? *После ламбады станешь плясать фумуаля?*^[146] Фумуаля в катакьяре?

Я обожаю быть вульгарной. А Николя пусть пишет жалобу на себя – он меня всему и научил.

– Сегодня вечером я смываюсь, сестренка, и ни за что не скажу куда. Возможно, когда-нибудь ты получишь от меня в подарок «черный ящик» волшебного путешествия.

– К тому моменту вы с Кьярой успеете не только пожениться, но и завести детей, да?

Нико снова заслоняет солнце и превращается в тень.

– Да. Ты получишь приглашение.

Я не решаюсь настаивать.

– Ну-у... А ты уверен?

– В чем?

– В том, что первым добудешь нектар из прекрасной орхидеи? Конкуренция свирепая.

- Да, я уверен!
- Как поступишь с соперниками?
- Изучай стратегию, Кло, главное – это удары на опережение.
- Поделишься опытом?

Тень садится рядом, сливается со мной, как будто хочет защититься. Николая – мой наставник, он прокладывает дорогу через макию моей жизни.

– Я хитрю, малышка. Как герои книги, которую ты якобы читаешь. «Опасные связи». Интригую, обдумываю план, держу в голове схему. Простенькую такую, круг, имена всех наших – парень-девушка, парень-девушка, парень-девушка – и стрёлки, которые их соединяют. Совсем как в игре «Киллер», где каждый должен убить другого и сам быть убит. Просто до смешного. Достаточно шепнуть девчонке, что парень по ней страдает, или сказать одному из ребят, что девушка положила на него глаз, и дело сделано. Я переключил Аурелию на Германа, нашего Циклопа, хотя она предпочла бы меня, а он – Марию-Кьяру. Марии, как ни странно, нравится Червоне, и я подтолкнул этого папенькиного сынка к папенькиной дочке, плутовке Аурелии. И вуаля – круг замкнулся...

Аурелия! Неужели эта густобровая недотрога готова запрыгнуть на все, что движется? А вертихвостка Мария хочет отдаться только Николаю? Думаю, мой брат бежит впереди паровоза – девичьи пальчики еще не стянули резинку стрингов.

- Ну что, поможешь мне, Кло? Прикроешь брата? Поклянись!
- А ты сделал бы для меня то же самое?
- Сделаю... Как только отрастет грудь.

Болван!

Обожаю притворяться, что сию секунду устраю ему взбучку. У себя в комнате я швыряюсь плюшевыми игрушками, но здесь под рукой ничего нет, остается прыгнуть Николаю на плечи и устроить схватку по правилам «мягкого» кеча^[147].

Ладно, родственничек, договорились, получай два дня свободы, до 23 августа. Обычно я даю слово, даже клянусь – и все равно шпионю, но на этот раз все иначе. Меня не интересует ваш тесный кружок, все члены которого жаждут закадрить всех.

Я не одна из вас, играйте в жмурки без меня.

Час прошел, почтальон не появился... Два часа, три часа...

У меня есть дела поинтересней. Я заключила договор!

Поцелуй в щеку.

С мужчиной, который никогда не войдет ни в один кружок, не даст себя запереть и объяснит мне, что такое настоящая свобода.

У меня договор. Миссия, доверенная Наталем Анжели.

Нужно убедить дедулю Кассаню. Вы меня пока не знаете, но поверьте на слово: все получится!

* * *

Он закрыл тетрадь и положил ее в карман.

«Киллер»... Игру со смертью объявил Николя Идрисси. Распорядитель игры.

Это была чистая правда.

38

20 августа 2016

12:00

Клотильда ждала. Червоне Спинелло проторчал в сортире никак не меньше пяти минут. Может, наводил красоту, но не исключено, что решил помотать ей нервы, заставив ждать. Еще несколько минут вдобавок к двадцати семи годам... Похоже на последнюю мелочную попытку отомстить.

Когда Червоне вышел в коридор, Клотильда встретила его нетерпеливо-раздраженным взглядом. Директор кемпинга смущенно развел руками и кивком привлек ее внимание к фотографиям на стене.

– Не передумала? – Он не дождался ответа и, не глядя на Клотильду, продолжил: – Ты, конечно, помнишь, что твой брат Николя запланировал на 23 августа поход на дискотеку в ночной клуб «Ла Камарг» в Кальви, пока родители будут праздновать годовщину в *Casa di Stella*. Они собрались оставить «фуэго» в Арканю и дойти до гостиницы пешком. Николя хотел тайком взять машину и повезти на прогулку всех, кто поместится. Ты наверняка не забыла, что в плане

Николя был этап номер два: бросить остальных на танцполе и уединиться с Марией-Кьярой на диванчике, заказать мохито, выкурить косячок и увлечь прекрасную итальянку в пусть и менее уютное, зато укромное место. Помнишь, Клотильда?

Пока все точно.

– Да.

– Что было дальше? Этим Николя не похвалялся. Особенно перед обожаемой младшей сестрой. Дело в том, что Мария-Кьяра... сомневалась. Диванчик, травка, ром и «сладкое» ее очень даже привлекали. – Червоне погладил пальцем фотографию – черные волосы итальянки струятся по спине, короткая белая маечка с круглым вырезом оттеняет бронзовую от загара кожу. – Так вот, Клотильда, – продолжил он, – она сомневалась только из-за того, что у Николя не было прав! Он наездил не больше десяти часов и несколько сотен километров под надзором отца. Просто, как апельсин. Мария-Кьяра думала об узких дорогах, крутых поворотах, обрывах, диких животных и... боялась погибнуть!

– Значит, они не поехали.

– Нет, в тот вечер не поехали – и тебе известно, по какой причине. Но никто не знает, что произошло *до того*. Желая убедить Марию-Кьяру, Николя решил доказать, что опасность равна нулю.

Клотильде показалось, что целая армия невидимых насекомых забралась ей под кожу и не позволяет шелохнуться.

– У твоих родителей было много дел до обеда в Арканю. Мать готовилась к романтическому вечеру, отец только-только вернулся из похода на яхте и торопился прочесть бумаги, которые собирался обсудить с Кассаню. Твой брат взял ключи от «фуэго» и пригласил Марию-Кьяру на пассажирское сиденье. «Короткая поездка, несколько километров, спустимся у Галерии, сама увидишь, красавица, какой я аккуратный, а бумажка, то есть права, никому не нужна...»

Насекомые-людоеды добрались до бедер Клотильды и явно не собирались останавливаться. Другие проникли в легкие, не давая дышать.

– Они вернулись через десять минут, Николя запарковал машину точно на прежнее место, и оба вышли. Видел их только я. Я один.

Проклятые букашки закупорили трахею, так что вопрос Клотильда задала тонким сдавленным голосом:

– Что именно ты видел?

– Не только видел, но и слышал, как Николая заглянул под капот и сказал Марии-Кьяре: «Все в порядке, в полном порядке». Он поднес черные, в жирной смазке, руки к ее белому кружевному платью, она отскочила от него, как от зачумленного, и отругала. Я понял, что произошло.

Клотильда с трудом сглотнула. Тысячи лапок топали по горлу, ползли к вискам, кололи жалами барабанные перепонки. В ушах стоял звон, но она все-таки разобрала слова, которые предпочла бы не слышать. Никогда!

– Николая сел в галошу! Не справился с управлением, процарапал днище о камни у бельведера Капо Кавалло. «Фуэго» застрял, Николая сдал назад, горы приглушили скрежет железа, так что он понятия не имел, какие детали вышли из строя.

Ей надо сплюнуть. Сблевать. Пусть кислая рвота извергнет гадких тварей.

– Я сопоставил факты только через несколько дней, когда местные начали поговаривать о покореженной рулевой тяге и сорванной гайке шаровых пальцев рулевых тяг.

Клотильду вырвало на потертый линолеум домика Якоба, на пакеты с продуктами, на собственные туфли. Червоне не отвернулся.

Не верить.

Она даже на секунду не должна поверить, что все это правда.

Что Николая мог ничего не сказать. Не понять, насколько реальна опасность, и предпочел тайно вернуть ключи на место, чтобы не нарваться на выговор.

– Мне очень жаль, но ты хотела знать правду, Клотильда. Сама напросилась.

Перед ее глазами встало лицо Николая, каким оно было за несколько мгновений до удара о парапет, и потом, когда «фуэго» завис в пустоте. Все годы, прошедшие с того трагического дня, Клотильда не могла отделаться от ощущения, что Николая знал. А она нет. Ее брат не удивился, как будто понял, из-за чего они все сейчас умрут.

Теперь все ясно.

Николая убил мать, отца и себя.

– Ты не ешь?

В вопросе Франка присутствовала скрытая ирония.

Ничего удивительного. Клотильда выбросила перец, мясо, фрукты, и меню праздничного ужина, обещанного любящей супругой, пришлось ограничить ветчиной, помидорным салатом и консервированной кукурузой.

Франк выдал Валу двадцать евро, чтобы она купила кулек картошки фри, большой кофе *Magnum* и рожок клубничного мороженого.

– Что ты будешь, Кло?

– Спасибо, я ничего не хочу.

Клотильда решила ничего не рассказывать. Не сейчас. Не между делом.

У нее было одно-единственное желание.

Кинуться в надежные объятия. Выплакаться в плечо мужчине, проклинать «эту чертову жизнь» и слышать в ответ тихие слова утешения и любви от человека, который все поймет и ни о чем не станет спрашивать.

И этот мужчина – не Франк.

Она встала, собрала тарелки, сложила в пакет губку, тряпку и мисочку.

– Вымою посуду и пойду навещу родителей. Много времени это не займет, кладбище Марконе совсем близко.

Корсиканцы верят в призраков. Их кладбища – вернейшее тому доказательство. Зачем бы иначе они стали возводить монументальные склепы и розовые мавзолеи, превосходящие роскошью дома живых? К чему столбить лучшие участки для помпезных загробных жилищ и хранить там скелеты семи поколений предков? Почему с корсиканских кладбищ открываются самые роскошные виды? Может, живые хотят, чтобы дорогие их сердцу покойники тоже могли любоваться горными вершинами в тумане, силуэтами прилепившихся к склонам колоколен, закатами над цитаделью Кальви? Конечно, везет только избранным, остальные лежат в дальнем углу, под грудой щебня, и каждая гроза заливают могилы грязью – это в лучшем случае, а в худшем – уносит гробы прочь.

Усыпальница семьи Идрисси могла бы противостоять непогоде целую вечность. Она гордо возвышалась над стеной кладбища

Марконе, являя миру красоту лазурного купола и коринфских колонн, чтобы каждый проходящий мимо прочел и навсегда запомнил имена славной династии. Здесь лежат адмирал (1760-1823), депутат (1812-1887), мэр (1876-1917), прадедушка Клотильды Панкраций (1898-1979).

И еще трое:

Поль Идрисси (1945-1989)

Пальма Идрисси (1947-1989)

Николя Идрисси (1971-1989)

Наталь ждал на кладбище, в тени побеленной известью стены, невидимый с дороги.

Клотильда обняла его и плакала, плакала, плакала, а потом рухнула на землю под огромным тисом, не замечая, что плоские иглы впиваются в кожу. Вокруг было пусто, только старушка ковыляла к дальним могилам с тяжелой лейкой в руках.

Наконец Клотильда заговорила. Наталь сидел рядом и держал ее за руку. Телами они друг друга не касались, только все крепче сжимали пальцы. Клотильда выложила все. Открытия Чезаре Гарсии насчет машины родителей. Сказала, что ее жизнь – большая темная комната, что любовь к Франку истончается, ветшает, что дочь настолько на нее не похожа, что в голову иногда приходит крамольная мысль: а люблю ли я свою девочку? Прошлое подобно ядру каторжника: ревность к матери, обожаемый отец, мужчина, знавший язык дельфинов, которого она не забывала (тут Клотильда поцеловала Наталя). Старший брат Николя распахнул перед ней ворота в жизнь, он сдувал с нее пылинки, сажал на плечи, если дорога оказывалась слишком трудной, и учил всяким хитростям. Николя оставил ее на мысе Ревеллата, попросил сохранить его тайну, не решился заговорить и предпочел сесть в машину, ставшую смертельной ловушкой. Он этого не понимал, да, именно так.

Клотильда поведала Наталю обо всех своих страхах и горестях, весивших целую тонну, и стала легкой, как воздушный шарик. А Наталь держал ее руку очень крепко – как малыш веревочку хрупкой игрушки.

Могила Идрисси была украшена букетами шиповника, лилий и орхидей. Цветы явно срезали совсем недавно: Кассаню и Лизабетта не из тех, кто позволит призракам Идрисси – от адмирала до единственного сына – нюхать увядшие цветы и вонючую застоявшуюся воду.

Старуха с лейкой медленно тащи́лась к ним.

Клотильда сжимала пальцы Наталя и повторяла один и тот же вопрос: почему Николя ничего не сказал? Николя здравомыслящий, Николя благоразумный, Николя – «все нипочем», образцовый Николя, прямой, как восклицательный знак, красивый, милый Николя, перед которым были открыты все пути. Зачем он украл ключи от «фуэго»? Вел машину без прав? Придумал безумную вылазку в ночной клуб?

Ответ звучал просто, жестоко, жалко, ничтожно и грязно.

Николя сделал все это из-за девки. Хотел произвести впечатление, хотя даже не любил ее. Вбил себе в голову, что будет обладать той, которая всем отказала. Умник Николя был – как все мужчины – маленьким животным, и все его принципы, образованность, начитанность и культура не могли противостоять изгибам юного тела, глазам пантеры, приоткрытым губам и безмолвным обещаниям. Вот такая нелепость. Николя убил отца и мать, убил себя, обрек сестру на вечное одиночество ради того, чтобы стать первым у девушки, которая этого не заслуживала. Вернее, ради ее тела, ради вещи, в лучшем случае – куклы.

Клотильда вспомнила, с каким изумлением, даже опаской посмотрела на нее Мария-Кьяра, когда она произнесла имя Николя и упомянула давнюю трагедию. Молчание. Неприятие. Бегство. Стало понятно, как тяжело итальянке нести груз страшной тайны. Она ни о чем не просила, но все спровоцировала. Всего лишь бросила на землю окурок, а ветер поджег сухую траву и ветки. Фигурально выражаясь, конечно.

Невинная пироманка.

Не обвинять же вещь или куклу...

Поклянись мне, Наталь, поклянись, что не все мужчины такие.
Что...

Поцеловаться они не успели.

– Извините...

Капли воды, вылившиеся из лейки на землю цвета охры, высохли через несколько мгновений. Клотильда узнала лицо, обрамленное платком такого же глубокого черного цвета, что и платье.

Сперанца.

Ведьма из Арканю. Бабушка Орсю. Верная служанка Лизабетты и Кассаню.

Не обращая на них ни малейшего внимания, она вылила воду из вазы, по одному достала цветки – очень нежно и деликатно, – налила свежей воды, обрезала секатором стебли и перешла к следующему букету.

И вдруг обернулась, не в силах сдерживаться, и выкрикнула:

– Ты не должна здесь быть!

Клотильда вздрогнула.

Сперанца смотрела только на нее, игнорируя Наталя, и медленно водила пальцем по буквам, выгравированным на мавзолее.

Пальма Идрисси (1947-1989)

– И она тоже не должна была...

Первые слова дались старой корсиканке трудней всего, следующие выстрелили, как пена из бутылки шампанского.

– Ее имени нечего делать рядом с Идрисси. Не я *streia*, не я горная колдунья, а твоя мать! Ты ничего не знаешь, ты тогда еще не родилась, – Сперанца перекрестилась, – но твоя мать его околдовала. – Она взглянула на имя Поля Идрисси. – Женщины на такое способны, уж ты мне поверь. Твоя мать приворожила вашего отца, утвердила свою власть и украла его у нас. Унесла далеко, далеко от всех, кто его любил.

«Далеко, то есть в Венсен, – подумала Клотильда, – севернее Парижа, чтобы торговать газоном». Она никогда не задумывалась о том, как трудно было семье отца принять его выбор.

Наталь не отпускал ее руку, но не вмешивался. Сперанца с остервенением опустошила следующую вазу, и сморщенные лепестки легли на черное платье кремовым конфетти.

– Если бы они не встретились, – продолжила она, яростно щелкая секатором, – Поль женился бы здесь. Его дети появились бы на свет на острове. Но твоя мать явилась из ада, поймала его в свои сети и утащила с собой.

На землю полетели головки трех роз, двух рыжих лилий и одной дикой орхидеи.

– Ты ни при чем, Клотильда, ты чужачка. – Голос старухи смягчился. – Ты не знаешь Корсики. Ты не похожа на мать. Зато твоя дочь похожа, она тоже станет колдуньей. У тебя глаза отца, ты видишь мир, как он, и веришь в то, во что другие не верят. Тебя я ни в чем не виню.

Сперанца посмотрела на Наталью. Морщинистая рука нервно щелкала секатором, он открывался и закрывался вхолостую. Мгновение спустя корсиканка наставила острые концы на мрамор и попыталась выцарапать имя Пальмы Идрисси. На сером камне остался белый шрам.

Сперанца перекрестилась, глядя на слова *Поль Идрисси*.

– Поль должен был жить здесь, если бы твоя мать его не убила. Здесь, слышишь? Жить на Корсике. А он вернулся, чтобы умереть.

Наталья проводил Клотильду до машины. Сперанца оскорбляла память Пальмы, и ее голос гнал их вон с кладбища, как пронзительный вой потревоженного призрака.

Они поцеловались перед открытой дверцей «пассата». Бетонный парапет дороги напоминал перрон вокзала, казалось, вот-вот прозвучит свисток, возвещающий отправление поезда. Клотильда заставила себя пошутить:

– По всему выходит, что о моей матери здесь были невысокого мнения. При жизни, да и в призрачном состоянии тоже. Из всех корсиканцев ты один любил Пальму...

– Неправда! Твой отец тоже ее любил.

Туше!

– Мне пора...

– Понимаю, я тебе позвоню...

Она решила на последний вопрос. Выяснить так выяснять.

– Ненависть корсиканцев, Наталья, ненависть к моей матери, когда вы с ней были, скажем так, очень близки. Твой заброшенный корабль. Твоя женитьба на дочери жандарма. Все это как-то связано? Тебя грозились проклясть все старухи острова?

Он не стал отвечать, только улыбнулся:

– Беги, моя принцесса, возвращайся в свою башню. Спасайся, а твой рыцарь задержит ведьм и колдуний.

Клотильда вела машину и плакала. Скалы меняли форму, расплывались, съезжали в море. На каждом повороте дороги возникал мыс Ревеллата, обвятый туманом ее слез. Влажный пейзаж выцветал, мокрые фонарные столбы скручивались, но Клотильда ехала медленно, не больше тридцати километров в час, успевая разглядеть лицо Марии-Кьяры на развешенных афишах.

Концерт в стиле 80-х, в «Тропи-Каллисте».

22 августа, пляж Ошелучча.

Послезавтра... Та же программа, что четыре дня назад. Червоне не считал нужным менять успешное меню, тем более что туристы редко подолгу оставались на одном месте.

Нельзя упускать такую возможность! Она должна попытаться еще раз, вдруг получится поговорить с Марией-Кьярой. Нужно придумать, как избавиться от телохранителя, и рассказать итальянке о том, что случилось с Николя 23 августа 1989 года. О машине, вылетевшей с дороги, испорченном управлении и заговоре молчания... Версию Червоне может подтвердить только певица. Но как ее уговорить? Вряд ли сегодня, через столько лет, она признает ответственность за смерть трех человек. Вынуждена будет все отрицать. Даже если Клотильда каким-то чудом сумеет прорваться в вагончик Марии-Кьяры, та замкнется в молчании.

Я никогда не буду совершенно уверена, что узнала правду...

Клотильда сбросила скорость до двадцати километров, и водитель огромного кемпинг-кара с буквами NL на номерном знаке буркнул, что столкнет эту дуру с обрыва, если она сию же минуту не разгонится. Слезы полились ручьем, и у Клотильды сработал идиотский рефлекс – она включила дворники, чтобы пейзаж обрел четкость, и заметила конверт, зажатый между лобовым стеклом и щеткой. Рекламный проспект? Листок вырвался на волю и полетел прочь.

Она резко затормозила.

Едущий следом голландец отчаянно засигналил, машина взвыла громче противотуманной сирены парома на входе в порт Бастии.

Сидевшая рядом с водителем рыжеволосая женщина обругала Клотильду на фламандском, а ребяташки, сидевшие на заднем сиденье, вытягивали шеи, глядя на нее, как на диковинное животное.

Ей было плевать. Она приткнулась на обочине, выскочила, оставив дверцу открытой, помчалась за летящей от скалы к скале бумажкой и поймала ее у дикой шелковицы, ободрал руки и проклиная себя за безумие. Франк прав, она теряет чувство меры. Не контролирует эмоции. Ее едва не задавила машина, вылетевшая из-за рекламного щита, зазывавшего на «потрясающее открытие местного супермаркета с распродажей и концертом: приходите в следующее воскресенье – и, возможно, увидите саму Марию-Кьяру!

Клочок бумаги.

У Клотильды задрожала рука.

Белый конверт и два слова.

Для Кло

Почерк женский. Она узнала бы его среди всех.

Почерк ее матери.

39

***Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо цвета осколков голубого хрустала***

– Я последовала твоим советам, Базиль, и посмотрела на дельфинов вместе с Наталем.

Я не преувеличиваю, честное слово. Народу в баре «Эпрокта» – не протолкнуться, в час аперитива «касанис»^[148] и пиво «Пьетра» текут рекой, а оливок на столах столько, что, похоже, обобрали все деревья в восточной части острова.

Слушателей человек двадцать, только мужчины. Я описываю круиз на «Арионе», разливаюсь соловьем про дельфинов – семейную пару Орофина с Идрилью, их детишек Галдора и Татиэ, уверяю, что Наталья разговаривает с ними, что он и правда волшебник. А потом добавляю фразу из любимого фильма, который если кто из здешних и

видел, то самые молодые, и запомнили они только вздернутый нос Розанны Аркетт^[149] и веснушки на ее попке.

– Иди. Иди и смотри, любовь моя!^[150]

Я хитрая, смышленная и хорошо подготовилась к выступлению. Все эти волосатые, усатые, бородатые и пузатые мужчины пялятся на мою майку – черно-белую, с кровавыми буквами WWF под изображением панды с отрубленной головой. Я специально ее надела.

– Труднее всего будет построить заповедник, а с дельфинами договоримся, – продолжаю я, сложив губы сердечком. Сладкое простодушие контрастирует с вызывающим нарядом, но так и было задумано.

Выпивохам плевать: в сафари с дельфинами они верят не больше, чем в воскрешение морских тюленей.

– Я корсиканка, как и Наталь Анжели, так что никакого бетона! Придется использовать другие материалы – дерево, стекло, камень, – и получится очень красиво! Вид мы уродовать не станем, ведь участок принадлежит дедуле.

Просто блеск! Назвать моего деда «дедулей» перед всеми этими мужчинами, которые «решают проблемы» мира, обсуждают Корсику и маккию, благоухающую анисом, миртом и табаком. Мне кажется, они считают Кассаню Идрисси кем-то вроде генерал-аншефа, чье имя нельзя произносить вслух, чтобы не окаменеть. Я десантируюсь на остров в образе зомби и зову их верховного правителя дедулей.

А я ведь еще не пустила в ход свое секретное оружие.

– К счастью, работать мы будем семейным, так сказать, подрядом. Дедуля даст землю, а моя мама построит дом для дельфинов, она ведь архитектор.

На этом решаю остановиться, чтобы не переиграть, хотя эти люди, пьющие «стадом», как зебу у болота, вряд ли были такими уж хитрецами.

– Мама с Наталем хорошо ладят... Здесь есть туалет?

Я иду вниз по лестнице, весело мурлыча себе под нос. К туалетам ведут триста ступеней и бесконечно длинный туннель, как будто строители хотели оборудовать сортир на континенте... Спускаюсь на десять ступенек, жду, когда сработает датчик и погаснет свет, и поднимаюсь на семь. Согласна, уловка ничтожная, жалкая, поэтому сделаю признание.

Да, я ревную! Мысль о маме внушает мне одноединственное, но жгучее желание – убить. Да, я хочу знать, спит мама с Наталем или нет. Да, я бы предпочла, чтобы мама принадлежала только папе, а Наталья – мне. Потому и затаилась в темноте, как любопытная, хоть и трусливая мышка.

Долго ждать не приходится. У мужчин и женщин под хмельком развязываются языки, только дозы требуются разные. А потом неизбежно начинаются разговоры на темы ниже пояса...

Первым раздается непривычно высокий для корсиканца голос с интонациями капризного ребенка:

– Наталья совсем страх потерял, раз покусился на невестку Кассаню...

В ответ звучит дружный смех, потом вступает гнусавый, как утка, тип:

– Сказать по правде, когда гляжу на жену Паоло, сам хочу переметнуться к «зеленым».

Над тарелками с оливками повисает тревожное молчание.

– Они уже лет двадцать хотят пустить волка в овчарню, – уточняет Даффи Дак. – Если речь про ее лохматого, я не против.

Все гогочут. Я слышу голос Базиля, он пытается урезонить собеседников:

– Может, парню и правда нужен архитектор, а у Пальмы есть свои резоны общаться с красавчиком...

В разговор взрослых вмешивается мой ровесник – у него все еще ломается голос. Спасибо ему большое, он задает тот вопрос, на который я жажду услышать ответ.

– Что за резоны?

Даффи Дак ржет как сумасшедший.

– Ты что, не знаешь местную поговорку, малыш? «На Ревеллате пастухи держат скот в овчарне зимой, а жен дома – летом, когда Поль Идрисси сходит с парома на берег».

Глумливый смех действует на меня, как взрывная волна, и я невольно отшатываюсь.

Элмер бросает следующую гранату, и я не успеваю заткнуть уши и пригнуться.

– Поля можно понять. Ему скучно с парижанками, которые ездят на метро. Зато у нас на острове дичь круглый год бегает на свободе.

– И лучшие трофеи достаются Полю, хотя охотится он всего два месяца в году.

– Нужно делиться с товарищами, ведь собакам на охоте положена часть добычи.

Ковровая бомбардировка. Стены рушатся. Воеет сирена, но я не могу сдвинуться с места, понимаю, что нужно бежать, спрятаться в тихом безопасном месте, а ноги не идут.

Из тумана доносится голос Базиля:

– Пальма – красивая женщина.

– Еще какая! – снова вмешивается Даффи. – Наталь показал ей дельфинов, а она ему – своих... китов, тех, что под лифчиком.

Мужской гогот ранит меня тысячей мелких укусов.

– И все-таки Наталь мог бы найти кого-нибудь помоложе. И, главное, не такую замужнюю, – говорит Элмер.

Внезапно наступает гробовая тишина.

Кто-то шепчет: «Тсс...»

Секунду мне кажется, что меня обнаружили, но тут же слышу плач младенца. В округе, насколько мне известно, есть всего один грудной ребенок, увечный внук женщины, которая убирается у дедули и бабули. Она повсюду возит его за собой в коляске.

Все кончено.

Из бара не доносится ни звука.

Я иду вниз, спотыкаясь на каждой ступеньке мрачной лестницы, углубляюсь в туннель и бреду целую вечность, ощупываю стены, а все, что осталось от моего детства, безвозвратно исчезает. Закрываюсь в туалетной кабинке и чувствую, что оказалась на другом берегу Средиземного моря, Млечного Пути, мира людей. Сажусь на крышку унитаза, достаю блокнот и в темноте записываю, строчку за строчкой, слова, взорвавшие мою жизнь, рисую буквы с лапками, и они шевелятся, как живые.

Чтобы наказать себя. Искупить семейную вину.

Перепишите. Перепишите это миллион раз.

Мой отец обманывает мою мать.

Мой отец обманывает мою мать.

*Мой отец обманывает мою мать.
Мой отец обманывает мою мать.
Мой отец обманывает мою мать.*

** * **

Три страницы заполнены одной-единственной фразой. Забавно.
Интересно, если однажды кто-нибудь решит напечатать этот
дневник, он сократит текст?

40

20 августа 2016

15:00

Машины возмущенно гудели, водители, вынужденные брать левее, ближе к обрыву, проклинали несознательную хозяйку «пассата», занявшую лучшую часть прибрежной дороги в условиях ужасной видимости.

Клотильда их не слышала.

Она стояла с конвертом в руке, не зная, что делать, потом открыла его и начала читать – медленно, как ребенок с ДЦП, разбирая слова, написанные почерком учительницы-пенсионерки.

Моя дорогая Кло!

*Спасибо, что согласилась. Спасибо, что
постояла под дубом... Я боялась, что иначе не
узнаю тебя. Ты стала очень красивой женщиной. А
твоя дочь, по-моему, еще красивей. Кажется, она
похожа на меня. На ту женщину, которой я была.*

Как же мне хочется поговорить с тобой!

*Сегодня вечером. Если получится, если ты
сможешь.*

*Будь в полночь у тропинки, ведущей в Casa di
Stella.*

*Он придет за тобой.
Будет прохладно, так что оденься потеплее.
Он приведет тебя в мою темную комнату.
Дверь я открыть не смогу, но надеюсь, что стены
достаточно тонкие и я расслышу твой голос.
В полночь. При свете Бетельгейзе.
Целую тебя.*

II.

Весь остаток дня Клотильда заставляла себя быть веселой.

Франк ни словом не упрекнул ее за то, что молчала за ланчем, не выразил удивления по поводу внезапного желания сходить на могилу родителей. Не выговаривал за скачки настроения, забытый мобильник и сообщения, которые мог ведь и прочесть. Вторая половина дня прошла в духе увольнительной в разгар боевых действий. Время тянулось бесконечно медленно. Лежать на пляже, пока не надоест, вернуться пешком, развесить мокрые полотенца, вымести песок с террасы, почистить фрукты для салата, почти наслаждаясь этими банальными делами, которые в обычное время скорее докучают.

Клотильда положила руку мужу на плечо. Ее умиляло, что он снова вступил в заведомо обреченную на поражение борьбу с муравьями. Насекомые каждый день прокладывали новую тропу к полкам с кофе, сахаром, печеньем, а Франк проверял каждый пакет – не прохудился ли, покрепче затягивал завязки. Побеждали, конечно же, хитрые и упорные букашки.

Клотильда не убирала руку. В этом жесте смешались вина и страх, но больше всего в нем было стратегического расчета. Не сиюминутного, не с прицелом на Наталя. Ради назначенной в полночь встречи.

– Потерпи, Франк. Я скоро все объясню. Мне дали новую информацию. – Она не была уверена, что муж слышал последнюю фразу, – Франк стоял спиной к ней на четвереньках и беседовал с муравьями – и продолжила: – Никаких историй о призраках, клянусь. Только правда. Старые фотографии, свидетельские показания. Жестокая правда.

Она наклонилась, поцеловала Франка в шею и удивилась себе – жест был искренним. Искренней, чем раньше, до того, как она завела любовника. Франк повернул голову и долго смотрел на нее, как будто хотел понять, о чем она думает. Мысли сумасшедшей, на которой он был женат, походили, в его представлении, на колонии муравьев, так нельзя ли и их затолкать в герметичную упаковку и защитить семью?

– Как скажешь, Кло. Как скажешь.

Неужели это ловушка?

Клотильда так глубоко погрузилась в свои мысли, что не сразу услышала голос дочери.

– Передашь майонез, мама?

Будь в полночь у тропинки, ведущей в Casa di Stella.

Он придет за тобой.

– Девочки, завтрашний поход под парусами не отменяется?

Как же мне хочется поговорить с тобой!

Сегодня вечером. Если получится. Если ты сможешь.

Что, если это еще одна жестокая западня и она несется к ней, закусив удила? Вопросы роились в голове, не давая покоя, вопросы, которые кто-то намеренно внедрил в ее сознание. Как? Подложив первый конверт в бунгало С29. Украд документы из сейфа. Назвав собаку именем ее пса из другой жизни. Накрыв к завтраку стол. Сунув второе письмо под дворник на лобовом стекле...

– Кло, Валу, вы что, оглохли? Я зарезервировал 470-ю на целый день. Увидите, вам понравится. Ветер, тишина, свобода...

Откровения Червоне не дали ответа ни на один вопрос, но продолжали терзать Клотильде сердце, как тот, последний, взгляд Николя. Теперь она могла его объяснить: брат осознал, что он убийца, и в ту же секунду понял, что сейчас умрет. Что объединяет безумный план Николя по соблазнению Марии-Кьяры и дикие письма «с той стороны»?

Нечто еще более безумное.

Ее мать. Выжившая Пальма Идрисси.

23:00

Франк весь вечер проверял свой компас, карты, учебники образцового юного моряка и рано пошел спать. На следующий день

нужно было встать на рассвете. Заказ на 21 августа он сделал полгода назад. Франк ничего не оставлял на волю случая и накануне полдня проверял все документы. Клотильда делала вид, что читает, наблюдала за мужем и думала о своем. Когда близко узнаешь искателей приключений, они чаще всего оказываются занудами. Педантами, аккуратистами, мелочными придирами. Все – альпинисты, серферы и шкиперы.

Франк методично сложил вчетверо полотенце, убрал щетку, которой сметал муравьев, повесил на место бейсболку.

В обратную сторону это не работает.

Не все маньяки – авантюристы.

– Будем ложиться?

– Скоро приду. Почитаю еще немного.

– Завтра рано вставать, Кло.

Завуалированный упрек. Она улыбнулась, поразившись, как убедительно научилась врать... ну, говорить полуправду.

– Знаю. Завтра я проведу целый день на палубе, загорая без купальника, а мой галантный муж будет подавать ледяные мохито. Об этом мы договорились зимой, когда ты просил меня сказать «да». Не забыл, дорогой?

23:45

Клотильда положила открытую книгу на столик в саду, оставила рядом недопитую чашку чая, создавая впечатление, что она где-то недалеко и вот-вот вернется. Франк захрапел.

Она бесшумно ступила в темноту.

Как только Клотильда оказалась на пустынной дороге под оливами, тишина кемпинга уступила место голосам ночи. Просыпались все уродливые и робкие существа, боящиеся солнца. Пугливые лесные мыши, хищные совы, влюбленные жабы. Клотильда шла минут десять, светя под ноги фонариком своего айфона, и наконец добралась до начала тропы, ведущей к *Casa di Stella*.

Он придет за тобой.

Будет прохладно, так что оденься потеплее.

И она, как маленькая послушная девочка, натянула толстый свитер из небеленого хлопка, следуя указаниям призрака своей матери.

Смешно, право слово!

Еще не поздно сбежать, раздеться, обнять Франка, показать ему письмо, посоветоваться.

Смешно...

Полгода назад Франк обвел в кружок дату 21 августа на календаре. Ничто не мешает ее мужу выйти в море с семьей – ни письмо, ни признание жены в измене.

Далеко в лесу квакала жаба. Жалобный крик любви или агонии.

«Любовник... – подумала Клотильда. – Может, послать сообщение Наталю? Все ему объяснить, позвать к себе, попросить утешить и защитить?»

Смешно.

В этот час ее рыцарь обнимает дочь жандарма, которая рано ложится спать, потому что рано встает и отправляется на работу в клинику. А муж Клотильды тем временем принимает товар в магазине – коробки с мороженой треской.

Смешно.

Вся ее жизнь – сплошной маскарад. Авторы романов, сочиняющие подобные сюрреалистические сюжеты, как правило, делают свою героиню шизофреничкой с раздвоением личности, которая сама себя мистифицирует, а потом...

Она не услышала ни малейшего шума, не заметила никакой тени. Просто стоящая перед ней ночь вдруг стала чернее и глубже, хотя ничего не произошло.

Огни бухты Кальви и маяка де ла Ревеллата внезапно исчезли.

И тут же появились снова, зато погасли звезды стоящих на воде яхт.

Темная ночь перемещалась!

Прихрамывая. Теперь она это слышала.

Громада, заслонившая ночные огни, стояла перед ней. Клотильда осветила фонарем, увидела сухую руку, шею, лицо и узнала... Хагрида.

Она ненавидела это прозвище, и тем не менее оно первым пришло ей на ум.

– Орсю? – шепотом спросила она.

Великан не ответил, только протянул здоровую руку и посмотрел на нее, как перепуганный слон, отгоняющий хоботом мышку, потом

кивком указал на тропинку.

Он включил фонарь и стремительно пошел вверх, используя негнушущуюся ногу как трость. Через несколько минут они углубились в заросли маккии. Дрок и земляничник тянули к ним мягкие лапы из лилового мрака. Подъем казался бесконечным. Орсю так и не произнес ни слова, а Клотильда решила не задавать вопросов.

Она знала, что не дожидается ответа, и не хотела нарушать торжественность момента, как будто лишь тишина достойна была обрамить значимость, цель и глубинный смысл происходящего.

Та, что ждала в конце пути, была ее матерью.

Он приведет тебя в мою темную комнату.

Кто другой мог написать эти слова?

Они перешли через речушку и оказались на пустоши. Орсю то и дело оборачивался, проверяя, нет ли кого позади. Клотильда инстинктивно делала то же самое, хотя следить за ними в непроглядной ночи никто не мог. Любой свет, даже далекий, был бы замечен, как утренняя звезда Венера.

Клотильда была уверена в двух вещах: они одни, и она безумна.

Добровольно полезла в маккию, откликнувшись на загробный зов, а в проводники взяла хромого молчуна-людоеда, который завоевал ее доверие с первого взгляда. Паломничество к святым местам, к божеству, о котором она ничего не знала, продлилось еще час.

Они брели по склону холма, пробираясь через густые заросли. Вдалеке светилась цитадель Кальви, похожая на укрепленный остров. Казалось, что к земле ее привязывают нити неоновых огней из портовых баров. Они снова углубились в лес, добрались до маленькой поляны, Орсю осветил фонарем ковер из ладанника, поднялся на несколько ступенек по вырубленной лестнице, остановился и поднял лампу, подавая знак.

У Клотильды так колотилось сердце, что она едва могла дышать.

Маленькая пастушья хижина стояла посреди «нигде». Во всяком случае, так показалось Клотильде. Неужели Орсю водил ее по кругу и теперь они вернулись в исходную точку? Домик выглядел ухоженным: идеально обтесанные камни, глинобитная крыша, тяжелая деревянная дверь и закрытые ставни. Клотильде хотелось выхватить у Орсю фонарь, бросить его на землю, чтобы стекло разбилось, тогда в

наступившей темноте она увидит пробивающийся сквозь бороздки свет.

В хижине кто-то живет.

И этот кто-то ждет ее.

Она.

Пальма.

Мама.

Совсем близко. Клотильда это чувствует.

Орсю – ее союзник.

Дверь я открыть не смогу, но надеюсь, что стены достаточно тонкие и я услышу твой голос.

Земля перед дверью была хорошо утоптана. Орсю словно бы прочел мысли Клотильды, отступил на шаг и погасил лампу. Она медленно шла к хижине и отчаянно щурилась в надежде, что дверь распахнется и...

«Как сейчас выглядит мама? Странно, я даже не потрудилась подсчитать, сколько лет ей могло бы исполниться. Седые волосы, морщинистое лицо, согнутая спина... Или призрак не постарел и Пальма – все та же потрясающая красавица, в которую был влюблен Наталь? Как же я тогда ревновала!»

Ты стала очень красивой женщиной.

А твоя дочь, по-моему, еще красивей.

Кажется, она похожа на меня.

Да, только мать или ее вечно молодой призрак могли написать дочери такие горькие слова. Ничего, дверь вот-вот откроется, они обнимутся и... Клотильда сделала еще один шаг.

Черт, что это? Свет идет не от хижины и не из-за спины, а откуда-то сбоку, как будто снайпер целится ей в висок из ружья с лазерным прицелом.

Шаги.

Быстрые. Нервные.

Тяжелое дыхание.

Человек продирается через ветки, его обуревают ненависть.

Сюда несется зверь. И он в ярости.
Это была ловушка. Орсю исчез. Сыграл роль проводника за пару купюр.

До двери оставалось не больше тридцати метров, но ей не успеть.
Зверь оказался прямо перед ней.

И Клотильда его узнала.

Она не ошиблась насчет ненависти и ярости.

Он не мог идти следом по маккии. Ждал их здесь... Но как зверь узнал?

Да какая разница, ей конец.

41

Мой отец обманывает мою мать.

Он переворачивал страницы, заполненные этой простой фразой, разглядывал рисунки – черных пауков и паутину, – не касаясь их пальцами, как будто давно высохшие чернила могли поранить кожу.

Автор дневника постепенно успокаивался, почерк становился разборчивей, ярость стихала.

О себе он этого сказать не мог.

* * *

Понедельник, 21 августа 1989.

пятнадцатый день каникул.

голубое небо цвета опрокинутой помойки

Я обманываю

Ты обманываешь

Он/она обманывает

Я на пляже, переворачиваю страницы.

Мама загорает, папа спит.

Папа захотел повести нас на пляж Порт-Агро, в мало кому известную бухту, спрятанную за скалами Петра Кода. Попасты туда можно только по тропе, проложенной через маккию, где ходят ослы и козы. Нужно пробраться сквозь заросли колючего можжевельника, кусающего похуже комаров, миновать развалины генуэзской башни, пройти километр под палящим солнцем, вывихнуть лодыжку на крутом пыльном спуске, выйти на песчаную дорогу и наконец увидеть прославленный райский пляж, куда за день добираются от силы десять туристов.

Место, куда не ступала нога человека... почти не ступала. С ума сойти!

Последнее усилие – и можно играть в Робинзонов в раю.

А на самом деле... На самом деле на пляже полно туристов. Сотни людей лежат на песке, а горизонт застыт яхты всех типов и моторные лодки. Десятки судов стоят на якоре за линией буйков, огораживающих место для купания. Корпуса и белые паруса загрязняют пейзаж, как клочки бумаги, брошенные каким-то свинтусом в водосточный желоб. Играть в Робинзонов? Не смешите меня! Разве что в летней корсиканской версии. Робинзон бросил в море тысячи бутылок, но ни одной чашки, и все бутылки выловили!

*Мы обманываем
Вы обманываете
Они обманывают*

Пальма Мама легла на полотенце лицом к самым большим яхтам. Я уже три часа наблюдаю за лакированной палубой *Blu Castello*^[151]. мадам с чихуахуа на руках, мсье в панаме, Джино в тельняшке и капитанской фуражке, толстуха Тереза несет веер и полотенца, девочка – моя ровесница – ни разу не встала с шезлонга. Мой вывод, окончательный и бесповоротный: на яхте тоскливо до жути!

Если хорошо подумать, самый маленький участок дерьмовейшего из кемпингов больше самой большой яхты, на которой, как ни старайся, ходишь по кругу. Все равно что лето напролет провести взаперти в бунгало. На судне невозможно уединиться, открыть иллюминатор и прогуляться или хлопнуть дверью, сбежав от всех. Вокруг вода, одна вода, километры воды. Чем дальше я смотрю на *Blu*

Castello, тем яснее осознаю чудную очевидность: самые богатые люди этого мира меняют свободу на роскошные тюрьмы, которые сами себе купили за миллионы, по одной простой причине: если ты миллионер, глупо ходить на пляж пешком, ночевать в кемпинге, пытаться заснуть, когда у соседей плачет ребенок, и нюхать запах жареных сосисок. Вот они и покидают остров – отправляются в изгнание. Лично мне нравится, что аристократы отправились в добровольную ссылку на воде, пусть даже при этом их яхты-тюрьмы заслоняют остальным пейзаж.

Девчонка вылезла из шезлонга, сделала три шага, сказала три слова предкам, перешла к другому борту, левый-правый, левый-правый, левый-правый, и вернулась на место.

Не хотела бы я оказаться на ее месте. Даже если ее родители обожают друг друга. Может, деньги хоть в этом помогают?

*Я обманул
Ты обманываешь
Он/Она обманет*

Мама спит, папа наблюдает.
Как можно обманывать?
Того, с кем живешь. И продолжать жить с ним?
Получается, человек обманывает, потому что сам обманут?
Женщиной, жизнью, мечтами?
Неужели жизнь и меня обманет?
И я тоже однажды кого-нибудь обману?

42

20 августа 2016

Полночь

– Ты?

– Ждала кого-то другого?

Клотильда не знала, как поступить: ответить на вопрос или завывать от разочарования.

Они стояли лицом к лицу перед хижинкой, привыкшись, как боксеры на ринге.

Собака и волк

Дичь и хищник

Воровка и жандарм

Жена и муж

Она и Франк

Клотильда справилась с изумлением и попыталась собраться с мыслями, разлетевшимися, как перепуганные выстрелом воробьи. Получив ответ на вопрос «кто?», она сосредоточилась на «как?».

Как Франк узнал, что она здесь? Что она будет здесь, ведь проследить, не обнаружив себя на пустоши, невозможно? Значит, муж ждал их у затерянной в зарослях хижины, то есть знал место свидания. Она вспомнила, что он спал, сопел, даже храпел, когда она час назад на цыпочках смывалась из кемпинга. Он притворялся. Ее муж все подстроил.

Франк атаковал первым:

– Твой чай остынет. Ты оставила чашку на столе, когда уходила.

– Что ты здесь делаешь?

Он саркастически расхохотался:

– Ну нет, Клотильда, на этот раз ничего не выйдет, мы не поменяемся ролями.

– Что ты здесь делаешь? – повторила она.

– Прекрати, Кло... Когда вора ловят с поличным, он не спрашивает, как полицейский патруль оказался в нужном месте в нужное время.

– Мой муж – не полицейский! Скажи, как ты узнал?

– Следил за тобой.

– Чушь! Придумай что-нибудь получше!

Франк на секунду растерялся, словно не знал, что делать – молча уйти или взорваться. Он взял себя в руки.

– Пожалуйста, Клотильда...

– Что – пожалуйста?

– Ладно, хочешь расставить все точки над «i»? Вперед! Моя нежная супруга весь день получает сообщения и отвечает на них; моя милая женушка придумывает тысячи предлогов – в том числе

посещение могилы родителей! – чтобы встретиться с любовником. Времени голубкам не хватает, и она ждет, когда муж заснет, и бежит сюда сломя голову, чтобы провести ночь в чужой постели.

– Так ты решил меня застукать?! – взорвалась Клотильда. – Письмо, которое я нашла на лобовом стекле, написал ты? Взял за образец первое?

Франк вздохнул:

– Если тебе так нравится, можешь считать, что это я с самого начала принимаю обличия... твоего мужа, отца твоей дочери, твоей воскресшей матери... Твоего любовника. А переписка с Наталем Анжели в мессенджере – это тоже я?

Франк залез в ее телефон! Он даже не стал отпираться.

– Знаю, я тебя разочаровал, Кло, но ты сама виновата. Никогда не думал, что сделаю нечто подобное. Да, я шарил в твоём телефоне и прочел сообщения этого Анжели.

«Он мне за это заплатит! – пообещала себе Клотильда. – Обязательно заплатит. Когда-нибудь...»

Франк схватил жену за руку и с силой потянул за собой. Она упиралась, оглядывалась на зыбкий силуэт хижины. Орсю исчез, растворился во тьме.

Так просто она не сдастся.

– Ты не мог проследить меня сегодня вечером, Франк. Никто бы не смог, я обязательно заметила бы свет. Тебе было известно, куда я собиралась, поэтому ответь: ты написал письмо, чтобы завлечь меня сюда? Если да, то... – Клотильда чувствовала, что вот-вот сорвется. Кто-то хочет свести ее с ума. И ему это удастся. – Я должна знать, ты автор письма или моя мать!

Франк был ошеломлен, он почти испугался. В сумраке ночи они напоминали актеров старого черно-белого кино.

– Прекрати немедленно, Клотильда! Опомнись! Я собираюсь бросить тебя, потому что стоит мне отвернуться, и ты кидаешься в объятия чужого мужика, а ночью прыгаешь к нему в койку. Валу, слава богу, ничего не знает и спокойно спит дома. Проклятье, ты все разрушаешь! Ладно – мы все разрушаем, здесь и сейчас, а тебя интересуется только твоя мать. Хуже – ее призрак! – Он попытался рассмеяться. – Я знаю, некоторые мужчины разводятся с женами,

потому что у их тещ ужасный характер... Но не из-за призрака тещи, будь он неладен!

Франк снова дернул Клотильду за руку, вынуждая ее двигаться, и домика пастуха как не бывало.

– Ты больше ничего не хочешь сказать, Кло? Забудь о мертвых! Вспомни о дочери, раз уж я тебя больше не интересую.

И тут Клотильду осенило.

Мужчина, который сейчас сурово отчитывает ее, ругается, орет, – чужой человек. В тот вечер, когда они познакомились, Франк был в костюме Дракулы. Это он ее клеил, он захотел на ней жениться. Он захотел остаться. Она много лет просто соглашалась на его присутствие рядом с собой.

Принимать, улыбаться, молчать.

– Мне не плевать на семью, Франк, я растеряна. Понимаешь? Растеря-на! И сейчас все тебе выскажу. Да, я думаю, что моя мать жива. Хотя знаю, что этого не может быть... Я не осмеливалась поделиться с тобой, Франк... Я знаю, кто убил родителей, кто испортил «фуэго», кто...

– Да мне насрать, Клотильда! – заорал Франк. – На аварию, на твоих родителей – они мертвы уже двадцать семь лет, – на твоего брата, которого я никогда не видел. Я готов взорваться от мысли, что ты целовалась с другим мужиком, что он тебя лапал, а в этой хибаре вы собирались... собирались... завалиться в койку! Я не смирюсь, не прощу. Просто не могу, Кло. Ты все испортила, когда решила сюда вернуться. Ты все вокруг себя разрушаешь!

Остальной путь они проделали молча.

Осунувшийся Франк и Валу сидели за столом. Перед отцом стояла чашка кофе, свежая как роза дочь поглощала кукурузные хлопья с шоколадным молоком, посматривая на яичницу-глазунью и апельсиновый сок.

Клотильда стояла у раковины. Франк сделал глоток кофе и заговорил:

– Хочешь хорошую новость, Валу? Мы можем плавать на 470-й, той яхте, что я зафрахтовал, два-три дня, а не один. Даже неделю.

Валу расковыряла вилкой желтки и спросила:

– Неделя втроем на яхте?

– Вдвоем. Мама останется на берегу. Мы будем делать остановки в Аяччо, Портиччо, Проприано... И в бухтах, доступных только с моря.

Девочка вытерла тарелку хлебом и, не попросив уточнений, достала телефон: точь-в-точь генеральный директор, которому потребовалось срочно отменить все дела, назначенные на ближайшие дни.

Клотильда ходила по бунгалю, складывала в рюкзак Валу теплые вещи, лекарства, зубные щетки, крем от загара, любимое печенье дочери, любимые бисквиты Франка – в количестве, достаточном для двоих. Она играла роль идеальной жены, предупредительной и заботливой, но поможет ли это все исправить?

Кретинка!

С чего она решила, будто сегодня «играет роль»? Много лет те же действия были привычными и естественными.

Франк встал.

– Идите, я сама все уберу.

08:57

Их ждал принадлежащий кемпингу минивэн. Франк с Клотильдой несли к стоянке тяжелые рюкзаки. Валентина шла следом, глядя на экран мобильного, как будто загрузила в него GPS-приложение, которое не давало ей потеряться на территории.

Франк бежал.

Смывался, драпал, уплывал с тонущего корабля в открытое море на шлюпке. «Что я делаю? – подумала Клотильда. – Притворяюсь, что не изменяла ему? Не сама заварила кашу?» Она не чувствовала себя виноватой. Казалось, все случившееся было запрограммировано много лет назад, а она – игрушка в чьих-то руках. Франк за ней шпионил, скрыл часть правды и мог легко все подстроить – и документы из сейфа забрать, и накрыть тот проклятый завтрак. Франк хотел свести ее с ума. Вчера не дал встретиться с матерью, сегодня крадет у нее дочь. Корит ее за то, что сбежала на несколько часов ради встречи с Наталем, а теперь собрался исчезнуть на несколько дней в неизвестном направлении.

Франк сказал: «Нужна пауза, чтобы все обдумать. Чтобы защитить Валу...» – и Клотильда не стала спорить. Именно этого она

сейчас хотела, ей нужно время на расследование.

Шофер по имени Марко уже стоял рядом с минивэном.

– Надо идти...

Клотильда расцеловала Валентину, подошла к мужу и спросила, сделав лицо жалкой идиотки:

– Вы мне позвоните? Обещаете?

– Если в Бермудском треугольнике будет сигнал, – откликнулась Валентина, не отрываясь от экрана.

Машина исчезла в конце дороги. Франк договорился с Червоне Спинелло, что их отвезут в порт Кальви, к 470-й, а «пассат» оставил Клотильде. Единственные слова, которые он утром сказал жене, касались машины: документы в ящике для перчаток, уровень масла нормальный, шины подкачаны, ключ от бензобака там-то. Клотильда слушала вполуха – она прекрасно знала устройство двигателя, а Франк играл роль мужа, оскорбленного в лучших чувствах, но ведущего себя с достоинством.

Ее альтер эго мужского пола.

Такой же глупый. Ну поциничней, раз напоследок показал, как откидываются спинки сидений.

По дороге на Кальви ехали семьи в легковых машинах и кемпинг-карах, и у Клотильды комок стоял в горле, хотя она не впервые расставалась с мужем и дочерью. Каждую субботу Франк водил Валу на баскетбол. Их не было несколько часов (не дней!), а она «сбегала» – не с любовником, с книгой.

Клотильда стояла и думала об отце: за несколько дней до аварии у скал Петра Кода он тоже ушел в море на паруснике – во всяком случае, так ей рассказывали – и вернулся в День святой Розы, 23 августа.

Послезавтра...

Кто-то тронул Клотильду за руку, она обернулась и увидела Червоне Спинелло. Он дал указание Марку и согласился оказать услугу Франку.

– Не грусти, Клотильда, тебе повезло. Франк взял Валу с собой, а другой мужик смылся бы, оставив ребенка на жену.

– Проехали, Червоне...

Он не обиделся. Не отпустил ее руку. Клотильда закусил губу – она ни за что не разнюнится перед этим гадом! Не хватало, чтобы он

подавал ей носовой платок. Разговаривать с ним она в любом случае не станет. Ей вдруг пришло в голову, что она с самого утра не видела в кемпинге Орсю. Куда он пропал после ночной вылазки? Конечно, можно спросить у Червоне, но она не собирается откровенничать с директором кемпинга.

– О Якобе Шрайбере по-прежнему ничего не слышно?

– Нет, – ответил Червоне. – Если старик не объявится до вечера, я сообщу в жандармерию.

«А почему ты до сих пор этого не сделал? – подумала Клотильда. – Вы ведь приятели с капитаном Кадна...» Вслух задать вопрос она не успела.

– Звонила твоя бабушка Лизабетта, она была в панике и сказала, что дедушка Кассаню хочет увидеться с тобой. Как можно скорее.

– В Арканю?

– Нет... – Спинелло выдержал драматическую паузу и закончил: – Наверху. Там. – Он кивнул в сторону Капу ди а Вета, на пухлые облака.

Клотильда проследила за его взглядом и заметила крошечный черный крест на фоне неба. Чистые, легкие воспоминания, подкравшиеся к ней, как дар свыше, спугнула глумливая реплика Червоне:

– Если безумный старик не полетит на вертолете, а потащится пешком, он точно сдохнет у подножия этого креста.

43

*Вторник, 22 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо голубое, как Земля из космоса*

Ку-ку, мой конфидент, проснулись?

Вы в форме? Можно начинать рассказ о моих снах и утренних кошмарах? Очень раннеутренних! Если скажу, который час, вы обалдеете.

Помните мою миссию, мой договор с Наталем о поцелуе в щеку, если удастся уговорить дедушку Кассаню? Я сдержала обещание,

попросила о встрече – деловой! – и дед согласился. Назначил время и место: Арканю, 05:00 утра!

Я никогда не встаю раньше двенадцати...

Пять утра? А вот и не слабо. Я явилась вовремя, не зная, что меня ждет.

Должна сказать, мой мудрый, неболтливый читатель, что переживаю во время этих каникул потрясающие эмоции. Каждый день мечется между худшим и лучшим: враньем взрослых – и плаванием с дельфинами. Сегодня чувствую себя легкой и свободной, захочу – оседлаю облако или поймаю за хвост королевского орла.

Ладно, сказала «а», придется выложить все до конца.

В пять утра, задолго до восхода солнца, дедуля ждал меня во дворе Арканю, у подножия зеленого дуба, с палкой в руке и биноклем на шее, который он тут же перевесил на меня.

– Смотри. – Он указал на горную гряду на юге, выше Нотр-Дам де ла Серра.

Крест!

Или то, что от него осталось.

– Побеседуем под крестом, Клотильда. Готова?

Он ухмыльнулся, глядя на мою толстовку *Guns 'N' Roses* и кеды.

Я сделала вид, что ничего не заметила, и этак небрежно пообещала:

– Буду ждать тебя наверху...

Сдулась я очень скоро.

Семьсот три метра... от уровня моря!

Четыре часа мы поднимались по отлогому склону, который постепенно становился все круче, а последние безумные двести метров карабкались на четвереньках, как муфлоны. В полной тишине. Вообще-то дед молчал практически всю дорогу, даже во время короткого привала, когда мы остановились поесть сыра и копы, в тот самый момент, когда солнце выплыло из-за Корсиканского мыса. Толкиновский пейзаж – огромное огненное кольцо поднимается над длинным иссушенным пальцем.

Сейчас я уже успокоилась. Сердце бьется размеренно, ноги перестали дрожать и не скользят по осыпи, голова не кружится. Я сижу под крестом. Как только мы добрались, дед сказал, что его называют Крестом австрияков, потому что первыми покорили вершину

альпинисты из Вены, пятьдесят лет назад. Поставили крест в 1969-м, и за два десятилетия он здорово пострадал от непогоды. Мне показалось, что любой порыв ветра может сорвать его с места и унести прочь.

У дедули Кассаню Крест австрияков вызывает ухмылку, он говорит, что местные корсиканцы забирались на Капу ди а Вета задолго до парней из Вены. Ему самому не было и восьми, когда он в первый раз дошел до вершины с Панкрацием, моим прадедушкой.

Я понимаю зачем.

Это нелегко объяснить словами, но, оказавшись наверху, на маленьком каменном куполе, где мы сейчас сидим, чувствуешь себя... властелином мира. Ветер гудит в ушах, напевает, бормочет: «Ну же, оглядитесь вокруг, насладитесь видом, невысказанной красотой, сотворенной гигантами. Или детьми. Знаете, как дети лепят из пластилина?»

Я чувствую, что парю, мне кажется, мы с дедом одни-одинешеньки на горе. Во время подъема он останавливался каждые двадцать метров и ждал меня, а сейчас совсем не выглядит усталым. Ему я могу рассказать все что угодно.

Вы теперь хорошо меня знаете и понимаете: я себе не отказала.

– Вот что меня удивляет, дедушка: все здесь тебя боятся. А я думаю, ты добрый.

«Операция Белуга». Дело прежде всего. Нужно его умаслить...

– Злой. Добрый. Это всего лишь слова, детка. Из добрых побуждений можно устроить катастрофу, испортить собственную жизнь и даже убить.

Убить?

Запишу в дневник и подумаю об этом в выпускном классе, на занятиях по философии.

Я повернула голову, чтобы полюбоваться пейзажем, напоминающим жеод^[152], виденный мной в Городке науки и индустрии^[153] (это был лицейский «визит года»!).

– Дед, где проходит граница участка, который тебе принадлежит?

– Нам принадлежит, Клотильда. Ничто никогда не принадлежит одному человеку. Что бы он стал делать с этим добром? Попробуй представить себе богатейшего богача за всю историю мира. Кто бы это мог быть? Человек, устранивший всех вокруг и живущий один, среди

произведенных другими бесценных вещей? Он станет не только самым богатым, но и самым бедным обитателем планеты – ведь сравнивать будет не с кем. Для разговора о богатстве нужны как минимум двое. Смотрела когда-нибудь вестерн? Герои, супруги-поселенцы, строят дом посреди пустыни. Растет семья, умножается богатство, рождаются дети, появляются внуки. Земля, дом, память – нужно их передавать по наследству. Говоря абстрактно, богатство должно быть достоянием племени, рода, всех, кто когда-либо помогал друг другу. Богатство принадлежит острову, стране, всему миру, если человечество способно быть единым, как муж и жена, семья, род. – На этих словах дедуля посмотрел мне в глаза. – К несчастью, не получается. И никогда не получится, и мы должны защищать то, что нам принадлежит. Мы – хранители равновесия между эгоизмом каждого человека и безумием мира. Таков мой ответ, детка, вот все, что нам принадлежит.

Дед обвел пальцем почти весь полуостров Ревеллата до маяка, кемпинга «Эпрокт» и пляжа де л'Альга, чуть задержавшись у Кальви на севере и скал Петра Кода на юге. Он объяснил, что несколько сотен квадратных метров побережья принадлежат Агентству по защите и обустройству прибрежных территорий и океанологам, работающим в *Stareso*. Странно, почему он не упомянул анклав Пунта Росса, который его отец завещал родителю Наталя, и холмы над пляжем Ошелучча, где взорвался недостроенный курортный комплекс «Скала и Море».

Моя голова-жеод начинала новый оборот.

Сто девяносто градусов. Вид на вершину Монте-Чинто – самую высокую гору Корсики, две тысячи семьсот шесть метров. Если мерить от вершины пика до дна впадины в Средиземном море, глубина которой составляет сотни метров, – той самой, откуда на поверхность поднимаются любимые лакомства дельфинов, – получится больше трех тысяч пятисот метров. Почти Альпы!

– Я люблю тебя, дедуля. Ты сейчас выступал, как киногерой. Смотрел фильмы о крестных отцах, стоящих на страже интересов клана?

– И я тебя очень люблю, Клотильда. Ты не разбавишь свою жизнь – не позволят принципы и честолюбие. Но...

– Но что?

– А ты не обидишься? Не бросишь меня тут одного? Не рванешь вниз?

– Ответь.

– Ты не корсиканка! Не настоящая корсиканка. У здешних женщин не принято нашивать черепа на черные платья. Они сдержанные и молчаливые. Дом – вот их царство, над остальным властвуют мужчины. Я люблю именно таких женщин. Знаю, эти слова возмутят тебя, моя маленькая бунтарка, но таков уж я есть. То, что ты олицетворяешь, выше моего понимания, Клотильда, хотя я тоже люблю свободу больше жизни. Доведись мне родиться на сорок лет позже, наверное, женился бы на подобной тебе...

– Папа так и поступил!

– Нет, детка, нет. Пальма на тебя не похожа. – Кассаню помолчал. – Ладно, выкладывай, что хотела спросить.

Сорок пять градусов. Вид сверху на Балань – «сад Корсики»^[154]; она простирается от Кальви до Л'Иль-Рус. Включив воображение, угадываешь очертания Агриате^[155] и порта коммуны Сен-Флоран у подножия Корсиканского мыса. Я смотрю на море – собираюсь с духом, прежде чем нырнуть, задержав дыхание, и начинаю объяснять. Дельфины – Орофин, Идриль и их детеныши, Наталь, который умеет с ними разговаривать; два причала, один для «Ариона», второй для корабля побольше, заповедник прямо в море, а на берегу – терраса и буфет... Я умолкаю. О доме для дельфинов и архитекторше Наталья поговорим позже.

Дедушка слушал молча.

Триста двадцать градусов. Прямо по курсу Ревеллата. Отсюда полуостров похож на спящего крокодила! Клянусь вам. Серо-зеленая кожа, мыс Ошелучча – толстые лапы, рыло лежит в воде, это оконечность полуострова. Тысяча белых скал выстроилась в линию, как зубы, а маяк напоминает пуговицу носа.

Дед наконец-то улыбнулся и спросил:

– Что особенного в этих дельфинах?

Я ждала чего угодно, только не этого! Попыталась объяснить, что почувствовала на «Арионе», когда нырнула и плавала с чудесными существами. Ему передалось мое волнение – при одной мысли о дельфинах у меня на глазах выступают слезы. Я искренна, и это видно.

– Скажи «да», дедуля, прошу тебя. Скажи «да» – и все, кого Наталь познакомит со своими любимцами, будут счастливы, он хочет поделиться сокровищем.

Черт, все пропало! Нельзя было ставить рядом слова «сокровище» и «поделиться». Дед заговорил, как седобородый мудрец, словно решил превратить мой дневник в колдовскую книгу:

– Понимаешь, девочка, с начала времен люди либо зарятся на сокровище, либо обладают им, либо охраняют – будь то женщина, алмаз, земля или магическая формула. Люди тоже бывают трех сортов: ревнивцы, эгоисты и хранители. Никто не делится сокровищем. Никто, Клотильда...

Сначала мне очень нравились дедулины рассуждения, но теперь меня укачало. Не в обиду ему будет сказано, не вижу особой разницы между эгоистами-собственниками и хранителями, не желающими делиться. Кассаню это знать необязательно, у меня есть идея, как заставить его реагировать.

– Как скажешь, дедушка. Но знаешь что? Ты, как и все корсиканцы, не любишь море. И дельфинов тоже не любишь. Не смотришь в ту сторону, на горизонт. Если бы корсиканцы и правда любили море, они не уступили бы его итальяшкам на яхтах.

Он засмеялся.

Последняя фраза была явно лишняя. Идиотская, зато теперь Кассаню не разозлится.

– Мне нравятся твои слова, Клотильда, но ты ошибаешься. Насчет корсиканцев и Средиземного моря. Я не всегда был пастухом. Пять лет служил в торговом флоте, три раза ходил в кругосветку...

Сработало!

Двести пятьдесят градусов. Кажется, я вижу заповедник Скандола^[156] и бухту Жиролата, где скалы краснеют, а скопы строят на стенах бастиона гнезда, похожие на дозорные башни.

– Посмотри на Арканю, Клотильда. А теперь переведи взгляд на море и утесы Петра Кода. Самые высокие – не выше тридцати метров. Когда я был в твоём возрасте, все молодые корсиканцы – те самые, которые, по твоему мнению, боятся воды, – прыгали оттуда. Я был самым бесстрашным. Мой рекорд – двадцать четыре метра. С возрастом начал выбирать скалы пониже. Пятнадцать метров... Десять... Но я плаваю так часто, как могу, от утесов Петра Кода до Тюленьего Грота, а иногда и до Пунта Росса. Отказаться от моря все равно что отречься от своей молодости.

– Ну так соглашайся, дедуля, ради дельфинов, моей молодости, ради меня.

Он улыбнулся:

– Ты никогда не сдаешься, внучка? Из тебя выйдет хороший адвокат. Обещаю подумать. Дай мне немного времени. – Дед расхохотался во все горло, а потом покачал головой: – Все происходит слишком быстро. Женщины меняются и требуют права голоса. Дельфины тоже меняются и болтают с рыбаками. Не хочу, чтобы моя Корсика менялась так стремительно...

– Значит, да?

– Пока нет. Есть один момент, которого ты не коснулась, дорогая. Тень креста падает на нас.

– Я не знаю, можно ли доверять этому Наталю Анжели.

* * *

– Ты получил ответ, дедуля, – пробормотал он сквозь зубы. – Получил. Но не тот, которого ждал.

44

21 августа 2016

– Ты пропустила рассвет, Клотильда, а в пятнадцать лет была ранней пташкой.

Кассаню сидел под семиметровым крестом, установленным на вершине Капу ди а Вета. Он напоминал паломника, дотащившего свой собственный крест до крыши мира, чтобы водрузить его, выкопать рядом яму и похоронить себя в ней.

Клотильда не ответила деду. Она пыталась отдышаться после четырехчасового восхождения на гору, изумляясь, как девяностолетний старик живым добрался до вершины. У нее сил совсем не осталось.

Она выдохлась и... разнервничалась! От красоты пейзажа замирало сердце, ветер разносил ароматы мастиковых деревьев, цедрата и диких фиг, но Клотильда не замечала ничего вокруг. Она

мучилась вопросом, была вчера мать в пастушьей хижине или нет, и горько сожалела, что не решилась постучать в дверь, когда появился Франк и испортил волшебство момента.

Как Пальма могла выжить?

Есть всего три варианта.

Ее не было в «фуэго»...

23 августа 1989 года, садясь в машину, Клотильда видела отца за рулем, мать – на пассажирском месте и Николя на заднем сиденье. Они улыбались друг другу, разговаривали. Нет никаких сомнений – семья Идрисси уехала из Арканю в полном составе.

Ее мать вышла из «фуэго» до аварии...

Но машина не останавливалась, только слегка притормозила на спуске, а от овчарни до утесов Петра Кода всего несколько километров, и Клотильда не спала. Она хорошо помнила, как отец в последнюю секунду перед падением взял мать за руку...

Ее мать выжила...

Последняя гипотеза была единственно возможной, пусть даже «фуэго» трижды ударился о камни, убив трех пассажиров. Клотильде показали их изуродованные тела, но она была в шоковом состоянии и мало что понимала. Неужели мама жива? Мог ли врач «скорой помощи» сотворить чудо? Если да, зачем было объявлять ее погибшей? Вряд ли реаниматологи спасли пациентку и никому ничего не сказали... Даже дочери. С какой стати превращать девочку в сироту? Чтобы защитить мать? Получается, убить хотели именно Пальму? Бред! Клотильда перестала понимать, во что верить. Червоне соврал насчет Николя и обстоятельств аварии или сказал правду? Ее муж Франк ведет немислимую двойную игру? Наталь действительно видел призрак матери? Что известно Кассаню? Кто с самого начала дергает за ниточки?

Поднимаясь к кресту, Клотильда вела себя как подросток, которого родители силой вытащили на прогулку: не расставалась с телефоном и пыталась дозвониться трем людям.

Франк не отвечал, так что Клотильде оставалось ругаться с автоответчиком.

С Наталем она поговорила, но «ловец грез» наотрез отказался присоединиться к ней на Капу ди а Вета. «Нет, Кло, исключено, я

целый день на работе. У Аурелии сегодня ночное дежурство, так что вечером, если можешь и хочешь...»

Ладно, до вечера, мой рыцарь...

Клотильде показалось, что Наталь отказался из-за Кассаню. Да, ее пират не похож на бесстрашного горца, может, даже трусоват.

Бояться нечего. Дед выглядел вполне неплохо, но неизвестно, сможет он подняться на ноги после этой безумной эскапады или так и останется сидеть у креста.

На середине пути Клотильда сделала последний, самый неожиданный звонок, и ей сразу ответили на почти безупречном французском с едва различимым немецким акцентом.

– Клотильда Идрисси? *Mein Gott*^[157], как неожиданно – снова слышать вас после стольких лет.

Странно, но Герман Шрайбер не слишком удивился звонку.

– Вчера звонил отец, – объяснил немец. – После вашей встречи. Мы поговорили о знаменитом лете восемьдесят девятого.

Он говорил ей «вы», и тон был неприятно властным. Интересно, Герман помнит свое прозвище? Клотильда не без труда справилась с желанием назвать его Циклопом.

– Вы помните то лето?

– Да, все фамилии, имена и лица. Оно для всех оказалось довольно... мучительным. Согласны?

Особенно для меня, кретин!

Клотильда решила не ходить вокруг да около и в нескольких словах изложила «откровения» Червоне Спинелло насчет Николя и ослабленной гайки. Герман удивился и как будто не поверил, помолчал и произнес с пафосом в голосе:

– Значит, погибнуть должны были мы. Все пятеро. Николя, Мария-Кьяра, Аурелия, Червоне и я. В полночь мы собирались сесть в машину ваших родителей и поехать в ночной клуб. – Он задумался. – Это многое меняет. Как в фильме «Пункт назначения»^[158]. – Еще одна пауза. – Да, пропасть ждала нас. Почему все сложилось иначе, знаете вы одна. Почему тем вечером ваш отец передумал, Клотильда? Что заставило его повезти семью на концерт?

– Я... я не знаю.

– Нет ничего случайного. Постарайтесь вспомнить – и обязательно найдете объяснение.

Тон Германа был повелительным. Так говорят люди, привыкшие, чтобы им подчинялись. Клотильда догадывалась, что последние двадцать семь лет он унижал окружающих, как когда-то поступали с ним. Но немец прав, значение имеет только ключевой вопрос: почему отец изменил программу вечера 23 августа? Объяснения этому нет. Колодец ее памяти безнадежно пересох. Возможно, ответ нашелся бы в дневнике, куда она что-то записывала, сидя на скамейке во дворе овчарни Арканю? Не исключено, что воспоминания спрятаны в тетрадке, которую ей так и не вернули (кстати, почему?). Впрочем, Клотильда тогда была пятнадцатилетней девчонкой – ревливой, обиженной, любившей приврать, в том числе в записях.

– Версий хватает, – продолжил Герман Шрайбер. – На Корсике все непросто – земля и семья, жизнь и смерть, деньги и власть. Для начала ответьте себе на вопрос, можно ли доверять Червоне Спинелло? Вы нашли других свидетелей? Из числа тех пятерых? Думаю, все они живы?

«Кроме Николя... – подумала Клотильда. – Циклоп остался королем бестактности...»

– Я повидалась с Марией-Кьярой.

Герман расхохотался, оценив ее шпильку.

– Она ужасно мне нравилась! Но я тогда был полным болваном и считал, что девочку можно соблазнить, цитируя Гете и играя на скрипке Листа. Вообще-то мне следовало бы поблагодарить Марию-Кьяру: чтобы нравиться таким, как она, пришлось здорово потрудиться. Я говорю о красотах. – Еще один смешок. – Моя жена внешне напоминает Марию-Кьяру, но она блондинка. И не певичка из телешоу, а сопрано Кельнской оперы.

Клотильде захотелось прекратить ставший вдруг неприятным разговор. Почему, повзрослев, люди с наслаждением обгаживают все, что когда-то любили?

– Ладно, Герман, простите, что отняла время...

– Подождите, Клотильда, у меня появилась идея. Вам нужно еще раз встретиться с моим отцом. Он много лет не только фотографировал, но и разговаривал со всеми обитателями кемпинга. Думаю, он выстроил собственную теорию. После несчастного случая с

вашей семьей его что-то беспокоило, но говорил он об этом только с моей матерью, Анке.

Клотильда не решилась сказать, что со вчерашнего дня о Якобе Шрайбере никто ничего не слышал. Она почувствовала себя трусливой мерзавкой, а Герман между тем продолжал:

– Я иногда беспокоюсь за моего старика. У нас вилла на острове Паг, в Хорватии, чудесный бассейн, внуки всегда с нетерпением ждут там старого упрямца, но он предпочитает проводить лето на Корсике – в одиночестве.

Высокомерный тон Циклопа снова вывел Клотильду из себя. Вряд ли кто-нибудь в его окружении может даже представить, каким боязливым подростком был Герман Шрайбер. Он «зачистил» пространство и переписал историю своей жизни. Клотильду так и подмывало назвать его старым прозвищем и напомнить истинное лицо прошлого, но немец не оставил ей времени.

– Идите к моему отцу, – повторил он. – Он не расставался с фотоаппаратом и всю жизнь насаживал на булавку прошлое, как другие – бабочек. Этаким шпион с объективом, щелкающий все необычное. Камера была его единственным глазом, хотя Циклопом дразнили меня!

– Присядь, Клотильда. – Старик отдышался и кивнул на ближайший камень.

Голос Кассаню вывел ее из задумчивости. Ничего, позже она вернется к вопросам Германа Шрайбера.

Стоявшая далеко внизу, на северной стороне, цитадель Кальви казалась игрушечной по сравнению с городом, расположившимся на холмах Балани. Последний раз Клотильда видела этот пейзаж двадцать семь лет назад.

Кассаню задрал голову, взглянул вверх и спросил твердым голосом:

– Ты помнишь тот крест, что стоял здесь в восемьдесят девятом, детка? Дерево сгнило, гвозди проржавели, тогда и водрузили новый, потом еще один, а меньше трех лет назад – нынешний. Австрияки очень последовательные люди.

– Почему ты назначил встречу на горе?

– Из-за этого... – Старик обвел рукой окрестности.

Клотильда узнала «спящего крокодила». Побережье, от Л'Иль-Рус до Кальви, от мыса Ревеллата до Балерин, напоминало отстроченную белой нитью кромку, шнурок, четкую линию, проведенную рукой мастера. Она знала, что это иллюзия и все дело в масштабе, что в действительности землю пересекают на части белые и острые, как тысяча ножей, скалы, вдающиеся в море.

– Из-за этого? – повторила Клотильда.

– Да. Я хотел последний раз насладиться красотой вместе с тобой. Называй наше семейное собрание в узком кругу, как тебе больше нравится, благословением или передачей дел. Ты наша единственная наследница по прямой, Клотильда. Все это... – он кивнул на расстилавшийся перед ним пейзаж, – однажды станет твоим.

Клотильда не стала отвечать. Подобное наследие казалось нереальным, далеким, чуждым ее жизни, сейчас у нее есть дела поважнее. Она не станет провоцировать деда вопросом о том, кто и зачем повредил «фуэго», правильной будет придерживаться плана. Сначала проверка, потом объяснения. Именно так поступают хорошие адвокаты. Она узнает, говорил ли Червоне Спинелло правду, и только после этого обвинит своего брата Николая. Для этого ей нужен Кассаню.

– Считаешь, очень умно в твоем возрасте пускаться на подобные подвиги? – тоном разгневанной сиделки поинтересовалась она.

– Какой же это подвиг? Я читал, что один японец залез на Эверест в восемьдесят лет, его отец в девяносто девять съехал на лыжах с Монблана, а тут всего-то козья верхушка...

Голос старика сорвался, он закашлялся – видимо, устал больше, чем хотел показать.

– Впервые я поднялся сюда в тридцать пятом, а начиная с тридцать девятого делал это по несколько раз на дню – помогал партизанам, снабжал их продуктами, оружием, боеприпасами. Мы здесь, на Корсике, первыми вышибли нацистов вон, еще до высадки в Нормандии и без помощи американцев! Стали первым освобожденным департаментом Франции, вот только авторы учебников истории об этом забыли. Тебе было пятнадцать, когда ты впервые поднялась на гору. Помнишь? Ну конечно, помнишь, это было как раз перед...

Он не закончил фразу. Клотильда помнила – разве такое забудешь! На шее бинокль, в сумке бутерброд с броччио, встает солнце, в небе летают соколы-сапсаны. Кассаню тогда казался ей пожилым, но был прочен, как скала.

Она окинула взглядом крест: отлакированное дерево растрескалось, шляпки гвоздей ржавые. Дед увидит его сменщика... Возможно.

– Лизабетта с ума сходит от беспокойства.

– Она уже шестьдесят лет беспокоится...

Клотильда улыбнулась.

– У меня есть к тебе вопросы.

– Кто бы сомневался.

Клотильда посмотрела вниз. Побережье представляло собой череду полуостровов, серых щупалец, поросших мхом. Казалось, будто какой-то бог отрастил их, создав множество тайных бухточек, якорных стоянок и таможенных троп. Алчный бог, предусмотревший будущую выгоду.

На востоке, ближе к морю, стояли бунгало кемпинга «Эпрокт», неподалеку находился фундамент комплекса «Скала и Море», павильон «Тропи-Каллисте» отбрасывал тень на пляж Ошелучча.

– Когда мы были тут вдвоем в прошлый раз, Кассаню, под оливами стояли палатки, к пляжу вела узкая тропа, на воде покачивался рыбацкий баркас, а в заливе Ревеллата плавали дельфины. Как ты мог пустить сюда Червоне Спинелло с его бетоном? Он рассказывает всем и каждому, что «всемогущий Идрисси ест у него с руки»!

Кассаню не обиделся.

– Это очень сложно, детка. За эти годы все изменилось, но ответить я могу одним словом. Деньги, Клотильда. Дело в деньгах.

– Не верю! Тебе плевать на деньги. Найди другое объяснение, чтобы я поняла, почему павильон Червоне не сгорел, а фундамент отеля не взорвался.

Старик ничего не сказал – ему было тяжело дышать.

Клотильда проверила телефон: сигнал есть, значит, службу спасения она вызвать сможет. Вертолет из Кальви долетит за пять минут. Она успокоилась и продолжила донимать деда, как будто разговор начался не двадцать семь лет, а двадцать семь секунд назад.

– Почему ты предпочел проекты мерзавца Червоне экологическому заповеднику Наталя Анжели? Ведь ты мне почти пообещал. Почти сказал «да». Ты изменил мнение, потому что он влюбился в мою мать? Покусился на честь семьи, приблизившись к жене твоего сына?

– Честь – то, что остается, когда все остальное потеряно, Клотильда.

Она обвела взглядом восемьдесят гектаров земли, принадлежащих Идрисси.

– Все потеряно? Но все-таки запас прочности существует, разве нет? Ты не ответил на вопрос, Кассаню. В клане Идрисси женщины не обманывают мужей. Это табу! Зато мужчины...

Она думала, что дед отреагирует, но он молча ждал продолжения.

«Ладно, дедуля, раз ты действительно хочешь, чтобы я разворошила ногой семейные тайны, получай!»

– Я больше не маленькая девочка и знаю, что папа изменял маме. Все были в курсе и шутили на эту тему. Чем хуже Наталь и Пальма?

– Дело в другом, Клотильда, – наконец отреагировал Идрисси. – Все началось раньше, задолго до твоего появления на свет. Твой отец не должен был жениться на твоей матери.

Приехали. Не прошло и двадцати семи лет, как выяснилась правда.

– Из-за того что она не корсиканка?

– Нет. Он был обещан другой девушке. До того как встретил твою мать, влюбился и все бросил ради нее.

– Та другая была корсиканка?

– Ее звали Саломе. Она принадлежала к нашему клану, фактически была членом семьи и хранила ему верность. Всегда. Женись Поль на ней, не уехал бы с острова. Твоя мать ему не подходила. Вот в чем причина, Клотильда! Ты заблуждаешься на ее счет.

Снова наступила тишина. Ветер отнес жестокие слова к вершине, а Клотильда вспомнила встречу со Сперанцей на кладбище Марконе.

Ты уж мне поверь, женщины на такое способны. Твоя мать околдовала твоего отца. Поймала в сети и унесла далеко-далеко от тех, кто его любил.

В ее памяти эти слова смешались с шуточками мужчин в баре «Эпрокт». Ей было пятнадцать, и она узнала о неверности отца.

Поль должен был жить здесь, если бы твоя мать его не убила. Жить здесь, понимаешь? Жить здесь. А он вернулся, чтобы умереть.

Кассаню шумно закашлялся, спугнув призраков прошлого.

– Все очень просто, милая. Твой отец не должен был жениться на твоей матери. Он об этом пожалел. Мы все знали, что так и случится. Но было слишком поздно.

– Для чего поздно?

Дед бросил на Клотильду сокрушенный взгляд:

– Родились вы. Ты и Николая.

– Ну и?..

Кассаню на секунду закрыл глаза, как будто не знал, стоит ли продолжать, но все-таки решился:

– И Пальма проникла в наш круг, как червячок в яблоко. Никто не мог предотвратить драму...

Драму?

Это он об аварии?

Сначала обвиняют ее брата, теперь взялись за мать?

– Не пытайся выяснить больше, – добавил Кассаню. – Мне жаль, Клотильда, но, несмотря на кровь и будущее наследство, ты не станешь до конца своей, потому что не живешь на острове. Есть то, чему невозможно научиться. То, что ты никогда не поймешь.

Клотильда хотела было возразить, но Кассаню знаком призвал ее помолчать.

– Ну вот, теперь ты смотришь на меня с жалостью, как будто я сейчас умру у подножия этого креста. Никто на острове, никто в клане не смотрит на меня так. Никто не называет дедулей.

Клотильда поняла, что больше ничего не вытянет из старика, но не расстроилась: она не за этим лезла на гору.

– Заметь, что я тоже больше не говорю «дедуля». Маленькая девочка, которая так к тебе обращалась, умерла 23 августа 1989 года на скалах Петра Кода. Ее семья погибла. Ее детство закончилось. В тот день умерло все. Знаешь, что нас сближает, Кассаню? В тот вечер мы оба утратили иллюзии. Я не прошу нарушить омерту. Жалость тоже ни при чем. Мне нужна от тебя услуга.

Темные глаза Идрисси блеснули.

– Какая?

– Оказать ее может только тот, кому не страшны полицейские, кто не боится сам вершить суд.

– А почему ты считаешь меня *таким* человеком?

– Может, я и не принадлежу к вашему клану, но одно знаю точно: вам не нравится официальное правосудие, вы не слишком доверяете префекту, нотариусам и жандармам...

Старый корсиканец ухмыльнулся:

– Я как мог всю жизнь пытался бороться с несправедливостью.

Клотильда приложила палец к губам:

– Тсс... Помнишь, что ты сказал на этом самом месте двадцать семь лет назад? Простую фразу, меньше двадцати слов: «Ты никогда не сдаешься, внучка? Из тебя выйдет хороший адвокат». Так и получилось. Ты признаешься в тот день, когда будешь нуждаться в моих профессиональных услугах, а до тех пор я ничего не хочу слышать об утонувших торговцах бетоном, взорванных виллах, неопознанном трупе, всплывшем в бухте Кровани, – если верить сегодняшним новостям, и грузовиках, сгоревших на дороге в Альгайолу вместе с грузом... Хоть мне и жаль, что в списке потерь нет Червоне Спинелло.

Еще одна веселая ухмылка. Возможно, вертолет вызывать не придется и Кассаню спустится с горы сам.

– Мне необходимо твое вмешательство, – доверительным тоном произнесла Клотильда. – Не совсем законное. Потенциально опасное. Хочу, чтобы ты вызвал к себе нескольких решительных мужчин. Вооруженных мужчин.

Кассаню изумил. Возможно, в жилах внучки все-таки течет немного его крови и она хоть полшага, но сделает внутрь родового круга.

– Вооруженных? Я старик и больше не имею влияния. Кого ты хочешь...

– Ладно-ладно-ладно... – Клотильда протянула деду телефон: – Не сомневаюсь, что тебе достаточно сделать пару звонков и набежит куча корсиканцев, готовых исполнить поручение.

– Смотря какое...

– Нейтрализовать охранника. Может, двух. Мускулистых, но без оружия.

Кассаню закрыл глаза. Представил себе эту сцену.

– Место действия?

– Это вызовет у тебя воспоминания. Павильон «Тропи-Каллисте», пляж Ошелучча. Не уверена, что ты видел афиши, но мне нужно подобрать к Марии-Кьяре Джордано.

– К этой шлюхе?

Значит, афиши он заметил...

– О чем ты хочешь ее расспросить?

– Мне нужна правда! – отрезала Клотильда. – Правда о смерти твоего сына. Моего отца. Моей матери и моего брата. Только Мария знает правду, которая неведома даже тебе.

Она не думала, что реакция будет такой сильной. Ей показалось, что Кассаню сейчас потеряет сознание. Он моргал, пыхтел, кашлял, медленно сползая на землю, как будто решил умереть на вершине, сложив руки крестом на груди назло австриякам.

Клотильда перепугалась и не знала, что делать, дала деду воды, сжала его пальцы, словно хотела удержать птицу-жизнь в своих ладонях. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Кассаню окончательно пришел в себя. Он словно бы все проанализировал, восстановил дыхание и схватил трость:

– Помоги мне встать, девочка. На спуск у нас уйдет не меньше часа. По дороге я воспользуюсь твоим телефоном и найду тебе вооруженных парней в масках.

45

*Вторник, 22 августа 1989 года,
шестнадцатый день каникул,
небо фарфорово-голубое*

We are the world. We are the children^[159].

Я – движение, и все вокруг – движение, я пою, держа за руку соседа, мы стоим вокруг костра на пляже де л'Альга и раскачиваемся, чтобы выразить общность возвышенных чувств. Николя находится в центре круга – наверняка надеется, что отсветы огня помогут ему

разобрать гитарные табулатуры^[160], в которых он мало что смыслит. Мой брат держит ритм, как умеет, воображая себя Марком Нопфлером, а Эстефан (его кумир Маню Катше^[161]) аккомпанирует ему на джембе.

Скоро полночь, с неба на нас смотрят Бетельгейзе и ее многочисленные подружки. Сегодня вечеринка благонаправных детей. Они жарят марשמеллоу, поют Боба Марли, ле Форестье^[162] и телехиты. *И вот настало время смеха и песен...*^[163]

Настало и снова отправилось в путь, это время «Острова для детей».

Сегодняшний праздник придуман, чтобы отвести глаза родителям и получше замаскировать завтрашнюю затею Николая – рейд в «Камарг». Туда отправятся только старшие и почти совершеннолетние. Вместо звезд там будут лазерные лучи, музыка в стиле техно и косячки, а малышня пусть довольствуется гитарными переборами и мармеладными мишками.

Нико решил прыгнуть из детства в зрелость ровно за сутки.

Чуточку слишком стремительно, согласны, мой доверенный читатель?

Они как будто не ведают, чем все закончится! Торопятся флиртовать, спят сначала с кем ни попадя, потом с одной-единственной, притираются друг к другу, женятся, занимаются любовью реже – раз в месяц, раз в год (в годовщину первой встречи), заводят любовницу, еще одну... Повторяют путь родителей. Моих родителей.

We are the children. Мы – дети.

Мария-Кьяра воображает себя Синди Лопер^[164] и горланит, перекивая остальных: «*Well, well, well!*» Голос у нее красивый, кто бы спорил, так что недоволен один Герман. Он хотел бы спеть 99 *Luftballons*^[165], но текст песни «Нены» на немецком кроме него понимают только голландцы Тесс и Магнус. Циклоп молчит и дуется как придурок: взял скрипку, собирался аккомпанировать, а его зашикали, предпочли жалкие аккорды Николая (говорю честно, хоть он и мой брат!). Герман держит за руку Аурелию, та – Червоне, а он –

Канди. Любовный круг, который неизбежно превратится в хоровод горя.

We are the ones... Мы – избранные...

И хор голосов подхватывает:

*Далеко от сердца, далеко от глаз
Маленькая девочка из старого города,
Мир голубой, как ты,
Макумба, Макумба...
Я тоже отправлюсь туда...*

В наступившей тишине Герман разрывает круг, хватая скрипку, взмахивает смычком и извлекает из инструмента ноты слез и огня.

Играет он хорошо, что есть, то есть. Первой мелодию узнает Мария-Кьяра и начинает петь. Окружающим кажется, что они репетировали все лето.

*Вечно молодым, я хочу быть вечно молодым,
Ты точно хочешь жить вечно?
Вечно^[166].*

Голоса Кьяры и скрипки летят к небесам. Никто не подпевает. В такие моменты слова не нужны даже лучшему из писателей. До чего же мне хочется, чтобы вы услышали, как плачет скрипка, а человеческий голос утешает ее!

Вот ведь странность – самые idiotские песни о любви пробирают до дрожи даже того, кто носит футболку с надписью *Back in Black*^[167]. Николя знает правила игры, он бросает гитару на песок. Аурелии до него далеко, она смотрит на немца и итальянку глазами жандарметки, словно хочет взять их под стражу за нарушение тишины в ночное время, превышение сердечного ритма и непристегнутый ремень безопасности в кресле ракеты, летящей к Млечному Пути. Аурелия

бросает страстные взгляды на Николая, но мой братец-недотепа ничего не замечает.

Последние ноты тают во мраке.

Все аплодируют.

Вечно молодой...

Конечно.

Герману хватает сообразительности молча вернуться к друзьям. Он протягивает руку Аурелии, та – Червоне, и так по кругу... Николай делает мне «страшные глаза» – я, как Золушка, забыла о времени. Вообще-то перед балом меня навестила не фея-крестная, а грозная Пальма Мама и отдала приказ: «Чтобы в полночь лежала в постели!» Я нехотя бреду в кемпинг, оставив маленьких мужчин и женщин (они старше меня всего на три года!) наедине с их утопиями. Бросив последний взгляд сверху, вижу распавшийся круг: Аурелия и Герман держатся за руки, Мария-Кьяра положила голову на плечо Николая, Тесс и Кэнди достались Червоне.

Подхожу к бунгалу, нарочно шаркая по гравию, наливаю себе минералки и опять-таки намеренно хлопаю дверцей холодильника, снимаю ремень с пряжкой в виде черепа, кольца и швыряю их на стол. Пальма спрашивает, как все прошло, я односложно отвечаю «хорошо» и закрываю ногой дверь моей комнатушки. Внутри дико жарко, и я распаиваю обе створки окна, ложусь, не раздеваясь, на кровать и честно пытаюсь заснуть. Ничего не выходит, я бесшумно поднимаюсь и вылезаю на улицу.

Четыре утра. Да знаю я, знаю, что обещала брату не шнырять по-мышинному и не шпионить хотя бы до завтрашнего дня. Я дала слово с чистым сердцем, потому что у меня было дело поважнее: убедить дедулю насчет дельфинов...

Все получилось – сегодня утром он сказал «да»! Наталь будет в восторге. А я скучать не намерена.

Пляж опустел, костер почти догорел, подростки разошлись. Николай остался один, он ворошит угли, и они потрескивают, как цикады на рассвете.

Где все остальные? Пошли спать?

А Мария-Кьяра?

Она появляется из воды, как нимфа, сирена, наяда, – я так и не выучила, чем водяные божества с женскими телами отличаются друг от друга.

– Ты идешь?

Мария-Кьяра делает несколько шагов, мерцающие красным угли и бледная луна высвечивают сначала ее тень, потом силуэт и блики на нем. Нижняя половина тела еще в воде.

– Так идешь или нет, Нико?

– Ты с ума сошла, вода ледяная.

Я наблюдаю из темноты, замерев от потрясения, и запоминаю. Учусь тому, о чем не рассказывают дочкам их мамы.

– Лови! – Мария-Кьяра взмахнула купальником. – Ну же, лови...

Она пританцовывает, и тень обнимает ее тело, скрывает и тут же обнажает шею, прячет соски и через мгновение высвечивает их, как рука в черной перчатке, играет с холмиками груди, приподнимает, сдавливает, возбуждая ночь.

Николя встает.

Значит, вот так это работает... Обольщение. Вихрь, водоворот чувств – и все?

– Слишком поздно, – с вызовом сообщает итальянка, и кружевная штучка шлепается на песок, как медуза.

Поторопись, малыш Нико... Мой тупоголовый старший брат снимает рубашку и аккуратно кладет ее на песок. Неужели его нарочитая медлительность тоже часть игры?

Я никогда не сумею... так. Когда найду *своего* мужчину, проглочу его живьем!

– *Seconda possibilità?* [\[168\]](#)

Еще один кусочек прозрачного кружева как по мановению волшебной палочки оказывается в руке Марии-Кьяры. Вода по-прежнему доходит ей до пояса.

У Николя кончилось терпение, брюки и трусы падают на песок, и тут я закрываю глаза, уж простите, мой ночной читатель, но вид голой задницы брата меня не вдохновляет.

Снова взглянув на место действия, понимаю, что «актеры» превратились в невидимок. Я слышу, как они смеются, воркуют, играют в волны, и обещаю себе заткнуть уши и склеить веки, если они умолкнут, проща говоря – уйти.

Я знаю, что должна поступить именно так...

Опоздала! Мария-Кьяра выходит первой. Голая. Невероятно красивая – я такой никогда не стану. Мало кто станет. Вся женская половина Галактики проклинает ее за красоту.

Мария-Кьяра продолжает смеяться, чуть истерично, фальшиво, как гитара Нико. Это отнимает у нее толику сексуальности, но она все равно может дать сто очков форы остальным.

Мария-Кьяра неторопливо подбирает разбросанную одежду.

Поторопись, Нико, дичь вот-вот ускользнет!

Я запоминаю правила игры... Спасибо, Кьяра.

Она уже оделась, и Николя выходит на песок. Кажется, ему немножко стыдно. Он надевает джинсы, стоя на одной ноге, как цапля. Мария-Кьяра дарит ему долгий поцелуй и... исчезает.

Догнать ее смог бы только чемпион мира по скачкам на одной ноге.

– *A domani, amore mio*, – кудахчет красавица-итальянка. – *Domani, t'offrirò la miochiave*^[169].

Мерзавка убегает, потеряв одну вьетнамку. Николя подбирает шлепанец и замирает. Глуповатый Прекрасный принц кемпинга в королевстве Золушек в бикини.

Я бесшумно удаляюсь.

– До завтра...

Завтра будет 23 августа. Не завтра – сегодня, ведь уже пять утра. Решающий день настал.

* * *

Forever Young, прошептал он.

Let us die young or let us live forever.

Давайте умрем молодыми или будем жить вечно.

Им не оставили выбора.

22 августа 2016

20:00

Наблюдателю, укрывшемуся за изгородью чуть в стороне от пляжа Ошелучча, могло бы показаться, что к охраннику подошли три приятеля, такие же квадратно-накачаные, но иначе одетые. На телохранителе итальянской певицы был костюм цвета маренго безупречного кроя, двое из подошедших облачились в охотничьи костюмы, а третий – в спортивные штаны и толстовку с капюшоном. Но пляж пустовал, трейлеры стояли вдалеке, и убедиться в ошибке было некому.

Четверо темнолицых мужчин... Один негр и трое в масках.

Мария-Кьяра повернулась к госте, замершей рядом с кожаным креслом малинового цвета.

– Не стоило звать сюда ваших горилл из маккии, – сказала итальянка. – Я бы и так открыла дверь.

Клотильда глянула в окошко на мужчин, распивавших кофе из одного термоса. Подружились? Может, и так, во всяком случае, ружья прислонили к мусорному контейнеру.

Дедуля оказался на высоте! Пока они спускались с горы, он по мобильному Клотильды вызвал нескольких друзей, чтобы те «мягко нейтрализовали» телохранителя Марии-Кьяры. Дальнейшие события развивались тревожно. До овчарни они добрались через два часа, и Кассаню без сил рухнул на стул, стоявший посреди двора, под зеленым дубом. Услышав, как хрипло он дышит, Лизабетта не стала слушать возражений и позвонила доктору Пинейро. В обычное время старик Идрисси встречался с врачом только ради прививки против гриппа. Пинейро сразу вызвал «скорую» и распорядился отвезти патриарха в Балань, на обследование. «Побудете под наблюдением, отдохнете, и все наладится!» В свои без малого девяносто старый корсиканец каждый день проходил не один десяток километров или проплывал не меньше пятисот метров.

– Я уже была здесь без эскорта, Мария. Вы не впустили меня, – сказала Клотильда.

– Но тем вечером с вами не было Брэда Питта.

Итальянка взглянула на Наталя, сидевшего в ярко-зеленом кресле.

Небритый, с растрепанными белокурыми волосами, он и одевался явно впопыхах, но был хорош даже в драных джинсах и старой белой

футболке с растянутым воротом. От него исходила вкрадчивая, кошачья сила, и Клотильда постаралась усмирить вспыхнувшую было ревность, но Мария-Кьяра раздула угли. Она устроилась на маленьком стульчике прямо перед дверью гримерки, где из всей обстановки были только огромное зеркало, простая раковина и полка с разноцветными стеклянными флаконами и тюбиками помады всех оттенков красного, пурпурного и орехового.

– Как приятно видеть старых друзей, заглянувших без предупреждения на чай! – веселым тоном продолжила певица. – Вам придется меня извинить – концерт через два часа, нужно готовиться... Моя публика с нетерпением ждет встречи.

Мария-Кьяра подмигнула себе в зеркале. Она явно не заблуждалась насчет мотивов неполовозрелых подростков, собиравшихся посмотреть, как она ныряет в бассейн в белом прозрачном купальнике. Клотильда еще раз посмотрела на мужчин в масках и задвинула шторку.

– Мне жаль, что пришлось использовать силу, но...

Певица сбросила леопардовый пеньюар, повисший на спинке стула, как забытый охотничий трофей, и осталась в красных трусиках и лифчике. Вытатуированная на спине роза спускалась от затылка к пояснице. Бесстыжее зеркало отражало фасад.

Наталь сохранял каменную невозмутимость, совсем как стол, комод, журнальный столик и статуи Венеры и Купидона из искусственного мрамора в стиле китч. «Наверное, так обставляет квартиру дорогая проститутка, обслуживающая старых извращенцев», – злобно подумала Клотильда. Приглушенный свет, искусственная кожа, клееная фанера и драпировки, скрывающие нищету.

– За те двадцать лет, что я играла старлетов на пятом канале, пришлось повидать карабинеров всех сортов, – итальянка усмехнулась и начала привычными движениями накладывать грим, чтобы за два часа убрать все морщины. – Раз дело срочное, не тяните, выкладывайте.

Клотильда сделала глубокий вдох и начала рассказывать. Мария-Кьяра ни разу не перебила ее. Она внимательно выслушала версию Червоне Спинелло и воспоминания Клотильды о дне 23 августа 1989 года и поездке, задуманной Николая. О том, как он взял у отца «фуэго»,

чтобы покатасть Марию-Кьяру, и они слегка подпортили машину, а потом... Потом гайка сорвалась и случилось что случилось...

Произнося свой монолог, Клотильда ни разу не взглянула на певицу и поразилась, увидев результат манипуляций с гримом. Мария-Кьяра превратилась в тридцатилетнюю диву: пухлые ярко-красные губы, большие черные глаза, высокие сияющие скулы, гладкий выпуклый лоб. Этой молодой красотке следовало бы нырять в фонтан Треви, как Аните Экберг в великом фильме Феллини^[170], а не в жалкий пластиковый лягушатник под прицелом айфонов.

Мария-Кьяра подкатилась на стульчике прямо к Клотильде и взяла ее за руку:

– Конечно, я помню вашего брата, дорогая. Никола был трогательным, красивым, не похожим на других. Чертовски милым. И храбрым. Он пытался соблазнить меня, был неумел, ужасно играл на гитаре, а раздеваясь, страшно стеснялся. Накануне аварии мы были на пляже, у костра. Он меня растрогал...

– Так почему же этот милый мальчик промолчал? Почему не признался отцу? Почему несколько часов спустя сел вместе с нами в машину и поехал навстречу гибели?!

– Никола не мог сделать ничего подобного.

Клотильда попыталась вырваться, но Мария-Кьяра не позволила.

– Не мог, – повторила она, – и вы это знаете не хуже меня.

Из глаз Клотильды потекли слезы, и она потянулась к Наталю.

– В одном Червоне Спинелло прав... – сказала Мария. – Я хотела убедиться, что Никола умеет водить, прежде чем согласиться на поездку с ним. Ваш брат и правда стибрил ключи у отца и предложил мне прокатиться до Галерии, но дальше все было не совсем так, как излагает ваш директор кемпинга. Никола рулил осторожно, спокойно и уверенно. Я проверила его на прочность – целовала в шею, гладила по ноге, – он все выдержал, и мы вернулись живые-здоровые, ни разу не съехав на обочину.

Клотильда растерялась и произнесла дрожащим голосом:

– Червоне видел, как вы спорили на парковке.

– Верно, спорили... Точных слов не помню, но, выйдя из машины, я подтвердила Николаю, что ночью отправлюсь с ним в клуб. При одном условии... – Пальцы Марии-Кьяры судорожно сжались. – При одном условии, – повторила певица. – Я не хотела, чтобы все ехали с нами.

Эти слова подействовали как сильнейшее болеутоляющее: Николая ни в чем не виноват, Червоне Спинелло оклеветал его.

Душу Клотильды затопила сладкая эйфория, и она сдержала слезы, зато глаза Марии-Кьяры увлажнились, испортив безупречный грим.

– Я ждала вашего брата, Клотильда, ждала на следующий день. Надела самое красивое платье, воткнула розу в волосы и ждала ночью, хотела, чтобы Николая стал моим первым. Он – и никто другой. Ждала под звездами, пока не погасла последняя, а потом решила, что он худший из негодяев, и пошла спать, затаив в душе презрение ко всем мужчинам. Утром мне рассказали об аварии... Немыслимо... – Кроваво-красные ногти певицы впились в ладонь Клотильды, но та не отняла руку. – Клянусь, всякий раз, занимаясь любовью, я думаю о вашем брате. Писатели посвящают книги «дорогим усопшим», а я посвящаю Николая оргазмы – маленькую смерть, которую он так и не познал. Я отвергла его тогда, на пляже, и это было глупое ребячество, каприз. Сегодня я не отказываю даже придуркам и редко переносу свидания. Надеюсь, Николая одобряет меня с небес.

Мария-Кьяра продолжала говорить, мешая слова со слезами, но Клотильда не слушала, сосредоточившись на нескольких установленных истинах.

Мария-Кьяра явно говорит правду.

Значит, Червоне Спинелло все придумал...

Зачем?

Из зависти? По злобе?

Или все еще проще? Червоне солгал, объясняя, почему рулевое управление «пассата» оказалось поврежденным. У кого много причин, тот много врет. Сержант Чезаре Гарсия уверен, что это было вредительство. Кому выгодно лгать о причине аварии? Тому, кто испортил машину.

Мария-Кьяра встала, посмотрелась в зеркало, покачала головой и показала язык.

– За несколько минут до начала концерта я вряд ли нарисую еще один шедевр. Ну и ладно, публике все равно плевать. Люди приходят не ради моих прекрасных глаз! – Она привычным движением сняла лифчик и взяла с вешалки белый купальник. – Первый пункт моего контракта, составленного на французском, итальянском и английском,

гласит, что я должна прыгнуть в бассейн в конце второго куплета, одетая в бикини. Подпункт «а» уточняет: размер верха – 80С.

Она без малейшего смущения продемонстрировала Наталью свою наготу, но Клотильда не взревновала: итальянка проявила абсолютную честность и завоевала ее симпатию.

– Частный сеанс, Брэд, любуйтесь на здоровье! Они не мои, так что пользуйтесь случаем... Вернее, не совсем мои, ведь каждая стоила три с половиной тысячи евро, пришлось взять в долг на десять лет. Молодость в кредит – отличная идея, согласны? – Мария-Кьяра изогнулась, надевая крошечный белый верх от купальника, и обратилась к Клотильде: – Не сердитесь, дорогая, мы же ровесницы, но у вас классная фигура, а у вашего возлюбленного глаза чародея, так что, сами понимаете... Мужчины любят вас за улыбку, энергию, элегантность... А на меня с четырнадцати лет глазают из-за сисек. Они – мой опознавательный знак... Мой двойной опознавательный знак!

Клотильда взяла певицу за руку:

– Вы хорошо поете, Мария. Я вчера слушала *Sempre giovani*. У вас всегда был дивный голос, именно он привлекал мужчин, а вовсе не тело.

Клотильда сразу обругала себя за глагол в прошедшем времени, но Мария-Кьяра не обиделась.

– Спасибо, милая. А теперь извините, меня ждет бассейн...

Она рассмеялась, бросила последний взгляд на Наталью, поправила неприлично съехавший лифчик, повернулась и, насвистывая, пошла прочь.

Boys boys boys

Парни в масках растворились в ночи, и Наталья взял Клотильду за руку, чтобы прибывающая на пляж толпа не разлучила их. Они шли к морю, а возбужденные юнцы пробирались к сцене. Люди толкались, как в переходе метро, но Клотильда задумалась и ничего не замечала.

Подростки и взрослые – шумные, сияющие – напоминали карнавальную толпу, которая, как это ни странно, не раздражала, а успокаивала ее. Растревоженное сердце Клотильды не давало ей сосредоточиться на людском море.

Николя не убивал родителей.

Кто-то испортил рулевое управление «фуэго».

Червоне Спинелло становится больше чем подозреваемым – виновным. Гибель отца, матери и брата будет отомщена, все тайны раскрыты. Этот сучий потрох Спинелло расколется и заплатит. Зачем он украл бумажник из бунгало? Приготовил завтрак? Присылал записки за подписью «П.»? Пытался скрыть давнишнее убийство? Она узнает, разберется, восстановит ход событий.

Они удалялись от неоновых огней «Тропи-Каллисте», народу навстречу шло немного, и Клотильда достала телефон.

Червоне она займется позже.

Завтра с утра, на рассвете.

А эта ночь принадлежит ей.

Клотильда выпустила руку Наталя и отошла в сторону. Он с завистью смотрел на компанию подростков, передававших по кругу бутылку пива.

Где ты?

Она повторила вызов, но ответа не получила – как и в предыдущие десять раз.

Ну ладно, в открытом море сети нет, но по ночам Франк и Валу бросают якорь. Безразличие Валентины не удивляет, она всегда откликается только на одиннадцатый раз.

А вот Франк...

Клотильда оторвала взгляд от экрана телефона и посмотрела на темную пустынную часть пляжа, защищенную зубчатыми скалами, похожими на мохнатых чудищ. Под ногами скрипел морской ритмум^[171], в нескольких метрах от берега, у подножия спящих рифов, танцевала тень маленькой рыбацкой шхуны: «Арион» ждал, качаясь на волнах.

Музыка подталкивала их в спину сильнее ветра.

Наталя улыбнулся, подвернул штанины и протянул Клотильде руку. Он шел в темноте «наизусть», не боясь оступиться, а у воды подхватил ее на руки, чтобы доставить на «Арион» сухой.

Из его затеи ничего не вышло – вымокли оба, но это не имело значения. Важно было одно: сотни танцоров на пляже не могли их видеть.

Depeche Mode^[172] гремели в такт шуму волн.

Морской бриз охлаждал кожу.

Клотильда чувствовала опьянение, ей казалось, что она переживает последние мгновения долгого кошмара и через несколько часов истина явит себя миру. Возможно, – как бы глупо это ни звучало – загнанный в угол Червоне признаёт, что ее мать жива и все эти годы ждала дочь.

Клотильда проверила телефон и начала стаскивать мокрый комбинезон. Стриптизерша из нее никакая, так что придется включить самоиронию.

– Прекрасная итальянка тебя завела? – спросила она.

– Хм... *Molto-molto*^[173], – пропыхтел он, снимая майку. – Если бы ты согласилась называть меня Брэдом...

– Отказано! Для меня ты всегда был и останешься Жан-Марком Барром. Актером одной роли человека-дельфина.

Клотильда прижалась холодным мокрым телом к Наталю и решила, что они должны любить друг друга именно в этой позе, как сардинки (смешно!). Например среди поля, в высокой траве, на обочине дороги, в кровати высотой до потолка, в вагоне поезда на Венецию, под сценой театра в разгар представления...

Судно плавно раскачивалось.

Ее жизнь тоже.

– Может, уйдем?

Клотильда и Наталья лежали на палубе «Ариона», как в люльке. Она так и не смогла найти Бетельгейзе среди сотен других звезд, хотя очень старалась.

– Так уйдем? – повторила Клотильда.

«Арион» удерживала на месте разлохмаченная веревка, ее можно было перерезать одним взмахом перочинного ножа, или перекусить зубами, или разорвать острым ногтем. Р-раз – и прощай, земля!

Где-то далеко, в благоговейной тишине, Мария-Кьяра запела а капелла *Sempre giovani*. Клотильда очень хотела соединиться с Наталем под эту божественную музыку, исполнив наконец заветную мечту юности и всей жизни, но не сдержалась и достигла пика наслаждения под припев *Joe le taxi*.

*Приезжай сюда, Джо,
Приезжай сюда скорее,
Поезжай ночью к жрице любви...*

Все ради этого.

«Может, уйдем?» – мысленно повторила она.

Наталь не ответил.

Спрашивать снова она не стала.

Они молча караулили бархатный купол небес, надеясь, что хоть одна звезда утратит представление о времени и упадет вниз.

Клотильда хотела загадать желание...

– Мне пора, Кло...

Ей показалось, что развеселившееся божество решило вдруг перемешать все светила и заставило их пуститься в пляс.

– Домой?

– Смена Аурелии заканчивается в полночь. Я должен вернуться раньше.

Как же ей найти в этом хаосе Бетельгейзе, астероид Маленького принца, Кастор и Поллукс^[174]? Да любую звезду, способную внушить мужчине вечную любовь?

– Зачем, Наталь?

Он встал и начал одеваться, пошатываясь, как хмельной любовник на заре.

– Почему ты столько лет оставался с ней? С такой, как она?

Наталь улыбнулся: «Ты действительно хочешь знать?» – и она ответила улыбкой.

– Тебе трудно это принять, но она очень старалась организовать мою жизнь, упорядочить ее. Аурелия внимательная, честная, прямая женщина, она всегда рядом, и я ей доверяю. Жена любит меня...

– Понимаю... Я все понимаю и верю тебе. – Звук собственного голоса показался ей металлически хриплым, и она приказала себе успокоиться, прежде чем продолжать разговор. – Понимаю, но это не снимает вопроса, Наталь, ведь ты ее не любишь.

– Ну и что, Клотильда? Ну и что?

Иди. Иди и смотри, любовь моя!^[175]

Они расстались. Разошлись в разные стороны. Курлыкнул телефон Клотильды. Сообщение от Франка. Наконец-то!

*Все в порядке.
Вернемся через несколько дней, как договаривались.
Люблю тебя.*

В голове все еще звучали слова Наталя: «Ну и что, Клотильда? Ну и что?»

Зеркальное отражение ее жизни.

– Я знаю, что ты ее не любишь.

– Ну и что?

47

*Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета аквамарин*

Великий день настал!

Мы дожили до 23 августа, мой вчерашний и завтрашний читатель.

День святой Розы – нежное пробуждение, вечер обещаний, ночь ласк.

День «С» – Совокупления – для моего старшего братца-обормота Николя (об этом, надеюсь, вам напоминать не нужно!). Среда «В» – Вранья – для папы с мамой, они будут врать друг другу в годовщину встречи, поклянутся, что по-прежнему влюблены, что любовь существует, о да, конечно, куда же без любви, она кладет подарки у камина и согревает остывшие мятые простыни, когда любовники засыпают. Для взрослых Любовь – вроде Рождественского Деда.

Но к черту взрослых! Я верю в Любовь!

В детстве мальчишки дразнились на перемене в школьном дворе: «Нет никакого Деда!» – а я не верила.

Может статься, любовник (один из!) скажет, бросая меня: «Нет никакой любви...» – но я заткну уши.

Клянусь, что верю в Рождественского Деда, инопланетян, единорогов, сирен и дельфинов, беседующих с людьми.

И Наталья верит.

Сейчас побегу к нему, у нас свидание на причале *Stareso*. Я расскажу Наталью, что умиловивила, уговорила, обаяла дедулю Кассаню. Великий Дуб Арканю, медведь Балани, сокол Капу ди а Вета, хранитель мыса Ревеллата одобрит проект дома-музея китообразных на пляже Ошелучча. Наталья должен мне не один жалкий поцелуйчик в щеку, а много-много-много поцелуев каждый день, прогулку на «Арионе», купание с дельфинами и массу других приятных вещей, когда я вырасту, перестану верить в Рождественского Деда, но не разочаруюсь в Любви.

Я иду по тропе, которая вьется вдоль хребта, на северо-востоке круто спускается к порту *Stareso*, поворачивает на северо-восток к Пунта Росса и выводит прямо на маяк де ла Ревеллата. Это самая высокая и узкая часть полуострова, со всех сторон окруженная морем. Реши я пописать, не знала бы наверняка, куда потечет струйка – водопадом на запад или ручьем к пляжу на восток.

Я замедляю шаг, чтобы полюбоваться потрясающим видом, и снова и снова спрашиваю себя: на какой гигантской палитре смешали все оттенки красного и бирюзового? Гениальная идея! Между красными скалами едва видны стены зданий *Stareso*, напоминающие троподитские жилища в кубической версии. Причал на их фоне выглядит кукольной постройкой. «Арион» не пришвартован.

Я останавливаюсь, смотрю на воду, где нет ни одного судна, лишь паром солнечно-желтого цвета. У меня появляются сомнения. Лучше всего было бы оставаться здесь, на холмах Ревеллаты, на солнцепеке и ветру, и любоваться горизонтом. Рано или поздно Наталья вернется в порт, а пока натянем поглубже бейсболку *Bon Jovi*, наденем темные очки и устроимся на валуне.

– Ждешь любовника?

Раздавшийся за спиной голос заставляет меня вздрогнуть.

– Кого это?

– Любовника! Старика.

Голос принадлежит Червоне Спинелло, гаденыш за мной шпионил. Ему все известно о Натале. Возможно, Базиль проболтался, меня бы это не удивило.

– Любовник? Ты бредишь! У нас с Наталем Анжели сугубо деловые отношения.

– Надеюсь – для твоей же пользы. Анжели предпочитает старух.

Если придурок думает, что я начну оправдываться, он ошибается!

Червоне смотрит на бухту Ресиза к югу от Ревеллаты, ее колонизировали серфингисты, говорят, там лучший ветер.

– Вообще-то я его понимаю. Старухи, они богатые. Видишь ту бухту? Оттуда стартуют парусные доски. При первой возможности я там обоснуюсь.

Кретин прав: зрелище яркое, напоминает безумный танец, но «обосноваться» можно только на скалах, камнях или песке, а ветер дует такой, что даже дюны не стоят на месте.

Я продолжаю щуриться на воду в ожидании «Ариона».

– На твоём пляже Ресиза ничегошеньки нет.

– Вот именно! Я построю павильон, поставлю на песке зонтики, чтобы читать в тенечке, а дети будут играть рядом.

Он меня удивил: книги, малышня – не в стиле Червоне.

– Рассчитываешь заработать?

– При чем тут деньги? У меня план мегазавлекательного места!

Он начинает делиться идеями. Не гарантирую, что передам его рассказ дословно, но он гений замысловатых придумок, которые могут сработать и принести ему выгоду.

Червоне – прямая противоположность дедушке и Наталю.

– Ну так вот, Клотильда, я много лет часами наблюдаю за бухточкой. Те, кто приезжает впервые, молоды, одиноки, детей у них нет. Мускулистые загорелые парни похожи на киношных авантюристов, у девушек спортивные фигуры. Кажется, что приехали из Калифорнии, Австралии или с Гавайев, хотя на самом деле живут в Лионе, Страсбурге и Брюсселе. Они встречаются, до безумия влюбляются, женятся, заводят ребенка, потом еще одного, покупают минивэн, чтобы возить на багажнике доски, а в салоне – ребятишек, и каждый год возвращаются на Корсику. Ни один мужик никогда не откажется от своего увлечения, поэтому мамы с детьми сидят на пляже. Где папа? Видишь большой красный парус? Это твой папочка! Жена ждет с совком и ведерком, бутылкой воды и книгой в тени павильона – если он есть. Ей скучно, можно поболтать с симпатичным официантом или с местным парнем, если малыш играет в песочнице

или съезжает с горки. Ему всего два года, у него золотистые волосы, и он останется с матерью лет до шести, максимум – восьми, потом присоединится на волнах к отцу, своему герою, а выйдя из воды, скажет: «Видела бы ты, мама, как мы веселились!» Она улыбнется и почувствует себя счастливой, во всяком случае за мужа и сына, хотя сама уже лет десять не становилась на доску. Неприятно целый год ждать трехнедельного отпуска, а приехав на остров, сидеть одной на пляже, вечерами сушить костюмы и залечивать «боевые раны» мужчин.

Я могу продолжать до бесконечности, Клотильда, но ты ведь уже поняла план действий. Назовешь еще хоть одно место на планете, где потрясающие красотки скучают в одиночестве? Нет, не сможешь! Когда широкоплечие атлеты ловят волну и ветер, их подружки оказываются в «зале ожидания».

Вот такая грошовая философия... «Ариона» все нет.

– Можешь не верить, Клотильда. Заведи себе серфера, путешественника или космонавта, он пообещает тебе звезду с неба, вот тогда и поговорим. А я найду жену в бухте Ресиза, и она будет красивей меня, добрее, трудолюбивей и милее.

– Ты просто тупица!

Не нужно было обзывать Червоне, но я не сдержалась. Почувствовала себя полномочной представительницей всех жен серферов, моряков, дальнобойщиков, солдат – тех, кто проводит жизнь в ожидании возлюбленных.

Парень обиделся.

– Сама дура! На что ты рассчитываешь с этим перестарком? Кончай плятиться на море, он не вернется. Хочешь, скажу, где «Арион»? Наталь Анжели уплыл на прогулку с твоей мамашей! Да, старушка, сегодня дельфины получают на обед ее купальник.

Хочу, чтобы он заткнулся. Сижу, тупо уставившись на белые паруса, медленно скользящие к горизонту. Парусники, только парусники, и ни одной рыбацкой лодки. Червоне не унимается:

– Не грусти, дорогая. Не злись на мать. Она очень красивая. И сексуальная. С чего бы ей отказывать себе в удовольствии? Пальма поступает благовоспитанно – трахается с Анжели в открытом море. Не то что твой отец...

– О чем ты?

Говнюк торжествует. Он молча обводит взглядом причал, от которого ушел в море «Арион», смотрит на Тропу Таможенников, на маяк и роняет:

– Все здесь принадлежит Идрисси. Так что у твоего отца наверняка есть ключ от маячной башни.

Я бросила засранца,
пошла по тропе,
до маяка было сто метров,
я толкнула дверь, она оказалась незапертой,
я услышала приглушенный смех,
подняла глаза,
начала медленно взбираться по винтовой лестнице,
у меня закружилась голова,
но не из-за крутых ступенек, жары и высоты,
а потому что по наивности надеялась,
что их там будет двое,
папа и его любовница.
Только двое.

* * *

Это большой день, повторил он и захлопнул тетрадь. Великий день, когда свидетели признаются... или замолчат навек.

48

23 августа 2016

08:00

Червоне Спинелло любил встать пораньше и пройтись по кемпингу до пробуждения туристов. Он останавливался в аллеях. Слушал доносившиеся из кемперов звуки – храп и вздохи, пересчитывал пустые винные бутылки под остывшими мангалами,

бесшумно проскальзывал мимо туристов, ночевавших на воздухе в спальнях мешках. Директор воображал себя хозяином замка, инспектирующим свои владения: вот он здоровается со слугами, беседует с крестьянами о видах на урожай. Он – надёжа и опора, залог порядка и гармонии.

Червоне предпочитал подниматься рано, но не слишком.

07:30 – пробуждение; 07:45 – вон из постели!

Его жена Аника каждый день принималась за работу одна, проверяла счета, наличность, отмечала приезды-отъезды, готова была обеспечить туристам первый завтрак, утреннюю газету и подать идею времяпрепровождения.

Безупречная Аника не оторвалась от компьютера, когда муж прошел мимо ее стола с чашкой кофе в руке. Червоне прекрасно знал, о чем люди говорят у него за спиной. Анике исполнилось сорок, ее переполняла энергия молодой заводилы, она была властной, жестко вела дела с поставщиками, проявляла бесконечное терпение и нежность к детям, умела весело кокетничать с мужчинами, любезно болтать с женщинами и знала шесть европейских языков, в том числе корсиканский и каталанский. Когда-то Аника увлекалась серфингом и однажды летом приехала из Черногории на Корсику, в бухту Ресиза. Червоне отбил ее у друга, выскочки-косовара, и тот уехал один на своем огромном «шевроле». Конечно, люди удивлялись. Что эта прелестная и умная женщина делает рядом с подобным... чудаком?

То есть с ним!

Положа руку на сердце, Червоне и сам каждое утро задавался тем же вопросом. Ну ладно, двадцать лет назад ему удалось соблазнить девушку с пляжа, но почему она осталась? Прошло совсем немного времени, и Аника наверняка осознала, что он лживый расчетливый болтун, но не ушла от него, из чего следует единственно возможный вывод: лучшие женщины способны любить только порочных невротиков. Как миллиардеры, занимающиеся благотворительностью. Не исключено, что Аника живет с ним из жалости.

– О боже, – выдохнула она, глядя на экран.

Среди ее утренних занятий был просмотр местных новостей.

– Что такое?

– Они опознали утопленника из бухты Кровани. Это Якоб Шрайбер.

– Чччерт... Им известно, как это случилось?

– Судя по всему, нет. На сайте «Корс-Матен» о происшествии всего три строчки.

Директор сунул правую руку в карман и до боли в пальцах сжал связку ключей. Он должен что-то сказать, и быстро, нечто такое, что покажется естественным его жене.

– Заеду утром в жандармерию Кальви, пообщаюсь с капитаном Кадна, он наверняка знает больше.

Червоне поспешил уйти: он знал, что Аника очень привязана к старому немцу, как и ко всем туристам «со стажем», и не хотел ломать комедию. Во всяком случае, сегодня утром.

Директор кемпинга свернул в ближайшую аллею, чтобы спокойно подумать. После исчезновения Шрайбера ему удалось выиграть время (он очень кстати задурил Клотильде голову, подло оговорив ее брата), но теперь тиски сжимаются, слишком многие почти догадались. Нельзя провалить все дело, только не сейчас, когда старика Кассаню увезли на «скорой» в больницу, строительство комплекса началось и будущее выглядит радужным. Он должен продержаться еще чуть-чуть!

Спинелло остановился рядом с площадкой для мусора. Коты снова прогрызли мешки, разбросали жирные обертки, пустые молочные пакеты. Черт бы побрал бродячих тварей!

Он поднял глаза. Еще один сотрудник «Эпрокта» встал очень рано, даже раньше директора, – Орсю. Хромой людоед тянул за собой бесконечно длинный шланг – поливать территорию полагалось с девяти вечера до девяти утра, чтобы жестокое солнце не выпило до капельки воду, вылитую на растрескавшуюся землю.

Червоне дождался, когда калека подойдет ближе, и рявкнул:

– Мне что, самому котов гонять? Каждое утро одна и та же канитель! – Он поддел ногой отбросы: – Фу, мерзость!

Спинелло знал, что стоит немного надавить – и Орсю притащит складную кровать к помойке и будет караулить всю ночь. Увечный великан обожал быть полезным, подчиняться, покорно выслушивал ругань.

– Нужно избавиться от этих тварей!

Орсю, конечно, неполноценный, но он вырос в овчарне и знает, что делать с вредителями, умеет ловить, душить, перерезать глотку.

– Это твоя работа...

В глазах Орсю появился намек на улыбку, и директор решил, что он уже обдумывает коварный план отлова котов и их жестокой казни. Великан похож на убийцу, Червоне всегда его боялся, с самого детства. Однажды он кого-нибудь кокнет, а может, уже успел – если Кассаню велел.

Директор кемпинга «Эпрокт» уверял себя, что, эксплуатируя монстра, давая ему возможность разрядиться на блохастых разносчиках заразы, он тем самым оказывает услугу обществу. Червоне взглянул на сосновую рощу и тут же закрыл глаза, как делал каждое утро, чтобы представить на месте скелетоподобных деревьев шестисотметровый бассейн, нависающий над Средиземным морем. Он уже заказал проект архитектору из Аяччо, остается дожидаться решения банка по кредиту... и разрешения на строительство. Да, будущее и впрямь лучезарно.

Между тем его ждало новое огорчение: дверь в помещение, где хранился инвентарь для занятий спортом и игр на воздухе, оказалась открытой. И здесь дурак Орсю оплошал – кто хочет входит, что хочет берет, а добра здесь на десятки тысяч евро, акваланги, каноэ, каяки!

Спинелло чертыхнулся, вошел, подобрал с пола раскрутившийся моток возвратной веревки и тут же вспомнил о карабине Валентины, который сам же и превратил в «дефектный». Все кончилось благополучно – малышка натерпелась страха, но не убила же! Червоне надеялся, что Клотильда перестанет совать нос куда не следует, и просчитался. Франк с Валу уплыли на яхте, а неумная мамаша осталась на суше, будь она неладна!

Кончится тем, что она все поймет...

И что ему остается? Кража документов из сейфа бунгало тоже оказалась бесполезной, разве что он узнал кое-какие сведения о внучке Кассаню. У него нет выбора, она должна исчезнуть, но одно дело – испортить оборудование, чтобы девчонка плюхнулась в воду, отдать приказ об истреблении кошек, даже почти «случайно» тюкнуть немца в висок шарами для петанка, и совсем другое – стать хладнокровным убийцей. Все разговоры о кровожадных корсиканцах, вендетте, омерте и любви к насилию – бредятина. На одного холодного и непреклонного Кассаню Идрисси приходится девяносто девять уроженцев острова, способных выстрелить разве что в кабана или вальдшнепа. Тем не менее от слишком любопытной адвокатессы придется избавиться.

Орсю в пределах видимости не оказалось. Неужто отправился охотиться на кошек? Червоне машинально наклонился над гидрокостюмами для подводного плавания: инструктор, этот чертов бездельник, ничего не убрал, даже подводные ружья валяются кучей прямо с гарпунами, а ведь это опасно.

Директор разложил оборудование по ящикам, пересчитал, убрал костюмы на вешалку. В его хозяйстве имелось восемь комплектов для подводной охоты.

Не хватало...

Восемь гидрокостюмов, восемь компрессоров, восемь свинцовых поясов и... семь подводных ружей.

Червоне посмотрел под столом, под шкафом – ничего.

– Это ищешь?

Он сразу узнал голос, а через секунду увидел нацеленное ему прямо в сердце оружие.

– Тебе следует бережней хранить оборудование и лучше натаскивать персонал. Нельзя оставлять без присмотра такие опасные сокровища.

Это продлилось три минуты. Одна понадобилась Червоне, чтобы решиться и заговорить, в оставшиеся две он признавался в невозможном, а выложив все как на духу, секунду ждал в надежде на прощение.

Он сразу понял, что откровенное признание не спасет ему жизнь, и вспомнил, как впервые увидел Анику в бухте Ресиза. Ей было двадцать три года, она читала «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга и была хороша, как райский цветок, который никто не осмелится сорвать. Он рискнул и потом делал все, чтобы поразить ее воображение.

Палец нажал на спуск.

Будет ли Аника сожалеть о нем?

Гарпун воткнулся в сердце Червоне.

Значит, это и есть убийство?

Трястись от страха.

Подкрасться, выстрелить, смыться.
Считать проблему решенной.
Забыть.
Он спокойно сел и снова открыл дневник.

* * *

*Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета «мертвая вода»*

Я поднялась еще на несколько ступенек, чтобы лучше видеть, совсем как операторы, снимающие звездную пару. Теперь я смотрю на них «в три четверти». Останавливаюсь на расстоянии двадцати ступенек, различаю верхушку маяка, железные перила и два силуэта на фоне неба.

Две огромные тени.

Папа кажется великаном. Он в ветровке, флуоресцирующий капюшон напоминает целлофановый пакет, грозящий улететь. Я преодолеваю еще три ступеньки – беззвучно, как амбарная мышь, мне не привыкать, я умею быть самой ловкой шпионкой, хотя то, что сейчас выслеживаю, способно меня убить.

Она стоит напротив отца и одной рукой гладит его затылок, другую кладет на плечо, нет – хватает, чтобы удержать, не дать прыгнуть, сбежать, улететь. Снизу она тоже выглядит высокой, ростом с отца, хотя это всего лишь эффект перспективы.

Они целуются. В губы.

Как будто специально для меня, на тот случай, если остались сомнения.

Я слышу, как они обсуждают охотников из кемпинга и смеются. Надеюсь, под маяком есть подземный ход, ведущий в никуда. На потом. Еще две ступеньки. Если они опустят глаза, обязательно увидят меня, но опасности нет, эти двое слишком заняты друг другом. Сплетаются в объятиях, как приморские сосны корнями, чтобы противостоять ветру.

Я вижу ее впервые. Темноволосая, очень красивая, в длинном светлом платье, строгом, но сексуальном. Загадочная, волнующая, влюбленная. В точности такая, какими воображаешь любовниц, отчаянно чувственная, чтобы проще было ненавидеть...

Но мама не уступает ей в красоте.

Счет ничейный!

Я почти готова восхититься отцом – и восхищалась бы, если бы не чувствовала жгучего желания придушить родителя. Папулечку, торговца газонным покрытием, корсиканца – когда это выгодно, мужа и отца, если пожелает, покорителя сердец первейших красавиц.

Последняя ступенька...

Последняя, обещаю.

Я вижу одно колесо, другое, еще два, коляску целиком. И младенца. Я не сказала, что сразу его заметила.

Как можно пропустить такое?!

Я не очень умею определять возраст грудничков, но этому, на первый взгляд, несколько месяцев, меньше полугода. Поражает меня не ребенок, а то, что держит его на руках не сексапильная брюнетка.

Вы спросите: «А кто же тогда?»

Мой отец.

50

23 августа 2016

09:00

Клотильда уснула на «Арионе» глубоким сном. На рассвете, когда унялись гуляки на пляже Ошелучча, погасли огни «Тропи-Каллисте», Мария-Кьяра надела пеньюар, а последние звуки музыки техно смыло волнами, и они растаяли, растворились.

«Арион» тихонько покачивался, баюкая единственную пассажирку, укрывшуюся старым грязным одеялом, пахнущим йодом и мазутом.

Клотильда долго лежала на спине, смотрела на звезды и представляла, что Пальма переселилась жить на астероид. Интересно, мама иногда спускается на Землю? Или, устав исследовать черные

дыры, образовавшиеся после Большого Взрыва в ущелье Петра Кода, она провалилась в небытие?

Ее разбудил мобильник.

Наталь!

Мерзавец бросил ее и отправился к жене, поджав хвост. Вернее, плавник. А она осталась на судне, и ее мечты пропахли мазутом и пометом чаек. Когда-то давно его напугал призрак архитекторши, теперь – живая женщина. Клотильда была готова сунуть нос во все закрытые дела, отдать все, что имела, стать адвокатом его исковерканной судьбы, но появилась слишком поздно, опоздала на тридцать лет.

Наталю хватило воспитанности позвонить и извиниться.

– Клотильда, это я. Мой тесть хочет тебя видеть.

Странный способ извиняться!

– Сержант Гарсия? Где? В его «джакузи»?

Клотильда окончательно проснулась. Вокруг плескалась и хлюпала о борт лодки вода, она чувствовала себя легкой, свободной и была готова поднять якорь «Ариона».

– Нет, у меня. В Пунта Росса.

«Пошутить, что ли?» – подумала она и спросила:

– Ты сообщил, что отсылаешь его дочь и просишь моей руки?

– Мне не до смеха, Кло. Сегодня утром произошло убийство. В кемпинге.

«Валу!» – подумала Клотильда, судорожно вцепившись в грязное одеяло.

– Убили Червоне Спинелло, – продолжил Наталь.

Она прижала вонючую тряпку к лицу.

Червоне оболгал ее брата Николя. Скорее всего, именно он испортил машину родителей, а теперь умер и унес в могилу ответы на вопросы.

Клотильда едва сдержала рвотный позыв, рот наполнился едкой слюной. Пальцы, руки, все тело пахло мазутом, солью и дерьмом. «Арион» качнуло, и ее затошнило еще сильнее.

– Выстрелили из подводного ружья, вогнали гарпун в сердце. Спинелло умер на месте. Тесть должен сообщить нечто важное о твоей семье. Конфиденциально. Прежде чем тебя вызовут в жандармерию.

– Я спала на «Арионе». Одна. Так что вряд ли сумею помочь легавым в поисках убийцы.

– Им это не нужно.

– То есть?

– Они уже взяли убийцу.

Клотильда отбросила одеяло, с трудом поднялась на ноги и посмотрела на море взглядом человека, потерпевшего кораблекрушение.

– Кто... кто убил Спинелло?

– Мастер на все руки и уборщик. Ты наверняка видела этого бородатого великана, у него атрофированы рука, нога и половина лица. Преступник – Орсю Романи.

Аурелия и Наталья стояли перед домом, со всех сторон окруженным морем. Она держала мужа за руку, и Клотильде пришло в голову ехидное сравнение: «Ну просто голубки на пасхальной открытке! Или рекламная фотография в глянцевом журнале...» Дом мечты, красавец-блондин, лазурная оправа морской глади, подлинные старые камни, гениально сочетающиеся с деревом и стеклом. Даже Аурелия не выбивалась из стиля: годы не добавили ей очарования, но стройная фигура позволяла предположить, что когда-то она была хороша. Ясное лицо, хорошо очерченные изогнутые брови, тонкая талия, длинные ноги... Чтобы так выглядеть, приходится прилагать усилия, многим жертвовать и тратить большие деньги. На Аурелии было строгое и явно запредельно дорогое платье, тончайшие чулки цвета загара и элегантные туфли на каблуках. Тот, кто не знал Аурелию в пятнадцать лет, ни за что не угадал бы в женщине на пороге старости необаятельно-унылую девушку.

Клотильда понимала, как заметна сиюминутная разница между ними. Она явилась сюда напрямиком с пляжа Ошелучча, проведя ночь любви на «Арионе». Не приняла душ, не накрасилась, не надушилась и до сих пор чувствовала на коже поцелуи Наталя и его ласки.

Аурелия оглядела ее с головы до пят.

Способна ли женщина унюхать аромат тайной страсти, зная, что перед ней соперница?

Чезаре Гарсия не оставил им времени на долгие приветствия:

– Пойдем, Клотильда. Нужно поторапливаться. Дай ключи, Аурелия.

Он взял связку и повел гостью в сарай, стоявший в нескольких метрах от дома. Строение напоминало темный гараж без окон: четыре каменные стены и свисающая с потолка лампочка. Стул. Стол. На железных стеллажах десятки картонных коробок, их содержимое настолько ценно, что владелец хранит все под замком, как сомелье – элитные вина.

– Таких хижин много на побережье, – сказал отставной жандарм, закрывая дверь. – Раньше в них укрывались пастухи, когда перегоняли овец в горы. Стены полуметровой толщины, плоская глинобитная крыша – надежней, чем в бункере. Я держу здесь архив: документы, воспоминания, все, что не мог оставить в жандармерии, выходя в отставку. Иногда я прихожу сюда поработать, здесь просторней, чем в доме, и прохладно. – Гарсия обвел взглядом стены. – Знаю, ты считаешь придурью заявляться в место, со всех сторон окруженное водой, и запирается. Признаюсь в ужасном грехе: я много смотрю на море, и оно мне надоело! Как жена-красавица, с которой каждое утро просыпаешься в одной постели.

Клотильда не собиралась ходить вокруг да около.

– Орсю невиновен! Не знаю, кто убил Червоне Спинелло, но только не он.

Чезаре улыбнулся:

– Откуда ты знаешь? Тебя там не было.

Верно... Откуда ей знать?

– Называйте это как хотите – интуицией, убеждением...

Она вспомнила лицо Орсю, его огромное искалеченное тело. Обреченная жертва, идеальная добыча палача.

Гарсия протянул Клотильде папку:

– На орудии убийства нашли его отпечатки.

Адвокатские рефлексy Клотильды встрепенулись, хотя она много лет занималась только банальными разводами, имела отличную репутацию, особенно в глазах мужчин, и почти всегда стремилась кончить дело миром.

– Отпечатки? – переспросила она. – Да в кемпинге «Эпрокт» они есть повсюду, в том числе на оборудовании для подводной охоты.

– Он один из немногих, кто был на ногах к моменту преступления, – не сдавался отставной жандарм, – и Червоне Спинелло успел сделать ему выговор, вернее будет сказать – устроил выволочку.

– Если бы все служащие, обиженные боссами, пронзали им сердце первым попавшимся под руку острым предметом, мои коллегия-юристы стали бы безработными.

Гарсия снова улыбнулся и открыл папку. В помещении было прохладно, но его белая рубашка промокла от пота.

– Есть еще кое-что, Клотильда. Сыщики сделали обыск и нашли... шары для петанка.

– Шары? А что, одноруким запрещено их иметь? На Корсике это преступление?

– Особые шары, Клотильда. *Prestige Carbone 125*. Их легко идентифицировали, такие были у одного-единственного обитателя кемпинга... (Пауза.) У Якоба Шрайбера. Старого немца, который исчез три дня назад. А на шарах, – жандарм, нимало не стесняясь, отер пот с висков полой рубахи, обнажив жирный живот, – обнаружили следы крови. Много крови. Кровь и седые волосы. Принадлежащие старому бошу.

– Я... я не верю...

– Орсю далеко не ангел, Клотильда. Не несчастный гонимый калека. Он наделал много глупостей, его часто забирали в полицию за насилие, хотя лично я признаю, что в большинстве случаев беднягу провоцировали. Им легко манипулировать: мать покончила с собой, и Орсю ее не помнит, отца он не знал, а бабушка Сперанца воспитывала мальчишку как умела.

Смутный образ малыша в коляске, стоящей под зеленым дубом на дворе овчарни Арканю, всплыл в памяти Клотильды. Ей было пятнадцать, и она обращала мало внимания на тихого новорожденного.

Клотильда задала вопрос, мучивший ее, как ночной кошмар:

– Известно... известно, кто отец Орсю?

Ответ она знала.

– Это секрет Полишинеля, – ответил Гарсия. – Ящик Пандоры... – Он попробовал рассмеяться, мокрая рубашка отклеилась от кожи и тут же снова прилипла. – Мало кому хочется открывать этот ящик, потому я тебя и позвал. На Орсю есть досье в Национальной картотеке

генетических отпечатков. Мне не составило труда проверить слух, возникший сразу после рождения мальчика.

Да не тяни ты, бросай свою бомбу!

– Ты уже догадалась, Клотильда, или вспомнила. Сомнений нет – у вас с Орсю общий отец. Он твой брат, ребенок Поля Идрисси и Саломе Романн, дочери Сперанцы. Был зачат в августе 1988-го, родился 5 мая 1989-го, он должен был бы встретиться со своим отцом через две недели, если точнее – шестнадцать дней. Впрочем, «встретиться» – это слишком сильно сказано. Поль был женат, имел сына и дочь, и я вообще не уверен, что он был в курсе появления на свет этого малыша.

Она вспомнила винтовую лестницу в здании маяка и ребенка на руках отца. Забытые, подавленные, перлюстрированные видения, похожие на книгу с вырванными страницами. Заключительными, все объясняющими.

– Он... Орсю родился инвалидом?

– Да. Саломе не хотела его рожать, но в семье Романн не делают аборт, они самые католические католики. Девушка попыталась «вытравить» младенчика, как говорили в стародавние времена. Помнишь, в «Манон с источника»^[176] Сезар «Папе» Суберан спрашивает: «Он родился живым?» – «Да, но с горбом». У Орсю неживая рука, нога, половина лица и часть мозга, отвечающая за речь.

Орсю... ее единокровный брат? Клотильда не верила своим ушам. Нужно включить профессиональные рефлексы и сконцентрироваться на убийстве Червоне Спинелло, об остальном она подумает позже, решит, как меняет ее жизнь появление нового родственника.

– Ладно, возможно, Орсю был нежеланным ребенком, но это не делает из него убийцу.

Сержант вздохнул с облегчением, решив, что самое трудное позади.

– Ты так говоришь, потому что он твой кровный родственник? – Гарсия хохотнул. – Члены клана Идрисси друг друга не сдают, да?

– Барон! – выкрикнула Клотильда. – Моя фамилия Барон! Я – мэтр Барон, а Орсю сейчас позарез нужен адвокат.

Толстяк хотел вытереть лицо, но рубашка промокла насквозь, и он подумал, что скоро умрет от обезвоживания, как выбросившийся на берег кашалот.

– Мне нужна ваша помощь, – добавила Клотильда, вскочила и заметалась по помещению, глядя на стеллажи с коробками. Успокоилась и попросила отставного жандарма одолжить ей самый маленький чемоданчик для дактилоскопии, внутри лежали ворсовая кисточка, окись алюминия и окись меди.

– Повторяю, на ружье отпечатки Орсю, но если хочешь...

– Еще мне нужно его досье, Чезаре. Или хотя бы копия отпечатков пальцев... моего брата.

– И только-то?

– Да!

Он нашел нужную папку и сказал, самодовольно хмыкнув:

– У меня есть копии всего на свете. Конечно, это запрещено, но любой корсиканский легавый обзаводится подобной страховкой.

Гарсия протянул Клотильде черно-белый снимок.

Большой палец плюс еще три.

– Автограф твоего родственничка. Такую лапу узнаешь среди тысячи других. В этой руке людоеда силищи больше, чем у двух здоровых мужиков.

– Спасибо.

Клотильда пошла к двери, остановилась, оглянулась.

В конце концов, именно сержант приоткрыл ящик Пандоры.

– Как вашей дочери удалось захомутать Наталь Анжели?

Выпад был неожиданным, но Гарсия и глазом не моргнул. Он невозмутимо вернул папку на место, сел, долго отдувался и наконец заговорил:

– Аурелия его любила. По-настоящему. Моя дочь – разумная женщина, даже очень, почти во всем. Но в том, что касается чувств, ее всегда привлекали необычные мужики – шуты, канатоходцы, трубадуры. Серую ночную бабочку неудержимо тянет на свет. Как моей девочке внести разнообразие в свою скучную жизнь медсестры? Разве что уложить в постель лунного Пьеро.

– Я не о том спрашивала, – сухо бросила Клотильда. – Меня интересует, почему Наталь согласился. Зачем он женился на *такой* женщине? Не в обиду Аурелии будет сказано, Наталь мог получить любую жену – самую красивую, веселую и молодую.

– Все очень просто, Клотильда, – после затянувшейся паузы ответил он. – Наталь хотел защититься. На Корсике зятя легавого

охраняют жандармерия, армия и государство, то есть Франция.

– От кого ему требовалась защита?

– Не наивничай, девочка. От твоего деда, разумеется. От Кассаню! После аварии, в которой погибли Поль, Пальма и Николя, Наталь много недель жил в страхе. Иррациональном, парализующем...

Клотильда вспомнила несвязные речи Анжели в Пунта Росса.

В ту секунду, когда машина твоих родителей падала на скалы, когда они расставались с жизнью, я увидел ее в окно. Увидел твою мать так же ясно, как сейчас вижу тебя. Она посмотрела, как будто хотела проститься, и исчезла.

Получается, Наталя свели с ума смерть Пальмы и ее явление в виде призрака?

Даже если ее мать каким-то невероятным чудом выжила после падения в пропасть и ее повезли на «скорой» в Кальви, она не могла по дороге освободиться от капельницы и появиться на скале напротив дома в Пунта Росса.

– Может, он тревожился за свой проект? – предположила Клотильда, сама не веря в эту версию. – Что после гибели сына, невестки и внука Кассаню и слышать об этом не захочет?

Жандарм нетерпеливо отмахнулся:

– Твоему деду не было дела до дельфинов, речь шла о несчастном случае, хотя какая уж там случайность! Имело место вредительство, так что мы с Кассаню считали это убийством. И он искал убийцу.

У Клотильды закружилась голова.

Наталь – убийца? Он испортил машину, чтобы устранить соперника? Избавился от моего отца, потому что любил мою мать? Чушь собачья!

– А... Кассаню никогда не подозревал Червоне Спинелло?

– Сына лучшего друга? Червоне тогда было восемнадцать лет, так что... Нет, Клотильда, я бы знал. Да и зачем парню творить подобное?

– Низачем... Просто так...

Она открыла дверь. Нужно как можно скорее попасть в Кальви и расспросить Орсю, но прежде всего – проверить одну догадку, сделать тест. Это займет несколько секунд.

Клотильда взялась за ручку двери, и тут ее догнал звучный голос сержанта Гарсии:

– Ты должна узнать кое-что еще, раз намерена копаться в прошлом. Аурелия много лет пыталась Наталя, и он в конце концов поклялся, что между ним и твоей матерью никогда ничего не было. Пальма не любила Наталя и была верной женой, она всего лишь хотела заставить мужа ревновать. – Толстяк помолчал. – И Наталь ее не любил.

Клотильда вспомнила, как терзалась в то лето сомнениями, ревновала и подозревала мать, и едва не разрыдалась...

– Потерпи, Клотильда. Наталь еще кое в чем признался моей дочери, и я предпочитаю, чтобы ты узнала это от меня, здесь и сейчас.

– Что за эпохальное признание он сделал?

– Наталь думал, что вы больше никогда не встретитесь, и... – старик огорченно улыбнулся, – сказал, что тогда был влюблен в тебя.

Дверь распахнулась, и солнце ударило Клотильде в лицо. Золотые лучи отражались от волн, освещая полуостров, как огни рампы. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем тени снова обрели четкость и Клотильда увидела хозяев дома.

Аурелия крепко держала Наталя под руку, словно он был экзотическим сокровищем, нуждающимся в охране и защите. Именно так двадцать семь лет назад она цеплялась за Николя на пляже Ошелучча. Наталь смотрел вдаль, не достаивая море даже взглядом.

Клотильда поняла, что Аурелия в курсе насчет ночи на «Арионе».

Тем хуже.

Или лучше?

Она не знала.

Сейчас это не имеет значения. Нужно сконцентрироваться на Орсю, убийствах Червоне Спинелло и Якоба Шрайбера и вредительстве. Все это одна цепочка.

Первым делом она свяжется с Франком и Валентиной, короткая ночная эсэмэска про скорое возвращение ее не удовлетворила.

Клотильда молча шла к «пассату», думая об одном: «Неужели я больше никогда не увижу Наталя?»

В кинодрамах влюбленные мужчины вырываются из рук нелюбимых жен и бросаются в объятия возлюбленных, а зрительницы плачут от счастья, все ему прощают и думать не думают о брошенных законных супругах. Публика всегда отдает предпочтение сердцу перед разумом.

Наталь не шелохнулся.
Клотильда села в машину.
Может, он пришлет сообщение?
И хоть раз в жизни проявит мужество...
Вдруг Наталь все-таки снимется с якоря?
Она повернула ключ в зажигании.

Не доехав до жандармерии пару сотен метров, Клотильда остановилась у обочины. Нервно отстегнула ремень, открыла стоявшую на пассажирском кресле сумку. Черт, ну что за бардак! Пришлось вытряхнуть все содержимое, чтобы достать письмо.

*Моя милая Кло!
Не знаю, осталась ли ты такой же упрямой,
какой была в детстве, но все-таки попрошу.*

Успокоиться. Действовать методично, хоть раз в жизни!
Клотильда положила листок на приборную доску и открыла дактилоскопический чемоданчик. Раз или два она видела, как это делали по постановлению суда, превращая пламенные любовные послания в мерзкие свидетельства адюльтера.

Клотильда пошарила в карманах, сдула черный порошок и зажала бумажку в правой руке. В левой она держала черно-белый снимок, полученный от Чезаре Гарсии.

Ровно через секунду ответ был получен. Слова плясали перед глазами.

*Вся моя жизнь – темная комната.
Целую тебя.*

II.

Среди множества отпечатков нашлись и «пальчики» людоеда.
Орсю.
Письмо написал якобы неграмотный Орсю.
Во всяком случае, он его доставил.

**Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета «мятой бумаги»
20:00**

Порядок восстановлен...

«Арион» вернулся в порт...

Папа вернулся с маяка...

И все собрались вокруг большого семейного стола, накрытого под дубом во дворе овчарни Арканю. Дедуля Кассаню сидит в торце – как глава клана, бабуля Лизабетта стоит на другом конце – точь-в-точь дирижер оркестра.

Бабушка и ее старая служанка – имени я не знаю – приносят закуски: соленые и сладкие канистрелли, колбаски фигателлу ди Корса, приготовленные в пиве, куски панчетты, призутту и коппы^[177], «партизанский» паштет из зеленых оливок с травами, меняют посуду. С нами сидят дальние кузены всех возрастов, которых я никогда раньше не видела. Самые старые пьют вино, знаменитое *Clos Columbi*, – его делает мой двоюродный дед. Молодым наливают кока-колу, хотя дедуле Кассаню это не нравится: нечего лакать заморскую содовую, когда есть корсиканское вино!

Я насчитала человек пятнадцать Идрисси за длинным узким столом, который и не стол вовсе, а длинная доска на козлах. Размеры рассчитаны точно – так, чтобы разные группы гостей не смешивались. На одном конце мужчины беседуют о политике, окружающей среде, корсиканском наследии. Мне интересно, но я слышу только отдельные слова: «земельный налог», «спекуляция», «преимущественная покупка»... На другом конце разместились подростки и малышня, а в центре, за папиными букетами желтых роз, прячутся женщины. Почти все говорят по-корсикански – неужели специально, чтобы мама не понимала? – и на совсем другие темы.

Пальма зевает, ей скучно. Она в черном платье с красными розами, том самом, что папа купил в Кальви. Никогда не скажешь, что через час, после аперитива, они с папой бросят всех Идрисси и отправятся на любовное свидание в *Casa di Stella*, а остальные

рассядутся по машинам и поедут в церковь Санта-Лючии слушать концерт «А Филетты».

По маминому лицу понятно, что она готова сорваться прямо сейчас, а папе, наоборот, хочется побыть подольше. Так что их «медовая ночь» не более чем компромисс, не устраивающий ни одну из сторон.

Скажите, мой конфиден, это и есть супружеская жизнь? Так живут взрослые? Уступают, довольствуются ополовиненной свободой?

О чем будут разговаривать мои скрытные родители, оставшись наедине? О лигурийско-провансальском течении и дельфинах, замеченных с «Ариона»? О маяке де ла Ревеллата и его проблесковом огне? А может, ни о чем, обо всем и о нас? Они поужинают на белой скатерти, а потом постелят ее на кровать и займутся любовью. Ежегодное перемирие, как в сочельник – канун Рождества?

Не знаю. И мне плевать. Я сижу на скамейке, в наушниках, пишу вам и слушаю *Mano Negra*. Судя по всему, час аперитива подходит к концу. Скоро наступит вечер, и я клюю носом.

Перечитываю написанное.

Кажется, я слегка вздремнула.

Вокруг было спокойно, музыка меня убаюкала, и вдруг раздались крики.

Похоже, во дворе ссорятся: кто-то кричит, плачет.

Сходить посмотреть? Не хочу. Мне нет дела до разборок в клане Идрисси. Снова надеваю наушники, делаю громче, очень громко.

Наверное, я снова засыпаю.

* * *

Он перевернул страницу.

Открыл последнюю.

Дальше только чистые.

23 августа 2016

10:00

Обстановка в здании жандармерии Кальви показалась Клотильде спокойной. Не похоже на генштаб во время войсковой операции. Судя по всему, здешние эксперты живут припеваючи, не то что спецы из «Майами»^[178]. Капитан Кадна читал «Экип»^[179], попивал кока-колу и искренне обрадовался Клотильде.

– Мадам Барон, мое почтение.

Хм... хм...

Красавица-адвокатша была явно не в настроении, и жандарм мгновенно отложил газету. Забыл о коле и попытался оправдаться:

– Вы здесь из-за Орсю Романн? Он в соседней комнате, в хорошей компании! Региональное управление уголовной полиции прислало этим утром двух инспекторов. Они забирают дело. У Червоне Спинелло были влиятельные друзья, и его убийство наделало шума. Мы, местная бригада, держим свечку, нет – шланг для полива, поскольку столичные штучки боятся пожара.

Молодой капитан счел, что этой тирады более чем достаточно, и потянулся за газетой, но Клотильда шагнула к двери допросной. И Кадна запаниковал:

– Нет, мадам Барон... – Чертыхнулся, отшвырнул газету и опрокинул стакан. – Туда нельзя входить! Они будут недовольны!

Клотильда посмотрела Кадна в глаза и отчеканила ледяным тоном:

– Я адвокат задержанного!

Жандарм-регбист не впечатлился.

– Неужели? Как давно?

– С этой минуты! Хотя мой клиент пока не в курсе.

Капитан колебался. Клотильда Барон не блефовала: десять дней назад она сообщила ему свою профессию. Будет очень даже неплохо, если она испортит настроение пришельцам из Аяччо.

– Ладно, разбирайтесь с ними сами. Если столичные гости не воспротивятся вашему присутствию, дерзайте... Ваш клиент – не самый разговорчивый свидетель на острове. Он возводит омерту на недостижимый уровень: нам стало известно, что с момента рождения он ни разу не произнес трех слов подряд.

Клотильда открыла дверь и увидела Орсю. Сыщики, оба в серых костюмах и при галстуках, дружно повернулись, как покеристы в салуне, едва не опрокинули стол и выхватили оружие.

Быстро... Но недостаточно!

Клотильда нанесла удар первой:

– Я мэтр Идрисси!

Она сунула им визитку, на которой было написано «Клотильда Барон», но они даже не взглянули: фамилия Идрисси сделала свое дело.

Тот, что постарше, в прямоугольных очках, подал голос:

– Насколько мне известно, мсье Романи не упоминал ни о каком адвокате.

Он ее испытывает? Сейчас повысим ставки! Орсю сидел совершенно неподвижно, но Клотильда уловила едва заметное движение рукой и торжествующе заявила:

– Теперь все меняется. Два важных уточнения. Первое: мсье Орсю Романи, с этого момента мой клиент, является моим единокровным братом. И второе, само собой разумеющееся: мой клиент невиновен.

Пауза затянулась.

Полицейские переваривали информацию.

Фамилия Идрисси. У них был идеальный подозреваемый, умственно отсталый с криминальным прошлым и отягчающими обстоятельствами. Кто станет защищать немого маргинала? И нате вам, адвокат. Не просто адвокат, а кровная родственница из клана Идрисси!

Клотильда знала закон и понимала, что пока не выиграла партию. Полицейские обязаны ознакомить ее с делом, но могут не пускать на первый допрос. Потом ей дадут полчаса на беседу с клиентом. Остается блефовать.

– Полагаю, вы уже побеседовали с моим клиентом, господа? Тогда я хочу остаться с ним наедине.

– Мы не закончили, – сказал сыщик с козлиной бородкой. (Перевожу: «Увечный мерзавец не сказал нам ни слова за тот час, что мы его мариновали».)

– Мой клиент пообщается с вами. После того как поговорит со мной.

Орсю никак не выражал согласия, разве что глазами.

Полицейские переглянулись.

Оба понимали, что вести себя следует осмотрительно, поскольку они ступили на минное поле. Задержанный легко промолчит сорок восемь часов, а то и все семьдесят два, разве что в сортир попросится, так почему бы не позволить упавшей с неба адвокатше помочь им?

– Полчаса – и ни минутой больше, – сурово сказал очкарик.

Они покинули допросную.

Клотильда и ее брат остались одни.

Наедине? Не совсем. По столу перед Орсю ползал муравьишка. Великан подставлял палец, чтобы заставить насекомое преодолевать препятствие. Клотильда не привыкла к монологам: на бракоразводных процессах ее клиентки не закрывая рта рассказывали о прегрешениях партнеров.

– Сыграем в открытую, Орсю. О нашем отце поговорим потом, если захочешь, а сейчас займемся срочными делами.

Ее брат в ответ только левым мизинцем шевельнул, отрезая муравью путь к отступлению.

– Во-первых, я знаю, что ты не убивал эту сволочь, и вытащу тебя, можешь мне довериться.

Муравей отчаянно пытался выбраться из плена.

– Во-вторых, мне известно, что ты гораздо умнее, чем хочешь показать. Как Бернардо в «Зорро»^[180]. Так что отношения у нас будут баш на баш, милый братец.

Орсю впервые поднял глаза и посмотрел на Клотильду, как в тот раз, когда она устроила взбучку двум гаденышам в душевой кемпинга. Взгляд был застенчивый, смущенный и словно бы говорил: «Бросьте это дело, я этого не заслуживаю, не стоит из-за меня беспокоиться...» Клотильда поняла, что доверие завоевано, пусть даже этого недостаточно, чтобы Орсю заговорил.

Она порылась в сумке, выложила на стол два листка и провела пальцем по последним строчкам первой записки.

Вся моя жизнь – темная комната.

Целую тебя.

Перечитала вторую записку.

*Ты будешь ждать. Он тебя проводит.
Оденься теплее, будет холодно.
Он приведет тебя в мою темную комнату.*

– Мне нужен ответ, Орсю. Имя. Кто это написал?

Никакой реакции, его волнует только муравей.

– Это написала моя мать? Пальма?

Может, повторить вопрос на муравьином?

– Ты ее знаешь? Ты ее видел? Знаешь, где она?

Муравей запаниковал – его загнали в безвыходное положение, – и Клотильде на секунду захотелось раздавить букашку, чтобы привлечь к себе внимание упрянца.

– Черт возьми, Орсю, это ее почерк, на бумаге твои отпечатки, ты был почтальоном, ты в полночь вел меня через лес к хижине. Но... но я видела, как мама погибла в аварии, и умоляю тебя сказать правду! Говори, если знаешь, иначе я сойду с ума.

Муравей наконец решился и заполз на волосатый указательный палец Орсю.

– *Сампа sempre.*

Клотильда не поняла.

– *Сампа sempre*, – повторил ее новоявленный брат.

– Я не говорю на корсиканском, братишка, переведи! – Она подтолкнула к нему листок, дала ручку: – Напиши!

Медленно, неуверенным детским почерком Орсю начал выводить буквы, пытаясь не напугать муравья.

Сампа sempre.

Клотильда пулей вылетела из комнаты и сунула листок сыщикам из Аяччо:

– Что это значит?

Они переглянулись, покачали головами, как будто увидели текст на шумерском. Клотильда чертыхнулась, отмахнулась от извинений: «Мы чиновники, нас недавно перевели с континента, не знаем ни слова по-корсикански, зато говорим по-английски и прилично на итальянском...» – и прошла мимо битерруазца Жюля Кадна, не поглядев в его сторону. Он тоже не представлял никакого интереса.

Campa sempre.

Господи, это верх идиотизма – в жандармерии Кальви никто не может перевести два слова с корсиканского! Клотильде захотелось остановить движение, вытащить водителя из первой же машины и узнать наконец, что означают эти проклятые слова.

Campa sempre.

Шум в соседнем помещении заставил ее вздрогнуть.

Из туалета вышла уборщица-марокканка в синем, шитом золотом платье – джелябе – и белом платке на голове, с ведром и шваброй. Клотильда показала ей листок.

– *Campa sempre*, – на безупречном корсиканском произнесла женщина.

Клотильда воспрянула духом.

– Что это значит?!

Уборщица удивилась и сказала:

– Она жива. Она по-прежнему жива.

53

***Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета синяка***

– Кло...

Я нехотя сдвигаю наушники:

– Ну что еще?

– Поехали.

Куда?

Я вздыхаю. Просыпаюсь. Пытаюсь вернуться с небес на землю. Каменная стена врезается в спину, скамья царапает голые ноги. В овчарне тихо, как будто все разъехались.

Куда?

Я закрываю глаза, вспоминаю лица членов клана Идрисси, желтые розы, вино *Clos Columbi*, шумный разговор. Открываю глаза – передо мной Нико, сегодня он похож на профсоюзного функционера. На переговорщика, который должен убедить грабителей банка отпустить заложников.

Со мной это не пройдет!

Мое сердце это терпит каждый день^[181], воеет Ману Чао. Я делаю громче. Не хочу покидать странную грезу. Выпрямляюсь, беру тетрадь и ручку.

Я все еще не пришла в себя, не знаю, сколько спала, и не очень понимаю, где нахожусь. Почти стемнело, а засыпала я при свете.

Начинаю медленное всплытие...

Рассказать вам сон, пока он не улетучился? Пока я снова не заснула? Обещаю, вы удивитесь!

Знаете что?

Вы там были, мой читатель из будущего. Были в моем сне!

Клянусь! Ну, не вы, не совсем вы, но события странного сна происходили в ВАШЕ время! Не через десять, не через тридцать лет. Как минимум через пятьдесят.

Николя никуда не делся и выглядит раздосадованным.

– Кло, тебя все ждут. Папа не станет...

Папа?

Я что-то пропустила? У папы изменились планы?

Смотрю на луну в небе, ее отражение на воде и начинаю писать еще быстрее; не сердитесь, мой обожаемый читатель, если я не успею закончить одну из фраз, не допишу слово, оставлю вас так сказать «на перроне». Папа дернул меня так сильно, что чуть не вывихнул руку. Дневник и ручка остались лежать на скамье. Так что – на всякий случай – целую, прощаюсь и...

...продолжаю.

У Николя странный вид, можно подумать, пока я спала, на острове случился конец света, во двор овчарни упал метеорит, цунами вырвало с корнем большой дуб.

Надо торопиться, не расслабляться, иначе сон ускользнет...

Все происходит в будущем, на пляже Ошелучча, я узнала скалы, песок, очертания бухты. Они остались прежними, а я превратилась в бабульку! Среди красных скал выросли странные здания из невиданных, почти прозрачных материалов, какие иногда рисует мама.

Бассейн похож на нынешний – такой же большой. Я сижу на бортике и болтаю в воде морщинистыми ногами.

Слышу папины шаги и ускоряюсь.

В моем сне о будущем есть Наталь. В бассейне плещутся дети – возможно, мои. Или внуки? Не знаю. Но я счастлива, потому что за пятьдесят лет ничего не изменилось, рядом все мои близкие, никто не умер. Время проходит, но оно ни в чем не виновато, и мы ошибаемся, называя его убийцей...

* * *

Он перевел взгляд в пустоту.

Дневник заканчивался этим словом.

Убийца.

Он прочел его еще раз и закрыл тетрадь.

54

23 августа 2016

10:30

Клотильда уже приходила сюда ночью.

Но тогда ее вел Орсю.

Она понятия не имела, как найти пастушью хижину при свете дня. Приметы были расплывчатые: миновать реку, вскарабкаться по крутому склону, пересечь бесконечную гаригу^[182].

Она бросила машину у подножия тропы, ведущей к *Casa di Stella*, в том самом месте, где в полночь ждала Орсю. Столичные сыщики остались в жандармерии.

Campa sempre.

Клотильда ничего больше не добилась от Орсю, но узнала главное. Ее мать жива!

Двадцать семь лет назад Пальма погибла у нее на глазах, но странный брат подтвердил то, в чем она уверилась, вернувшись на Корсику, то, что всегда знала.

Мама жива.
Мама ждет ее.
В хижине.

Клотильда влезла на холмик, с которого был виден двор овчарни в Арканю, и замерла.

...Задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Пальма скрытно наблюдала за дочерью и теперь где-то прячется – на горé или в зарослях дрока и вереска, достигающих человеку до пояса. Очень удобно: ты следишь, а тебя не видят, подслушиваешь, а тебя не слышат, шпионишь – и остаешься вне подозрений. Глупо, но Клотильда вообразила, что, оказавшись на месте, вспомнит форму валуна, изгиб ствола, колючую ветку шиповника, узнает ночные тени, найдет указатели. Увы... Невозможно сориентироваться в лабиринте каштанов и дубов, окруженных земляничником. Голова кружилась от ароматов бескрайней макки.

Клотильда готова была сдаться, вернуться в Кальви и попытаться улестить инспекторов из Аяччо, чтобы те отпустили Орсю под ее поручительство. Глупейшая из иллюзий! Он арестован по подозрению в убийстве, понадобятся недели, чтобы судья распорядился провести реконструкцию преступления.

И тут она увидела.

Пятно. Пурпурное пятно между ягодами земляничника.

Капля крови.

Еще одна – метром дальше, на сухой земле. Третья нашлась на стволе кедра. Можно подумать, у Мальчика-с-Пальчик кончились белые камешки и он вскрыл себе вены.

Хотел указать ей дорогу?

Клотильда пошла по окровавленной тропинке, в очередной раз почувствовав себя полной дурой. След мог оставить раненый зверь – лисица, кабан или олень. Она дотронулась пальцем до пятна и поняла, что кровь свежая.

«Что еще ты себе напридумывала? Что за несколько минут до тебя к хижине направился незнакомец? Что он ранен, истекает кровью и все равно пытается тебя опередить? Бессмыслица какая-то...» Но здесь точно кто-то шел – листва примята, ветки сломаны.

А может, все наоборот? Что, если раненый незнакомец не поднимался к хижине, а шел оттуда? Не имеет значения, следы выведут на поляну, где три дня назад на нее наскочил Франк, а Орсю растворился в темноте! Муж знал дорогу. Откуда? Кто его просветил? Спросить у него Клотильда не могла, Франк с утра не отвечал на эсэмэски.

Прошу тебя, Франк, перезвони мне.

Перезвони.

Перезвони.

Позже, все вопросы она задаст потом.

Cumpra sempre.

Остальное неважно. Нужно двигаться вперед, тем более что она вспомнила... да, этот пробковый дуб. Еще несколько метров – и вот она, хижина пастуха.

У Клотильды едва не разорвалось сердце.

Господь милосердный!

Она судорожно сглотнула и с трудом подавила желание обернуться, сбежать. Мальчик-с-Пальчик не резал вены, его закололи кинжалом, у него весь правый бок в засохшей крови.

Мертвое тело лежало на ковре из увядших лиловых и белых лепестков ладанника. Клотильда явно видела кровь, иначе решила бы, что он спит.

Она подошла. Неслышно. Едва дыша.

– Паша́?

Из шеи пса торчал гарпун. Лабрадор с именем спутника ее детства. Кто-то снова отнял у Клотильды друга.

Дверь хижины была открыта. Над телом собаки жужжали осы, слетевшиеся на пир падальщиков. Клотильда подошла к каменному строению. Ночью она не разглядела тяжелый засов на двери, не заметила решеток на единственном окне за массивными дубовыми ставнями.

Средневековый замок, да и только!

Каменная тюрьма была обитаема. Внутри кто-то плакал.

Ее мать? Замурованная живьем?

Клотильда заставила себя войти.

Уже пять дней она пыталась вообразить обстановку хижин-тюрьмы, а увидела кровать, деревянный стол, несколько засохших цветков в вазе, радиоприемник и книги. Десятки книг на грубых стеллажах и на полу вдвое уменьшали и без того тесную комнату.

В углу, на табурете, спиной к ней сидела сгорбленная старая женщина.

Длинные седые волосы падали до пояса, как будто чинная бабушка вдруг вынула шпильки, решив показать зеркалу, внукам, давнему любовнику, как хороша была когда-то.

Старая женщина сидела в холодном темном углу лицом к стене и напоминала наказанного ребенка. Забытого на целую жизнь. Ребенка, за которым никто не придет, но он даже не шелохнется, ведь ему так велели.

– Мама?

Женщина медленно повернулась. Руки и шея у нее были в крови.

– Мама?

Клотильда задыхалась, перед глазами стояла картина, терзавшая ее двадцать семь лет подряд: исковерканный «фуэго», окровавленное тело матери... И вот она, живая, вопреки всем очевидностям и безусловностям.

Мама?

Слова застряли в горле.

Женщине, которая смотрела на нее так, будто молила о прощении, этой красивой гордой женщине было явно больше восьмидесяти лет. Господи, как же долго она страдала!

Но эта мученица не была ее матерью.

III. Sempre giovani

55

23 августа 2016

Они напоминали близнецов, постаревших не в унисон. Первый был в водолажке, шею второго украшала татуировка в виде змеи – хвост терялся в районе лопаток. Один носил очки с толстыми стеклами, другой – серебряный шарик пирсинга в ноздре. Очкарик был в потертом вельветовом костюме цвета бутылочного стекла, его спутник надел красно-белый, цветов футбольного клуба «Аяччо», спортивный, чересчур облегающий костюм.

«Братья Кастани, ремонт и торговля запчастями», – гласила вывеска.

«Водолазочник» приехал на грузовичке, татуированный пригнал красную тачку. Пока один пересчитывал деньги, второй комментировал, поднимая помятый капот и вытирая руки о безупречно чистые штаны:

– За полторы тысячи евро не надейтесь пересечь континент.

Клиент был неразговорчив, зато платил наличными. Встречу он назначил на стоянке у водонапорной башни, рядом с лесом Бока Серья, и парни Кастани охотно согласились: никакого техконтроля, техпаспорта, номерного знака. Я тебе товар – ты мне деньги, что может быть лучше, если учесть, что товар – древняя развалюха?

Продавец убрал деньги в карман.

– Будьте осторожны, эта колымага много лет пребывала в спячке. Не хочу, чтобы вы разбились.

Татуированный захлопнул капот и сказал:

– Я проверил, что смог, какое-то время старушка продержится, но лучше бы вам не встречаться с легавыми!

Он протянул клиенту ключи, подмигнул компаньону, и оба сели в грузовик, не задав больше ни одного вопроса. Обычно они продавали старые коллекционные вещи умельцам, механикам-любителям,

мастерам тюнинга. Этот клиент был не из таких, но братья Кастани плевать хотели на его намерения.

Когда грузовик исчез за мысом Кавалло, он несколько минут смотрел на машину, с трудом веря своим глазам. За несколько часов на первом попавшемся интернет-сайте, находясь на Корсике или в любом другом месте, можно найти то, что не сумел бы добыть даже джинн из лампы. Он пошел к джипу, спрятанному в лесу за корсиканскими соснами. Назначая свидание жестянщикам, он учитывал скрытное расположение места и возможность оставить машину неподалеку. Открыв дверцу, взял с пассажирского сиденья дневник и перенес его в только что приобретенный автомобиль.

Самое трудное впереди.

Он открыл багажник джипа, отвел в сторону колючие ветки и наклонился:

– Ну что, поменяем машину?

Она выпучила глаза, вытянула затекшие руки и ноги, вдохнула запах хвои.

Что он сказал? «Поменяем машину»?

Зачем?

Она так долго лежала скрючившись в багажнике внедорожника, что не знала, сможет ли встать, и он помог ей сделать первые шаги. Она щурилась, смаргивала слезы.

А потом увидела его. Красный «фуэго». Модель GTS.

Женщина пошатнулась.

Он предугадал изумление пленницы и успел поддержать ее.

– Авто вам что-то напоминает, мадам Идрисси?

23 августа 2016 года

11:00

Эта старая женщина была не ее мать.

Она смотрела на Клотильду и плакала. Лицо было в крови, а может, в синяках. Старуха вытирала слезы длинными седыми

волосами, как кающаяся Мария Магдалина.

«Нет, – подумала Клотильда, – эта женщина не может быть моей матерью. Она гораздо старше. На целое поколение...»

На нее смотрела бабушка Лизабетта.

Тайна, обман, еще одна беда.

Задать вопрос Клотильда не успела. В комнате внезапно сделалось темно, как будто кто-то задернул черный полог на двери. Она обернулась. Не полог – платье. Черное платье ведьмы Сперанцы, превратившее комнату в пещеру, чтобы крысы, пауки и скарабей вылезли из трещин между камнями и приветствовали свою госпожу.

Сперанца проигнорировала Клотильду и обратилась к Лизабетте:

– Они забрали Орсю. Никого не осталось.

Кто они? – завопил внутренний голос Клотильды.

– Она убила Пашу, – продолжила Сперанца.

Кто она?

Слова бились под черепом. Может, ведьмы общаются телепатически, может, если она будет думать очень громко, эти женщины ответят на вопросы?

– Когда я пришла, дверь была открыта, – сообщила Лизабетта.

– О ком вы говорите? – вкрадчиво спросила Клотильда.

Нет ответа.

Может, ведьмы глухие? Может, призраки не носят слуховых аппаратов?

– Где моя мать?! – проорала Клотильда. – Орсю сказал, что она жива! *Самра sempre*. Где моя мать?

Лизабетта медленно поднялась. Клотильда решила, что бабушка готова говорить, но в хижине раздался голос Сперанцы:

– Не здесь, Лиза. Не здесь. Хочешь поговорить с ней, сделай это внизу.

Лизабетта колебалась.

Ведьма настаивала:

– Кассаню вот-вот вернется. «Скорая» доставит его в Арканю до полудня. Ничего не готово, Лиза. Ничего не готово.

Ничего не готово.

Клотильда поняла не сразу. На обратном пути они не разговаривали. Старые женщины шли быстро – быстрее Клотильды.

Им была знакома каждая ветка каждого дерева, каждый камень, куда ступали их ноги, привычные к горным тропам.

Ничего не готово.

Они почти паниковали, то и дело по очереди смотрели на часы, а войдя в дом, забыли о Клотильде. Она бродила за ними, чувствуя себя бесполезной, как гостя, пришедшая раньше времени. Лизабетта открыла холодильник и приняла решение:

– Колбаски фигателлу с чечевицей.

Сперанца, не тратя времени на слова, достала из корзины лук и помидоры, а Лизабетта надела фартук, выложила на разделочную доску панчетту и фигателлу и повернулась к внучке:

– Садись, Клотильда. Кассаню сутки продержали в больнице в Кальви. Сама понимаешь, как проголодался твой дед. Вряд ли он ел их прессованную ветчину, йогурты и пюре... – Она бросила взгляд на ходики. – Ни разу за семьдесят лет – ни единого раза, понимаешь? – не случилось, чтобы Кассаню сел за стол, а еда не была готова. – Она улыбнулась и сполоснула руки. – Тебе трудно это понять, да, дорогая? В Париже все иначе. А на Корсике мы живем так, и порядок этот завели женщины.

– Где моя мать, бабуля? Где Пальма?

Лизабетта взяла большой нож.

– Сядь, прошу тебя, и я все расскажу, пока твой дед не вернулся. Корсиканские женщины умеют заниматься хозяйством и говорить на любые темы.

Только не Сперанца. Служанка сосредоточенно нарезала панчетту на ломтики и даже глаз не поднимала от доски.

– Это длинная история, Клотильда. Она и к тебе имеет отношение, хотя началась задолго до твоего рождения. – Лизабетта отвела взгляд от ножа, посмотрела на ведьму, отделявшую жир от мяса, и продолжила: – Пятьдесят лет назад Сперанца уже работала в Арканю, хотя «работать» – не совсем верное слово. Она жила здесь, понимаешь? Жила и занималась всем вместе со мной – уборкой, готовкой, садом и огородом. Дочь Сперанцы, малышка Саломе, родилась в Арканю в сорок восьмом. На три года позже твоего папы. В детстве Саломе и Поль были неразлучны. – Лизабетта снова посмотрела на Сперанцу, которую, казалось, волновал исключительно размер кубиков копченого мяса. – Все на острове знали, что со

временем они поженятся. Так было записано в Книге Судеб. Время шло, Саломе становилась все красивей. Высокая, длинные темные волосы, глаза серны Эйтонского леса, грация как у козочки. А ее звонкий смех мог разрушить стены любой крепости. Волшебная сказка: Поль – принц, наследник восьмидесяти гектаров маккии, Саломе – очаровательная Золушка-бесприданница. Для нас деньги не главное, важен клан, а не сан. Когда Саломе исполнилось пятнадцать, мы отпраздновали помолвку, зная, что они поженятся и родят много детишек.

Лизабетта замолчала, взглянула на часы и твердой рукой разрезала колбаски фигателлу на равные части.

11:27

– Все пошло кувыркком летом шестьдесят восьмого. – Голос старой женщины звучал тихо и спокойно, как будто она с точностью до минуты рассчитала не только время приготовления еды, но и длительность рассказа. – Никто ни о чем не догадывался. По правде говоря, мы не забеспокоились, когда твой отец начал флиртовать с молодой франко-венгерской туристкой, разбившей палатку на поле, которое потом станет территорией кемпинга «Эпрокт». Жители острова охотятся на корсиканскую ласточку зимой, а на материковую – летом. В конце августа Пальма уедет, как все другие девушки, Поль поплачет, провожая паром, а через неделю забудет ее. Так мы думали, но они начали переписываться. Знала бы ты, милая, как сильно мне каждый раз хотелось перехватить почтальона и бросить конверт с парижским штемпелем в огонь. Конечно, сделай я это, ты бы сейчас не сидела тут и не слушала меня, но скольких драм и смертей мы бы избежали! Ты не представляешь, моя бедная девочка, сколько раз и какими словами я себя проклинала. – Лизабетта нежно взяла внучку за руку. – Первый раз Поль поехал в Париж на Рождество шестьдесят девятого, потом на Пасху, Вознесение, остался на все лето на Кикладах^[183], присылал открытки с Наксоса, Сифноса, Санторини^[184], как будто хотел заставить Корсику ревновать. Мы поняли, что все кончено. Не смирилась только Саломе. Было ясно, что несчастная девочка никогда не забудет Поля. Ее любимый каждое лето возвращался на остров – сначала с женой, потом, с семьдесят первого, с женой и сыном, а в семьдесят четвертом приехал с женой и двумя

детьми. Так продолжалось до лета восемьдесят девятого. Вас принимали в Арканю, ласково улыбались, я даже учила твою мать готовить фигателлу, рагу из дичи и фиадоне. Сперанца собирала с ней травы – орегано, мяту и дудник. Мы проявляли гостеприимство, потому что Пальма стала членом семьи, хоть и украла у нас сына, и мы не забыли этого и никогда ее не любили.

11:32

Лизабетта опустила чечевицу в кипящую воду, покосилась на Сперанцу – та невозмутимо чистила лук – и продолжила:

– Каждое лето Саломе пряталась от людей, чтобы поплакать. Она была очень гордой и не хотела смотреть, как Поль обнимает жену на пляже и играет с детьми. Вот почему ты видела ее считанные разы. (Бекон и лук шлепнулись на сковородку с оливковым маслом.) Саломе верила, что время – ее союзник, и цеплялась за эту надежду. В спорах между Пенелопами и... мерзавками всегда побеждают первые.

Лизабетта явно хотела сказать другое – грубое – слово, и Клотильда поняла, как сильно бабушка ненавидит свою невестку. Сперанца гремела посудой, словно хотела усилить впечатление от и без того печальной повести.

– Через десять лет Пальма растеряла преимущества, соблазвившие твоего отца. Перестала быть прекрасной экзотической незнакомкой. Так всегда бывает. Корсиканцы становятся моряками, учителями, торговцами, потому что в молодости задыхаются на острове и хотят сбежать. Их манят простор и свобода, но в конечном итоге остаются ароматы детства. Австро-венгерская принцесса обрекла Поля на жизнь в нормандском предместье. В небольшом доме, не во дворце. С садом в четыреста квадратных метров вместо восьмидесяти гектаров корсиканской маккии. Твой отец видел из окна не Средиземное море, а кукурузные поля, не говоря уж о солнце, друзьях детства и профессии. Торговец газонным покрытием! Поль тосковал по Корсике, он был в тупике и винил в этом Пальму.

Лизабетта убавила огонь, ссыпала в кастрюлю нарезанные помидоры и снова нежно взяла руку Клотильды в ладони.

– Больше я ничего не знаю наверняка, малышка. Кто сделал первый шаг? Мой сын? Саломе? Мне неизвестно, в какое лето они снова начали разговаривать, целоваться, любить друг друга.

Произошло это за день или потребовались годы. Понятия не имею, любил Поль твою мать или вернулись его чувства к Саломе. Сперанца тоже ничего не знала, а в Рождество восемьдесят восьмого ее дочь бросилась с маяка де ля Ревеллата. Доктор Пинейро сказал, что она будет в порядке, дрок смягчил падение... но необходимо срочно сделать некоторые анализы и рентген. Он беспокоился о ребенке.

Сперанца вытерла слезы уголком фартука и выбросила очистки.

– Саломе ждала ребенка, и делать аборт было поздно. Ребенок родился 5 мая 1989 года. Появился на свет беззвучно, правая половина тела – ручка и ножка – и правая половина лица были лишены чувствительности. Саломе перестала прятаться, выбрала участь матери-одиночки, которой нечего терять, она плевать хотела на свою честь и делала все, чтобы спасти сына. В то лето Саломе впервые явилась на пляж, постелила полотенце на песке в метре от твоей матери и расстегнула лифчик, чтобы дать грудь сыну. Она ходила на рынок в порту *Stareso*, надев самое легкое платье, толкала перед собой коляску и только что на пятки Пальме не наступала. Твоя мать, конечно, знала, кто эта женщина и кто отец ее сына. Летом восемьдесят девятого Саломе довела твою мать до отчаяния.

11:36

Лизабетта выложила фигателлу в кастрюлю, добавила тмин и половинку лаврового листа.

– И она завела любовника...

Клотильда хотела возразить: «Нет, бабуля, все не так, между Наталем Анжели и моей мамой ничего не было!» – но бабушка громыхнула кастрюлей о конфорку, словно затыкая внучке рот.

– Саломе напомнила Полю об ответственности, противопоставила своего сына вам с Николя, себя – Пальме, Корсику – континенту. Твоя мать носила фамилию Идрисси, семь букв в регистрационном журнале мэрии, а Саломе принадлежало все, что символизировала эта фамилия.

«Папа собирался бросить нас, хотел, чтобы мама увезла меня и Николя на континент, а сам решил остаться в Арканю, растить другого ребенка, жениться на другой женщине. Боже мой...»

Лизабетта открыла бутылку *Clos Columbu* 2007 года.

– Все перевернулось в шестьдесят восьмом, двадцать третьего августа, когда Пальма разбила палатку на мысе Ревеллата. Все

неизбежно должно было повториться именно двадцать третьего.

Лизабетта глотнула вина, поморщилась и продолжила:

– У твоей матери имелось важное преимущество, хочу, чтобы ты это знала. Поль был человеком долга, он бы никогда вас не бросил. Не позволил бы Пальме сесть с вами на паром. Без него... А она хотела взять над ним верх – как всегда. Двадцать третьего августа Поль украсил стол не алыми, а желтыми розами. Желтый на языке цветов означает просьбу о прощении – за ошибку, измену. В День святой Розы Пальма и Поль собирались поужинать в *Casa di Stella*, провести там ночь и помириться – на год, до следующего лета. Саломе оставалось одно – рискнуть всем. Думаю, ты помнишь, что в тот вечер нас за столом было пятнадцать. После аперитива все собирались ехать на концерт в церковь Санта-Лючии. Ты не знаешь, что случилось потом, потому что заснула на скамейке в наушниках.

Клотильда отчетливо помнила те последние мгновения: открытый дневник на коленях, бешеный ритм *Mano Negra*, крики во дворе, на которые она не обратила внимания.

– Когда Саломе вошла во двор Арканю с ребенком на руках, мы онемели.

Наступила тишина. Лизабетта как будто колебалась, стоит ли продолжать. Сперанца медленно поднялась и ушла в соседнюю комнату, а когда вернулась, сдвинула в сторону мясные обрезки и молча положила на стол фотографию очень красивой женщины. Легкий загар, большие, удлиненные к вискам глаза, тонкий нос с легкой горбинкой, чуть приоткрытый рот.

Саломе... Почему это лицо кажется ей знакомым? Лизабетта указала ножом на снимок:

– Да, твоя мать и Саломе были очень похожи. Поль потому и обратил внимание на Пальму. Те же глаза, рост, улыбка, изящество плюс загадочность.

Клотильда вспомнила тот единственный раз, когда видела Саломе не одну, а со своим отцом. В башне маяка. Со спины. Накануне Дня святой Розы.

11:42

Лизабетта привычным движением перемешивала деревянной лопаткой ломтики панчетты, нарезанью фигателлу, лук, тимьян,

помидоры, подливала оливковое масло, а закончив, выключила газ и повернулась к Клотильде:

– Да, дорогая. Мы все онемели. Твоя мать сочла наше молчание поддержкой Саломе, но дело было в удивлении. Дочь Сперанцы решила пойти ва-банк, чтобы твоя мать поняла: ей не место в Арканю! Она красавица, но и ее можно заменить. В тот вечер Саломе зашла слишком далеко в желании спровоцировать Пальму. Она сделала такую же прическу, подхватив волосы черной муаровой лентой, накрасила губы темной помадой, надела рубиновый комплект – браслет и колье, не забыла даже духи *Imiza* с запахом иммортелей. Твоя мать час провела у зеркала, чтобы очаровать мужа, быть в этот вечер самой красивой женщиной в *Casa di Stella...* и Саломе сделала то же самое. Она осмелилась на еще большую дерзость. Ты вряд ли забыла платье от «Беноа», черное в красных розах, которое Поль купил в подарок твоей матери. Саломе была в таком же. Мне потом рассказали, что она отдала за него триста франков! Хотела доказать, что может быть такой же соблазнительной, даже сексуальной, как парижанка. Появившись во дворе, она сразу отдала ребенка Сперанце. Разговоры стихли, а заткнуть рот пятнадцати корсиканцам, которые успели опустошить пять бутылок *Clos Columbi*, очень непросто, уж ты мне поверь. Только Кассаню сказал: «Садись, Саломе. Садись», встал и поставил для нее стул... Между нами.

Клотильда смотрела через кухонное окно на пустой двор овчарни, перголу, большой зеленый дуб и не могла поверить, что все произошло здесь. 23 августа 1989 года. За несколько минут. А она все проспала, потому что ночью шпионила за братом, любила одиночество и терпеть не могла бесконечные семейные сборища. У нее за спиной Сперанца поднялась со стула, чтобы выбросить мусор, и тут же вернулась на свое место, не сняв фартука, не положив нож, и приготовилась молча слушать продолжение печального повествования Лизабетты.

– Пальма почувствовала себя чудовищно униженной. Ты ведь понимаешь, что никто из нас не знал о плане Саломе, но мы ничего не сделали, чтобы остановить это. А я даже налила ей вина. Что было делать твоей матери? Чужая женщина заняла ее место, напала без предупреждения, вытеснила, выдавила. Какие слова могла найти Пальма? Считаешь, ей следовало промолчать? Уподобиться нам? Не тот характер. Твоя мама встала. Я помню каждое слово, каждый вздох,

все звуки – не было дня, чтобы мы не вспоминали ту сцену. Я и сейчас спрашиваю себя, не совершили ли мы тогда самый безумный поступок в нашей жизни...

Клотильда дрожала от холода, у нее так кружилась голова, что она боялась упасть и оперлась ледяной ладонью о белоснежные плитки на стене. Сперанца крепче сжала нож. Лизабетта стояла у плиты.

– Твоя мать оттолкнула стул, посмотрела на Поля и очень спокойно сказала: «Вели ей уйти». Твой отец не ответил... Все кузены, семья и друзья смотрели на нее враждебно. Все осудили бы Поля, встань он на сторону жены. «Не проси меня об этом, Пальма». Но твоя мать, повторила, повысив голос: «Пусть она уйдет! Я у себя, это моя семья». Стало ужасно тихо. Умолкли птицы, даже ветер не шумел в ветвях дуба. Твой отец очень долго молчал. Словно от ответа зависела его жизнь. Так оно и было. Потом сказал: «Прошу тебя, Пальма... Всем нам непросто. Мы должны постараться...» Твоя мать пришла в ярость. В тот момент она ненавидела мужа. Все это поняли – кроме твоего отца. Он не думал, что может лишиться жены. Он боялся потерять достоинство перед своими. «Мы все должны приложить усилия, – сказал он. – Я. Ты. Я оставляю семью, чтобы провести вечер с тобой». А Пальма усмехнулась: «Усилия? Сегодня?» Она отшвырнула стул, опрокинула вазу с желтыми розами и бутылку *Clos Columbi*. Возможно, ты в тот момент проснулась и услышала шум или крики?

Клотильда вспомнила, как прибавила тогда звук на плеере и ушла в свои мечты.

Лизабетта прикрутила конфорку и начала накрывать на стол.

11:57

Идеально.

– Ну так вот, дорогая... Твоя мать произнесла – прокричала – всего четыре фразы, которые мы ждали, даже надеялись услышать. Только после аварии стал понятен их истинный смысл.

– Что она сказала, бабуля?

– С каждой фразой она делала шаг в ночную темноту, которая опускалась на горы.

Езжай на свой концерт. С ней!

Шаг.

Уступаю место, раз вы этого хотите. Все вы.

Шаг.

Но имей в виду – дети с тобой не поедут.

Последний шаг, прежде чем выйти за ворота.

Ты понял меня? Бери ее и поезжай. Но не влещивай детей. Не сажай их в машину.

– Я все время думала о двух последних фразах Пальмы. Тогда, во дворе овчарни, в противостоянии с кланом, она могла зацепиться только за тебя и Николая. Корсика решила отнять у нее мужа? Ладно, но не детей! За сына и дочь Пальма готова была бороться до конца. Я тоже мать и реагировала бы так же.

Сперанца с грохотом поставила на стол стопку тарелок. Клотильда не обернулась. Лизабетта продолжила:

– Но больше никто так не думал – ни Кассаню, ни Сперанца. Твоя мать пошла по тропинке к машине, и, как только она скрылась из виду, Саломе подбежала к Полю, чтобы поцеловать его. Она обнимала своего мужчину и молчала, как будто ничего не случилось, а потом зашагала к «фуэго», открыла дверцу и устроилась на пассажирском сиденье. Саломе победила!

Сперанца все громче звенела стаканами и гремела приборами.

– Продолжение тебе известно, детка. Твой папа наверняка хотел догнать жену, и он бы так и поступил, не смотри на него пятнадцать пар глаз, в том числе его отца. Поль утратил достоинство. И Пальма, и Саломе обращались с ним, как с игрушкой, вот он и решил восстановить авторитет и поступил, как все униженные мужчины. Они кричат, иногда распускают руки, но этого Поль никогда себе не позволял. Раздраженные отцы отдают приказы – часто несправедливые, – желая доказать себе, что умеют заставить подчиняться. Весь клан, как зрители в театре, хотел посмотреть, как поступит наследник Арканю. Любовница ждала его в машине. Твой отец прикрикнул на Николая, велел привести сестру и держать язык за зубами.

Лизабетта помолчала, потом посмотрела внучке в глаза:

– Не знаю, что планировал на вечер твой брат, наверное, вылазку с друзьями или девушкой, но он был ужасно огорчен и разочарован! У него было такое лицо, словно небо упало на землю, его замысел провалился, и по сравнению с этим уход матери казался пустяком.

Николя повел себя по-мужски – он даже глазом не моргнул. Я мало общалась с внуком и не знаю, унаследовал он гордость от отца или от матери, наверное, от обоих, но, чувствуя громадную обиду, мальчик отправился за тобой.

Клотильда вспомнила, как Николя подошел к скамейке, где она грезила под музыку, и сказал: «Пора...» – а потом отец больно схватил ее за запястье и потащил за собой.

Теперь она все понимала.

– Ты вынырнула в реальность, милая, и никто ничего тебе не сказал. Ты даже не заподозрила, что женщина, сидящая в машине на месте твоей матери, причесанная, как твоя мать, одетая, как она, женщина, держащая за руку твоего отца, вовсе не твоя мать.

Верно, так все и было. «Фуэго» трогается с места, в машине тишина, нарушаемая редкими репликами отца или Николя. Она видела затылок матери, серьгу в ухе, рукав платья, а лицо и улыбку домыслила, ведь это могла быть только Пальма Идрисси. Тем более что отец сжал ее руку, когда машина вылетела за ограждение.

Николя знал. Он видел, слышал и понял разыгравшуюся драму.

А она, Клотильда, осталась в неведении.

Полдень

Лизабетта поднялась, чтобы выйти во двор.

– Водитель «скорой» Джованни – наш старый друг. Он очень пунктуален, знает, что Кассаню не любит ждать.

Клотильда не могла отвести взгляд от портрета Саломе. Голос Лизабетты смягчился:

– Ты уже поняла, милая, что Сперанца каждый день ходит на кладбище, чтобы украсить цветами семейный склеп Идрисси, потому что там лежит ее дочь.

Клотильда как наяву услышала голос старой ведьмы:

Она не должна быть здесь. Ее имени нечего делать на плите!

Сперанца эхом откликнулась Лизабетте, впервые за все время открыв рот:

– Я не колебалась, Клотильда. Похоронила дочь под чужим именем, чтобы она лежала рядом с твоим отцом. А потом заявила об исчезновении, сказала жандармам, что моя дочь покончила с собой, узнав о трагедии. Саломе одобрила бы мои действия. Она всегда

мечтала стать членом вашей семьи. – Старуха воткнула нож в лежавшую на доске буханку. – Ее мечта оплачена ценой жизни! Девочка оставила на мое попечение ребенка. Потому что... – У Сперанцы перехватило дыхание, и она вперила взгляд в Клотильду: – Потому что твоя мать убила ее!

12:01

«Скорая» медленно въехала во двор, и две старые женщины забыли обо всем остальном, оглядели кухню – все ли в порядке, сняли фартуки и вышли. Клотильда осталась одна. Последние слова Сперанцы все еще звучали у нее в голове.

Потому что твоя мать убила ее!

Она услышала, как пискнул в кармане мобильник. Сообщение от Франка, слава богу!

*Узнали об убийстве директора кемпинга.
Возвращаемся.
Будем в кемпинге. Где ты?
До скорого,*

Франк

Отослано сорок пять минут назад. Во дворе Лизабетта протянула Кассаню палку и подставила локоть. Сперанца вернулась на кухню – проследить за кастрюлей и упредить любое желание патриарха. Она послала Клотильде ненавидящий взгляд.

Потому что твоя мать убила ее!

Клотильда решительно загородила ей подступы к плите:

– Вы не ответили. Рассказали свою историю, но ни бабуля, ни вы не ответили. Где моя мать? Где она?!

– Сбежала... – прошипела Сперанца. – Убила Пашу и сбежала.

23 августа 2016

Туристам, собравшимся на пляж, попасть туда было сложнее, чем мексиканцу пересечь границу в Тихуане и попасть в США.

Два молодых улыбчивых, но непреклонных жандарма открывали каждую сумку, разворачивали каждое полотенце, проверяли документы, отмечали время входа-выхода и только что не пропускали через металлодетектор девушек в купальниках-бикини. Самые нетерпеливые ворчали: «Ну и что они надеются найти? Орудие убийства есть, виновный задержан...» Единственное, что волновало отдыхающих, заплативших 1200 евро за неделю проживания в бунгало, это кто будет мыть сортир, ведь повелитель швабр и метел сидит в тюремной камере в Кальви, а директор кемпинга лежит мертвый в морге Аяччо.

Заплаканная Аника Спинелло оказалась в эпицентре катастрофы и повела себя как опытный администратор. Она на всех языках мира объясняла, что, да, допросят всех, нет, палатки обыскивать не будут, кемпинг не закроют, ничего не изменится, продолжайте наслаждаться песком и солнцем, нет, экскурсии на сегодня отменены, как и игры... Нет, она совсем не спала, но спасибо Марко за помощь; да, ей нужна сигарета, бумажный носовой платок, даже вся пачка; нет, она не хочет отдохнуть, полежать, принять успокоительное... Да, она будет стоять за стойкой, как капитан у штурвала «Летучего голландца», потому что вся жизнь Червоне заключалась в этом кемпинге, «Эпрокт» был его детищем, его королевством, и теперь, когда он умер, она стала квартирмейстером, а закрыть кемпинг – все равно что снова убить Червоне... Да, малышка, спасибо тебе, очень мило...

Валентина положила перед Аникой пучок чабреца и карточку с соболезнованиями.

– Я очень хорошо относилась к вашему мужу, – сказала она, – хотя мало кто из родственников со мной соглашается. Мы с папой вернулись, как только узнали.

Аника в ответ улыбнулась – вымученно, но искренне.

– Хорошо поплавали?

– Ну...

Красноречивый ответ.

– Твой папа куда-то отлучился?

– Не знаю.

У Аники не было сил продолжать разговор, она снова ушла в свои мысли, вспомнила, как отказалась от серфинга, была в растерянности и тоске, а Червоне... он один умел собрать ее из кусков.

– Вы хотели меня видеть, Аника?

Хозяйка кемпинга сделала попытку встряхнуться, собраться с мыслями.

– Да-да, извини. Для тебя передали сообщение. Мама ждет в Арканю. Поторопись.

У ворот кемпинга стояли три машины жандармерии, но уже за поворотом дороги никого не было. Контраст был совершенно потрясающий, казалось, все сверчки, кобылки и кузнечики жили своей жизнью, не замечая всеобщего волнения.

Валентина понимала, почему в маккии так легко спрятаться: достаточно отойти на несколько метров от полицейских, добраться до кустов, и – хоп! – дело сделано, никто не станет вас искать, ведь даже полицейская собака не возьмет след в душистом море из трав и цветов.

Она шла в Арканю по тропинке. На пересечении с асфальтированной дорогой стояла машина. Валентина удивилась, в голове мелькнул смутный образ. Форма, цвет. «Винтажная тачка, – подумала девочка. – Хозяин наверняка какой-нибудь сериальный актер... Интересно, зачем я понадобилась маме, да еще срочно?» Валу вздохнула. Она сыта по горло древними историями, Арканю, бабушкой, дедушкой, прабабушкой и прадедушкой, мамой, призраками, покойниками...

Щелк!

Есть, вспомнила. Машина! Она видела ее на старых фотографиях в мамином альбоме. Черт, как же называлась та проклятая красно-черная тачка? Странное такое слово, вроде испанское...

Валентина подошла ближе и увидела на пассажирском месте старую женщину. Незнакомую. Так откуда этот страх?

Призрак. Она смотрит на призрак. Старуха была похожа на... нее! Валентине показалось, что это зеркало, в котором она видит себя, но шестидесятилетнюю.

«Возвращайся на тропу, идиотка, до зеленого дуба во дворе овчарни еще метров двести, не меньше...» Валентина оглянулась и встретила молящий взгляд женщины. Та словно хотела что-то сказать,

но губы ее не слушались. Вокруг никого не было, только стрекотали ночные насекомые. «Вот дерьмо! – рассердилась на себя Валентина. – Как же называлась машина? Та, что свалилась в пропасть...»

– «Фуэго», – произнес голос у нее за спиной.

58

23 августа 2016

12:00

Кассаню проигнорировал руку жены, дал двадцать евро водителю Джованни, фыркнул на палку и раздраженно огрызнулся:

– Убери это, Лиза, ног я, слава богу, пока не лишился.

Он оглядел накрытый на четверых стол, обернулся и увидел в углу кухни Клотильду.

– У нас гости, – сообщила Лизабетта.

Сперанца стояла у плиты, словно не было дела важнее готовки. Ей что, память отшибло? Она забыла ночь святой Розы, гибель дочери?

Она сбежала... Убила Пашу и сбежала.

Нет! Этого не может быть. Пальма ждала двадцать семь лет, «затерянная в маккии», и сбежала в день встречи с дочерью, когда та, получив приглашение, поднималась к убежищу? Абсурд!

– Надо же, какая неожиданность! – ухмыльнулся старик. – Когда семья что-то значила, за этот стол меньше десяти человек не садилось. Дети бегали по двору, заглядывали друзья, кузены.

– Она... – Лизабетта заломила руки. – Она... сбежала...

У Кассаню сделалось непроницаемое лицо.

– Сбежала, – повторила Сперанца. – Убила Пашу и сбежала. А... Орсю...

– Орсю в тюрьме, я в курсе, – буркнул хозяин дома. – Джованни все рассказал по дороге. Значит, полицейские обвинили его в убийстве Червоне...

Он залпом осушил стакан вина, положил нож между тарелкой и салфеткой и отодвинул стул, собираясь сесть. Клотильде показалось, что деда ничуть не взволновали новости. Или он намекает, что все приказы уже отданы? Черт бы его побрал! Она дернула Кассаню за рукав и выпалила, заводясь все сильнее:

– Орсю ничего не грозит! Я его адвокат и защищаю невиновного!
Кассаню поставил стакан на стол:

– Неужели? – Он усмехнулся и промокнул губы.

«По-прежнему считаешь меня неразумной девчонкой? Ну-ну, дедуля, сам напросился. Я забуду о твоём бедном сердце, о бабулиных вкуностях и все вам выскажу!»

– Да, не-ви-но-вен! – Клотильда повысила голос. – Орсю и муравья не обидит. Я это знаю, потому что он мой брат. (Бац! Бомба взорвалась...) Он один любил мою мать и помогал ей все эти годы.

«Парализующий эффект», – констатировала Клотильда. Шесть застывших в воздухе рук. Мумифицированные тела. Глубокие морщины. Тишина. Только чечевица, тимьян и лавровый лист булькают в котелке, потому что ведьму-кухарку кто-то обратил в камень.

– Я хочу знать правду. Умоляю, дедушка, расскажи, что случилось.

Кассаню Идрисси выдержал долгую паузу, посмотрел на Сперанцу, перевел взгляд на жену, на бутылку вина, хлеб, четыре тарелки, нож и решился:

– Иди за мной.

На этот раз хозяин Арканю сам, без напоминаний, взял палку. Они вышли из дома и направились к ручью, за которым начиналась тропинка, обсаженная черной бузиной. Миновав окно кухни, старый корсиканец обернулся к внучке:

– Четыре тарелки... Начало конца. Меня скоро не станет, и двум безумным старухам придется садиться за стол вдвоем. Ничего, привыкнут... Такова женская участь: заботиться о мужчинах, провожать их, навещать, встречать. Выбирать дом рядом со школой, когда дети маленькие, а в старости переселяться поближе к кладбищу.

Клотильда улыбнулась, ей захотелось взять деда под руку, но он как будто просчитал ее порыв и кивнул на тропинку:

– Не беспокойся, на Капу ди а Вета мы не полезем, и рекомендации доктора Пинеиро ни при чем, он, между нами говоря, полный кретин. Мои ноги будут ходить, даже когда сердце остановится. Я все объясню, Клотильда. Ты узнаешь историю

Корсики, и она поможет тебе понять нашу... Шагай и рассказывай, что тебе наплели мои чокнутые бабы.

Клотильда шла по узкой дороге и перечисляла факты: любовница, тайный ребенок отца, Саломе, вечер 23 августа, любовница занимает место жены, авария, размышления Лизабетты насчет последних слов Пальмы.

Кассаню кивнул:

– Лиза с самого начала не соглашалась со мной. У нее были... другие убеждения, назовем это так. Но она преданная жена и потому не противоречила. Уважала наш выбор.

– Сделанный мужчинами?

– Можно сказать и так, хотя на нашей стороне была и Сперанца.

– Что произошло, дедушка? Что случилось после аварии?

Палка старика стучала по земле, как будто он проверял путь на надежность, его походка была легкой, а голос спокойным.

– Тем вечером все происходило очень быстро. Мы узнали о случившемся после девяти. Мне позвонил Чезаре Гарсия, описал ситуацию: машина на дне пропасти, выжила ты одна. Больше ничего неизвестно. Несчастный случай? Покушение? Месть? У меня тогда были враги. – По лицу Кассаню скользнула загадочная усмешка. – Я обдумывал варианты, но первой мыслью было перехватить твою мать. Она убежала из Арканю, крикнув: «Езжай туда с ней, но не смей сажать в машину детей...» Это прозвучало как угроза, как будто Пальма знала, что должно произойти.

Клотильда молча перевела взгляд на мыс Ревеллата. С высоты нескольких сотен метров лесистый полуостров, окаймленный маленькими пляжами, усеянный редкими виллами и опоясанный белыми дорогами, казался райским прибежищем. Иллюзия. Обман. Этот полуостров – тупик.

Дед проследил за ее взглядом.

– Нетрудно было догадаться, куда направляется твоя мать. Я послал Мигеля и Симеоне, они поймали ее у маяка в сотне метров над домом Наталя Анжели. Ее любовника.

«Призрак, – подумала Клотильда. – Призрак, явившийся Наталю». Видение преследовало его всю жизнь, а между тем истина проста как апельсин. Наталю не почудилось. Пальма улыбнулась ему с вершины Пунта Росса, а потом ее схватили люди Кассаню. Чего она хотела –

утешиться в его объятиях или выплакать обиду? Теперь этого никто не узнает.

Они шли по узкой, пропитанной лавандовым духом тропе. Справа осталась изрешеченная выстрелами скала. Кассаню специально выбрал эту дорогу – хотел поклониться горе Федератов, где в сентябре 1943 года, за несколько недель до освобождения Корсики, расстреляли макизаров. Старик погладил ладонью камни и продолжил рассказ:

– Твоя мать бежала к любовнику, и этот факт многое объяснял. Она изображала перед нами оскорбленную жертву, произнесла гневный монолог униженной женщины. С самого приезда на остров Пальма была одержима пресловутым праздничным ужином в *Casa di Stella*, но это был спектакль. Она хотела одного – соединиться с Наталем Анжели! А ведь я тогда был почти готов согласиться и выделить ему кусок земли «под дельфинов». Ты меня убедила, хотя стала пешкой в их игре. Улик против Анжели я так и не нашел, но они с Пальмой были сообщниками. Знал ли он о ее планах? Участвовал в убийстве моего сына? Мог помешать? Я угрожал Наталю, давил на него, обещал прикончить и, возможно, переусердствовал. Этот трус женился на Аурелии, дочери Чезаре... Сержант Гарсия на многое смотрел сквозь пальцы, но убийство зятю не спустил бы. Со временем я не то чтобы простил Наталя Анжели, но пришел к выводу, что им тоже манипулировали. У этого красавчика-алкоголика кишка тонка. Он даже на сообщника убийства не тянул.

Клотильда дернула деда за руку:

– При чем тут сообщничество?

Кассаню не ответил, даже шаг не сбавил. К востоку тропа шла между зарослями маккии и виллами Кальви, чьи бассейны и балконы нависали над Средиземным морем.

– Эксперты осмотрели «фуэго» на следующий же день и дали официальное заключение: авария, несчастный случай. Дело закрыли. Тела выдали родственникам. Похороните и забудьте! Власти вздохнули с облегчением. Еще бы! Если бы это оказалось убийством, сведением счетов, в Балани началась бы война кланов: Идрисси против Пинелли, Касасопрано, Поджоли... Официальная версия – усталость, превышение скорости, алкоголь, роковое стечение обстоятельств – устроила всех. Но Альдо Наварри, механик из Кальви, – мой старый друг, наши отцы вместе воевали, освобождали Корсику, так что

сначала он поговорил со мной, а уж потом с легавыми. Его вывод был однозначен: машину Поля испортили намеренно. Я попросил его молчать. Подтвердить удобный для всех вывод. Альдо часто оказывал услуги полиции, ему доверяли, так что рапорт ни у кого не вызвал сомнений.

Старик даже не повернулся к внучке, просто смотрел на деревни, прилепившиеся к склонам Балани. Монтемаджоре, Монкале, Каленцана.

– Чезаре Гарсии понадобилось много месяцев, чтобы прийти к тем же выводам. Он попросил кого-то сделать повторную экспертизу. Слишком поздно.

Клотильда с ужасом смотрела на деда, надеясь, что ее догадка не подтвердится.

– Ты задействовал собственную полицию? Решил сам вершить правосудие?

– О чем ты говоришь? О каком правосудии? О том, что вершат бюрократы с континента? Присяжные, которым то и дело напоминают о презумпции невиновности, вопреки очевидности? За неимением доказательств! Ты адвокат, дорогая, и понимаешь, о чем речь. Я как-то участвовал в подобных цирковых представлениях, поэтому не верю ни в официальную юстицию, ни в закон. Не верю в гражданское право и уж тем более в уголовное.

У Клотильды закружилась голова.

– Ты стал карающей дланью?

– Был суд. Справедливый и беспристрастный.

– И маму защищал адвокат?

– Извини, Клотильда, но я никогда не понимал, зачем нужны адвокаты, – серьезно, без тени иронии, ответил Кассаню. – К тебе это, само собой, не относится. Ты занимаешься разводами и всеми сопутствующими проблемами, это веление времени, нет ни хороших, ни плохих, должен быть арбитр, чтобы все улаживать. Я о другом – о преступлении. Есть следствие, улики, дело, факты, суд, приговор. И адвокат, который пытается все извратить, перевернуть с ног на голову. Зачем виновным адвокаты?

– А невиновным?

Кассаню жирно хохотнул:

– Невиновным? Знаешь, кто такой невиновный? Преступник с хорошим адвокатом.

Клотильда сжала кулаки. «Бога благодари, дедуля, что я хочу выяснить, как далеко зашло твое безумие. Мне есть что сказать о твоём понимании правосудия. Я напомню, что твой внук гниет в тюрьме, что ты как миленький оплатишь услуги лучшего адвоката, раз не веришь в меня!»

– Ну давай, расскажи мне, как проходил тот беспристрастный суд.

Кассаню взглянул на дерево и остановился. Клотильда помнила легенду, связанную с этим местом. Именно здесь кондотьер Сампьеро Корсо приказал повесить родственников жены, которые предали его и продали генуэзцам. К своей супруге, Ванине д'Орнано, он проявил милосердие – задушил собственным шарфом.

– Я собрал друзей, местных жителей, надежных, знающих, что такое честь, клан и семья. Двенадцать человек для жюри присяжных.

– Базиль Спинелло был в их числе?

– Да...

– Кто еще? Кузены? Свидетели появления Саломе на семейном обеде в День святой Розы?

На этот вопрос Кассаню отвечать не захотел.

– Ты считаешь, что твоя мать была заведомо обречена, но это не так. Я жаждал непредвзятого правосудия, хотел, чтобы присяжные опирались только на факты. Искал не виноватого, а убийцу сына и внука.

– И нашел Пальму? Мою мать? Это она залезла под машину и открутила гайку? Десять присяжных поверили в подобное?

– Она была архитектором, Клотильда, и разбиралась в технике. Я проверил другие возможные версии. Главы кланов поклялись честью, что не имеют к этому отношения, и я им поверил. На Корсике не подстраивают аварии, не трогают детей. Врага убивают, глядя ему в лицо. Тот, кто покопался в машине, знал, что управление может отказать на любом повороте. Преступление было преднамеренным, и нам следовало ответить на вопрос о мотиве. Кому выгодно? Ответ очевиден, даже если он тебе не нравится. Твоей матери! Она в тот вечер хитростью вынудила соперницу сесть в машину рядом со своим мужем, который ее разлюбил, собирался развестись и отнять детей. Поль не остался бы на острове с Саломе и Орсю без тебя и Николая.

При разводе Пальма теряла все, в том числе деньги Идрисси. А вот если бы наследник состояния погиб в аварии, пока они еще были женаты...

Кассаню перевел взгляд на верхушки деревьев Сампьеро Корсо, словно вспоминая.

– Твоя мать приказала отцу не брать вас в машину. Повторила это дважды, прежде чем сбежать.

Они преодолели открытый участок пути и снова углубились в тень маккии. Кассаню старался отдышаться и шел молча.

«Что, если он прав? – подумала Клотильда. – Может, адвокаты и правда нужны для одного – разбивать в пух и прах неоспоримые доказательства? Выдавать очевидные вещи за совпадение? Внушать сомнения?» Она сама адвокат и пользуется подобными приемами.

– У меня ни разу не возникло сомнений... – Старик угадал ее мысли. – Твоя мать знала, что в тот вечер никуда не поедет. Только у нее был мотив, даже несколько: любовь, деньги, дети. Она собиралась на свидание к любовнику. Пальма указала на себя, защищая вас, но у нее не было выбора.

Кассаню Идрисси повернулся и взял внучку за руку сухой морщинистой ладонью, похожей на кору пробкового дерева.

– Клянусь тебе, девочка, я искал. Искал других возможных виновных и другие объяснения. Ни одно не выдерживало критики.

– Но виновность моей матери тоже не была доказана и основывалась на домыслах.

Кассаню издал тяжелый вздох. Они вышли к распаханному полю, на котором паслись козы.

– Вот почему я хотел обойтись без адвоката! Мне нужно было настоящее правосудие. Все французские законники одинаковы: нет ни одного доказательства – значит, нет виновного и не будет приговора. Лучше отпустить сто виноватых, чем осудить одного невиновного. Я не мог допустить, чтобы убийца моего сына и внука осталась на свободе. Жюри присяжных, собравшееся в Арканю, сделало свою работу, никто не усомнился в виновности твоей матери.

Господь милосердный... Клотильду била дрожь. Стоявшее в зените солнце обжигало кожу, но леденило кровь. Дед присел на гранитную пирамидку, и она вспомнила, как девочкой приходила на равнину Паоли. Рассказывали, что один из автономистов^[185] закопал

здесь клад из золотых монет, которые незадолго до революции отчеканили в Корте^[186], когда Корсика уже не была итальянской и еще не стала французской. «Сокровище послужит острову, когда он завоюет независимость» – так будто бы сказал хозяин золота, но никто не нашел ни одной монеты, а искали многие.

Легенда, слух – и ноль доказательств.

– Жюри признало твою мать виновной. В другие времена – те, что Мериме описал в «Коломбе» и «Маттео Фальконе», – Пальму осудили бы на казнь. Двадцать семь лет назад я без колебаний вынес бы ей смертный приговор, но остальные воспротивились. Лизабетта. Базиль. Несмотря ни на что, Пальма оставалась членом семьи Идрисси и матерью нашей внучки. «И потом, она ведь так и не призналась, – сказала моя жена. – Что, если однажды выяснится другая правда?» Базиль хотел спасти Пальму и выдвинул другой аргумент: мы не должны быть менее цивилизованными, чем люди с континента, а они больше не казнят даже самых жестоких преступников. И мы приговорили ее к пожизненному заключению. Над Арканю, в маккии, хватает мест, где можно навсегда изолировать человека от мира. Твоя мать не протестовала. Да, она не призналась, но и не защищалась. И ни разу не попыталась сбежать.

«До сегодняшнего дня!» – подумала Клотильда. Накануне этого смехотворного самодельного суда Пальма Идрисси потеряла мужа и сына. Она должна была сесть в машину и погибнуть вместе с семьей и терзалась муками совести. Ее обвинили, загнали в угол, у кого нашлись бы силы защищаться?

Тем вечером она потеряла все, кроме дочери.

Клотильда открыла было рот, но Кассаню надавил ей на плечо, не дав произнести ни слова.

– Я не чудовище, детка. Твоя мать лишилась только свободы. Как любой вор, насильник или убийца. Но обращались с ней нормально. Не то что с заключенными тюрьмы Борго. Лизабетта сама готовила для нее еду, Орсю был почтительным надзирателем, а его пса Пашу не натаскивали на убийство, как немецких овчарок. Мы не звери, Клотильда. И правосудие свершилось.

– А что теперь? Мама сбежала и отправится прямиком в полицию?

Кассаню улыбнулся и покачал головой:

– Поступи она так, жандармы уже были бы здесь. Нет, милая, твоя мать не станет рассказывать немыслимую историю о том, что ее столько лет держали под замком в пастушьей хижине! Пальма не выдала нас, хотя именно так поступил бы любой заложник, согласна? Лишнее доказательство ее вины. – Старик попытался поймать взгляд внучки. – Мы найдем ее, и вы поговорите. Корсиканец может очень долго прятаться в маккии, но не чужачка, двадцать семь лет просидевшая взаперти.

Клотильда посмотрела на Кассаню и поняла, что они думают об одном и том же. Что, если Пальма отправилась к Наталю Анжели? 23 августа 1989 года ей не позволили добраться до Пунта Росса, но это не значит, что она не попробует еще раз.

– Идем, – сказал Кассаню. – Нужно вернуться домой.

Обратный путь они проделали в молчании. Клотильда пыталась представить жизнь матери в импровизированной темнице. Она постепенно подружилась с Орсю, молчаливым мальчиком, носившим ей еду. Когда родился щенок, они дали ему имя Паша. Время от времени Пальма слышала обрывки фраз, возможно, обменивалась несколькими словами с Лизабеттой. И вот после всех этих лет в темной комнате, освещаемой только Бетельгейзе, она узнаёт, что ее дочь возвращается на Корсику, пишет записку и доверяет ее Орсю. Пусть дочь узнает, что она жива! Потом велит ему накрыть завтрак, как двадцать семь лет назад, а через несколько дней уговаривает стать проводником. Пальма хочет увидеть свое дитя, Клотильде ничего не угрожает.

Какую тайну скрывала ее мать? Она никогда не убила бы Пашу. Зачем бежать, когда долгожданная встреча вот-вот случится? Пальма Идрисси не могла ослабить проклятую гайку и подвергнуть жизнь детей смертельной опасности. Нет и еще раз нет! Из всего сказанного дедом значение имеет одно.

Ее мать жива!

Сампа sempre.

Клотильде пора вступить в игру. Выполнить профессиональные обязанности.

Доказать невиновность Пальмы Идрисси.

На спуске хозяин Арканю ускорил шаг, словно, сняв с души груз, расслабился и теперь думал о накрытом к обеду столе и ароматных колбасках фигателлу.

«Не так быстро, дедуля. Не так быстро. Внучка может сильно испортить тебе аппетит!»

Клотильда коснулась руки старика, в которой была зажата палка:

– Дедушка... А если был еще какой-нибудь след? Другой подозреваемый?

Кассаню не притормозил – даже пошел быстрее.

– Я был прав, решив обойтись без адвоката...

– Между прочим, профессией я обязана тебе! – язвительным тоном откликнулась Клотильда. – Вспомни, что сказал мне двадцать семь лет назад на вершине Капу ди а Вета. Возможно, все predetermined выше и ты подал мне идею пойти в адвокаты только для того, чтобы я однажды доказала: Кассаню Идрисси совершил самую большую ошибку в жизни.

Старик даже не улыбнулся.

– Мы проверили все и всех, Клотильда.

– Даже Червоне Спинелло?

Кассаню сбился с ритма.

– Червоне Спинелло? А он тут при чем? Ему было четырнадцать...

– Семнадцать...

– Пусть так. Как связаны мальчишка и вредительство? Все адвокаты с континента задают idiotские вопросы. Выбирают свеженького покойника и все вешают на него.

«Издавайся на здоровье, дедуля, я не поддамся!»

Вдалеке показалась макушка древнего дуба Арканю.

Кассаню Идрисси – мужчина. Значит, в разговоре с ним нужно блефовать.

– Червоне знал о моей матери, верно? О суде и приговоре? И шантажировал вас?

Кассаню закатил глаза.

– Это никак не связано с ослабленной гайкой, но ты права: много лет назад Червоне подслушал разговор отца с другим присяжным. Проныра вечно шпионил. После смерти Базиля он унаследовал кемпинг, но не стал меня шантажировать – на острове таких слов не

произносят, можно поймать пулю в грудь – и просто дал понять, что знает. Мы ничего не обсуждали, условия договора были заведомо известны. Если Червоне обратится к полицейскому, поговорит с журналистом или еще с кем-то, возникнет угроза мне и всей моей семье. Я могу попасть в тюрьму, и Арканю зачехнет. Червоне попросил разрешения застроить несколько гектаров, обновить «Эпрокт», увеличив площадь ресторана и построив дополнительные душевые, финские домики, бунгало и павильон на пляже Ошелучча. Он хотел получить несколько участков, которые принадлежали мне. Место под комплекс «Скала и Море» Червоне купил благодаря моей протекции. Он знал, какой выбор я сделаю между честью семьи и несколькими заасфальтированными гектарами земли.

– Если это не шантаж, что тогда?

– Торговый договор. Червоне – сын моего лучшего друга. Он знал, что ничем не рискует.

– То есть убить его приказал не ты?

Кассаню изумился:

– Конечно, нет! Зачем бы я стал это делать? Спинелло честолобив и не щепетилен, в делах понимает больше, чем в земле, но по-своему любит Корсику. Возможно, насчет строительства прав он, а не я.

Клотильда не стала комментировать слова деда. Он тоже находится в плену иллюзий. Мир вертится слишком быстро, как гигантская центрифуга, осушающая утопии. Не стоит посвящать Кассаню в свою версию событий. Червоне Спинелло ослабил гайку в «фуэго», потому что был уверен: Поль и Пальма Идрисси пойдут в *Casa di Stella* пешком, по тропинке. Никто не подозревал, что вечером за руль собирается сесть Николя и с ним будет Мария-Кьяра. Это от них хотел избавиться убийца. Что его толкнуло на преступление? Любовная досада, зависть, ревность. Взрослым такая версия просто не могла прийти в голову: компания подростков хранит секреты надежнее, чем корсиканские крестьяне омерту.

Они медленно пересекли двор, осторожно огибая клумбы с орхидеями Лизабетты. К удивлению Клотильды, Кассаню не пошел в дом, а присел на скамейку – ту самую, на которой она заснула двадцать семь лет назад, перед аварией.

«Нет, – повторила себе Клотильда, – никто не мог догадаться, что в то лето происходило между подростками. Никто, ни один человек, и уж тем более взрослый!»

Разве что...

Она посмотрела на деда. Он был похож на кота. Большого задремавшего кота. Все думают, что он устал и разленился, но при малейшем намеке на опасность хвостатый реагирует мгновенно, точно и безжалостно.

Встревоженная Лизабетта подошла к мужу, верная Сперанца осталась на пороге.

– Все хорошо, Кассаню?

Старый корсиканец не открыл глаз, только кивнул. Конечно, все хорошо: солнце светит, он сидит под дубом во дворе овчарни, вокруг хлопчут его женщины.

Разве что...

Мысли заметались в голове Клотильды, как растревоженные осы.

За несколько минут до роковой аварии она сидела на скамейке, слушала музыку, поспала, записала в дневнике несколько фраз – как оказалось, последних, – потом появился отец и потащил ее к машине...

Разве что...

Ни один взрослый даже вообразить не мог, какие драмы разыгрывались между подростками летом 89-го.

Никто не мог – если не прочел ее дневник!

Лизабетта коснулась плеча внучки, наклонилась, как будто прочла ее мысли и решила поделиться секретом:

– Ты забыла дневник на скамейке, дорогая. Ну так вот...

Продолжить она не успела – проснулся телефон Клотильды.

Франк!

Наконец-то.

Она отошла в сторонку.

– Ты вернулся?

Голос мужа звучал отрывисто, он как будто задыхался. Бежал? Или вокруг него свистит ветер? Они не разговаривали два дня, а он даже не поздоровался.

– Валу с тобой?

– Нет, почему ты спрашиваешь?

– Я в кемпинге, в административном корпусе, рядом со мной Аника. Ты оставила сообщение и попросила Валентину срочно подняться в Арканю.

Земля ушла у нее из-под ног. Мир перевернулся.

– Я ничего не посылала!

– Ну, значит, твой дед. Или кто-то из его домашних.

– Это очень странно. Подожди, я спрошу.

Она не успела задать вопрос бабушке – та закончила фразу:

– Твой дневник подобрала я тем вечером.

59

23 августа 2016

«Фуэго» медленно двигался по узкой каменистой дороге. Лапы росших по обочинам сосен то и дело скребли по машине, оставляя на кузове длинные, пахнущие смолой царапины. Братья Кастани наверняка бы не одобрили, как он обращается с коллекционной вещью.

Хотя им вряд ли есть до этого дело. Как и ему самому.

19:48

Скоро от машины мало что останется...

Через час и четырнадцать минут.

Та же машина.

То же время, с точностью до минуты.

То же место.

Те же пассажиры.

Полицейские найдут так же обезображенные трупы.

Дело нужно завершить с блеском. Он великолепно закрутил интригу, чтобы взять реванш у судьбы, посмеяться над ней, замкнуть круг, навесить на сундук два замка и утопить его на дне Средиземного моря.

Он посмотрел в зеркало и убедился, что машину невозможно увидеть ни с дороги D81, ни с тропинки, проходившей несколькими метрами выше. По D81 ездили только грузовики и бульдозеры, возившие плитняк с закрытого ныне карьера. Ни один турист, никто из

местных здесь не появляется – за двадцать семь лет он хорошо изучил здешние места.

20:03

Здесь он тихо и спокойно дожидается часа Икс. А девочек, чтобы не скучали, развлечет чтением.

Особенно интересно будет Валентине.

Он остановился в тени корсиканской сосны, выключил зажигание, поставил машину на ручной тормоз и повернулся к сидевший рядом с ним женщине.

– Предпоследний этап, мадам Идрисси. Надеюсь, вы оцените. Я очень постарался, чтобы вас не разочаровать.

Женщина, естественно, не ответила.

– Простите меня, Пальма.

Он отстегнул ремень безопасности, открыл бардачок, достал пластиковый пакет и обернулся. Валентина сидела сзади со связанными руками и ногами, рот был заклеен пластырем телесного цвета. Она изо всех сил пыталась скрыть панику.

– Я не успел красиво упаковать, но вам будет интересно.

Девочка с трудом вытащила тетрадь с вылинявшей голубой обложкой и желтыми покоробившимися страницами.

– Дорогу молодым, а, Пальма? Тем более что содержание этого дневника вам давно известно, не так ли?

Она не ответила.

– Листать ты можешь, Валентина, и глаза пока тоже при тебе. Начинай читать. Я уверен, ты влюбишься в это произведение. Мы все мечтаем проникнуть в мысли наших матерей.

«Твоей матери, когда ей было столько же лет, сколько тебе...»

Валентина колебалась, понимая, что, как только увидит почерк матери, не сможет удержаться от искушения. Нельзя читать чужие дневники, но она имеет право знать.

Знать, кем была ее мать. И бабушка.

Прежде чем машина рухнет вниз.

И утонет.

Вместе с тремя пассажирами.

23 августа 2016

20:00

– Франк? Франк! Алло! Алло!

Клотильда плохо слышала мужа, разговор все время прерывался.

– Франк, никто не посылал сообщение Валу, ни я, ни дед, ни бабушка. Ее не звали в Арканю, тем более в срочном порядке!

– О господи!

– В чем дело? Валу не с тобой?

– Я... Я ходил принять душ, меня не было от силы четверть часа. Валентина ужасно расстроилась из-за гибели директора и хотела непременно пообщаться с Аникой, сказать, что очень хорошо относилась к ее мужу, ну, ты понимаешь... Девочке было не по себе. Когда я вернулся, она уже исчезла. Аника сказала, что передала ей сообщение, и я позвонил тебе.

Скамья, дуб, двор и овчарня качнулись. Остров отчалил. Горы устремились к морю.

– Когда это случилось? Может, она идет сюда? На тропе? Или решила побродить по лесу?

Голос Франка сделался совсем тихим, и Клотильда крепче прижала телефон к уху.

– Нет...

– С чего ты взял?

– Я знаю, где Валу.

«Я не ослышалась? Он издевается?»

– Что ты такое говоришь?! – закричала Клотильда в безумной надежде, что горное эхо сработает лучше мобильной связи.

Лизабетта так и стояла рядом с задремавшим мужем, Сперанца вернулась в дом, и ее вопля никто не услышал.

– Валу в десяти километрах от кемпинга! Где-то в лесу Бока Серья, над Галерией.

На секунду Клотильда решила, что муж похитил их дочь и держит взаперти где-то в маккии, как Кассаню ее мать.

– Черт, да объясни же толком! – Она снова спустила гнев с поводка.

Франк что-то мямлил, запинаясь, как будто не хотел выдавать секрет, не решался признаться. Лизабетта с тревогой смотрела на внучку, словно поняв, что Валентина исчезла.

– Что она там делает? – повторила Клотильда. – Откуда тебе известно про лес?

Ветер загудел в пустоте и донес ответ:

– Я... Я установил специальную программу в телефон Валу... Шпионскую штучку, позволяющую отслеживать географические координаты. – Он понизил голос, как пойманный с поличным мальчишка. – На случай, если... если с ней что-нибудь случится... Я... Ты меня знаешь... Я всегда волнуюсь за Валу... А тебе не сказал, потому что не сомневался в твоей реакции... С ней что-то случилось.

И тут Клотильда все поняла и едва не захлебнулась ненавистью, но одновременно почувствовала облегчение.

– В моем мобильном тоже есть эта дрянь?

– ...

– Я плевать хотела на твоего «шпиона», Франк, у нас нет на это времени, скажи одно: три ночи назад ты именно так нашел меня в маккии?

– Да...

Она закрыла глаза и сцепила зубы, чтобы не выплеснуть на мужа поток ругательств.

– Звони в полицию, Франк! Звони немедленно и передай им координаты! Пусть оцепят весь район и лес Бока Серья. И моли бога, чтобы твоя дерьмовая программа послужила делу. Я возвращаюсь в «Эпрокт». Где ты?

Франк повесил трубку.

Лизабетта все так же молча стояла рядом, ни о чем не спрашивая. Старая, но еще крепкая женщина, разве что спина уже не такая прямая, ждала, когда понадобится, совсем как полезная вещь, до времени убранная в шкаф.

Клотильда, в отличие от бабушки, впала в панику. Руки у нее тряслись, она не знала, что делать: сорваться с места и бежать к «пассату» или не пороть горячку, сделать глубокий вдох и осмыслить ситуацию? Все происходило слишком быстро, она не успевала переварить информацию. Ее мать и дочь исчезли, но пока живы. Во

всяком случае, она на это надеялась... Нужно собрать как можно больше сведений, необходимы факты, факты, факты!

Кассаню проснулся, сдвинул шляпу на затылок и подставил лицо солнцу, не очень понимая, что происходит вокруг.

Клотильда сжала руки Лизабетты:

– Бабуля, ты сказала, что подобрала мой дневник. Он и сейчас у тебя? Это очень важно, скажи мне! Кому ты его показывала? Кто еще читал записи?

Лизабетта попыталась отнять руки.

– Я... не знаю, дорогая.

– Ты никому не показывала дневник?

– Нет.

– Значит, ты... ты... ты одна читала?

В черных глазах старой корсиканки блеснули слезы.

– За кого ты меня принимаешь, девочка? – спросила она, и в ее голосе впервые прозвучал гнев. – Да, я взяла твой дневник, но мне и в голову не пришло открыть его! Порядочные люди не читают чужих писем и дневников. Я отнесла его в «Эпрокт», в ваше бунгало, вместе с твоими вещами, оставшимися в Арканю, – одеждой, книгами, сумкой. В больнице они тебе были не нужны.

– Потом меня выписали и сразу увезли на континент. В кемпинг я не возвращалась.

– Знаю, милая, знаю... Базиль Спинелло должен был пойти в бунгало, все упаковать и передать тебе.

Голос Лизабетты звучал спокойно и уверенно, а Клотильда дрожала, как лист на ветру.

– Базиль так и поступил, бабушка. – Она судорожно сглотнула. – Я все получила. Кроме дневника.

23 августа 2016

Нужно избавиться от телефона. Он не очень разбирался в новых технологиях, но любил детективы и знал, что даже по выключенному мобильнику можно определить местонахождение его владельца. Трубка полетела на камни, и он припечатал ее каблуком.

Пока Валентина со слезами на глазах читала дневник матери, он не торопясь изучил содержимое ее смартфона, но ничего интересного не узнал. Влез в почту, прочитал отправленные и принятые сообщения, просмотрел фотографии, послушал музыку. Погрузился на несколько минут в мир пятнадцатилетней девочки – и не обнаружил ни одного грубого слова о родителях или лишнего сантиметра голого тела на снимках. Ни бутылки вина на заднем плане, ни приятеля в откровенной позе, ни подружки в смелом купальнике.

Благоразумная девица.

Счастливая. Уверенная в себе. Воспитанная.

У нее нет проблем, она не знает ненависти и воспринимает жизнь как подарок анонимного благотворителя. Развернуть, оценить, поблагодарить, задорно задуть свечи и верить, что Рождественский Дед останется с ней, как и мама с папой, добрый Господь или Будда. Подросток без изъяна, без червоточинки. Если верить дневнику, мать в ее возрасте была совсем другой!

Может, дело как раз в технологиях? Мобильный телефон связывает тебя с окружающим миром, а дневник защищает и отгораживает от него.

Теперь последний сигнал, если его запеленгуют, будет из этого леса.

Пора. Хватит тянуть.

Он бросил взгляд на «фуэго», где сидели его пленницы. Пальма и Валентина. Черт, до чего похожи – высокие, тонкие, стройные!

Эту классическую красоту, гордую посадку головы и королевское достоинство не портят ни годы, ни морщины, ни лишние килограммы. Элегантные, привлекательные, внушающие доверие.

Клотильда совсем другая! Она тоже красива, но своим очарованием обязана совсем иным качествам. Хрупкости. Энергичности. Нонконформизму. Наверное, колдун, смешивающий гены, должен быть бережливым, наделяя ингредиентами родителей и детей, братьев и сестер, чтобы успеть сотворить новую порцию. Потому-то фамильные черты часто передаются через поколение.

Он шел к машине и думал о дочери, матери и бабушке. Клотильда никогда не умела общаться с матерью, это ясно из дневника. С дочерью получается не лучше – он долго за ними наблюдал и может с уверенностью утверждать это.

Ирония судьбы...

Бабушка с внучкой могли бы полюбить друг друга, понять, оценить, в этом нет сомнений!

Очень жаль...

Жаль, что им отпущено всего два часа на общение в жалком подобии того, первого, красавца «фуэго», что им не дано обняться – даже в последнюю минуту жизни.

Но он увлекся. Нужно как можно быстрее покинуть это место.

20:34

Прежде чем открыть дверцу, он глянул на часы. Отлично. К месту встречи они придут вовремя. Он посмотрел на Валентину. Девочка не читала, просто перелистывала страницы дневника Клотильды, не видя строчек из-за слез. Интересно, сумеет ли она наконец по-настоящему полюбить мать или возненавидит ее еще сильнее!

Не имеет значения. У нее не будет возможности рассказать.

Он открыл дверцу.

Пленницы не шелохнулись.

– Пора, мадам Идрисси. У нас встреча на карнизе Петра Кода.

62

23 августа 2016

20:40

Клотильда стояла у «пассата» и нервно шарила в сумке в поисках ключей. В голове была полная неразбериха, она не могла решить, куда бежать. В жандармерию? В «Эпрокт»? Ехать по дороге в надежде встретить Валентину? Свою мать? Пазл не складывался. В давнишней драме участвовали два разных кружка – взрослые и подростки, и связывала их между собой только старая голубая тетрадка.

Кто-то из взрослых прочел дневник. Украл, прочел и нашел правду – свою правду. Ключ, вот что дал ему проклятый дневник. А она не может отыскать ключ в сумке! Ну что за идиотка! Клиническая дура!

Завибрировал телефон.

Слава богу, хоть он в кармане...

– Клотильда? Это Аника! Какое горе, какое горе! – Женщина всхлипнула, произнесла несколько слов между двумя рыданиями. – Утром убили Червоне, теперь вот ваша дочь пропала.

Бывшая серфингистка сломалась, развалилась на куски. Железная хозяйка кемпинга совершенно потерялась.

– Вы в «Эпрокте»? С Франком?

– Нет... Я одна, у ворот.

– Где Франк?

– Не знаю.

– Пошел за полицейскими?

– Не знаю... возможно... они... уже здесь. С самого утра... Из-за Червоне... – Рыдания усилились. – Я знаю, вы его не любили, Клотильда, никогда не любили... но он заслуживал лучшего, чем...

– Вы позвонили, чтобы поговорить о муже? – сухо осведомилась Клотильда.

Проклятые ключи наконец нашлись, нужно было немедленно стартовать, а не тратить время на пустые объяснения с чужим человеком. Да и телефон лучше не занимать.

– Нет, конечно нет, Клотильда. – Ни намек на враждебность в голосе, вот что значит опытный администратор! – Я побеспокоила вас, потому что вспомнила одну деталь.

Сердце Клотильды пропустило такт, она замерла, судорожно сжав в кулаке ключи.

– Записка, которой выманили Валентину... Якобы от вас... Следовало проверить, засомневаться, но я была так потрясена...

– Что за деталь, Аника?

– Незадолго до или почти сразу после того, как принесли записку, перед кемпингом стояла машина. Подъехала, притормозила, водитель подождал несколько минут. Я не сразу сообразила...

Клотильда открыла дверь машины и вставила ключ в замок зажигания, решив, что ничего важного не услышит, а Аника все никак не могла довести мысль до конца.

– Червоне все мне рассказал... Давно. Вот я и удивилась нестыковке, но тут увидела на стойке эту записку, потом пришла Валу, и... я отвлеклась.

– Что не так с машиной, Аника?

– Это был «фуэго». Красный. Именно о таком автомобиле Червоне твердил все эти годы. В таком погибли ваши родители и брат.

В мозгу зажглись три сигнальные лампочки, завывала тревожная сирена.

Красный «фуэго».

Географические координаты. Франк назвал лес Бока Серья, несколькими километрами выше скал Петра Кода.

Ее мать и ее дочь.

Вывод очевиден: некто нашел машину, как две капли воды похожую на «фуэго» ее родителей, посадил в нее Пальму и Валентину и везет их на карниз Петра Кода.

Клотильда не знала кто, как и зачем, но была уверена: развязка случится там. Она со страхом посмотрела на часы.

20:44

Кто-то – безумный, больной – направляется к провалу, чтобы воссоздать события, случившиеся двадцать семь лет назад. 23 августа. И в машине, на заднем сиденье, находится другая пятнадцатилетняя девочка. Ее дочь!

Клотильда вспомнила, как десять дней назад они положили у обочины дороги три веточки чабреца, хотя Франк и Валентина и не проявили сочувствия. Водители проезжавших мимо машин бросали удивленные взгляды на странную женщину с опрокинутым лицом. Безумец будет на карнизе ровно в 21:02. И сбросит «фуэго» с обрыва.

Нужно лететь стрелой. Предупредить всех, до кого получится дозвониться.

Пусть на злосчастном месте соберется как можно больше народа. Прежде чем там появится *он*.

У нее восемнадцать минут. Она едва успевает.

Собираясь дать задний ход, она по привычке посмотрела в зеркало и... резко затормозила.

За машиной стоял Кассаню. Бледный, морщинистый, похожий на растерянного Гэндалфа. «Он все слышал. И все понял...» – подумала Клотильда.

– Уйди, – умоляющим тоном произнесла она.

– Я поеду с тобой...

– Освободи дорогу! Ты натворил достаточно глупостей.

Гравий полетел из-под колес, старик едва успел отскочить, и машина исчезла из виду, подняв тучу сухой пыли. Клотильда в последний раз посмотрела на деда. Он стоял прямо, словно врос в землю и не собирался двигаться с места в надежде слиться с природой, стать деревом или камнем, любым безобидным предметом. Уподобиться Лизабетте.

Дорога до полуострова Ревеллата и еще несколько километров до карниза Петра Кода представляла собой бесконечную череду поворотов. Чтобы по грунтовке выскочить из Арканю на департаментскую дорогу, надо было сделать приличный крюк, а путь по тропинке – всего несколько сотен метров.

Клотильда на полном газу пролетела короткий прямой участок дороги и резко затормозила на очередном вираже.

– Черт-черт-черт, – прошептала она, глотая слезы. – Успокойся, да успокойся же ты, если хочешь успеть.

Легко сказать – успокойся... Голова готова взорваться от вопросов. Кто этот псих? Да какая разница, главное – оказаться на карнизе раньше него, раньше них. Клотильда достала телефон. «Какого черта ты побоялась занести номер в книжку? Придумала бы кодовое имя... Теперь вот набирай».

06

Поворот.

25

Переключиться на вторую скорость, ехать быстрее.

96

Никого на встречной, никого сзади, взять влево, пересечь сплошную, выиграть несколько секунд.

59

Ехать еще быстрее.

Ну же, ответь наконец!

Переключиться на первую, затормозить.

– Где же ты?

Ехать еще быстрее.

Наговорить – проорать! – сообщение.

Наталь! Наталь, слушай внимательно. Они забрали мою дочь. Не знаю кто. Не знаю зачем. Пальму тоже похитили. Они едут на карниз Петра Кода. В красном «фуэго». Их хотят убить, Наталь, утопить в Средиземном море. Ты совсем рядом и можешь успеть первым.

Она отвлеклась всего на мгновение и тут же, выругавшись, ударила по тормозам.

На середине дороги стоял Кассаню Идрисси! Старый безумец срезал по тропе. Он дрожал, сильно опираясь на палку, и напоминал марафонца, израсходовавшего последние силы. Клотильда мгновенно приняла решение: придется взять деда на борт, объезжать выйдет дольше.

Она наклонилась и открыла дверцу.

– Считаешь, мало натворил? Ладно, садись живее!

20:50

Она потеряла тридцать секунд. Кассаню молча упал на сиденье. Он тяжело дышал, отдувался и так кашлял, как будто решил помереть рядом с внучкой. «Видимо, как только “пассат” скрылся из виду, сорвался с места как подорванный, наплевав на крики Лизаветты, неся по тропинке, где ему был знаком каждый камень».

Старый корсиканец мало-помалу приходил в себя, а вот двигатель начал греться, через открытые окна в салон проникал запах жженой карамели.

Тормоза? Шины? Коробка передач?

Неважно, осталось всего восемь километров.

– Думаю, твоя мать не сбежала, Клотильда...

«Поздно для сожалений, дедуля!»

– Думаю... ее похитили.

Зазвонил телефон. Взвизгнули шины.

Наталь?

Франк?

«Пассат» летел прямо в пустоту.

– Поворот направо, – спокойно сообщил Кассаню. – Двести метров, сто двадцать градусов.

Она повернула в последний момент. Возможно, старик ей пригодится. Он каждый метр дороги знает наизусть, пусть поработает

штурманом, пользы от него будет точно больше, чем от самого опытного раллиста на «Тур де Корс».

– Клотильда? Это Мария-Кьяра!

От удивления она едва не врезалась в каменную стенку и чудом не въехала в часовенку с Мадонной, крестом и тремя пластиковыми цветками. Кто их положил? Зачем? Решил почтить память другой машины, другой жизни, оборвавшейся тут днем или ночью?

– Левый поворот, сто пятьдесят метров, крутой поворот.

– Мария?

– Я думала о нашем разговоре. О вранье Червоне Спинелло. Об истории с испорченным рулевым управлением.

– Ну и?..

– Правый поворот, узкий, сто метров, сто шестьдесят градусов.

– Вообще-то Червоне не врал.

У Клотильды потемнело в глазах. Мария-Кьяра отказывается от своих слов. Червоне, идеального подозреваемого, сначала находят убитым, а теперь, будь он неладен, еще и обеляют. Раз Червоне не виноват, преступником автоматически становится ее брат Никола.

– Но вы утверждали...

– Я попыталась по минутам восстановить день 23 августа 1989 года, вспомнить каждое слово, каждый жест...

– Небольшой зигзаг слева, сто пятьдесят метров. Восемьдесят градусов.

– Каждый жест? Столько лет спустя?

– Слушайте внимательно, Клотильда, и не перебивайте. Все эти годы я была уверена, что ваши родители и брат погибли в аварии. Но Червоне не мог испортить машину, потому что убить нас с Никола хотел не он, а тот, кто умирал от ревности.

– Налево! – гаркнул Кассаню.

Клотильда повернула в последний момент, не выпуская телефон, и съехала на обочину, раздавив колесами растущие на склоне цветы.

– Я совершенно уверена, – продолжила Мария-Кьяра, – и никогда не забуду глаза, смотревшие на меня и вашего брата на пляже Ошелучча вечером 23 августа, после того как все разошлись. Все, кроме него. На следующий после аварии день он так же смотрел на меня. Сегодня я поняла. Он хотел нас убить... С Никола у него получилось.

– Прямо, четыреста пятьдесят метров, газуй...

– Кто это был, Мария? Чей взгляд ты поймала?

В ответ прозвучал смех. Деланный, киношный. Мария-Кьяра много лет чувствовала себя виноватой. Кто-то так сильно ревновал, что пошел на убийство.

– Вспомни, Клотильда, ты не могла забыть его глаза. Хотя чаще видела только один.

63

23 августа 2016

20:52

Повороты плавно сменяли друг друга. «Фуэго» ехал медленно, водитель мог не беспокоиться, за него думал GPS. Нужно точно выполнять указания механического голоса, и тогда машина окажется у первого поворота на карнизе Петра Кода точно в 21:02.

Через девять минут все будет кончено.

Чуть раньше отмеренного ему срока.

Врач говорил о девяти месяцах.

«Пассат» приближался к шоссе D81. Удаляясь от побережья, дорога спрямлялась, и Клотильда поехала быстрее. Метров через пятьсот придется снова сбросить скорость.

Она зажала телефон в коленях и крикнула деду:

– Это Герман! Придурочный Циклоп!

Кассаню повернул голову:

– Герман Шрайбер?

Клотильда смотрела на дорогу.

– Да, он всех убил. И через десять минут сделает это снова, если мы опоздаем. Он похитил Валу и маму.

– Исключено...

20:53

– Ничего подобного, дедуля! Я вчера говорила с ним по телефону и...

Старик положил руку ей на колено:

– Повторяю, это исключено. Ты не могла вчера говорить с немцем. – Он сделал долгую паузу. – Герман Шрайбер умер в девяносто первом, через полтора года после аварии, в которой погибли твои родители, немного не дожив до двадцати.

20:54

«Фуэго» проехал мимо скал Капо Кавалла.

«На месте в 21:02», – сообщил GPS. На дисплее навигатора в стилизованном виде отображался окружающий пейзаж. Ярко-синее море, гора цвета хаки, кофейно-кремовое небо.

«Безвкусная и кричащая картинка, – подумал Якоб Шрайбер, – настолько же уродливая, насколько прекрасна реальность...»

Заходящее солнце окрасило мыс Ревеллата, маяк, цитадель Кальви в алые тона. Он сбросил скорость, чтобы насладиться видом. Плевать на точный расчет времени и хронометр GPS, он нагонит после мыса Кантателли. Дивный пейзаж – единственное, о чем он будет сожалеть.

Дорога снова повернула к горам. В сухой макки паслись тощие коровы. Он прибавил газу, подумав, что ведет себя глупо, размышляя о предстоящем. Даже если бы Клотильда Идрисси не вернулась на Корсику, чтобы разбередить только-только затянувшиеся раны, лето 2016 года все равно стало бы для него последним. Старейший постоялец кемпинга «Эпрокт» решил распрощаться с жизнью на Корсике. Вместо того чтобы угасать в больнице в Леверкузене, лучше умереть в этих райских декорациях. А загробная жизнь... Неизвестно, есть там что-нибудь или нет.

«Самое большее – девять месяцев...» – сказал его доктор.

Первая опухоль появилась чуть выше печени восемь лет назад. Ему вычистили пищевод, как вычищают водосточный желоб минимойкой «Керхер», но ядовитый дождь продолжал орошать поджелудочную железу, легкие, желудок. Опухоль выиграла сражение. Он думал, что эта сволочь возьмет верх раньше и жизнь на пенсии не продлится дольше пяти лет. И тут бухгалтер компании «Байер» сообщил, что, уйдя с работы досрочно, он станет получать ежемесячную прибавку в триста евро – за то, что столько времени травился продукцией знаменитой фармакологической фирмы. Он трудился на предприятии пятнадцать лет, был специалистом, наблюдал за поточными линиями из-за защитных экранов. Рабочие,

занимающиеся погрузкой, разгрузкой и очисткой чанов, обходились дирекции «Байера» гораздо дешевле.

Он посмотрел в зеркало. Интересно, его пассажирки догадываются, что их ждет? Пальма наверняка все поняла: красный «фуэго», указания GPS, девочка на заднем сиденье. Не дочь – внучка, но ощущение дежавю полное... Валентина прочла дневник матери и теперь тоже в курсе. Обе сохраняют спокойствие, что немудрено: если тебя упаковали, точно новогоднюю елку в сетке, не очень-то подергаешься. И лишь тлеет крохотная надежда, что происходящее – блеф, дурная шутка, инсценировка... Или что парапет у карниза Петра Кода надежно укрепили.

Впереди показалась бухта Никьярето. Якоб Шрайбер вел машину на крейсерской скорости. В последние дни он снова перечитывал дневник Клотильды, страницу за страницей, и его ненависть, и так не угасавшая двадцать семь лет, разгорелась с новой силой.

Его сын Герман ничего плохого не сделал.

Во всем виноваты Мария-Кьяра, Николя, Червоне, Аурелия и все остальные высокомерные эгоистичные недоросли. Клотильда подробно все описала в дневнике. Эти дрянные детки вскормили его гнев, зависть и безумие. Герман был милым, серьезным, трудолюбивым и хорошо образованным мальчиком. Учился сначала в католической гимназии Лизы Мейтнер^[187], потом в леверкузенском лицее Вернера Гейзенберга^[188], в шесть лет стал юным скаутом, в пятнадцать – скаутом-следопытом. У него в кулаке всегда был кусочек пластилина, в кармане блестящий камешек, а в зубах – травинка.

Герман был нежнее своих ровесников. Он любил музыку. Ценил красоту. Занимался сольфеджио. Учился играть на скрипке, писал морские пейзажи и небо бледными, размытыми красками в студии художника-акварелиста, всю жизнь проработавшего в музее современного искусства в замке Морсбройха. Герман был единственным сыном Якоба. Он создавал свой собственный мир из найденных им сокровищ. На стенах его комнаты висели не постеры со знаменитыми теннисистами, певцами и гонщиками «Формулы-1», а десятки страниц гербария, который он постоянно пополнял. В десять лет Герману пришла в голову замечательная идея: он будет собирать коллекцию звезд. Морских и рождественских, звезд шерифа, звезд на

ночном небе, сфотографированных из сердца леса, звезд на флагах, афишах, книжных обложках.

Благодаря своим блестящим способностям Герман поступил в Мюнхенский технический университет на факультет прикладных искусств. Он был и художником, и ремесленником. Его интересовали физика, механика, как работают вещи, но в первую очередь – красота, материальность красоты. Он считал, что природа – величайший гениальный творец и ей одной удастся достичь высшей гармонии и совершенства, а люди должны восхищаться ею, вдохновляться, подпитываться от нее.

Герман был простым и прямым молодым человеком.

Часто одиноким, застенчивым, замкнутым, непонятым. Но он никогда не лгал и не ведал зла. Всему плохому его научили ровесники. Герман игнорировал их кодексы и правила игры, но тем летом хотел стать членом «банды». Если бы не жестокость сверстников, он бы никогда не повредил машину, в которую собирались сестра Мария-Кьяра и Николая. У Германа не было намерения убить, он всего лишь хотел отомстить, чтобы они не сбежали, чтобы машина сломалась и им пришлось идти пешком, чтобы Николая подавил своей спесью и Мария ему не отдалась. Герман хотел напугать, проучить. Он был девственником и не мог допустить, чтобы руки Николая осквернили красоту, изящество, совершенство лица и тела маленькой шлюшки Марии-Кьяры.

Якоб Шрайбер посмотрел на скалы, уступами спускавшиеся к Средиземному морю.

Конечно, Герман не хотел убивать Марию и Николая. Брат Клотильды собирался взять машину родителей и отвезти друзей в «Камарг».

Будь проклят тот вечер и тот ночной клуб! За несколько часов до вылазки Герман услышал разговор на стоянке. Мария-Кьяра соглашалась ехать с Николаем, но при одном условии: все остальные останутся в кемпинге! «Ну уж нет!» – решил Герман и полез под машину. Он не мог знать, что программа изменится, что за руль сядет Поль Идрисси, что он возьмет с собой жену и детей. Так в восемнадцать лет Герман стал убийцей.

Время прибытия – 21:02.

Теперь Якоб Шрайбер мог программировать свою смерть поминутно.

Герман ничего никому не сказал. Полиция закрыла дело. Несчастный случай...

Герман чувствовал себя убийцей трех невинных душ.

Он так и не оправился, целый семестр не ходил на занятия, сидел в четырех стенах, между гербариями и звездами. Понадобилось тридцать сеансов у психоаналитика, чтобы он признался родителям, рассказал все, о чем Якоб и Анке уже догадались.

Герман продолжил общаться с психологом. Вернулся к игре на скрипке. Снова стал собирать растения и наблюдать за звездами. Якоб нашел для сына новый институт взамен университета, туда можно было поступить в середине учебного года, договорился в компании, чтобы сына взяли на работу. Надеялся, что это отвлечет мальчика от мрачных мыслей.

Герман выздоравливал, Якоб верил в это, хотел верить.

23 февраля 1991 года, ровно через восемнадцать месяцев после аварии на карнизе Петра Кода, Герман слишком близко подошел к чану с едким натром. Кислота разъела его тело за несколько секунд, совсем как в научно-фантастических фильмах. Якобу хотелось верить в несчастный случай, но десять рабочих цеха ВЗ конвейера 07 завода «Байер» засвидетельствовали, что Герман намеренно опрокинул на себя емкость. Герман был мягким и одаренным юношей с блестящим будущим. Он мог занять важный пост на крупном предприятии, познакомиться с великолепной женщиной, прожить жизнь в гармонии со своими идеалами. Именно такую жизнь Якоб описал Клотильде по телефону, выдав себя за Германа. Он ничего не выдумал – эту жизнь украли у его сына.

Анке пережила Германа на два года. Она умерла от горя. В августе 1993-го жена Якоба настояла, чтобы они поехали отдыхать в Хорватию, на остров Паг. Его скалы и деревеньки немного напоминали Корсику. Однажды утром Анке села в «мерседес», поехала за хлебом и не повернула руль на вираже над пропастью. В портмоне нашли записку: *Entschuldigung*. Мне очень жаль.

Машину тщательно осмотрели. Рулевое управление оказалось в полном порядке.

У Якоба было достаточно времени, чтобы принять решение. Его жена и сын не совершали преступления, но наказание понесли.

Он обдумал последствия.

И пришел к выводу, что трагедии семьи Шрайбер и семьи Идрисси одинаково ужасны.

23 августа 1989 года, когда стало известно об аварии, Якоб нашел Германа в полной прострации на ступеньках кемпера А31. Он догадался, что часть вины лежит на сыне. До конца отпуска оставалась неделя, но они вернулись в Германию на следующий же день. Утром Якоб зашел в опустевшее бунгало семьи Идрисси. Тетрадь Клотильды, которую она вечно таскала с собой, лежала на кухонном столе вместе с другими вещами единственной выжившей. Якоб взял дневник. Чтобы разобраться, понять. Чтобы никто другой его не прочел, ведь там могло найтись свидетельство, уличающее Германа. Тем летом он несколько раз перечитал записи. Ни одна не указывала на Германа как на убийцу... если не считать фразы о том, что он самый проницательный из любителей детективного чтения. Клотильда Идрисси ничего не знала.

Между тем свидетель был. Червоне Спинелло. 23 августа 1989 года он стоял за стойкой в административном корпусе, не выпуская из поля зрения Николая и Марию-Кьяру, видел, как Герман залез под «фуэго», а потом слышал разговор взрослых об испорченном рулевом управлении. Червоне дал понять Якобу, что знает убийцу Идрисси, но ни разу не обвинил Германа открыто, не пошел в полицию, не наступал Кассаню Идрисси. Якоб не понимал почему, пока не заложили фундамент комплекса «Скала и Море», а на пляже Ошелучча не появилась дискотека «Тропи-Каллисте». Все было ясно как день. Червоне Спинелло шантажировал Кассаню Идрисси! Держал его за яйца, потому что сумел придумать правдоподобную версию событий. Да, у Червоне был козырь в рукаве – он знал имя настоящего убийцы Поля и Николая Идрисси. И Кассаню Идрисси никогда не заподозрит молодого немецкого туриста Германа Шрайбера, потому что ему неизвестно, что таковой существует.

Якоб оглянулся, услышав шуршание: Валентина бережно убирала тетрадь в пластиковый пакет. Пальма Идрисси и ее внучка сидели неподвижно, только ветер, проникавший в кабину через приспущенные стекла, шевелил их волосы. Он чувствовал, что они смотрят на него, встречался с ними взглядом в зеркале. Якоб безмятежно ждал наступления августа, чтобы в последний раз увидеть Средиземное море, выпить пива, сыграть партию в петанк. Врачи сказали, что это его последнее лето, и нате вам – появилась Клотильда Идрисси, начала повсюду совать свой нос, утверждать невозможные вещи. Ее мать, видите ли, жива! Блажь? Безумие? Конечно! Но она ворошила прошлое, расспрашивала Марию-Кьяру, Наталя Анжели, сержанта Чезаре Гарсию и его дочь Аурелию, оживляла воспоминания, срывала саваны с мертвецов. Якоб знал, что она явится к нему и попросит фотографии, сделанные тем летом. Что, если одна из них поможет ей догадаться? Старик превосходно разыграл изумление, когда открыл при ней пустую коробку, а потом уничтожил и снимки, хранившиеся в «облаке».

Он не предполагал, что опасность угрожает ему со стороны Спинелло. Директор кемпинга мог потерять куда больше, чем он сам. Червоне во всем сознался, прежде чем получил гарпун в сердце.

Директор запаниковал, узнав, что Якоб хочет скачать фотографии. Он сделал все, чтобы напугать Клотильду Идрисси, отвадить ее, но эта женщина была упряма и проницательна. И очень трогательна. Червоне опасался, что ей удастся уговорить Якоба и он все расскажет. Тогда двое выживших в трагедии людей обнимутся, поплачут и снимут груз с души.

Якоб судорожно сжал пальцы на руле. Заходящее солнце, глядясь в море, как в зеркало, воспламеняло его. Да, Червоне Спинелло испугался, он понял, что может все потерять. Если Клотильда узнает правду, пойдет в полицию и все расскажет Кассаню, бизнесу директора кемпинга придет конец. Хуже – если хозяин Арканю узнает, что двадцать семь лет назад Червоне видел, как испортили машину Поля Идрисси, и молчал, он прикажет его убрать. Червоне напал на Якоба спонтанно, ударил в висок шаром для игры в петанк. И он не колеблясь добил бы свою жертву, но немца спасли проходившие мимо покеристы. Червоне не успевал спрятать труп и убрать место

преступления. Он ушел, решив вернуться ночью и замести следы. На его беду, Якоб очнулся и скрылся, прихватив лекарства, чтобы продезинфицировать и перевязать рану. Он полвека каждое лето проводил на Корсике и сумел спрятаться в маккии.

Наутро Червоне пришлось дважды изображать удивление – перед игроками в петанк, обеспокоенными отсутствием старого немца, а потом перед Клотильдой, когда они обнаружили, что кемпер Якоба пуст. У него не было выбора, оставалось ждать, дрожать от страха и надеяться, что бош сдох в укромном месте, как раненое животное.

Якоб никуда не торопился, собираясь убить созревшего клиента в удобный момент.

Нужно было выиграть время.

Неопознанный утопленник, выловленный в бухте Кровани, подвернулся очень вовремя. Якоб сбросил кое-какую одежду, часы и документы со скалы на мысе Мурсетта, где было самое быстрое течение. Полицейские не идиоты, им понадобится несколько часов, максимум день, чтобы опознать покойника. А если и не выяснят имя, то уж точно поймут, что разложившееся тело не принадлежит Якобу Шрайберу. Но ему с лихвой хватит этого времени, чтобы усыпить тревогу Червоне.

Директор кемпинга не мог знать, что Якоб приговорен болезнью и ему плевать, как умирать. Он не понимал, что бош ненавидит не только Идрисси, но и всех тех, кто присвоил себе этот рай. Спинелло не догадывался, что боль и одиночество свели Шрайбера с ума и он тратит половину пенсии на психолога. Несчастный одинокий человек сознательно растравлял душевные раны, представляя, как стоит перед емкостью с едким натром, до головокружения вглядывается в белые скалы острова Паг и красные утесы Петра Кода у мыса Ревеллата.

Якоб только этим утром узнал секрет Червоне Спинелло, обеспечивавший ему покровительство Кассаню Идрисси.

Пальма Идрисси жива.

Народное жюри присяжных приговорило ее – вместо Германа, и с лета 1989-го она сидела взаперти в пастушьей хижине. Много лет Червоне сидел на двух стульях, позволяя каждому верить в свою правду: Кассаню не знал истинного виновника трагедии, Якоб Шрайбер – имя той, кого наказали вместо Германа. Директору даже не

требовалось лгать, молчание делало его хозяином положения. Так было, пока на Корсику не вернулась Клотильда Идрисси.

Червоне Спинелло не заслуживал смерти, но пущенный в сердце гарпун можно было считать самозащитой. А вот Идрисси заслуживали и должны были помучиться, прежде чем отправиться на тот свет. Если бы три поколения проклятого семейства не жили во лжи, ничего бы не случилось.

21:01

Солнце еще не скатилась за бухту Кальви, оно раскачивалось над цитаделью огромным слепящим прожектором, превращая мир в театр теней. Глаза Якоба затуманились слезами. Все утро, все это лето, все годы, что прошли без Германа и Анке, он мысленно гонял по кругу одни и те же слова.

Мы были самой обычной семьей, любили простые вещи, приехали в отпуск, чтобы насладиться солнцем.

На острове Красоты.

Мы не знали, что эта красота сжигает тех, кто подходит к ней слишком близко, что она их обманывает и ускользает.

Мы не объяснили Герману, что можно погубить себя, страстно желая обладать красотой.

Герман был слишком чистым, он был совсем другим.

Они терпеть его не могли.

И убили!

Я уйду к Анке. К Герману.

23 августа, в 21:02.

Красный «фуэго».

Карниз Петра Кода, мыс Ревеллата.

Мужчина, женщина, девочка 15 лет.

Три трупа. Все завершится.

Среди красоты.

21:01

Осталось не больше минуты.

Клотильда, почти ослепнув от слез, гнала все быстрее.

Беспольный телефон полетел на приборную доску. Перед ними простирался полуостров Ревеллата, который нужно было обогнуть, подняться до середины склона и спуститься, преодолев двадцать крутых поворотов.

Она не успеет.

Разве что Якоб Шрайбер опоздает. А уж ей хватит минуты, даже секунды.

Дедуля Кассаню молча сидел на пассажирском сиденье.

Они несколько раз повернули у самого основания полуострова, «Эпрокт» на юге, маяк на севере, и пейзаж на время исчез из виду. Клотильда выжимала педаль газа, даже не думая о том, что навстречу в любой момент может выскочить грузовик или трейлер. Белая разделительная полоса казалось ей клейкой лентой, не дающей «пассату» вылететь с дороги.

Они достигли вершины, миновали стоянку, обдав пылью припаркованные там машины. Туристы с фотоаппаратами проводили их раздраженными выкриками, но она даже не заметила. Дорога была свободна на километр вперед. За десятью витками серпантина показался карниз Петра Кода.

Клотильда увидела его.

Она вдавила педаль газа, краем глаза уловив, как морщинистая рука Кассаню сжимает ремень безопасности.

Красный «фуэго» появился километром ниже, на выезде из бухты Порт-Агро. От карниза Петра Кода его отделяли несколько сотен метров.

Она пролетела первый поворот на скорости больше восьмидесяти километров в час, и ей показалось, что два левых колеса вот-вот оторвутся от земли и «пассат» опрокинется. В последний момент ей удалось вывернуть их в противоположную сторону, потеряв несколько секунд. Она снова вдавила в пол педаль газа и сосредоточилась на дороге.

Как же трудно, почти невозможно не смотреть на неумолимо приближающуюся красную точку. «Фуэго», в котором сидят ее дочь и мать.

Ей показалось, что машина замедляет ход, но безумная надежда погасла, как пламя на ветру. Водитель резко увеличил скорость и помчался по длинному прямому отрезку дороги, который заканчивался смертоносным поворотом на карнизе Петра Кода.

Клотильда повторила его маневр, забыв о тормозах. Оставалось всего четыре поворота, может, она успеет и перегорит «фуэго» дорогу. Пусть врежется в нее, столкнет в пропасть, один раз она уже выжила там. Клотильда хотела спасти Пальму и Валентину, на себя ей было плевать.

«Они сделали парпет выше, – напомнила себе Клотильда. – Я видела, когда клала цветы... Деревянную балюстраду заменили полуметровой каменной стенкой. Если мчащаяся на большой скорости машина врежется в это ограждение, ее развернет и закрутит между стенкой и горой, как шальное ядро в траншее, но вниз она не свалится».

Два последних витка, меньше трехсот метров.

Слишком поздно.

Через секунду «фуэго» на полном ходу пробьет каменную кладку, отделяющую дорогу от пропасти, ощерившейся кроваво-красными камнями, которым не терпится утолить жажду, продлившуюся двадцать семь лет.

Клотильда закрыла глаза.

«Фуэго» – тот, настоящий – взлетает в небо, отец сжимает руку женщины, которая не была ее матерью, Николя улыбается, предпочитая умереть молча, но с улыбкой.

Кассаню закричал, схватился за руль «пассата» и резко крутанул. Машина воткнулась в насыпь, снеся головки желтых смолоносиц, и они золотыми каплями брызнули на ветровое стекло.

21:02

«Пассат» замедлил ход, но не остановился, его подбрасывало и трясло на выбоинах и камнях осыпи. Клотильда против воли открыла глаза.

Она увидела, как «фуэго» слегка изменил траекторию, как будто водитель в последний момент решил уклониться от стенки над пропастью. У нее появилась безумная надежда, что автомобиль

соскользнет по камням, потеряет крыло, дверцу, но в конце концов остановится.

Нет, она ничего не поняла. Якоб Шрайбер раз сто фотографировал этот поворот, обследовал его, изучал, обнюхивал и репетировал последний миг своей жизни.

Немец не пошел по стопам Поля Идрисси. Он бросил «фуэго» на бревна-кругляки над бухтой, они треснули, разлетелись, и машина на мгновение застыла в невесомости на фоне неба.

Клотильда знала, что ее мать внутри.

Что ее дочь внутри.

«Фуэго» полетел вниз, туда, где море неустанно билось о скалы. Все было кончено.

65

23 августа 2016

21:02

«Пассат» оказался на карнизе Петра Кода через десять секунд. Клотильда ударила по тормозам, и машина остановилась, перегородив дорогу. Она выскочила и ринулась к провалу, не поставив автомобиль на ручник, не включив аварийные огни.

Обратное течение раскачивало красный автомобиль, как поплавок, между рифами. Клотильда не видела, сильно ли помят кузов, но ясно представляла, как «фуэго» бьется о камни – раз, другой, десятый. Или же произошло чудо, и машина упала сразу в воду?

Море уже на две трети поглотило машину.

Еще несколько секунд – и она скроется под бирюзовой водой. Клотильду посетила святотатственная надежда, что Валентина и Пальма умерли мгновенно, при ударе о скалы, и это избавило их от медленной агонии под водой. Она до рези в глазах всматривалась в крышу.

Боже, боже!

Море плещет на заднее стекло, а за ним... Два силуэта? Две мечущиеся тени?

Иллюзия? Наваждение?

Она никогда не узнает. В следующее мгновение на поверхности осталась только игривая белая пена, швыряющая в голые камни тысячи прозрачных пузырьков.

– Подвинься!

Клотильда подчинилась не раздумывая.

Кассаню встал на край и прыгнул, а она вспомнила их давний разговор: «Все молодые корсиканцы ныряли оттуда, а я был самым безрассудным из всех».

Она до крови прикусила губу.

Может ли тело после стольких лет сохранить память о той идеальной скоординированности, которая необходима, чтобы прыгнуть с двадцатиметровой высоты и не разбиться о воду? Умение собраться в полете и по пути не удариться о выступающие утесы, которые сверху не видны? Не потерять ориентацию, правильно определить точку входа в море, а за мгновение до этого просчитать глубину и уберечься от подводной части красных камней, напоминающих колья во рву?

Да.

Да, тело Кассаню ничего не забыло.

Случай это, везение или дед действительно был выдающимся ныряльщиком? Траектория его прыжка оказалась феерически совершенной, он пролетел мимо гранитных пиков и нырнул в водоворот в том самом месте, где утонул «фуэго».

Ничего.

Несколько бесконечно долгих секунд Клотильда ничего не могла разглядеть. Кассаню не выжил при падении. Он прыгнул не для того, чтобы спасти Валу и Пальму. Старик покончил с собой, чтобы не думать о том, что натворил.

За спиной завывали сирены. Хлопали дверцы машин. От топота множества ног завибрировал асфальт. Клотильда на миг повернула голову и снова уставилась на воду.

Значение сейчас имело только бирюзовое море.

Молиться, молиться, молиться.

Молиться о том, чтобы на поверхности появилось тело, вынырнула голова или рука.

На место прибывали новые люди. Среди жандармов были капитан Кадна, сержант Чезаре Гарсия, тут же его дочь Аурелия и Франк.

Муж Клотильды сделал все необходимое. Позвонил в полицию, и там отреагировали мгновенно, но все равно недостаточно быстро. Минуты сейчас равнялись вечности.

Франк взял ее за руку, и она не оттолкнула его.

Вечность.

Средиземное море никогда ничего не возвращает.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди.

– Там! – закричала Клотильда, увидев деда, выталкивавшего из воды тело. Вот показались голова, шея, плечи.

Валу!

Живая.

Длинные темные волосы колыхались вокруг лица, как щупальца спрута. Франк сильнее сжал пальцы жены. Валентина не кашляла, не отплевывала соленую воду из легких – ее рот был заклеен пластырем.

– Дьявольщина! – выругался Франк. – Она связана, руки в наручниках, ей не удержаться на воде!

Камни в бухте были почти вертикальными и гладкими, так что ни Кассаню, ни тем более Валентина не могли за них уцепиться.

Старый корсиканец снова нырнул.

Валу плавала, видимо помогая себе ногами (Клотильда надеялась, что они не связаны).

– Она не сможет, – повторил Франк. – Бросьте ей веревку или круг, что угодно, да шевелитесь же!

Жандармы растерянно переглянулись. Они ехали спасать похищенную девочку, а не утопающих. Им и в голову не пришло, что... Остается ждать пожарных, их вызвали.

Валу из последних сил пыталась сохранить горизонтальное положение, но волна была слишком высокой и захлестывала ее, накрывала с головой, грозила утащить.

Девочка боролась, цеплялась за жизнь.

Как можно цепляться за пустоту? За воду?

– Никто из вас не прыгнет? – хриплым голосом проорала Клотильда.

Мужчины колебались. Ни один не был профессиональным ныряльщиком, а любитель, пусть даже умелый, имел один шанс из

десяти не разбиться о скалы или рифы.

Франк перелез через первый парапет.

– Нужно попробовать спуститься, найти тропинку, спрыгнуть ниже.

Он проехал несколько метров на ягодицах, цепляясь за стебли дрока, росшего тут и там между камнями.

Четыре жандарма последовали за ним.

– Быстрее! – кричала им вслед Клотильда.

Кассаню снова вынырнул на поверхность. Он почти лишился сил, кашлял, отплевывался водой и кровью, но тащил вверх еще одно тело.

Мама!

Без чувств, глаза закрыты.

Кассаню пытается спасти женщину, которую так долго ненавидел и обрел на пожизненное заключение!

Больше хозяин Арканю не погружался. Одной рукой он удерживал Пальму, как удерживают тяжелый пакет, сдувшийся матрас, спасательный круг, – а другой пытался дотянуться до Валентины.

Еще немного – и старик сдастся.

Франк и жандармы застряли. Попытка спуститься оказалась худшей из идей. Как только кустарник закончился, они лишились возможности сделать хоть шаг. Прыгнуть тоже не могли. Без специального снаряжения ничего не выйдет, придется лезть наверх.

А спасатели опаздывают...

«Все пропало... – подумала Клотильда. – Кончено... Кассаню в конце концов добился своего...»

Самый высокий трамплин, с которого она прыгала, был трехметровым...

Теперь это не имеет значения.

Она рванулась вперед, сделала глубокий вдох и...

Кто-то схватил ее за руку.

Так крепко, что не вырвешься. Сержант Чезаре Гарсия не произнес ни единого слова, но его взгляд говорил: нет, довольно, хватит смертей, еще одно самопожертвование ничего не изменит.

Их было трое у проломленного парапета.

Чезаре, Аурелия и она.

– Пустите!

Сержант как будто не услышал. Клотильда была на грани истерики. Нужно действовать, она не может бросить Валентину и Пальму!

– Слышишь? – спросила Аурелия.

«Что? Что я должна слышать?!»

Клотильда напряглась. Ничего. Только ветер крепчает, и волны становятся все выше. Смертоносные, убийственные волны.

Она посмотрела вниз.

Кассаню схватил Валентину за плечо, не выпуская Пальму, и теперь все трое держались вплотную друг к другу, как тюк с товарами, свалившийся с грузового корабля. Они тянули головы, сопротивлялись, но сил почти не осталось. И все равно – нужно держаться, держаться, держаться.

Зачем? До каких пор? Кто протянет им руку помощи?

Клотильда никогда не забудет, что именно Аурелия первой узнала шум двигателя, хотя вряд ли часто его слышала.

В сотне метров, за последней группой скал, скрывавших часть полуострова Ревеллата, Тюлений Грот, маяк, Пунта Росса, появилось суденышко.

Больше лодки, но меньше траулера.

«Арион».

Двигатель работает на полную мощность, судно скользит по волнам, изящно огибает рифы, Наталья стоит у штурвала, он в красной ветровке, светлые волосы развеваются на ветру.

Никогда еще сердце Клотильды не билось так сильно.

Через несколько секунд Наталья оказался рядом с утопающими, выключил двигатель и наклонился, чтобы вытащить Валентину.

Сделать это оказалось не так-то просто: «Арион» сильно качало, а Валу не могла помочь из-за наручников. Подтолкнуть девочку к Наталью должен был Кассаню, и каким-то чудом ему это удалось, теперь настала очередь Пальмы. Она уже перестала быть просто грузом, помогала мужчинам. Кассаню Идрисси обнял ее одной рукой за талию, другую подвел под колени и подал Наталью. Так свежеиспеченный муж переносит молодую жену через порог дома, в котором они проживут вместе до конца *дней*.

Клотильде почудилось, что в этот момент их взгляды встретились, губы шевельнулись.

Хозяин Арканю шепнул: «Прости...»

Пальма Идрисси ответила: «Спасибо...»

Да нет, не может быть, рот ее матери заклеен пластырем...

Бабушка и внучка оказались на палубе.

Спасены!

Наталь протянул руку Кассаню.

Старик уже целых семь минут боролся с морем, волнами, течением и скалами.

Схватка была неравной. Но он держался. И победил.

Теперь сил не осталось.

Во всяком случае, такой вывод сделали жандармы, так написали все утренние корсиканские газеты, так – с невероятной гордостью – рассказывали об этом охотники в баре «Эпрокта» и так всю оставшуюся жизнь отвечала Клотильда Пальме и Валу, когда те спрашивали: «Как все закончилось?»

Дедуля боролся до последнего вздоха.

Никто из свидетелей не поделился тем, что видел. Или думал, что видел.

Наталь Анжели протягивал руку. Она была в нескольких сантиметрах от Кассаню.

Старик за нее не схватился. И ушел под воду.

23 августа 2016

21:30

На карнизе Петра Кода давно не собиралось так много людей.

Ни разу – за последние двадцать семь лет.

Здесь стояли три пожарные машины, две «скорые», четыре микроавтобуса жандармерии, множество туристов, которые, на свою беду, оказались на единственной дороге, соединяющей Аяччо с Кальви. Только несколько мотоциклистов, велосипедистов и

любителей вечерних пробежек медленно продвигались вперед, но и они останавливались взглянуть на происходящее.

Катер морской полиции «Зодиак» прочесывал бухту, где исчез Кассаню, но все было тщетно. Спасатели сбросили вниз веревочную лестницу, закрепив ее на стальных скобах, которые врубили в скалу. К тем же скобам стальными цепями надежно пришвартовали «Арион», на борт которого спустили подъемник. Опытные спасатели эвакуировали Валентину с Пальмой.

Под этим почетным эскортом они выбрались на дорогу, где их встретили зеваки, полицейские и близкие. *Пропустите, пропустите.* Девочку и ее бабушку завернули в специальные одеяла. *Все хорошо, все хорошо...* – объявил врач «скорой», похожий на молодого Харрисона Форда, настояв тем не менее, чтобы Валу и Пальму отвезли в Аяччо. Пришли санитары с носилками, водитель выбросил окурки и повернул ключ в зажигании, готовый немедленно стартовать. Пальма с трудом подняла руку. *Осторожно, потихоньку.* Клотильда едва успела обнять дочь и мать. *Позже, мадам, позже.*

Наталь поднялся по лестнице последним, без посторонней помощи. Чезаре Гарсия протянул зятю руку, хлопнул по плечу в знак одобрения: молодец, парень. Мужчинам, совершившим подвиг, выигравшим бой, не нужны слова.

Франк принес из машины свитер и брюки для Валентины, помог надеть кеды.

Аурелия что-то обсуждала с Харрисоном Фордом, вид у нее был профессионально участливый и в меру озабоченный. Клотильда оказалась лицом к лицу с Наталем. Ненамеренно. Он показался ей невероятно беззащитным и трогательным в расстегнутой до пояса ветровке, с мокрыми, падающими на глаза волосами и улыбкой супергероя. Ей захотелось кинуться ему на шею – естественный, понятный порыв, жарко шепнуть на ухо: *Спасибо, спасибо, спасибо. Я всегда знала, что ты поднимешь якорь и «Арион» снова поплывет по морю, что нам. нужно только поставить паруса – и в путь.* Валентина и Пальма спасены и обрели друг друга. Все улажено. Пора отправляться.

Она сделала шаг.

Желание прижаться к Наталю было животным, подсознательным, как будто его сила и спокойствие могли залечить душевные раны.

Аурелия отвернулась от врача и сделала два шага.

Франк сунул одежду дочери в руки проходившему мимо санитару и сделал три шага.

Чезаре Гарсия отступил назад, как арбитр на ринге.

– Наталь! – позвала Аурелия.

Он не двинулся с места.

– Кло! – в спину жене закричал Франк. – Кло!

Она не отреагировала.

– Клотильда, ты нужна Валу.

Она заколебалась.

– Ей нужно... сказать тебе что-то важное.

На остров опускалась ночь. Пожарные разъезжались. Катер морской полиции делал все более широкие круги, собираясь выйти из бухты в открытое море. У Клотильды упало сердце.

Разве можно сейчас покинуть дочь?

Она обернулась.

Валентина и Пальма сидели, сгорбившись под одеялами, в одинаковых белых чалмах из полотенец, и были ошеломляюще похожи.

– Что ты хотела, детка?

– Мама, я... у меня кое-что есть для тебя...

Девочка поднялась – ее качнуло, – вытащила из-под золотистой накидки пакет, засомневалась и наклонилась к бабушке:

– Вот... Отдайте ей сами.

Голос Пальмы дрожал, она говорила отрывисто, тяжело сглатывая между слогами:

– Скажи... мне... ты... ты... где... моя...

Она улыбнулась и приняла на колени пакет, не выпуская рук внучки. Шесть рук, тридцать пальцев соединились, и пакет зашуршал, как смятая бумажная безделушка.

– Это... твоё... – выговорила Пальма.

Бабушка и внучка расплакались.

Клотильда осторожно развернула подарок, не понимая, почему они так разволновались, увидела что-то бледно-голубое, нащупала

прямоугольный предмет. Книга, легкая... Нет, не книга, скорее тетрадь.

Ветер подхватил пустой пакет, понес в сторону мыса Ревеллата, и никто не попытался его поймать.

Дневник каникул. Лето – 89

Знакомый почерк.

Она бережно перевернула первую страницу – как археолог найденный в пирамиде папирус.

Понедельник, 7 августа 1989 первый день каникул

Я – Клотильда.

Представляюсь из вежливости, хотя вы вряд ли ответите тем же, ведь я не знаю, кто вы, мой читатель.

Мой избранник на всю оставшуюся жизнь, которому я наутро после первой ночи любви протяну дрожащей рукой дневник юных лет?

Или придурок, случайно нашедший тетрадку, ведь я – растяпа и все время все теряю.

Слезы безудержно лились из глаз Клотильды. Буквы, слова, строчки остались нетронутыми, только страницы пожелтели да уголки загнулись, и дневник стал похож на старинную книгу заклинаний. Ей на миг показалось, что она встретилась с собой. Столкнулась нос к носу с девочкой пятнадцати лет, как это бывает в романах, где две героини проживают разные судьбы и встречаются в последней главе.

– Я спасла его, мама, – с гордостью сообщила Валу. – Спасла!

Теперь они плакали вместе.

Кто-то обнял ее за талию.

Франк.

Она обернулась, приникла к нему, положила подбородок на плечо. Муж мог принять это за проявление нежности, но она смотрела на Аурелию, спрятавшую лицо на груди Наталя.

Клотильда прижала к себе дневник.

27 августа 2016

12:00

Лизабетта с усмешкой наблюдала за собравшимися во дворе овчарни Арканю людьми. Полуденное солнце медленно поджаривало принарядившуюся толпу, каждый пытался найти хоть кусочек тени и... не находил. Все попали в ловушку. Кассаню бы это понравилось.

Он всегда терпеть не мог мрачные спектакли, которые до сих пор обожают некоторые корсиканцы, когда облаченные во все черное женщины поют бесконечные горестные гимны и воют. Его смешили попытки отвести, отвадить от дома смерть, задергивая шторы на окнах и закрывая зеркала простынями. Лизабетта обещала, что не допустит ничего подобного.

Она сдержала слово.

Но народ все равно собрался.

Пришедшие молчали и потели, и Лизабетта подумала: «Не ровен час, у каждого под ногами появится лужа, вода сольется в ручейки и потечет в море...»

Двор превратился в адское пекло. Корсика наказывала корсиканцев.

Толпа двигалась медленно, очень медленно.

Гроб несли Орсю и ближайшие кузены Мигель, Симеоне и Тонио. Собравшиеся просачивались наружу, как песчинки в песочных часах, и отправлялись в долгий путь по тропе, которая вела на кладбище Марконе. Длиннющая черная гусеница ползла вперед по два человека в ряд. Было жарко, дышалось тяжело, и всем хотелось поскорее добраться до отрезка пути над морем, надеясь, что легкий ветерок поможет преодолеть последний километр из трех, отделяющих Арканю от мавзолея Идрисси. Гроб уже внесли на кладбище, а последние участники церемонии еще не тронулись в путь.

В процессии мелькали лица префекта, четырех генеральных советников, семерых членов Ассамблеи Корсики, директора Национального парка... Да, Корсика Кассаню любила пошутить. Чиновники были в тесных рубашках, застегнутых на все пуговицы пиджаках, начищенных до блеска туфлях и обливались потом, завидуя

детишкам в шортах, девушкам в коротких платьях и мужчинам в поло с короткими рукавами. Те на похороны оделись, как для игры в шары.

Последняя насмешка Кассаню над приличиями!

Дуб оголился. Лизабетта обдумывала это много лет. Каждый день, глядя из окна кухни на огромное дерево в центре двора, она понимала, что церемония должна пройти так и только так, и попросила Кассаню внести специальный пункт в завещание.

Ни цветов, ни венков.

Для нее и для всех остальных дуб Арканю – дуб полуострова Ревеллата – и Кассаню Идрисси были единым целым. И Лизабетта исполнила задуманное: каждый друг семьи, каждый приглашенный, явившийся отдать последний поклон ее мужу, получил зеленую ветку, чтобы положить на могилу.

Трехсотлетнее дерево стояло голым, как зимой, и напоминало огромный высохший скелет.

Так захотела Лизабетта. Ее не волновали люди, сколько бы их ни пришло. В настоящий траур оденется дерево.

Минует лето, и дуб снова зазеленеет, а Арканю встрепенется и будет жить сотни лет.

Кассаню и древесного патриарха питала сила Идрисси. Так повелось с незапамятных времен и продлится до скончания веков.

Лизабетта с душевным трепетом наблюдала, как тысячи черных муравьев тащат зеленые ветки. Покидая овчарню последней, она взглянула на цветущую клумбу: никто не посмел наступить на ее маленький садик, ни один цветок не был сломан.

«На моих похоронах я, пожалуй, удовольствуюсь одной орхидеей...» – подумала она и пустилась в путь.

Она шла мелкими шажками, а толпа застопорилась уже на первом километре. Те, кто добрался до кладбища, стояли очень плотно, и процессия замерла. Люди расступались перед Лизабеттой и выстраивались вдоль дороги. Это было самое медленное и самое прекрасное ралли Корсики, разве что никто не улюлюкал и не свистел вслед.

Вдова потратила на дорогу час.

Склеп над бухтой Ревеллата был открыт. Вид на море завораживал, но Лизабетта терпеть не могла кладбищенские

памятники, особенно монументальные мавзолеи знатных семей. Несмотря на роскошь, греческие колонны или оттоманские купола, они по сути своей были просторными шкафами, где хранились поколения корсиканцев. Однажды она разделит вечность с Кассаню, присоединится к нему на пятой полке справа, считая сверху, под родителями, бабушкой и дедушкой, прабабушкой и прадедушкой, прапрабабушкой и прапрадедушкой. Сыну, Полю Идрисси, недолго осталось ждать свидания с матерью.

Я кладу ее на полку, и она говорит: «Здесь слишком темно...»

Лизабетта покачала головой, гоня прочь глупую детскую песенку.

Она медленно шла к склепу, чтобы первой бросить ветку на гроб, и окружающим казалось, что вдова устала, потому и двигается так медленно. Они ошибались. Хозяйка Арканю повернула голову направо, Сперанца все поняла без слов и подставила ей руку. Она разделит с Лизабеттой честь и тоже первой подойдет к склепу.

Здесь лежит ее дочь Саломе.

Лизабетта посмотрела налево и взглядом, не терпящим возражений, пригласила Пальму присоединиться.

Здесь лежит ее муж.

Три женщины сделали последние шаги, бережно поддерживая друг друга.

Идея примирить Пальму и Сперанцу хотя бы на время церемонии пришла Лизабетте в голову накануне, и она обдумывала ее всю ночь, зная, что сумеет.

Три ветки одновременно полетели вниз и мягко опустились на полированную крышку, как будто дубовый гроб вдруг ожил, расцвел, зазеленел и, если бы его оставили в земле, а не запирали в мраморный шкаф, следующей весной доски превратились бы в ствол, пустили корни, дали желуди, а скопы свили бы гнезда.

Следом подошли Клотильда и Орсю. Судьба воссоединила брата и сестру, усювестившись, что сделала их сиротами. У них была одна ветка на двоих, и Орсю держал ее здоровой правой рукой, а Клотильда – левой. Так влюбленные переплетают пальцы, довольствуясь одним цветком.

Ветки с листьями цвета мха, нефрита, лишайников, опалового стекла ложились друг на друга, бросая вызов всем оттенкам синего

Средиземного моря и красным скалам полуострова Ревеллата.

Лизабетта смотрела на дорогих сердцу людей, чья история переплелась с ее историей.

Безутешная Аника долго не отходила от могилы. Накануне на этом же кладбище она похоронила мужа. Народу было раз в десять меньше. Лизабетта долго с ней говорила, посоветовала остаться, не бросать «Эпрокт». *Она подумает, подумает...*

Мария-Кьяра Джордано была очень хороша и выглядела респектабельно в черном платье (вырез прикрыт кружевом) и темных очках. Ее сопровождали два телохранителя.

Франк бросил ветку и быстро отошел, чтобы не мешать Валентине. Девочка не плакала. Она застыла на краю могилы и смотрела на гроб, словно пыталась разглядеть свое прошлое. Отцу пришлось увести ее чуть ли не силой.

Последними прощались Аурелия и Чезаре Гарсия. Сержант был единственным, кого избавили от ожидания в Арканю, участия в похоронной процессии и подъема к мавзолею, но его темная рубашка все равно промокла от пота.

Аурелия отпустила руку отца, улыбнулась Лизабетте и перевела взгляд на море.

На кладбище собрались все.

Отказался прийти только Наталь.

Толпа постепенно расходилась. Клотильда крепко обняла бабушку и пошла к скамейке, на которой сидела Пальма. Несмотря на жару, она накинула на плечи шелковую черную шаль в цветках шиповника. Валентина была рядом, писала кому-то сообщение и думала, что, сидя в заточении, бабушка вряд ли могла узнать о таком потрясающем изобретении, как сотовая связь.

«Мама многого не знает о своей матери, но у них впереди уйма времени, чтобы приручить друг друга. Хотя будет нелегко...»

Обретя свободу, Пальма почти ничего не рассказывала, больше молчала и слушала. Все происходило слишком быстро. Ей было шестьдесят восемь лет, свет, шум, волнение, вопросы утомили ее. Нужно было запомнить столько имен, столько фамилий!

Пальма путалась, забывала, принимала внучку за дочь, как будто время замедлило ход и Клотильда не изменилась.

Но стала похожа на нее.

А той было все равно. В ее душе поселился покой.

– Он... ушел, – сказала Пальма.

«Это она о Кассаню?»

Нет, не о старике. Взгляд ее матери был прикован к маяку, от которого уходил «Арион». За штурвалом угадывалась фигура Наталя Анжели.

– Он... ушел, – повторила Пальма.

Впервые за последние дни она произнесла почти монолог:

– Я много... думала о нем... Мне... было... сорок... когда я попала... в темную комнату... Я была... красивой женщиной... В доме висело зеркало... я заставила себя забыть... Наталя... и больше всего боялась... что он снова... меня увидит... Время жестоко... и несправедливо... к женщинам... Мужчина... пятидесяти пяти лет... не может... любить... семидесятилетнюю... женщину...

Клотильда промолчала.

Сказать было нечего.

Она смотрела и не могла насмотреться на чудесную, самую любимую на свете панораму: Крест австрияков на вершине Капу ди а Вета, цитадель Кальви, «Эпрокт», пляжи де л'Альга и Ошелучча, развалины комплекса «Скала и Море», маяк де ла Ревеллата.

– Смотри, мама, – позвала Валентина, оторвавшись наконец от мобильного.

– Куда?

– В море, сразу за маяком.

Клотильда ничего не увидела.

– На траверзе «Ариона». Четыре черные точки.

Клотильда и Пальма прищурились, вглядываясь.

– Это они, мама! Орофин, Идриль, Галдор и Татиэ. Твои дельфины!

Клотильда изумилась, не понимая, откуда дочери известны эти имена, но тут же сообразила: дневник! Девочка прочла его в «фуэго».

– Я почти уверена, мама! Ничего удивительного, они узнали «Арион».

Могла ли Валу, всегда такая серьезная и рассудительная, нафантазировать подобное?

– Дельфины живут больше пятидесяти лет, – горячилась Валентина, – и у них потрясающая память. Вспомни, мама, что говорили в одном фильме: «Такой длинной любовной памяти нет ни у одного млекопитающего. Они способны узнавать партнеров по голосу через двадцать лет после разлуки».

Как Клотильда ни старалась, не заметила ни одного плавника.

– Ты опоздала, – упрекнула ее Валу. – Они ушли.

Неужели девочка научилась блефовать, прочитав дневник? Валу продолжила, глядя на скалы, нависающие над пляжем Ошелучча, и изображая полную невозмутимость:

– Что теперь будет с развалинами «Скалы и Моря»?

– Не знаю, детка, наверное, останутся тут навсегда.

– Жалко...

– Почему?

Валентина повернула голову к склепу и начала читать имена своих предков, которых триста лет хоронили на острове.

– Жалко, что моя фамилия не Идрисси.

Долгую паузу нарушила Пальма:

– Что... бы... ты... стала... делать... с этой... фамилией?

Валентина взглянула на бабушку, как будто пыталась разглядеть в ней соблазнительную красавицу, описанную в дневнике.

– Ты была архитектором, бабуля?

– Да...

Клотильда повторила вопрос матери:

– Что бы ты делала, Валу, если бы носила фамилию Идрисси?

Валентина еще раз посмотрела на склеп, на море, перевела взгляд на останки комплекса «Скала и Море» и сказала:

– Не дала бы всему этому разрушиться!

Двадцать семь лет спустя

– Бабуля, можно поиграть в бассейне?

Она кивнула: «Конечно, милые!» – и подмигнула внукам. Они никогда не спрашивали разрешения у матери. Она всегда и на все

говорит «нет».

Слишком холодно, слишком жарко, слишком мокро, слишком опасно.

Их мать – зануда. Самую малость.

– Спасибо, ба!

Феликс и Инес подпрыгнули, обхватили колени руками и плюхнулись в воду. Клотильда перевела взгляд на пляж де л'Альга и мыс Ревеллата. Бассейн нависал над полуостровом. «Турсиопс», дельфиний заповедник, открылся 15 лет назад. Основное здание, администрация, музей, лаборатории и лекционные залы построили из корсиканской сосны, по оригинальному проекту Пальмы. Чудо слияния с естественной средой – самообеспечение энергией благодаря солнцу, ветру и морю – плюс педагогический успех. Фундамент комплекса «Скала и Море» разобрали, а камни Брандо^[189] пошли на обустройство дороги и лестниц, ведущих к бассейну и смотровой площадке над дельфиньей бухтой.

– А ты будешь купаться, бабуля?

– Оставьте вашу бабушку в покое! – крикнула детям Валентина и вернулась к колонкам цифр на экране ноутбука.

Клотильда колебалась. Она плавала практически весь год, часто с дельфинами Сирданом и Эолом^[190] или морской свиньей по имени Диор Аранель^[191], которого спасли из сетей сантурийских^[192] рыбаков, а летом – с Феликсом и Инес. Нужно использовать последнюю возможность, ведь через два дня она останется одна, Валентина с детьми вернутся в Париж, в квартиру в модном районе Берси-Вильяж с видом на просторный офис главы семейства. Был конец августа, туристов приезжало меньше, но в коридорах «Турсиопса» не смолкал детский смех. С первых чисел сентября в заповедник регулярно приходили корсиканские школьники. Сама Клотильда не покидала остров с тех пор, как вышла на пенсию.

Она посмотрела на табло над бассейном – время, температура воды, прогноз погоды, – задержалась взглядом на мемориальной деревянной доске, установленной в честь архитектора. Фамилию ее матери обрамляли два цветка шиповника. Именно такой рос вокруг парка и с апреля по июль цвел всеми оттенками розового и сиреневого.

После освобождения Пальма жила одна в темной квартирке в Верноне и почти не выходила из дома. Клотильда боялась, что как

только закончится строительство, мать окончательно потеряет желание жить, поэтому звонила каждый день.

Однажды вечером, заехав после работы, она обнаружила Пальму мертвой. Она лежала на кровати и выглядела спящей, спокойной и умиротворенной. Врач сказал, что это случилось несколько часов назад. Клотильда испытала странную смесь печали и облегчения.

Пальма хотела упокоиться рядом с Полем, но в склепе под ее именем уже лежала другая женщина. Было решено переместить тело Саломе Романи на несколько ярусов вниз, к матери. Сперанца испустила последний вздох в мае 2020 года, под зеленым дубом Арканю. Когда ее нашли, рядом стояла корзина только что собранных трав. Сердце Лизабетты внезапно остановилось три месяца спустя – утром, когда она выпалывала крапиву вокруг клумбы с орхидеями.

Клотильда бросила полотенце на шезлонг и пошла к бассейну, без малейшего стеснения демонстрируя окружающим фигуру молодой семидесятилетней женщины. Она была вполне довольна тем, как выглядит, и без зависти смотрела на идеальные тела молодых туристок, которые читали, спали или целовались с друзьями на шезлонгах. «Жить, – думала она, – значит наслаждаться красотой мира, его гармонией и поэзией, любоваться, пока есть возможность. Люди не умирают, они слепнут. Мы понимаем, что все кончено, когда чудеса вокруг нас блекнут...»

Сегодня мир сверкал всеми красками. В нижнем бассейне с видом на Средиземное море проводили время Эол, самый молодой из дельфинов, и светловолосый мускулистый ангел по имени Маттео. Его спокойная грация повторяла хореографию движений Эола. У Маттео был хрустальный смех Маленького принца. Впервые Клотильда услышала его лет десять назад: мальчик сидел на пляже, читал «Гарри Поттера» и смеялся. Она тогда рассказала племяннику, что его отца когда-то дразнили Хагридом! Теперь никто бы не осмелился назвать так Орсю, серьезного и уверенного в себе директора кемпинга «Эпрокт».

Клотильда попробовала ногой воду. У бортика, в шезлонге под зонтом, сдвинув шляпу на нос и прикрыв лицо раскрытой книгой, спал Наталь. Ей ужасно захотелось обрызгать его водой. Попросить Феликса и Инес, чтобы помогли вытащить из-под него шезлонг и спихнуть в бассейн.

Через несколько месяцев после совершеннолетия Валентины Клотильда рассталась с Франком. В январе 2020-го они подписали документ о расторжении брака – по взаимному согласию, сэкономив на адвокатах. Остаток зимы, всю весну, весь июль она мечтала об одном – вернуться на Корсику и снова увидеть Наталя. Она была свободна. «Арион», заповедник, дельфины – все могло осуществиться благодаря деньгам Лизабетты, проектам Пальмы и маркетинговому таланту Валентины, которая поступила в Высшую школу коммерции.

Новость о намерениях Клотильды дошла до острова, и она получила длинное письмо от Аурелии. «Если ты вернешься и Наталь захочет уйти к тебе, я не стану его удерживать... – писала она. – Отпущу, хотя продолжаю любить. Отпущу, хотя искренне верю, что была ему самой лучшей женой. Отпущу, хотя все эти годы защищала мужа от призраков и ходила вокруг него на цыпочках, после того как он вернулся к жизни. И пусть Наталь никогда меня не любил – с другой он не стал бы счастливее...»

Многовато «хотя», вам так не кажется?

Клотильда знала, что Аурелия права... Она координировала проект Наталя и фактически вопреки ему построила «Туриопс». Наталь мечтал о заповеднике, но был слабоволен, и ему не хватало энергии. Любовник он потрясающий, но человек невыносимый. Забрасывал ее пламенными письмами, а потом пропадал на долгие месяцы. Давал обещания, клятвы – и тут же забывал их... Любовь прошла. Наталь останется ее другом и сообщником, но любить его... Нет, увольте, пусть уж Аурелия несет вахту! После развода у Клотильды было несколько любовников – красивых, умных, блестящих мужчин. Женатых французов. Иностранцев. Если случалось так, что 23 августа при ней кто-то был, они ехали в *Casa di Stella* и всю ночь предавались любви под звездами.

– Осторожно, бабуля!

Клотильда вздрогнула и подняла глаза к большому трамплину. Наверху, на фоне ярко-синего ясного неба, стояла женщина.

Вокруг бассейна замерли перепуганные туристы.

Тело вошло в воду практически без брызг.

Великолепный прыжок. Профессиональный. Прыжок сирены.

Мария-Кьяра вынырнула через несколько секунд. Семидесятилетняя ундина была в белом полупрозрачном купальнике,

обтягивающем великолепную грудь.

Феликс и Инес заплодировали. Они обожали тетушку Марию.

Клотильда расхохоталась. Они с Марией-Кьярой очень подружились. Итальянка любила рассказывать, что ежегодно, перед летним сезоном, «подкачивает сиськи». Когда она умрет, ее положат в гроб, но крышку закрыть не смогут – помешает силикон!

И чтобы никаких стенаний в день похорон.

Она поправила купальник на глазах у изумленных мужчин и их шокированных жен.

Время – убийца.

Иногда у него есть смягчающие обстоятельства.

– Ты идешь, бабуля? – во все горло закричали Феликс и Инес.

Клотильда улыбнулась и погрузилась в сладкую меланхолию, глядя, как замечтался Наталь, как корпит над счетами Валентина, а Мария-Кьяра подмигивает красавчику Маттео.

Sempre giovani.

*От всей души
благодарю
режиссера Люка
Бессона и студию
«Гомон»*

notes

СНОСКИ

1

Слова из песни *Mala vida* («Жизнь невыносима», *исп.*) французской анархо-панк-рок-группы *Mano Negra* («Черная Рука»). –
Здесь и далее примеч. перев.

2

Ману Чао (р. 1961) – французский музыкант испанского происхождения. В 1986-1995 гг. был лидером группы *Mano Negra*, с которой исполнял взрывной рок – *encabronado*, как определял сам Ману. В 1998 г. начал сольную карьеру.

3

Элитное антитеррористическое подразделение Национальной жандармерии Франции.

4

«Линия Рок-Айленд» (*англ.*) – фолк-песня, предположительно написанная в конце 1920-х гг. в тюрьме Арканзаса неким Келли Пейсом, входила в репертуар многих рок-музыкантов.

5

Деревня в коммуне Галерия, кантон Кальви, департамент Верхняя Корсика, остров Корсика, Франция.

6

Музей Гревен – парижский музей восковых фигур на бульваре Монмартр, открылся в 1882 г. Назван в честь создателя первых фигур Альфреда Гревена.

7

Дельфины носят имена эльфов – героев произведений Дж. Р.Р. Толкина.

8

Корсиканское многоголосое пение.

9

Маккия, маквис, маки – заросли вечнозеленых жестколистных и колючих кустарников и невысоких деревьев (мирт, олеандр, земляничное дерево, дикая фисташка и др.), характерных для Средиземноморья.

10

По Конституции Французской Республики 1958 г. срок президентских полномочий составлял 7 лет, с 2002 г. – 5 лет.

11

Священный холм или башня для святых реликвий буддистов.

12

Слова из песни «Новости» Джонни Холлидея (1943-2017), французского рок-певца, композитора и актера: «В утренних новостях смерть продается пачками по двенадцать штук, и это мой утренний блюз».

Героиня фильма ужасов «Битлджус» режиссера Тима Бёртона (р. 1958). Лидии 14 лет, она обожает фильмы ужасов, «готическую» одежду и общение с призраками. Битлджус – призрак, ненормальный даже по меркам Загробного Царства.

14

Правый приток Сены.

15

Вексенский горб (холм Вексен) – самая высокая точка (217 м) одноименной области на стыке Нормандии и Иль-де-Франс.

16

Монбланский туннель проложен под горой Монблан между Шамони-Монблан (Франция) и Курмайором (Италия). Длина его составляет более 11 км.

Четыре – число клятвы пифагорейцев: совершенство, гармония, справедливость и земля.

Официальный флаг Корсики в статусе регионального флага Франции с 1980 г. На белом полотне изображена голова мавра в профиль с белой повязкой на лбу, указывающей на освобожденного раба (вначале у мавра были завязаны глаза – символ неволи).

19

Правее (*ит.*).

Левее (*ит.*).

Вперед-вперед-вперед (*ит.*).

Ближе-ближе (*ит.*).

Идеально (*ит.*).

Американская хард-рок-группа, образованная в 1972 г. в Калифорнии братьями Эдвардом и Алексом Ван Хален.

Тоннель в преисподнюю (*англ.*).

Обеликс – мифический галл, герой знаменитых европейских комиксов «Астерикс и Обеликс», девяти мультфильмов и четырех кинокомедий. «Родители» Обеликса и его друга, галла Астерикса, – французы Рене Госсини (писатель и издатель) и Альбер Удерзо (художник).

Менгір – древний обелиск в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня.

Небольшой французский город в департаменте Эр, входит в состав региона Верхняя Нормандия. Бутард – квартал социального жилья, строился в 1968-1970 гг.

«Синий свитерок» (*Pull marine, фр.*) – слова и музыка Сержа Генсбура, он написал эту песню специально для Изабель Аджани в 1983 г.

«Голубая бездна» (1988) – фильм Люка Бессона. В основу сценария легли эпизоды биографии пионеров фридайвинга Жака Майоля (Жан-Марк Барр) и Энцо Майорки (Жан Рено). Композитор Эрик Серра получил за музыку премию «Сезар».

Имеется в виду актер Жан Рено (р. 1948).

Портовый город Кальви расположен на северо-западе Корсики у одноименного залива. Столица региона Балань.

«Нью-Йоркские Гиганты» – профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Бетельгейзе – красный супергигант в созвездии Ориона, одна из самых ярких звезд ночного неба, удаленная от нас на 600 световых лет.

Платье в черно-белую полоску в стиле костюма Битлджуса, персонажа одноименного фильма. Название фильма является игрой слов: помимо созвучности слову *Beetlejuice* («Жучиный сок») это еще и английская транскрипция названия звезды.

Обширный лесной массив, окружающий замок и городок Фонтенбло в 60 км к юго-востоку от Парижа.

Меня зовут Трава. Рэй Трава (англ.). Аллюзия на знаменитое «Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд».

Компания *Corsica Sardinia Ferries* с момента своего основания, более 40 лет назад, работает на паромных переправах из Франции и Италии на Корсику, Сардинию и на остров Эльба Тосканского архипелага.

Коппа – ветчина из шейной части, вялится шесть месяцев. Лонцу – филейная часть свинины в соли и перце, с ярким копченым вкусом, вялится в погребе целиком под слоем жира. Броччио, или броччо, – корсиканский сыр из овечьего или козьего молока (иногда молоко смешивают) и переваренной молочной сыворотки. Жители Корсики считают сыр броччио своим национальным достоянием и гордятся тем, что это единственный французский сыр из молочной сыворотки, обладающий исконным контролируемым названием.

Виконт де Вальмон и маркиза де Мертей – персонажи романа «Опасные связи».

В фильме «Опасные связи» Джон Малкович играет виконта де Вальмона, Киану Ривз – шевалье Дансени.

Eaux d'Orezza – лучшая из минеральных вод Корсики, содержащая микроэлементы и железо.

Сигнальный семафор – столб на берегу для сигнализации проходящим судам с использованием азбуки Морзе.

Персонаж книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, преподаватель в школе чародейства и волшебства, отличался великанским ростом.

Капу ди а Вета – самый высокий холм в Кальви, расположен на высоте 703 метров над уровнем моря. Местная легенда гласит, что если вы придете сюда вместе со своим любимым человеком, то будете жить вместе долго и счастливо.

Stareso (фр.) – станция подводных и океанографических исследований, Кальви, Корсика.

Ладанник – многолетний вечнозеленый кустарник, растение с крупными яркими цветками, листья и стебли источают приятный аромат. Цитрон, цедрат, корсиканский лимон или Рука Будды – все это названия одного растения семейства рутовых. Родом цитрон из Индии и Китая. В IV–III веках до н. э. армия Александра Македонского привезла его в страны Средиземноморья.

Закон об охране побережья и берегов озер был принят во Франции в 1975 г. Отдельные места не могут отчуждаться у государства, там запрещено строительство. Французское право делегирует функции управления природной средой местным властям.

49

Адьюдан – унтер-офицер французской армии.

Авторство «Игры в гуся» принадлежит одному из герцогов Медичи. Он преподнес ее в качестве подарка испанскому королю Филиппу II в 1580 г. Игра быстро распространилась по королевским дворам, тавернам и притонам. К XIX в. она стала исключительно детской прерогативой, а до этого в центр доски (там, где обычно располагается картинка большого гуся либо написаны правила) клали деньги и тот, кто первым добегал до клетки № 63, становился Гусем и срывал банк.

Французский криминальный телесериал.

Винодельческая область на юге Франции, в департаменте Эро, в 12 км от побережья Средиземного моря.

Окситанский язык (или провансальский) – язык коренного населения Окситании (юг Франции) и ряда сопредельных районов Испании и Италии.

Герой романа Марио Пьюзо «Крестный отец».

Имеется в виду мяч для регби.

Песня Майкла Джексона (1983), посвященная группе – девушкам, сопровождавшим его и группу *The Jacksons* на гастролях.

Космический шаттл НАСА.

Still Loving You – «Все еще люблю тебя» (англ.) – рок-баллада группы *Scorpions* (1984). Песня вызвала такую волну истерии у французских поклонников, какой не наблюдалось во Франции со времен *The Beatles*.

«Разбуди меня» (англ.) – песня с дебютного альбома (2013) Тима Берглинга – шведского диджея и музыкального продюсера, известного под сценическим именем Авичи.

Wham! – дуэт Джорджа Майкла и Эндрю Риджли, безумно популярный в середине 1980-х годов. Их первый сингл, *Wham Rap!* (1982), попал под запрет на радиостанциях за нецензурную лексику.

«Беспечный шепот» (англ.) – первый сольный хит Джорджа Майкла, выпущенный в 1984 г., возглавлял чарты 25 стран.

LC Waikiki – турецкая компания-ритейлер одежды для всей семьи.

Известный всем шиповник обыкновенный, или собачья роза, или дикая роза, или шиповник собачий.

Тип меню с единой комплексной ценой в курортных гостиницах, пансионатах, ресторанах. В цену включено все – от закусок до десерта.

Группер, или черна, или мероу – род рыб из семейства каменных окуней.

A Filetta («папоротник», *корс.*) – музыкальный коллектив под руководством Жана-Клода Акавива, флагман корсиканских полифонических пений. Группа была основана в 1978 г. в регионе Балань. Музыка *A Filetta* звучит во многих фильмах.

Каштаны, завезенные на Корсику генуэзцами в XV в., заменили островитянам привычную прочим европейцам пшеницу. Каштановую муку используют повсеместно, ее добавляют для густоты в соусы и кремы, на ней пекут блины, пироги и торты, тем более что она не содержит глютен.

Навес из вьющихся растений для защиты от солнца. Опора перголы состоит из повторяющихся секций арок, соединенных между собой поперечными брусками.

Аббатство Мон-Сен-Мишель – архитектурное и природное чудо Франции. Этот объект внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Уникальный памятник представляет собой город, построенный на скале, которая находится в небольшой бухте. В настоящее время здесь постоянно проживает несколько десятков жителей. С 1879 г. остров связан дамбой с материком.

Сериал «Жизнь прекрасна» (2004) режиссеров К. Ричерта и Ф. Дажу рассказывает о жителях вымышленного района в Марселе. Каждый эпизод охватывает один день и повествует о работе и личной жизни героев.

В случае введения статуса «резидент Корсики» местные власти получают право ограничивать миграцию на остров.

Британская рок-группа. За время существования состав группы менялся неоднократно, ее единственным постоянным участником остается фронтмен, вокалист, гитарист и автор песен Роберт Смит.

Тем не менее, по одной из версий, испанский мореплаватель Христофор Колумб родился 29 октября 1451 г. на острове Корсика, тогдашнем владении Генуэзской республики.

Chez Tao был основан в 1930-х гг. бывшим офицером царской армии Российской империи Тауканом Керефовым. Здесь проводили вечера граф Толстой и граф Шереметев. Среди почетных посетителей – принц Карим Ага-хан IV, Уинстон Черчилль, Элизабет Тейлор. «У Тао» и сейчас принадлежит корсиканской династии *Kerefoff* и остается знаменитым ночным клубом Кальви в цитадели.

Песню *La Ballade de chez Tao* звезда французской эстрады и друг семьи Керемовых Жак Ижлен посвятил клубу и его хозяевам.

Дозорная башня в Кальви была частью береговой обороны, построенной на Корсике в XVI–XVII вв., чтобы защитить город от нападений берберских пиратов. А в период развития торговли в ней размещался склад соли, что и объясняет ее название.

Современный социальный танец из США и Латинской Америки, который танцуют на четыре счета парно или в группах. Танец возник в 1970-х гг.

Третий студийный альбом (1986) американской хард-рок-группы *Metallica*. Это последний альбом группы, в записи которого участвовал бас-гитарист Клифф Бертон, вскоре трагически погибший.

Посидония – род морских травянистых растений (так называемых морских трав).

Дирекция по наблюдению за территорией (DST) является службой контрразведки, осуществляющей контроль на территории Франции действий, организуемых иностранными государствами и угрожающих безопасности страны. В штате контрразведки 1,8 тыс. человек.

Мило Манара (р. 1945) – итальянский художник, классик современного эротического искусства. Автор серии эротических комиксов «Клик».

Каота – французская музыкальная группа, состоящая из выходцев из Латинской Америки. В 1989 г. благодаря хиту «Ламбада» стала чрезвычайно популярна.

Эрос Рамазотти (р. 1963) – итальянский певец и композитор, сингл «Важное событие» вышел в 1984 г.

Аньезе Нано (р. 1965) – итальянская актриса, первая роль в кино – Елена Мендола в фильме Джузеппе Торнаторе «Новый кинотеатр “Парадизо”» (1987).

Провансальский национальный вид спорта, игра в шары.

«Молода и Прекрасна» (*фр.*).

Валери Каприски (настоящее имя Валери Шер; р. 1962) – французская киноактриса. В 1984 г. снялась в фильме режиссера Кристофера Франка «Год медуз» (премия «Сезар», 1984). Каприски сыграла шестнадцатилетнюю Крис, одержимую сексуальными и агрессивными комплексами.

В Древнем Египте богиня радости, веселья и любви, женской красоты, плодородия и домашнего очага, которая изображалась в виде кошки или женщины с головой кошки.

Live Is Life (англ.) – песня австрийской группы *Orus*. Летом 1985 г. песня была хитом номер один в ряде европейских стран, вошла в первую сороковку в США в 1986 г.

Relax (англ.) – дебютный сингл популярной в 1980-х гг. группы *Frankie Goes to Hollywood*. Песня написана от лица мужчины, имеет несколько двусмысленное содержание, была даже временно запрещена телекомпанией BBC. Несмотря на это, *Relax* обрел славу самой успешной композиции 1984 г. и вошел в состав семидесяти наиболее продаваемых синглов за всю историю.

Мишель Бюсси имеет в виду волка из старинной сказки «Три поросенка». Ее сюжет восходит к английскому фольклору, известному в России по книге Джоэля Харриса «Сказки дядюшки Римуса».

Tarzan Boy (англ.) – песня итальянской группы *Baltimora* (1985).

Китовый заповедник Пелагос – 87 500 квадратных километров Лигурийского моря – результат соглашения между Италией, Монако и Францией, создан в 2002 г. для защиты морских млекопитающих.

Forever Young (англ.) – сингл (1984) группы *Alphaville*. Песню сочинили в 1982 г. три основателя группы: Франк Мартенс, Бернхард Ллойд и Мариан Голд. Собственно, *Forever Young* – это первое название их коллектива.

Вечно молодой (*курс.*).

Boys (Summertime Love) (1987) – песня итальянской певицы Сабрины (р. 1968). Частью своего успеха песня обязана видеоклипу – Сабрина поет и плещется в бассейне, ее купальник постепенно сползает, обнажая грудь.

Здесь: Иди ко мне (англ.).

Джон Уэйн (урожденный Мэрион Роберт Моррисон, 1907-1979) – американский актер, которого называли «королем вестерна».

Персонаж легенд о рыцарях Круглого стола, хранитель Святого Грааля. В ранних мифах король остается безымянным, поздний фольклор дает ему имя Пеллеас.

Давид Гетта (р. 1967) – французский диджей и продюсер.

Мартиша Аддамс – персонаж комиксов «Семейка Аддамс», созданных художником Чарлзом Аддамсом. Прототипом персонажа послужила жена автора Барбара.

Вайнона навсегда (англ.).

Пьяница навсегда (англ.).

Море и горы (*ит.*).

Автодом, жилой фургон, трейлер.

Имеется в виду императрица Елизавета Австрийская – супруга Франца Иосифа I, императора Австро-Венгрии.

Летом 1989 г. жители ГДР тысячами устремились в Венгрию и Чехословакию в качестве туристов, чтобы уже оттуда перебраться на Запад. 11 сентября Венгрия разрешила выезд всем гражданам ГДР. 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена, а 3 октября 1990 г. произошло воссоединение Германии.

Полностью цитата Эриха Хонеккера (1912-1994) звучит так: «Стена будет стоять еще 50 и даже 100 лет, пока не будут устранены причины, обусловившие ее возведение».

Земляничное дерево, или земляничник. Ареал вида – Средиземноморье и Западная Европа.

Сангинеры – архипелаг из четырех небольших островов из розово-красного порфира рядом с Корсикой. Сангинеры называют Кровавыми островами, потому что на закате, когда солнце уже почти село, скалы окрашиваются в бордовый цвет. Ближайший к островам город – Аяччо.

Так называемый Европейский пикник на австрийско-венгерской границе вблизи Шопрона. С согласия обеих стран 19 августа 1989 г. пограничные ворота на старой Братиславской дороге между деревнями Санкт-Маргаретен и Шопронкехида открыли символически на три часа.

Betty Boop – популярный бренд детской и подростковой одежды для девочек и девушек. Бренд принадлежит США. Бетти Буи – маленькая кокетка, персонаж рисованных американских мультфильмов, созданных в 30-е годы прошлого столетия.

You're My Heart, You're My Soul – первая песня немецкого дуэта *Modern Talking*, сингл вышел в октябре 1984 г. и был продан восьмимиллионным тиражом по всему миру.

Деръмо (*нем.*).

Проклятье (*нем.*).

Раз, два, три (*нем.*).

117

Да, ответ В (*нем.*).

15 мая 1912 г. Томас Манн приехал в Давос навестить свою больную жену Катерину. Три недели он жил на вилле напротив только что отстроенного «Лесного санатория», купленного у его основателя, доктора Иессена, семьей фон Гемминген. Они до сих пор владеют зданием, которое в 1957 г. получило статус отеля, оставив за собой историческое имя «Лесной отель Давос».

Смурфы (также штрумпфы) – существа, придуманные и нарисованные бельгийским художником Пьером Кюллифором, работавшим под псевдонимом Пейо. Смурф Хохмач – смурфик, который любит подшучивать, но его шутки не всегда смешны остальным. Любимый розыгрыш Хохмача – это коробка с сюрпризом: если ее открыть, то происходит бум-взрыв и одуроченные смурфики стоят в саже. Из-за этого фокуса они очень злятся на Хохмача.

Candy Crush – «Сочная конфетка» (англ.) – бесплатная онлайн-игра, суть которой в том, чтобы составлять комбинации из трех, четырех или пяти конфеток в ряд. Игра обладает феноменальной популярностью – ее аудитория составляет более 1,5 миллиона человек по всему миру.

Процесс, при котором глубинные воды океана поднимаются, доставляя в поверхностный, освещенный слой воду, обогащенную биогенными минеральными веществами, необходимыми для роста и размножения микроводорослей фитопланктона – основы жизни в море. Районы апвеллингов – природные питомники: плотность популяций рыб, морских млекопитающих и птиц достигает здесь максимальных значений.

Hello Kitty – «Привет, киска» (*англ.*) – персонаж японской поп-культуры, изображается в виде белой кошечки с красным бантом на голове, придумана компанией *Sanrio* (дизайнер Юко Шимицу) в 1974 г. и стала своеобразным мемом, главным героем одноименного аниме-сериала и популярным во всем мире сувениром.

123

Диалоги из фильма Люка Бессона «Голубая бездна» (1988).

Дельфины названы именами эльфов, упомянутых в произведениях Дж. Р. Р. Толкина.

125

Спасибо (*нем.*).

По такой схеме располагаются футболисты на поле; считается классической в английском футболе.

Кнакер (*нем. Knacker* – «хрустящий») – горячая варено-копченая сарделька, которую обычно едят с горчицей.

Будь оно неладно! *(нем.)*

В финале чемпионата мира 2014 г. играли сборные Германии и Аргентины. Гол Гётце принес сборной Германии четвертую победу на мундиалях.

В комплекс входят три пинакотеки: Старая пинакотека, Новая пинакотека, Пинакотека современного искусства – и музей Брандхорста.

131

Еще 30 секунд *(нем.)*.

Вариант станкового пулемета «максим», выпускался в Германии с 1908 г. и активно применялся немецкой армией в Первую мировую войну.

В бухте Тамарин на Маврикии можно не только увидеть редких длиннокрылых черных дельфинов, которые подплывают очень близко к берегу, но и совершить прогулку с ними.

ИСО – международная организация, занимающаяся выпуском стандартов.

«Таласса, морской журнал» – название популярной еженедельной телепередачи на тему моря с экологической, спортивной, человеческой и исторической точек зрения. Выходит в прямом эфире на канале *France 3* с 27 сентября 1975 г. Бессменный автор и ведущий передачи – Жорж Перну.

Бельведер – павильоны на возвышении, в садах и парках, откуда открывается хороший вид.

Фиадоне – самый популярный и известный десерт на Корсике. Его еще называют «корсиканский чизкейк», и хотя корсиканцы не будут слишком рады услышать это, он также упоминается как «корсиканский торт с сыром рикотта» – известный итальянский пасхальный пирог. Канистрелли – традиционное итальянское печенье.

Паоли, Паскаль (1725-1807) – корсиканский политический и военный деятель, глава правительства Корсиканской республики в 1755-1769 гг. Сампьеро Корсо (1498-1567) – корсиканский кондотьер на флорентийской и французской службе, герой борьбы за независимость Корсики от Генуэзской республики.

«Минитель» – информационная система, созданная во Франции в конце 1970-х. До появления интернета он оставался самым популярным в стране телекоммуникационным средством. Абонент подключается к системе через терминал, имеющий текстовый экран, клавиатуру и модем.

Новелла Проспера Мериме (1803-1870) «Коломба» была написана в 1840 г. Молодой горец возвращается на родину. С боями он прошел всю Европу, позабыл старинные обычаи, влюбился в иностранку. Но соотечественники ждут от него вендетты за убитого отца, в родовой башне сестра хранит окровавленную одежду и собирает бойцов... Что победит – европейская терпимость или безжалостные традиции?

В переводе с корсиканского диалекта «стуфато» означает «тушеное». Жители Корсики были небогаты, поэтому для приготовления стуфато брали не самый лучший кусок мяса и тушили его со специями в красном вине 3-4 часа. Блюдо невероятно вкусное и ароматное.

Западноафриканский барабан в форме кубка с открытым узким низом и широким верхом, на который натягивается мембрана из кожи, чаще всего козьей. Играют на джембе руками.

Бастиан Бальтазар Букс – персонаж книги «Бесконечная история». Ему 11 лет, он несчастлив: не очень хорошо учится, неповоротлив, и его притесняют мальчишки, мать умерла, а отец совершенно замкнулся в себе. Единственная отрада Бастиана – книги и фантазии. Однажды, убегая от хулиганов, он прячется в антикварной лавке, где находит книгу «Бесконечная история».

Инспектор-разиня Клеман – герой одноименной кинокомеди «Инспектор-разиня» Клода Зиди (1980).

Это не только первые буквы имени Мария-Кьяра, но еще и выражение *Aime-Si* – люблю так (*фр.*).

Слова из песенки в исполнении комедийного французского трио «Незнакомцы» (*Les Inconnus*).

Американская борьба.

Пастис, анисовая водка. «Касанис» был создан на Корсике в 1925 г. Эммануэлем Касабьянкой.

Розанна Лорен Аркетт (р. 1959) – американская актриса, сыгравшая в фильме «Голубая бездна» Джоанну Бакер.

Go. Go and see, my love! (англ.) – цитата из филма Люка Бессона «Голубая бездна».

«Голубой замок» (*ит.*).

Геологическое образование, замкнутая полость в осадочных известковых или вулканических породах, заполненная кристаллическим минеральным веществом, агрегатами минералов; полая крупная секреция.

Городок науки и промышленности – музейный центр в парке Ла-Виллет в Париже. Открылся в 1986 г. Третий по посещаемости после Лувра и Центра Помпиду. Центр Городка – Музей науки и промышленности.

Балань называют «садом Корсики» за великолепные плодородные холмы, заросшие бурной средиземноморской растительностью.

Полупустыня на северо-западе Корсики.

Природный парк-залив, территория которого простирается по морю (1000 га) и по суше (920 га). Он состоит из двух бухт – Жиролата и Порто.

Господи (*нем.*).

Цикл фильмов ужасов, основная тема каждого фильма – фатализм, невозможность победить смерть.

«Мы – мир. Мы – дети» (англ.) – песня Майкла Джексона, написанная им в 1985 г. для кампании по сбору помощи голодающим в Африке, в частности в Эфиопии.

Схематическая запись музыки условными знаками. Для сокращения записи применяются буквы, цифры и специальные символы.

Маню Катше (р. 1958) – французский барабанщик, композитор, актер.

Брюно ле Форестье (р. 1949) – французский певец и музыкант, известный под псевдонимом Максим ле Форестье.

Слова из песни Казимира – персонажа французского детского телешоу «Остров для детей». Авторы песни – Кристоф Изард (р. 1937) и Роже Пули (р. 1942); исполнитель – Анна Жермен (1935-2016).

Синди Лопер (р. 1953) – американская поп-певица. Вместе с М. Джексоном исполняла песню «Мы – мир. Мы – дети».

«99 воздушных шариков» (*нем.*) – песня немецкой группы *Nena* с дебютного альбома 1983 г.

Слова из песни «Вечно молодой» группы *Alphaville*.

«Вернуться в черном» (англ.) – студийный альбом австралийской рок-группы AC/DC (1980).

Второй шанс (*ит.*).

До завтра, любовь моя. Завтра я подарю тебе мой заветный
ключик (*ит.*).

Шведская актриса Анита Экберг (1931-2015) прославилась своей ролью в фильме «Сладкая жизнь». Ф. Феллини, сняв танец Аниты в знаменитом фонтане Треви в Риме, сделал из нее «сексуальную богиню». Фотографы называли актрису «самой прекрасной женщиной, родившейся на земле с начала времен».

Критмум (морской фенхель, морской укроп) – невысокий полукустарник, растущий на каменистых приморских склонах и пляжах.

Depeche Mode – британская электроник-рок-группа, создана в 1980 г.

Очень-очень, сильно-сильно (*ит.*).

Звезды Кастор и Поллукс – самые яркие в созвездии Близнецов – представляют головы близнецов Диоскуров (в греческой мифологии сыновей Зевса и Леды), «ноги» которых стоят на Млечном Пути, примыкая к Ориону.

Go. Go and see, my love! (англ.) – цитата из филма Люка Бессона «Голубая бездна».

«Манон с источника» – фильм режиссера Клода Берри (1986), экранизация романа Марселя Паньоля. Вторая часть дилогии (первая часть – «Жан де Флоретт»). В роли Сезара «Папе» Суберана – Ив Монтан.

Панчетта – большой жирный кусок грудинки из свиней беконной породы, вяленный в соли, специях и травах. В зависимости от региона в качестве приправ используются розмарин и шалфей. Призутту – целиковый окорок с солью и перцем, подается с инжиром. Коппа, она же капикола, – сыровяленая ветчина из свиной шеи.

«C.S.I.: Место преступления – Майами» – американский криминальный телесериал (2002).

179

L'Équipe – «Команда» (фр.) – ежедневная национальная спортивная газета.

Бернардо – верный немой слуга и помощник Зорро, притворяющийся идиотом. Его «литературный отец» – американский писатель Джонстон Маккали (1883-1958).

Слова из песни *Mala vida* – «Жизнь невыносима» (*исп.*) – французской группы *Mano Negra*.

Гарига – разреженные заросли низкорослых вечнозеленых кустарников – дуба кустарникового, пальмы хамеропс, тимьяна, розмарина, дрока и других растений.

Киклады, Кикладские острова, – архипелаг в составе Греции в южной части Эгейского моря.

Все три острова входят в архипелаг Киклады.

Автономисты – сторонники широкой административной автономии Корсики.

В 1755 г. П. Паоли провозгласил Корсиканскую республику, была принята конституция, отчеканены деньги, город Корте стал столицей.

Лиза Мейтнер (1878-1968) – австрийский физик и радиохимик, проводила исследования в области ядерной физики и химии. В ее честь был назван 109-й элемент таблицы Менделеева – мейтнерий.

Вернер Карл Гейзенберг (1901-1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии по физике (1932), член ряда академий и научных обществ мира.

Камень, которым на Корсике мостят дороги, облицовывают лестницы и фундаменты, добывается в карьерах коммуны Брандо, департамент Верхняя Корсика.

Сирдан – эльф, корабельный мастер. Эол – эльф из Нан Эльмота, принадлежал к роду Тингола.

Диор Аранель – наследник Тингола.

Сантури – горная деревня на Корсике.

Table of Contents

[Мишель Бюсси Время – убийца](#)

[I. Ревеллата](#)

[II. День Святой Розы](#)

[III. Sempre giovani](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)

[67](#)

[68](#)

[69](#)

[70](#)

[71](#)

[72](#)

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)

[78](#)

[79](#)

[80](#)

[81](#)

[82](#)

[83](#)

[84](#)

[85](#)

[86](#)

[87](#)

[88](#)

[89](#)

[90](#)

[91](#)

[92](#)

[93](#)

[94](#)

[95](#)

[96](#)

[97](#)

[98](#)

[99](#)

[100](#)

[101](#)

[102](#)

[103](#)

[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)

[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)

[178](#)

[179](#)

[180](#)

[181](#)

[182](#)

[183](#)

[184](#)

[185](#)

[186](#)

[187](#)

[188](#)

[189](#)

[190](#)

[191](#)

[192](#)